

А. Л. ГОЛОВЦОВ

Праздник жизни – молодости годы
(сочинение на заданную тему)

Гатчина
2008

Головцов А. Л. Праздник жизни – молодости годы. – Гатчина Ленинградской обл.: Издательство ПИЯФ РАН, 2008. – 408 с. : 185 фото.

Написанная языком интеллектуальной прозы, в необычной манере сборника новелл-эссе, книга воспоминаний А. Л. Головцова охватывает период пятидесятых – начала восьмидесятых годов ушедшего столетия. В ней – концентрированная ностальгия автора по незабываемым годам детства в красивом и уютном украинском городке Умань, студенческой юности в великом Ленинграде, инженерной молодости в прекрасном Киеве.

ISBN 978-5-86763-225-0

© Головцов А. Л., 2008
© Оформление. Издательство ПИЯФ РАН, 2008

Памяти сестры Тани посвящаю

От автора

Однажды в букинистических развалах торговых рядов старинного киевского предместья Петровка мне попала в руки прелестная информативная книжица историка Н. А. Маркевича «Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян». Привлек внимание знаковый для меня – русского человека, родившегося и живущего на земле Украины, – эпитафия: *«Отечество выше родины; она только часть его; но для чьей души нет родины, для того нет и отечества»*.

Это деликатное и очень нравственное разделение святых, единых по смыслу понятий созвучно моему давно устоявшемуся представлению, что моя Отчизна – это земля предков («отчичей»); что моя Родина – это земля, на которой появился на белый свет и вырос.

Оно означает, что моей человеческой сущью (неизменной, неизбежной, потомкам передаваемой) есть русская культура со всеми ее составляющими: языком, литературой, искусством, традициями; что второй составляющей моей конституции, с младенческих лет определившейся, является культура близкого мне украинского народа.

Эта естественная «двойственность» природы определила смысл и содержание данной книги воспоминаний, состоящей из трех частей, написанная в смешанном жанре новеллы-эссе.

Первый цикл посвящен моему детству, яркому и обаятельному, прошедшему в послевоенные годы в старинном украинском городке Умань, в соседствующем с ним селе Верхнячка. В этом разделе книги – не только цепочка мемуарных миниатюр, но и исторические изыскания: попытка реконструировать давнее прошлое края и города, описать предысторию, историю возникновения замечательного, мирового уровня парка «Софиевка».

Цикл «Ленинград, ЛЭТИ, шестидесятые» описывает события моей студенческой юности в городе на Неве, где во второй половине шестидесятых годов «грыз гранит науки» в знаменитом Ленинградском электротехническом институте, где прожил шесть изумительных лет в среде умных, благожелательных людей, где навсегда оставил частичку своего сердца.

Цикл «Жизни достойные годы» – о веселых и счастливых днях моей инженерной молодости в Киевском специализированном пусконаладочном управлении электронных вычислительных машин, о радости наблюдения результатов творческого труда, о достойной, налаженной жизни, о друзьях-товарищах – вечных спутниках моей памяти.

Названием своим книга обязана строке из стихотворения Н. А. Некрасова. Она писалась, прежде всего, для близких людей, для наших детей и внуков; но хочется мне, чтобы ее прочитали и другие духовно близкие мне люди, которым дорого наше прошлое, безразлично будущее потомков. Надеюсь также, что представленные воспоминания заинтересуют читателей молодого поколения.

Книга не смогла бы увидеть свет без продюсерских усилий и братской помощи Виктора Леонтьевича Головцова, без его частички сердца в нашем родовом проекте.

Киев – Новоселки, май 2008 г.

О книге и ее авторе

Читающая публика получила новый прекрасный подарок – второе издание книги новелл-эссе киевского писателя А. Л. Головцова «Праздник жизни – молодости годы». Это произведение «о времени и о себе».

Книга состоит из отдельных частей, каждая из которых представляет собой определенный отрезок жизни автора: Умань – Ленинград – Киев. Однако это не только топографические указания тех мест, в которых автору волей судьбы приходилось бывать. Это определенные отрезки становления личности автора, его мировоззрения, мироощущения.

Книга очень личная, и хотя повествование ведется от первого лица, автор всегда на первое место выдвигает своих героев. Он с огромной благодарной любовью пишет о тех людях, с которыми ему приходилось встречаться, которые в той или иной степени повлияли на его духовное и профессиональное становление. С особенной теплотой автор пишет о самых родных ему людях – маме и отце, сестре и брате. И не случайно начинается книга с рассказа о маме, а посвящение сделано недавно ушедшей из жизни сестре.

Абсолютно очевидным является тот факт, что каждая человеческая судьба, раскрытая в книге, связана не только с судьбой автора, но и с судьбой страны, целой эпохи. И как на судьбу автора, на судьбу его героев, без сомнения, повлияла история великой страны, детьми которой мы все являемся.

Человек обнаруживает не только личные воспоминания, впечатления, которыми делится с ним автор, но и его глубочайший внутренний мир, глубинные знания им русской культуры, истории, литературы, философии. Книга изобилует историческими фактами, поэтическими текстами, что говорит об огромной эрудиции автора. И этими знаниями автор с радостью делится со своим благодарным читателем.

Книга читается с большим интересом. Она написана блестящим русским языком, что является одним из основных достоинств книги. Поражает неимоверная искренность автора, создается ощущение абсолютной открытости нерва.

Подобного рода книги просто необходимы грамотному, заинтересованному читателю, поскольку в атмосфере русскоязычного книжного вакуума окунуться в мир богатого русского слова, мир русской поэзии, исторического факта – что может быть лучше и прекраснее?!

Н. К. Белоусова, кандидат филологических наук

По мере ухода лет слабеет осязаемость милого прошлого – детства в чудном украинском селе, в старинном провинциальном городе, «*тихом, как сон*»: забываются лица, перемешиваются обстоятельства, теряются детали, слабеет давний «*дух мелочей, прелестных и воздушных*»¹⁵⁸. И одновременно растет желание любимым слогом русского языка закрепить на бумаге «*все, что память сберечь мне старается*»³⁷ для своих потомков, для безразличного читателя – пока есть время!

Так в каждом деле. Завтра, завтра, завтра, –
А дни ползут, и вот уж в книге жизни
Читаем мы последний слог.

(У. Шекспир)

Цикл «МИРАЖИ ДЕТСТВА»

Я рос шалуном, забиякой веселым –
То было давно...
Шел медленно в школу,
Вприпрыжку из школы,
Галопом в кино!

Ю. Янтарь



Фото Г. У. Сивко

Мама

Мать на всю жизнь сохраняет неразрывную связь со своим ребенком, чувствует как бы толчок от каждого его страдания и трепет от каждой радости, словно это событие ее собственной жизни...

...когда материнство духовное сочетается с материнством физическим, мы видим то чудесное... явление, которое составляет сущность материнской любви.

Оноре де Бальзак

Часть первая. «Печаль моя светла» (ларго пиано)

В тридцати километрах от Киева в селе Новосёлки находится мой добротный, окруженный густым садом дом, где на просторной стене самой большой комнаты теснятся в почти сотню экспонатов фотографическая галерея.

Безмолвные аллеи,
Заглохший старый сад.
В высокой галерее
Портретов длинный ряд¹.

В одиночных, групповых снимках – предыстория, история моей жизни в лицах самых близких людей, друзей, добрых знакомых. Верховной основой, смысловым стержнем портретной экспозиции служит погрудный, в три четверти, снимок молодой красивой женщины.

Безмятежный светлый лоб, спокойно-изогнутые брови, выразительные глаза. Прекрасные – густые и чуть волнистые – волосы, строгий контур тонко очерченного рта. Сосредоточенно-задумчивый, с неуловимой полуулыбкой взгляд, выдающий ясный, незамутненный дух, природный ум.

Томный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто вы?²



Давно ушла из жизни мама, но ее благородной прелести лицо каждый день передо мной в тусклых тонах старого фото, ее пронизательный взор подбадривает уже немолодого сына в трудные минуты жизни, гасит случающиеся вспышки отчаяния.

Груз прожитых лет усиливает чувствительность, частые наблюдения дорогого образа ассоциативно влияют на психику. В зыбких, смутных, прозрачно расплывающихся видениях мама приходит ко мне во снах – с годами все чаще и чаще.

Ночь... В комнате душно... Сквозь шторы струится
Таинственный свет серебристой луны...
Я глубже стараюсь в подушки зарыться,
А сны надо мной уж, заветные сны!..³

Побудительные импульсы событий прожитого дня извлекают из таинственных глубин сознания высокой насыщенности информацию о некогда поразивших детское воображение происшествиях, глубоких переживаниях. Сонная психика (так утверждает «старина Фрейд»!) по ей ведомым правилам отображает эти скрытые мысли в быстро меняющихся, запутанных, имеющих глубоко личный смысл фрагментах зрительных сцен, в которых неизменно молодая мама общается со мной, беспокоится обо мне, любит меня.

Чу! Шорох шагов и шумящего платья...
Несмелые звуки сильней и сильней...
Вот нежное «здравствуй», и чьи-то объятья
Кольцом обвилися вокруг шеи моей!..³

Фантазмагорические грезы сопровождаются мучительными размышлениями – сон или явь неожиданное свидание? Мятут душу сомнения, смущают затуманенный рассудок подсознательные подсказки, что мамы уже много лет нет на белом свете.

Просыпаюсь после подобного психического самоедства полностью разбитым.

Сила господняя с нами,
Снами измучен я, снами⁴.

Как послушное дитя своего православного народа, прислушиваюсь к иным оценкам загадочных явлений от мудрых старушек, убеждающих меня, что высшая божественная сила через вещие сновидения связывает нас, живущих на земле, с невидимым миром, где пребывают тени безгрешных людей, где находится душа добросиянной мамы.

Ее появление во сне, объясняют добрые советчицы, знак огорчения моей затянувшейся невнимательностью. Иду в церковь, передаю служителям заказную записку для литургийного поминовения, ставлю свечу у нужной иконы, крещусь с поклоном: «*Со святыми упокой, Христе, душу рабы Твоей Нины...*».

Приходят внутренний покой, душевное равновесие, неизнуряющие – до очередного приступа забывчивости – сны.

Постель... Свеча горит. На грустный тон
Лепечет дождь... Я спал и видел сон⁵.

Ангелом во плоти была моя мама – деликатная, кроткая, нежная, заботливая, доброжелательная, незлобивая, мягкосердная. Слово ласковое роняла, словно бархатом по сердцу вела.

А доброта... Я такой доброты
Век не видал, не увидишь и ты!⁶

«Никто болькости материнского сердца не измерил»⁷. Всю себя без остатка – благородная, жертвенная, хлопотливая, бескорыстная, щедрая – посвятила детям. Нам всю жизнь отделяла частички своего совсем не здорового сердца, пока оно, иссякнув, не остановилось.

Мама была эрудированной, развитой, начитанной, любила и знала русскую литературу, поэзию. Прекрасно рисовала, хорошо пела. Знала великое множество старинных романсов, которые исполняла глуховатым, приятным голосом под гитару:

Белая роза – знакомство, красная роза – любовь,
Желтая роза – разлука, нас разлучила с тобой.

В далеком-далеком детстве выкристаллизовались первые, самые яркие, с мамой связанные алмазы воспоминаний. Их много, время их огранило, выложило в памяти в порядке значимости. Самые ранние из них – наивные, искренние, трогательные тонкие душевные струны – кажутся маленькими сказками, творениями волшебника.

Колыбельная. Первое, даже не воспоминание, ощущение мамы – темная комната, колыбельная песня:

Спи, моя радость, усни!
В доме погасли огни,
Пчелки затихли в саду,
Рыбки уснули в пруду!

Мамина кошелка. Мама вернулась с базара. На табуретке стоит полная покупок выплетенная из камыша кошелка. Лихорадочно роюсь в ее богатых глубинах, выбирая предназначенные мне гостинцы – сладости, игрушки, тонкие книжки (уже к шести годам был активным читателем).

Радость болезни. Болезнь – восхитительное состояние, когда мамины ласки и заботы удваиваются, когда исполняются все желания. С младшим братом одновременно переболели корью – лежали на широкой постели, монотонно бубнили: «Колбаски хочу! Пельменей хочу!»

Школа. Первое сентября пятьдесят третьего года, прохладное туманное утро. По пересекающей смородинник аллее мама ведет меня в школу, в первый класс. Успокаивает, подбадривает взволнованного переменой жизненного уклада сына; окончательно сняла напряжение кульком мятных пряников, которые принесла мне на большой перемене.

Все мы родом из детства. У каждого из нас свои, с мамой связанные, оттенки его обаяния: самая красивая мама, мамина колыбельная, мамина сумка с подарками, мамина ласка во время болезни, первое школьное утро с мамой и многое-многое другое – чудное и незабываемое.

Своего детства мама не знала. Для нее оно окончилось в восемь лет, когда был арестован и навсегда исчез отец, священник прихода в городе Ливны, что на Орловщине. (Через полвека выяснилось – был отравлен газом в подвалах НКВД.)

Тавро «семья врага народа» превратило мамину жизнь в долголетний кошмар со скитаниями по чужим квартирам (дом отобрали), с борьбой за кусок хлеба. Его усилила, отобрав юность, война. Семья жила в эвакуации в Молотове (Перми), где мама собирала снаряды на военном заводе; затем по возвращении на родину работала учительницей начальных классов в сельской школе.

Ломка психики в начальную, нежную пору жизни, комплекс «потерянного поколения» оставили неизлечимую рану в душе мамы – натуры от природы впечатлительной, чувствительной, легкоранимой.

Всю жизнь в глубине ее глаз таилась какая-то неизбыточная боль, подавленность, неустраняемая тоска. Во всегда улыбчивом, вежливом общении с окружающими действовал невидимый стопор, сдерживавший ее от чрезмерной открытости, излишней доверчивости.

С годами, когда – вслед за сыновьями – уехала дочь, одиночество усилило эти черты характера: проявились тревожность, нервозность, быстрая обидчивость. Наши гостевые приезды временно снимали напряжение, но с неизбежным расставанием терзания, переживания возвращались, становились печальной составляющей последних лет маминой жизни.

В нас тлеет боль внежизненных обид,
Томит печаль, и глухо точит пламя,
И всех скорбей развернутое знамя
В ветрах тоски уныло шелестит⁹.

Возраст гнет выю, мысли грустные, тревожные смущают душу. Роюсь в ближних, недавно сформировавшихся слоях памяти – там грязь, отчаяние, унижения и провалы, хождение по лезвию бритвы.

Перебираюсь в более ранние, архивные разделы берегини-мамы – там чистота, нежность, святость давшего мне жизнь человека; там успокаивающая, взбадривающая терапия; там особый сердечный трепет и острая боль потери тебя оберегавшей материнской преданности.

В душе, измученной годами,
Есть неприступный чистый храм,
Где все нетленно, что судьбами
В отраду посылалось нам¹⁰.

Часть вторая. Жизнь продолжается (*аллегро апофеозо*)

«Род проходит и род приходит»¹¹. В адамовы веки поднявшиеся наследственные элементы предков (так утверждает строгая генетика!) не исчезают, передаются, накапливаясь, потомкам. Их необычная комбинация может проявиться в очередном отростке родового ветвления, дать ему удивительную

схожесть внешнею, чертами характера, душевными качествами с родичем-предтечей.

...Когда известие об ее приближении доходит до Новосёлок, стаи птиц срываются с веток и улетают за горизонт, звери прячутся в норах, в чаще лесной, жители укрываются в домах, запирают ворота и двери, собаки сторожевые, визжа и поскуливая, залегают в будках.

В первый визит, летом, она, семилетний сгусток энергии, взобралась на крышу гаража, взломала замок на двери примыкающего к нему чердака сарая, вытащила лыжи и на месте проверила их ходкость.

С первых минут знакомства взяла под опеку и управление далеко не пассивную сверстницу, соседскую девочку Машу. Предложила ей поиграть в дочки-матери, естественно, взяв на себя сложные материнские хлопоты. На полюбившейся гаражной крыше обучала «дочку» бальным танцам. Там же кормила и поила ее из миниатюрного сервиза, учила хорошим манерам.

Отвела покорившуюся подружку подальше от контроля взрослых, начала рассказывать какие-то истории. С широко раскрытыми глазами, вжавшись спиной в ворота, Мария внимала необычным сюжетам от авторитетного воспитателя. Позже выяснил – то были анекдоты.

Заполучив белую краску, покрасила подготовленные к установке решетки для окон, выписала свое имя на двери гаража, наружной стене веранды. К счастью, краска скоро кончилась.

Она не ходит, а бежит. А если и ходит, то только вприпрыжку. Ведет неустанную, непосильную борьбу с родителями за свободу мировосприятия. Остро воспринимает их критику, но категорического выяснения отношений избегает, предпочитая конструктивный и миролюбивый диалог.

Без легкомысленных раздумий взбирается на крутую лестницу, на приглянувшееся дерево, забор; готова преодолеть любые преграды, реки и моря. За ней нужен глаз и глаз. Она – это мое Солнышко, мой Бриллиант, любимая внучка – Аня.

Восторг, силы непреодолимой, удваивается за счет наблюдаемого удивительного сходства объекта поклонения с прабабушкой – моей мамой: одинаковые очертания лица, повторение всех его составляющих: лоб, ровный у бровей, у висков – выпуклый, нежно-округлый. (Сие, согласно канонам физиогномистики, свидетельство ума тонкого, способного к анализу, умеющего восходить от следствия к причинам.)

У Ани такие же живые, ясные, как алмаз, с легкой поволокой глазки – «И взгляд, как уголь под золой...»¹³. Такой же ровный, чуть вздернутый носик, те же ямочки на щеках, та же чарующая улыбка.



Снимки прабабушки и правнучки – свидетельство радующего проявления законов наследственности – висят рядом в моей фотографической пинакотеке. Беззаботное, веселое щебетание моей любимицы дает мне живое

ощущение духа дорогой мамы, напоминает о ней, самом близком человеке, повторившейся в так же любимом человечке маленьком.

Ты здесь, ты со мной, о моя дорогая,
О милая мама!.. Ты снова пришла!³

Годы изначальные

Куда уходит детство,
В какие города?
И где найти нам средства,
Чтоб вновь попасть туда?
Л. Дербенев

Детство мое. Волшебная, существующая только в моей памяти страна, по которой – чем старше, тем чаще! – путешествую в колоритных снах.

Удивительный мир, где взрослые – добрые, друзья – верные, мама – молодая. Неповторимая сказка, в которой вода – хрустальная, трава – изумрудная, снег алмазом искрится, воздух благоухание износит чудное.

В те давние годы память (по одной ей известному принципу выборочности!) занесла в свои архивные глубины в образах и ассоциациях значительные события и житейские мелочи – то, что в совокупности своей образует драгоценные россыпи воспоминаний, радующих, волнующих, печалющих невозвратностью прошлого душу. Ими живу на склоне лет.

Моя страна под названием «Детство» имеет свои временные границы, географические очертания: послевоенные годы, срединная Украина, Уманщина, раскинувшееся в двадцати километрах от ее центра – города Умани – большое село Верхнячка.

Село основано в конце шестнадцатого века под именем Яворовец. В 1646 году оно уже упоминается как Верхнячка, когда польский магнат Калиновский отдал его в залог, вместе с другими селами, за полторы тысячи злотых.

В 1664 году здесь было 23 дыма (двора). В середине девятнадцатого века помещик Ясинский построил в селе сахароварню, в восьмидесятых годах того же века Верхнячка перешла к австрийцу Дитриху.

В 1899 году при сахарном заводе в целях выведения новых сортов сахарной свеклы была создана селекционная опытная станция. Для нее в живописном центре села основательно обустроили небольшой поселок. Все делалось продуманно, строилось капитально, на многие годы.

В Верхнячку сразу после войны направили работать отца как специалиста по зерновым культурам. В ней я и родился в тысяча девятьсот сорок шестом году, спустя три года появился на свет брат; в ней я прожил девять ярких лет детства.

Возвращение к истокам

Жаркий август пятьдесят шестого года, один из начальных его дней. Над Верхнячкой безоблачное небо; на опытной станции – послеобеденный покой, безлюдно: народ в поле.

Пыхтит, ритмично постукивая, паровая электростанция. Из закрепленного на столбе динамика-колокольчика звучит футбольный марш. В молодом, после войны высаженном парке, где прямые, покрытые кварцевой крошкой («жествой») аллеи, где на пышных клумбах пестрое многообразие цветов, журчит, освежая воздух, фонтан.

По дороге, загребая босыми ногами перегретую пыль, бредут, обнявшись, два пацана – братья девяти и семи лет. Одного зовут Шура, другого – Витя. У первого худосочная фигура, бледное лицо, заостренный подбородок, блестящие, выдающие импульсивность в поступках глаза. У второго, белобрысого и плотненького, лицо округлое, лучащееся всеобщим дружелюбием.

...Описанная сцена – эпизод дня, в который наша семья вернулась в Верхнячку, после того как отца, три года преподававшего в Уманском сельскохозяйственном институте, назначили директором селекционной опытной станции.

По приезде, возбужденные переменой места обитания, обошли с братцем памятные места начального детства, встретились и возобновили отношения со «старыми» приятелями; вместе с мамой побывали в соседствующей с нашим новым жильем больнице, где нам набрали авоську ароматного белого налива из больничного сада... Милые, незабываемые, очень дорогие мне детали памятных дней детства!..

Первое ощущение земного бытия (наверное, его выделяет, им дорожит каждый мыслящий человек!) для меня связано с этой сельской больницей: сноп солнечных лучей бьет в палату, в которой лежу, больной scarlatinной, на широкой белой кровати; бабушка (очень смутный образ – недолго она пожила после этого!) через форточку принимает от мамы (худенькой, красивой, взволнованной) передачу сыну, в которой ярким пятном выделяется большое красное яблоко.



Было тогда мне неполных три года; мама недавно родила второго сына в этой же больнице, где главным врачом был знаменитый, всеми любимый Ободянский – универсальный специалист (терапевт, педиатр, акушер...), добрый, справедливый, отзывчивый.

Пополнение семьи, кажется, стало вторым, по давности, маркером моего несмышленного детства: нес сторожевую службу возле сплетенной из лозы коляски, в которой спал брат; отгонял от нее одногодка Валерку Белецкого; наблюдал, как приехавший из Москвы мамин дядя Шура – в галифе, в пере-

хваченном поясом френче – знакомится со вторым внучатым племянником.

Из других памятных помет всеобщим ужасом, слезами, плачем запомнился мартовский день пятьдесят третьего года: тающий снег, синие лужи; отец быстро ведет нас с братом на площадь на траурный митинг памяти вождя.

Хорошо помню первую житейскую трагедию, пережитую мной после завершения празднования шестого дня рождения. В его канун, приглашая гостей на праздник, тонким намеком указывал их родителям на возможность замены подарка не обременительным для семейного бюджета рублем. В итоге в моем распоряжении впервые оказались приличные деньги, на которые следующим утром, после отъезда мамы на базар в Христиновку, самолично купил много больше килограмма конфет.

Даже угостив собравшихся для совместного похода в старый парк гостей, я не заметил заметного умаления сладостей. Впрочем, наметившейся прогулке серьезно препятствовал брат. Высунувшись из форточки, он настойчиво требовал включить и его в компанию. По совету старшей подруги и наставницы Вали Бублиенко я передал ему – с целью успокоения и отвлечения от наших развлечений – на ответственное хранение весь кулек конфет. (По сей день помню мельчайшие подробности процедуры передачи подарка: грубая фактура кулька; переливающиеся радугой, разноцветные конфеты «подушечки»; разлившаяся по телу тоска, мрачные предчувствия.) Через полчаса, томимый подозрениями, прибежал домой для контрольной проверки. Конфеты как корова языком слизнула, а вернувшаяся с покупками мама отмывала от повидла лицо младшего сына.

Став постарше, любил рассказывать эту печальную историю друзьям, акцентируя их внимание на личной скромности, бескорыстии и благородстве.

Post scriptum. *С детства гнетет мысль о том, что память моя не сохранила отчетливого образа бабушки – Анны Михайловны Чубаровой, что могила ее на старом кладбище в Верхнячке оказалась утерянной.*



Была она, по рассказам мамы, замечательно красивой в молодости, отличалась ангельской кротостью, удивительной добротой, выделялась редким умом и образованностью. В ее роду, в близких его коленах, преобладали высококультурные, нравственные люди – те, кого в середине девятнадцатого века стали называть разночинной интеллигенцией. (Особой гордости мне добавляет дальнейшее родство бабушки – по орловской линии – с великим Буниньм.)

Жизненный путь моей бабушки – это цепочка трагедий. Первая, тайная, о которой мама знала понаслышке, связана с гибелью любимого человека в Первую мировую войну. Пережитое потрясение было настолько сильным, что бабушка долго отказывалась устроить свою личную жизнь. Вторая трагедия случилась в страшном тридцать седьмом году, когда –

после второго ареста – был убит ее муж. (Мама рассказывала, что мой дед долго избегал репрессий по той причине, что в обязательной анкете в графе «профессия» он писал: «Служитель культа»; державшие власть люмпены долго не могли уразуметь сути занятий деда.) После разгрома семейного гнезда бабушка и совсем юная мама скитались по чужим квартирам, добывали тяжелейший хлеб, выживали в страшную войну. Вместе с мамой и моим будущим отцом (родители познакомились, когда отец лечился после ранения в ливенском госпитале) бабушка переехала в Верхнячку, в ней и умерла, вдали от «родного пепелища».

Благодарю Бога, что сохранившиеся в памяти крупицы сведений о милой бабушке дали возможность (хоть в какой-то мере!) восстановить ее образ для потомков – моих внуков, правнуков... Чтобы помнили они, вынужденные жить в жестокие, несправедливые времена лицемерия и культа денег о своей родовой веточке – чудной русской женщине, основой жизни которой были, прежде всего, нравственность и совесть.

Паника

Когда слышишь, что кричат «Пожар!»,
следует прежде всего потерять голову.

Г. Флобер

Летним днем пятьдесят третьего года на селекционной опытной станции ударил набат. Мерные, наплывающие друг на друга звуки ударов металла о металл поплыли над поселком.

Заскулили-залаляли собаки, закружило-закаркало воронье над своим гнездовьем в старом парке, муравьями засуетились-забегали люди. Из здания дирекции пулей вылетел курьер на поиск главного пожарника, который вместе с командой огнеборцев уже запрягал конный пожарный экипаж, закачивал в его бочку воду. Из широкого окна бухгалтерии с кипой папок в руках выбросился главный бухгалтер – в нарукавниках и обезумевший.

Через десяток минут всеобщей паники сохранившие самообладание граждане обнаружили, что нет дыма и огня, что назначенный для подачи тревожных сигналов кусок рельса висит нетронутым на столбе возле электростанции. Тем не менее будто выходящие из-под земли, щемящие сердце и подавляющие психику звуки сполоха не прекращались – и начался поиск первоисточника.

До нарушения общественного покоя я находился в молодом саду, где, сидя на вершине черешни, жадно заглатывал («тырил») ягоды. С первыми терзающими слух тревожными звуками камнем обвалился на землю, сбегал к месту народного собрания, затем по аллее в смородиннике помчался домой. Возле старой полусухой груши – напротив дома, где жили Марачевские, –





Эта пятнадцатилетняя девушка с умным, чуть тревожным взглядом больших серых глаз, с красивым лицом и сердцем – моя бабушка, Анна Михайловна Чубарова (1887–1950 гг.). По материнской линии отдаленно соприкасалась с родом писателя Бунина, по отцовской – корешки ее родословной таились в приуральских степях (*«Татарское дремучее пришло из никуда, к любой беде лучше, само оно – беда», – так оценивала свою, такую же «пришлую», фамилию Анна Ахматова.»*)

Бабушкины беды начались в Первую мировую войну, в которой погиб ее жених; продолжились они в окаянных тридцатых годах, когда был зверски репрессирован ее муж. Умерла она на моей родине, в украинском селе Верхнячка, вдали от «родного пепелища» – города Ливны, что на Орловщине.



Этот обаятельный молодой человек с чеканно-изысканными чертами лица – отец моей мамы, православный священник Ливенского прихода, Сергей Парменович Афанасьев. В тридцать седьмом году палачи-люмпены умучили его, удушили газом в подвалах НКВД, обrekli его жену и дочь (лишившихся своего дома) на скитания по чужим квартирам.



Детство мое! Волшебная страна, существующая только в моей памяти; страна, в которой вода – хрустально-чистая, трава – изумрудная, снег – алмазом искрится, мама – иконописная, папа – умный и энергичный.

Снимок августа 1949 г., село Верхнячка. Мой пятимесячный брат (еще не оформившийся) – на коленях у бабушки, я – у ее брата, дяди Шуры, приехавшего из Москвы на смотрины внучатых племянников. *«Из детских всех воспоминаний одно во мне свежее всех...».*



Изначальное детство мое имеет свои временные границы и географические очертания: послевоенные годы, срединная Украина, Уманщина, соседствующее с городом Уманью село Верхнячка.

Снимок конца августа 1953 года. Детский ансамбль Верхнячской сельхоз-опытной станции со своей грядущей школьной наставницей, умной, милой, обаятельной Майей Игнатьевной Шемплинской. (Грызет яблоко будущий директор станции – Николай Александрович Вакуленко.)

*Я помню вечер, бледно-скромный,
Цветы усталых георгин,
И детский взор, он мне напомнил
Глаза египетских богинь.*

натолкнулся на четырехлетнего брата, который, сидя на четвереньках, «лупил» металлическим прутом по бесхозному автомобильному колесу. Подоспевшая мама быстро унесла (от греха подальше!) любимчика-звонаря домой.

На опытную станцию вернулись тишина и покой.

Первый заплыв

Всяк кулик свое болото хвалит. Вспоминая два последних года жизни (до неполных двенадцати лет) в прекрасной Верхнячке, не перестаю восхищаться удивительным стечением обстоятельств житейского и природного свойства, сделавших их необычайно красочными в палитре моих ранних детских воспоминаний.

Наша семья жила в особняке старинной постройки, в уютном уголке станционного поселка. Внутренний – со стороны веранды – дворик занимал палисадник, отгороженный от внешнего мира длинным и высоким кирпичным забором («муром»), который обозначал границу опытной станции, четко отделяя ареал активной жизни нашей мальчишеской популяции от остальной территории села.

Перед домом рос старый яблоневый сад (преимущественно – сорт «овечьи мордочки»); за ним следовал сад молодой – с вишнями, черешнями, смородиной и примыкавшей к нему большой пасекой, где хозяйничал не улыбочивый пасечник с непривычной фамилией Дурнопьянов.

За обсаженной липами, огибающей пчелиное хозяйство дорогой простиралось место наших детских собраний, именовавшееся поляной. На ней с ранней весны и до поздней осени шла бурная общественная жизнь: футбол, волейбол, лапта, «цурки-палки», «чижик» – всеобщая суета и беготня.

Иногда теплыми летними вечерами центр наших интересов перемещался на просторы парка сахарного завода – к месту гуляний, свиданий, отдыха и развлечений. Играл духовой оркестр, кружились в вальсе пары на открытой танцплощадке, в клубе демонстрировались кинофильмы, местная команда проводила регулярные футбольные встречи с командами других сахарных заводов. Основательные мужики под навесом паркового буфета пили из граненых бокалов пенистое пиво за два двадцать, аппетитно заедая его ломтиками свиной колбасы, вызывавшей у меня – одетого в одни сатиновые трусы, утомленного беготней, «замурзанного» – зависть и глубокое томление желудка.

За поляной начинался старый парк, с двумя давней насыпки курганами, на склонах которых с первым снегом устраивались трассы скоростных спусков на лыжах и санках; заливалась обязательная ледяная горка с трамплином для соревнований на дальность полетов на коньках. Их было большое разнообразие: самодельные, «снегурочки», «ласточки», «рейсмусы», «дутыши» (они же «канадки»). Коньки привязывались к сапогам или валенкам, закреплялись на них тугим закручиванием деревянных брусочков. В выходные дни, в дни зимних каникул, иногда и весенних, одевал их ранним утром, в них обедал, снимая лишь с наступлением абсолютной темноты.

Если морозы приходили без снега, то конькобежцы спускались на пруды («ставки»), где до бесчувствия гоняли мятую консервную банку, устраивали забеги, играли в любимую, требующую особой резвости и ловкости игру «знамя».

С весенним теплом из начинавшего подтаивать прудового льда отважные капитаны рубили льдины-«корабли», на которых, отталкиваясь шестами от илистого дна, плавали бесстрашно в рукотворных разводьях, шли на абордаж в потешных битвах; с которых нередко ныряли («пирнали»), не по своей воле, в воду.

В конце апреля, когда начинала куковать кукушка («зозуля»), дружными компаниями ходили в ближний Голяковский лес за первыми цветами.

Первые цветы (primula veris) называются здесь «ряст». Нарвав и бросив их на землю, топчут, приговаривая: «Топчу ряст; дай, Боже, потоптаты и того года дождаты». Это желание дожить и до другой весны. От этого обычая произошла пословица: «Та вже йому ряста не топтати». Говорится она о безнадежно больном, который «не доживет до следующей весны»¹⁵.

Порыбачить можно было только на Юдовом «ставке», бывшем третьим по счету в цепочке водоемов, образованных разделением небольшой, впадающей в Уманку речушки плотинами («греблями»). Первый от истока пруд именовался Кравцив «ставок»; второй, Поповый «ставок», до революции принадлежал стоявшей над ним церкви (как и кирпичная школа-семилетка, находившаяся через дорогу от храма).

Юдов «ставок», возможно, названием своим свидетельствует об этническом многообразии сельского населения в конце девятнадцатого века, ибо по состоянию на 1864 год краевед Лаврентий Похилевич указывает лишь на две религиозные группы в селе:

*«**ВЕРХНЯЧКА**, село при вершине реки Уманки и двух ее первых притоков; откуда село и свое название получило; в 16-ти верстах от уездного города. Жителей обоего пола православных 1347, римских католиков 34; земли 2231 десятина; опрятные дома крестьян и при них гумна, сады и огороды придают селу цветущий вид. С 1845 года в Верхнячке устроен свеклосахарный песочный завод, ко вреду окрестных черных лесов. Село принадлежит Каллисту и Ксаверию Ясинским, наследовавшим в 1852 году имение от своего отца Флориана, который купил Верхнячку в 1812 году 13-го марта, от графа Потоцкого. Церковь Богословская, деревянная 5-го класса; земли имеет указанную пропорцию; построена 1785 года»¹⁶.*

В церкви этой бабушка моя и отцова сестра тайно меня окрестили. Этот старинный храм был бездушно – во грех! – снесен с лица земли сельскими геростратами в конце пятидесятих годов двадцатого века.

Богатый рыбой пруд был покрыт густыми зарослями камыша, который по непонятным законам детского восприятия с тех пор ассоциируется у меня с исполнявшейся мамой под гитару песней о бессмысленно убитой охотником чайке (символизирующей своей трагической птичьей участью разбитое сердце жившей у озера девушки, что меня, высокочувствительного подростка, очень возмущало!):

Но что это? Выстрел. Нет чайки прелестной –
Она умерла, трепеща, в камышах.
Шутя ее ранил охотник безвестный,
Не глядя на жертву, он скрылся в горах¹⁷.

Панский «ставок», бывший собственностью дореволюционных владельцев села (усадебу их, кстати, занимала наша школа-десятилетка) в летнее время был местом всеобщего сельского схода. Здесь купались, загорали, плавали на автомобильных камерах, ели и пили, играли в карты. Хотя мы, пацаны сельхозопытной станции, отдавали предпочтение своему, находившемуся в низине старого парка, небольшому пруду с мелодично звучащим названием Гаёк, составившимся, видимо, от бывшего старинного украинского определения небольшой рощи – «гай».

Ой, дівчина, шумить гай,
Кого любиш, забувай, забувай...¹⁸

Долго не мог научиться плавать, чему очень огорчился. С утра пораньше выбирался на нижний пруд, залезал в воду на отмели и, упираясь руками в дно, отчаянно колотил ногами по воде. С появлением других купальщиков записывал небольшой резиновый мяч в трусы и с небрежностью опытного пловца перемещался в безопасной близости от берега.

С завистью смотрел на одноклассника Андрея Коломийца, который, разбежавшись по крутому склону, далеко вылетал «ласточкой» с высокого земляного трамплина, нырял, подолгу плавал.

Из памяти выплывает яркая картинка раннего детства: на свежеструганной, уходящей в пруд кладке стоит трехлетний братец и, размахивая вперед-назад руками, восторженно кричит мне, что сейчас будет прыгать; по дорожке с хворостиной в руке резво спускается мама, от которой убегаю («тикаю»), закидывая пятки за плечи.

В какой-то момент, почувствовав внутреннюю готовность к подвигу, решил переплыть небольшой, в восемь-десять метров ширины, участок пруда. В путь отправился с дружеской подстраховкой: впереди плыл Витя Гущин, сзади – Женя Гордиенко. Побарахтавшись пару метров, я дал резкий килевой крен и, обхватив шею флагмана, потянул его за собой на неглубокое дно. Он, загребая растопыренными ладонями воду, глотая ее, из последних сил сантиметр за сантиметром продолжал движение; второй спасатель пытался удерживать на плаву мои ноги.

В полубессознательном состоянии одолели последние метры пути. Виктор, выбравшись на четвереньках на берег, долго и жадно хватал широко раскрытым ртом воздух. Евгений распластался недвижно под кустом. Мне же больше часа пришлось отсидеть в воде: в ходе спасательных работ потерял трусы, ждал из дома резервные.

Плавать и даже прыгать с трамплина в том купальном сезоне я научился, успев до его завершения не раз переплыть широкий Панский «ставок».

Война – ерунда, главное – маневры

Ни один план не переживает
встречи с противником.

Хельмут фон Мольтке

Игра в войну – извечная подростковая забава! – для нас, детей молодых родителей, знавших настоящую войну, имела характер эпидемии, распространению которой способствовали особые условия сельской жизни: вольные просторы, свобода перемещений и контактов, меньшая, в сравнении с жизнью в городе, зависимость от взрослых.

В Верхнячке обращалось большое количество магазинного и самодельного игрушечного оружия: пистолетов, ружей, автоматов, пулеметов... Мужественные, стратегически мыслящие пацаны сплывали вокруг себя по территориальному признаку верных и крепких соратников, создавая из них приличные воинские подразделения; рыли в потаенных местах землянки, устраивали в них или в заброшенных строениях штабы, где решали все вопросы планирования и проведения боевых операций.

Просторные боевые землянки, которые вырывались моими сверстниками, отличались надежностью сводов, поскольку глины Уманщины, что подтверждает авторитетный Похилевич, отличаются большой плотностью. Территория края изобилует подземными ходами, один из которых (под зданием старой школы в Верхнячке) открыл мой друг детства Вакуленко.

Заболев этой неизлечимой хворью в детстве, я с наступлением летних каникул основательно занялся военным делом: привел в порядок расположенную во дворе дома беседку, поставил в ней стол, стулья, повесил доску приказов, разработал нормативные документы, изготовил знаки отличия, награды, поднял на высоком флагштоке флаг. С удвоенной силой занялся подбором и расстановкой кадров. С младшими чинами, предназначенными прежде всего для несения караульной и фельдъегерской службы, уборки помещения, особых проблем не было. Все вакансии заполнили брат, его одноклассники – Вакуленко, младший Гуцин, их сверстники. Подключил к делу ребят из дальнего двора, Гаркавенко и Шемплинского.

Как-то не заладилось с высшим командным составом. Негласным лидером в нашей группировке считался Григорий (Грыць) Заграничник. Был он на два года старше меня, лицом выдался смуглым (по отсутствовавшему отцу – узбек), школу особо не жаловал, постоянно пропадал в нашем дворе, где неуклонно наращивал, к неудовольствию мамы, свое влияние на ее сыновей.

В оппозиции ему стоял не менее авторитетный Женя Гордиенко. Однажды он, решив подчеркнуть южную составляющую в родословной своего противника, залепил номер грузовика широкой картонной коробкой из-под папирос «Казбек».

После долгих переговоров с каждым из претендентов на высокую военную должность был найден компромиссный вариант: Грыць получил должность командира отряда; Жене досталась боевая и политическая подготовка;

за собой оставил должность начальника штаба и по совместительству руководителя службы контрразведки.

Наступили военные будни. Изготовили большое количество стрелкового и холодного оружия, наполнили им боевой арсенал; наладили гарнизонную службу; стали выпускать боевой листок; регулярно проводили смотры личного состава, устраивали масштабные учения; обменивались опытом работы с дружественными штабами.

С началом очередного учебного года военному движению стали серьезно мешать школьные занятия и приготовление уроков. Возникшие противоречия устранял за молоденькими елочками, росшими у отдела селекции, выправляя за ними противоречащие здравому смыслу записи в дневнике.

Но шила в мешке не утаишь. Однажды сумрачным октябрьским днем в помещение штаба вошла мама и, оторвав меня от оперативных сводок и плана зимней кампании, попросила спустить флаг и вернуться к учебе. Рванулся было «движеньем испуганной птицы», но мрачно-устрашающий взгляд подошедшего отца попытку бунта отменил.

Пришлось уйти в подполье. В тайных боевых экзерцициях – без обязательного планирования и штабных разработок – появился налет партизанщины с сопутствующими ей недисциплинированностью и неисполнительностью личного состава. Интерес к военному делу вскоре пропал.

Первая затыжка



Однажды из уборной (или даст-клозета), обслуживавшей как сотрудников аппарата управления опытной станции, так и случайных прохожих, повалил дым. Экстренно вызванный комендант смело вошел в загазованное помещение и после загадочной паузы вышел из него, держа за уши подпрыгивающих перед ним учеников второго класса Виктора Головцова и Павла Гущина.

В казавшемся им безопасным месте общего пользования, используя собранные в окрестностях окурки («бычки»), друзья совершали акт первой затыжки.

В связи с участием в деле должностного лица происшествие получило звучный резонанс. До порки дело не дошло (за Павла, правда, не ручаясь), но воспитательная работа с оступившимся братом в семье была проведена серьезная.

К этому времени уже пережил грех близкого знакомства с ядовитым зельем.

Будучи первокласником уманской школы, похитил у мамы легкие папиросы «Спорт», которыми она заглушала зубную боль. В парке «Софиевка» (точнее на Дубинке), стоя на вершине ледяной горы, сделал

первую и последнюю затяжку. Очнулся, беспамятный, у ее подножия, куда стремительно скатился, теряя по пути ориентацию во времени и пространстве, а также желание когда-либо еще закурить.

Теперь, восстав из пепла греха и отряхнув прах пережитого, я заточил жало критической риторики, опробовал его остроту на безвинном, случайно попавшем в тенета порока брате. Подыграл родителям, надеясь показным благочестием заработать баллы снисходительности, добиться отмены запрета на подъем воинского флага у законсервированного помещения штаба.

Схватка в лесу

О смелый Сокол! В бою с врагами
истек ты кровью...

М. Горький

В мае пятьдесят седьмого года в лесу – ближе к Христиновке – наша школа проводила военную игру.

Согласно регламенту два младших класса объединили в отряд «красных», два старших – в отряд «белых», с соответствующим цветом погон у каждой из противостоящих сторон. Один сорванный в стычке знак отличия означал для неудачника «ранение», потеря второго – «гибель».

Перед сражением в целях личной безопасности и укрепления боеспособности я прошел каждый миллиметр прикрепляемых к черной тужурке ярких погон, сделав их «неотрывной» частью одежды. Трудился со смыслом – мордобой и кровопускание в предстоящем бою категорически запрещались, а чтобы догнать меня, быстроногого воина, и вывести из строя, не нарушая правил, нужно было потерять немало времени и изрядно попотеть.

В день события судьи-наблюдатели разделили лес условной линией на две зоны. Каждая из сторон на своей территории спрятала знамя и секретный пакет. Победителем становился отряд, бойцы которого первыми обнаружат, похитят и доставят судьям атрибуты воинского достоинства противника.

«И грянул бой»²⁰. Сразу же, оторвавшись от основных сил, петляя и путая следы, резво двинулся в сторону боевых порядков белопогонников. В чаще леса на узкой тропинке столкнулся – глаза в глаза – с их бойцом, долговязой, угловатой старшеклассницей.

Оказался более проворным – в прыжке без особых усилий оторвал пришитый на живую нитку первый погон. Раненая воительница заплакала и ответила, униженная и оскорбленная, пощечиной. «Добил» врага и, прихватив трофеи, в состоянии истерического восторга от первой удачи двинулся дальше по тропе войны.

«Убитая» дева, плача безутешно, побрела в свой тыл. Ученики старших классов – истые рыцари, цвет белого воинства – без промедления ринулись в погоню, чтобы отомстить за «погибшую» боевую подругу. Заметив преследование, я перешел на резвый аллюр, выбирая для бега спасительное густолесье. Применив хитроумную – скифскую! – тактику заманивания, уводил элитных

бойцов врага все дальше и дальше от контролируемой «красными» территории.

Ослабленный долгим кроссом, на поляне в тени молодых дубков, под мирное щебетание птиц дал преследователям последний, но решительный бой. Четверо старшекласников держали меня за конечности, другие, мучаясь, теряя драгоценное время, клочок за клочком вырывали, выгрызали, вырезали мои «ефрейторские» погоны.

Отбивался от нападавших отважно и с достоинством, как римский легионер от варваров-германцев в Тевтобургском лесу. Не знал, вражина, с кем имеет дело. Не ведали, супостаты, что *«из младости любочестием и храбростию был преисполнен»*²¹, что в бою сражаюсь до последней капли пота, что голыми руками меня не взять.

...За несколько лет до описываемых событий в Умани в детской поликлинике сдавал на анализ кровь. Медсестры, вкупе с мамой, не могли со мной справиться – кусался, брыкался, пускал из ноздрей емкие и тягучие пузыри. И только срочно вызванный циклопических габаритов санитар склонил чашу весов в пользу медицинского учреждения.

Подобный защитный прием использовал и в критические минуты неравного боя в лесу под Верхнячкой. Пока враг бездумно расходовал энергию в бою местного значения с отважным воином, дружина «красных», воспользовавшись образовавшимся перевесом в живой силе, первой представила судьям доказательство своей победы, *«и была во всем народе радость великая»*²¹.

Ликуя, обезумевшие от радости победители позабыли о юном герое, который отвлек на себя ударную группировку противника, до конца исполнил воинский долг, отвагу свою возложил на алтарь победы «красных».

Неудача как стимул

В августе пятьдесят шестого я вернулся не только к месту начала жизненного пути, но и к месту начала школьной учебы, поскольку перед прошлым отъездом в Умань, осенью пятьдесят третьего года, успел поучиться месяц в первом классе сельской школы.

Тогда нам, первогодкам, прямо в классе делали обязательную прививку от дифтерита. Стонущая, всхлипывающая толпа малолетних, по пояс обнаженных пациентов уходила по кругу, вокруг парт, от вызывающего ужас шприца. Евдокия Миновна (Явдоха), наша учительница, женщина гренадерской стати, выхватывала из текущего потока зазевавшуюся жертву, зажимала ее голову подмышкой, и медсестра делала очень болезненный укол под лопатку.

Уколотые страдальцы, отряхнувшись, отбежали в сторону и с радостным ехидством оценивали трусость «неколотых» бедолаг.

В первый день выхода в четвертый класс провел для повзрослевших одноклассников брифинг. В красках расписал преимущества – в сравнении с сельской – городской жизни, рассказал о благах цивилизации. На вопрос, умею ли играть в футбол, ответил, что очень умею. Тому были основания: в Умани

подолгу выстаивал за футбольными воротами институтского стадиона, подавая игравшим студентам вылетающие за поле мячи.

Слух о приезде футбольной звезды районного масштаба разнесся по школе. Женька Непомнящий вступил в переговоры с заклятыми соперниками из старшего, пятого, класса о футбольном матче. На перемене в пришкольном каштановом парке я встретился с делегацией запуганных старшеклассников, которые с особым пиететом задали мне пару наводящих вопросов, на которые очень достойно ответил.

Одноклассники подкатили резиновый мяч, мне предложили – для окончательного устрашения противника – продемонстрировать мощь удара. По мячу попал, удар «пыром» произвел впечатление на экспертов; они зацокали языками от восхищения и заявили, что игрок с таким ударом должен играть только в центре защиты.

Через пару дней на поляне состоялся принципиального значения матч. Чаще, если не считать более частых промахов, я попадал не по мячу, а по ногам игроков, своих и чужих. Когда число забитых в наши ворота голов и подбитых мною игроков суммарно стало неприлично большим, в команде вызрело недовольство игрой «варяга». Предвосхищая рукоприкладство, повел себя, как капризная прима, найдя для того несколько серьезных причин: то ли мяч не совсем круглый, то ли соперники играли не по правилам; «расфыркался» и с упавшим до нуля уровнем авторитета, но с высоко поднятой головой покинул поле.

Афронт придал силы, возбудил жажду успеха. Поляна превратилась для меня в основное место пребывания вне дома. В подходящую погоду до полного бессилия гонял с друзьями мяч, резиновый, клеенчатый, кирзовый. Со временем мама привезла из Москвы настоящий кожаный мяч со шнуровкой – невиданный по тем временам предмет роскоши, усиливший качество тренировочного процесса.

Следующей весной местные комсомольцы организовали для малолеток футбольную секцию. На моей салатного цвета футболке появилась «десятка», окончательно утвердившая меня форвардом. Тапочки, кеды были в редкость, играл, к маминому ужасу, в так же дефицитных носках – в них лучше отрабатывались настоящие удары «прямым подъемом».

В начале нового учебного года состоялся матч-реванш, на который собралась вся школа. Зрители стояли вдоль условной кромки поля, не давая мячу улетать в прилегающее стрельбище. Забор соседнего детского садика облепили наблюдатели дошкольного возраста.

То был не матч, то была битва – и не мальчиков, а мужей. Обстановка на поле, в сравнении с прошлогодней игрой, изменилась радикально. Сражался, аки лев рыкающий, настойчиво вел команду в атаки, забил пару голов. В конце матча, при ничейном счете, бил пенальти.

Вопреки правилам и нашим протестам, вратаря заменил лучший игрок соперников, мастер финта и удара по кличке Мужчина. Мяч после моего удара влетел в створ ворот, но противная сторона забитый гол не признала. Роль боковых штанг исполняли две кучи портфелей, перекладина была условной. Старшеклассники утверждали, что мяч пролетел выше ворот, но

наша команда была абсолютно уверена, что он попал точно в цель. И если победа сомнительно ускользнула (из-за отсутствия судьбы окончательное решение в спорных ситуациях принималось только при полном единогласии сторон), поражения команда нашего класса не потерпела – и это была моя личная победа.

...В конце девяностых годов ехал автобусом в сторону киевского жилищного массива «Теремки». Передо мной лицом к лицу с обрывающими руки тяжеленными пакетами стояла статная женщина моего возраста, на ее лице были выписаны тоска и безысходность.

Что-то привлекло меня в ней. Какое-то смутное ощущение, что мы когда-то виделись, были знакомы, заставило меня более внимательно присмотреться к соседке по автобусу. И вдруг – озарение...

...Бабу лето пятьдесят седьмого года. Освященная солнцем поляна, где команда пятого класса готовится к футбольной встрече с командой шестого класса. К месту игры, ведомый нашим классным руководителем Майей Игнатьевной Шемплинской, приближается строй попарно взявшихся за руки девочек-одноклассниц. Группу поддержки замыкают самые рослые из них – жившая неподалеку Жанна и идущая рядом с ней девчонка – моя случайная попутчица по автобусу – в нарядных фартуках и бантах.

...Усталая женщина скользнула по мне тусклым взглядом и вышла на очередной остановке.

Дальний поход

Хоть и была в моей сельской жизни достаточная свобода в поступках и перемещениях, она, тем не менее, естественным образом ограничивалась территорией опытной станции и местами общего – для нашего брата – пользования: школой, прудами, парком и стадионом сахарного завода.

Свои нечастые пересечения устоявшейся границы среды обитания оценивал как серьезные поступки, а первая, без родителей, дальняя поездка – на районный пионерский сбор, в лес под Монастырищем – стала для меня первым в жизни крупным событием. Майский день, проведенный в большой компании сверстников, с играми, песнями, костром, обедом на природе, произвел на меня настолько сильное впечатление, что твердо решил смоделировать чудное событие вылазкой в ближний лес вместе с друзьями и с большим количеством провианта (в том числе рыбных консервов, очень мной любимых).

Отсутствие средств на закупку деликатесов (равно как и перспектива в ближайшие годы иметь их) делало осуществление мечты нереальным, но неожиданно на выручку пришел его величество случай. Как-то летом отец, ставивший превыше других педагогических приемов воспитание трудом, предложил мне – за десять рублей пятьдесят копеек в день! – поработать на опытном поле: обрывать метелки у росшей там кукурузы.

В оплату труда не поверил и на работу – с семи утра и до полудня – ходил, больше повинуюсь твердой родительской воле, чем зыбкому стимулу.

Даже выстаивая очередь в кассу, сомневался в удаче, но деньги (колоссальную сумму в сто пять рублей!) получил.

Через пару дней, придя в себя от пережитого потрясения, приступил к подготовке дальнего похода: закупил, отдавая предпочтение крабам в собственном соку, консервы. Провел общее собрание туристов, на котором был определен маршрут движения и общее количество снеди.

Вставшие на вахту у плит мамы также провели свой митинг, после которого, обеспокоенные протяженностью пешего перехода, долго и нервно уговаривали чад своих неразумных ограничиться выходом в ближайшую лесопосадку, но напрасно – ни один из крепких «пацанов» не отказался от мысли добраться до леса и устроить там роскошный пикник. Правда, совет моей мамы устроить привал в начале пути, дабы набраться сил для преодоления его остатка, все путешественники восприняли как дельный.

В назначенный день с набитыми провиантом рюкзаками, напутствуемые родителями, мы отправились в путь. Обогнули сад, прошли теплицы; через несколько сотен метров присели на легкий завтрак под вековым дубом большого парка на солнечной поляне. Немного перекусили – появился аппетит. Скромная трапеза превратилась в лукуллов пир. Первыми исчезли все домашние заготовки, за ними банка за банкой «уплыли» консервы. Поход потерял смысл, и мы отправились купаться.

Тонким дипломатом была моя мама.

Велосипед

Всякий раз, заходя в заводской промтоварный магазин, я подходил к выставленным в его широком зале настоящим – не детским – велосипедам, подолгу любовался ими. Мечтал, затуманенный надеждами, что придет и на мою улицу праздник.

Серьезную – но белую! – зависть вызывал Женя Гордиенко, счастливый обладатель взрослой веломашины производства Минского велозавода. Ухаживал он за своей любимицей с трогательной заботливостью разумного хозяина: часто мыл, протирал, смазывал, регулировал, в чужие руки – даже на пару минут – никогда не передавал.

Выручал меня, любителя высоких скоростей, невысокий двухколесный велосипед Коли Вакуленко, не смевшего отказать старшему другу. Яростно вращая педалями, я летал на «эрзаце» по аллеям молодого парка (нашего сельского Версаля!), вокруг всегда живописной пасеки.

В предыдущий период жизни в Верхнячке, в мои дошкольные годы, у отца был велосипед, купленный им для разездов по полям. Однажды, усадив младшего сына на раму, а меня на багажник, он отправился на склад горючесмазочных материалов за керосином. На подъезде к складу отец, крепкий мышцами главный агроном исследовательского хозяйства, не поворачивая головы, велел мне прыгать. Далее, не проконтролировав исполнение своего распоряжения, махом правой ноги отправил меня, себя и Виктора в канаву.

Изуродованный аварией – с колесом «восьмеркой», – велосипед, простояв на приколе (у маминых знакомых) несколько лет, дождался возвращения владельцев из Умани. После нашего переезда сосед, отслуживший армию Толя Марачевский, взялся за инвалида и за неделю привел его, красноцветного, сияющего никелем колес, в работоспособное состояние.

Шуршание шин восставшего из небытия велоагрегата в первой пробной выезде прозвучало для меня торжественным гимном. После нее, желая поразить нежданно родителей, сломя голову помчался в сторону клуба сахарного завода, где перехватил их, только просмотревших суперфильм «Карнавальная ночь», и на крутой, обильной рытвинами дороге затормозил перед ними, эффектно вывернув руль в сторону.

В результате исполненного маневра улетел по пологой траектории в лесопосадку, а велосипед получил новые травмы, не совместимые с его дальнейшей эксплуатацией. Рыдал я отчаянно и безутешно белугой и в три ручья не по причине разбитого носа и коленок, а от горечи невозвратной утраты.

Мама раны залечила: физические – зеленкой, душевные – тонкими, философическими рассуждениями о превратностях жизни с конечным выводом – знать, не судьба! Пообещала уговорить отца купить новый велосипед. (Слово свое, уже в Умани, сдержала.)

Хлестаков

В самобичевании есть своего рода сладострастие. И когда мы сами себя виним, мы чувствуем, что никто другой не вправе винить нас.

Оскар Уайльд

Врать, что лыки драть. Был признанным специалистом этого старинного промысла, успехи в котором мама оценивала прозвищем Хлестаков.

Публичную демонстрацию промыслового мастерства я провел осенью пятидесят седьмого года, когда наша школа – как и вся страна! – готовилась к торжествам по случаю сорокалетия Октябрьской революции.

Тогда в процессе подготовки номеров художественной самодеятельности обнаружилось, что в группе исполнителей зажигательного морского танца «Яблочко» не хватает одного танцора, умеющего бить чечетку. Наблюдая за мучениями неуккомплектованного состава плясунов, повинувшись своеобразной силе самоутверждения, я заметил, как бы мимоходом, что искрометный танец не раз исполнял, учась в уманской школе; даже продемонстрировал пару «притопов» и «прихлопов».

Несколько дней организаторы концерта тенью ходили за мной, уговаривая занять вакантное место, спасти танцевальный номер, но я, по понятным причинам, от предложений высокомерно отказывался («выкаблучивался»), ссылаясь на чрезмерную занятость в приготовлении домашних заданий. «Поломавшись» пару дней, объявив предварительно о приличных вокальных данных и

знании песенного репертуара, согласился выступить в составе школьного хора.

Торжества проходили в клубе сахарного завода. Весь концерт вместе с барабанщиком и горнистом простоял у установленного в углу сцены, ближе к рампе, знамени пионерской дружины школы – таково было требование ритуала.

После того как председатель совета дружины кроха Галя Торченко звонким голосом зачитала приветствие и поздравление, детский хор дружно грянул: *«Взвейтесь кострами, синие ночи, мы – пионеры, дети рабочих...»*. Затем, заполняя промежутки между основными концертными номерами, зазвучали и другие, приличествующие торжественной обстановке песни в исполнении пионерского актива.

Измученный долгим стоянием на авансцене, я раскрывал беззвучно рот, как выброшенная на песок рыба, «пел», выражаясь современным языком, «под фанеру». Когда в одном из номеров взрослый исполнитель затянул лирическую песню (*«Помнишь, мама моя, как девчонку чужую я привел к тебе в гости, тебя не спросив...»*), я забыл переключить регистры, движением губ продолжил имитацию пения. Зал по-доброму, звучными аплодисментами отметил мастерство дуэта. Вместе со всеми аплодировала, снисходительно улыбаясь, сидевшая неподалеку от сцены мама.

Первая симпатия

Нет в мире царицы краше польской девицы.

Адам Мицкевич

По завершении учебного года в один из дней трудовой практики наш пятый класс работал на пшеничном поле: выбирали сорные, с точки зрения правил селекции, колоски ржи.

Если его дисциплинированная часть усердно занималась порученным делом, то немногочисленное – анархическое – крыло класса, постепенно уменьшая видимость рвения, оторвалось от трудового коллектива и уединилось. Сидя под сенью перебираемых ветром злаков, повели отшельники неспешное, всех увлекшее общение.

Инициативу взяли на себя Гена Беляковский и Валера Пчелкин. Перебивая друг друга, завели они сказ о том, как, тайно проникнув на запретный для нашего брата сеанс в заводском клубе, просмотрели фильм «Дон Жуан». Со вкусом и знанием дела юные повествователи интерпретировали и комментировали интимные детали кинокартины. Перегретые деталями непривычных отношений киногероев, неопытные одноклассники с отвисшими челюстями впитывали важную для будущей жизни информацию.

Верили каждому слову. Уже несколько месяцев докладчики несли нелегкий груз славы записных волокит, «ходили» (этим термином обозначали процедуру ухаживания) с самыми видными одноклассниками. Валера, в частности, первым добился благосклонности первой красавицы класса Зоси (Цмони), выделявшейся толстой цвета спелого льна косой.



В июле 1949 года в Верхнячке отмечалось пятидесятилетие ее селекционной опытной станции. Торжества проходили на открытом воздухе, на поляне старого парка.

В этом старом, дореволюционной постройки доме некоторое время жила наша семья. Из этого дома сентябрьским утром пятьдесят третьего года пошел в первый класс средней школы № 2 села Верхнячка – под начало Евдокии Миновны Береговой (Явдохи).



На снимке конца сороковых годов семейство Гордиенко снято на фоне знаменитого сада, засаженного яблонями сорта «овечьи мордочки». Отсутствие охраны и регулярный мальчишеский напор не давали их плодам «дожить» до полного вызревания и организованной уборки урожая.

Фирменной метой послевоенного устройства Верхнячской селекционной станции был молодой парк в ее центре – ухоженный, с правильно выведенными аллеями и прекрасным фонтаном.

Сцена у фонтана запечатлена в начале пятидесятых годов, на ней – мой друг, Женья Гордиенко с сестрой.



По количеству детей в одном из нескольких детских садиков Верхнячки можно судить о количестве ее населения и его занятости в середине пятидесятых годов прошлого века.

Снимок первой половины шестидесятых годов. Ребята села Верхнячка – на стадионе. Крайний справа – Гриша Колесник, рядом с ним – Валерий Шемплинский.



Яко тать в нощи, подкралась классная руководительница Компания в мгновение ока расплзлась и растворилась в зарослях пшеницы, оставив меня, перегруженного яркими сведениями, для объяснений с возмущенным педагогом как единственного – без алиби! – организатора саботажа. Хитроумные и многословные варианты оправданий, предложенные мной атакующей стороне, не помогли – был безжалостно изгнан. Вечером, спрятавшись в кустах у дома, стал невольным свидетелем общения мамы с Майей Игнатьевной, выслушал долгий обмен мнениями между молодыми женщинами о проблемах воспитания гиперактивных подростков.

Гроза прошла стороной, лето было чудесным. В начале сентября на уроке получил записку от Зоси с предложением дружбы. Вулкан в школьном дворе произвел бы меньшее впечатление, чем текст послания. О скверной шутке не могло быть и речи – многозначительные взгляды искусительницы говорили о твердости намерений.

Как и другие сверстники, я находился в том деликатном возрасте, когда первые нежные и тонкие порывы чувств укрывались за маской подчеркнутого безразличия и спартанской презрительности к слабому полу. Отважные ребята, подобные неразлучным друзьям, переступая невидимую черту, уходили в мир новых попарных отношений. Такие переходы в малопонятное состояние за глаза осуждались робкими, но тайно завидовавшими смельчакам одноклассниками.

После сигнала от Зоси мне нужно было принять срочное решение: переступить эту черту или остаться на прежних позициях, тем более что о сделанном предложении уже знал весь класс. На экстренной сходке его «мужской» части была тщательно проанализирована сложившаяся ситуация. В дискуссии принял участие переступивший роковую черту, но уже отправляемый в отставку «мавр» Пчелкин и эксперт Беляковский. Мнение коллектива было единогласным: мне необходимо сделать вид, что письма не получал, не читал и ничего не знаю.

В душе появилось неясное томление и недовольство собой. Хотя, откровенно говоря, нравилась мне другая одноклассница, тоже польских кровей, – Вика Маевская. Была она девочкой выдающихся внешних данных, с «пошляхетски» гордой осанкой, молчаливая и недоступная. Ее изящной линии шея и вьющиеся темно-русые локоны, глаза с легкой и таинственной поволокой, правильные черты лица магнитом притягивали мой подростковый взгляд. Но предложений от безмолвной красавицы, к сожалению, не поступило.

Мудрость учителя

Молодость больше любит быть поощряемой, чем обучаемой.

И. В. Гете

Проблемы внутренней и внешней политики, международного положения с первых школьных лет чрезвычайно занимали меня.

Часами мог пропадать в читальном зале, где от корки до корки изучал прессу, делая важные для себя пометы. Посещал все торжественные собрания,

посвященные революционным праздникам, не пропускал лекций заезжих агитаторов-пропагандистов. В дни англо-французско-израильского нападения на Египет, вызванного национализацией Суэцкого канала, высказал свое отношение к ближневосточным событиям надписями на заборах «Руки прочь от Египта!».

Слушая по радио сообщение о запуске первого спутника, радовался необыкновенно. Приветствовал появление на территории опытной станции официального лозунга «Догоним и перегоним Америку по производству мяса, молока, масла и яиц на душу населения!» и искренне огорчился, когда яйца из призыва убрали.

На известие, что к отцу на практику направляются китайские аспиранты, отреагировал скрупулезной проработкой материалов о братской стране. Изучил революционный путь их вождя, выучил песню о дружбе двух великих народов.

Гостей, прекрасно владевших русским языком, встретил как давних знакомых, удивив проявленной эрудицией. Сдружился, часто общался с ними. Один из аспирантов, Оу-Ян-цзы, оказался хорошим баскетболистом, на школьной площадке он обучил меня азам игры.

В сложившейся ситуации Майя Игнатъевна, озабоченная эпатажными выходками ученика-непоседы (однажды, возмущенный ее приходом в класс с намаженными губами, призвал одноклассников к бойкоту учительницы), решила на изящный педагогический прием. Поручила мне, точнее попросила, провести в классе вместе с друзьями по социалистическому лагерю торжественное собрание в честь годовщины китайской революции.

Доверие вдохновило. Уши рдели, глаза блестели, голос срывался, когда читал приветственный доклад. Было радостное и суматошное общение, надевание пионерских галстуков и значков, дарение букетов цветов, исполнение песни «Москва – Пекин».

Успех перевел меня в разряд государственного мышления людей, для которых нарушение дисциплины и неважная учеба равносильны потере достигнутого титула. Педагогический замысел несравненной Майи Игнатъевны удался в полной мере.

И вновь хочется вернуться

«Летели дни, кружась печальным роєм...»²² – как одна минута жизнь пролетела. Чем дальше во времени я уходил от золотой поры детства в старинном украинском селе, тем сильнее проявлялись обратная тяга к нему, желание вернуться. Судьба, в свое время, занесла моих родителей в Верхнячку, где не было у них ни родных, ни близких. Прожили они недолго в ней и уехали, со мной и моим братом, навсегда.

Казалось бы, *«прервалась связь времен»²³* и ничто не связывает меня с покинутым краем. Но это не так – в нем осталась могила моей бабушки, и дух родины, с волшебным ароматом проведенного на его земле детства, живет во мне.

Возвращался к месту начала своей жизни не раз. Обходил дорогие, имеющие особый смысл места, встречался со старыми друзьями, знакомыми, с любимой учительницей, Майей Игнатьевной Шемплинской, слушал музыку чистого украинского языка. Огорчался – с каждым приездом сильнее и сильнее – видами общего захламления, уничтожению памятных мест, бесхозяйственности, бездумности в застройках. Уезжал донельзя расстроенный, без особого желания приехать еще раз.

Проходило некоторое время, из поверхностного слоя памяти выветривалось увиденное и огорчившее, и в минуты ностальгического настроения из ее глубин выплывали прежние, не тронутые временем, не испакощенные людьми, четкие и яркие картинки сельского пейзажа и быта второй половины пятидесятых годов.

Ранняя весна. В старом парке сыро, грязно, кучки зернистого снега дотаивают в низинном кустарнике. Несильный, упругий ветер шумит в хвое старых елей, рябит водную гладь ставка Гаёк. Его акваторию резво пересекает трехмачтовый парусник, из куска доски топориком столяра сработанный. Линию движению судну задают киль из консервной жести и бумажные паруса, скорость усиливает рукотворный ветрячок на корме. Я раз за разом запускаю свой необычный корабль с подветренной стороны пруда, бегу через греблю на противоположный берег, принимаю его там, затем возвращаюсь к месту следующего старта. Самодетельная регата увлекает меня, я горжусь своим конструкторским успехом.

Конец мая. Последний день учебного года, для меня четвертого. Сижу в классе, за учительским столом, заполняя табели одноклассников, уважительно и завистливо наблюдающих мой труд. Марфа Мусиевна, учительница русского языка, доверила моему формирующемуся почерку каллиграфа важнейший учебный документ. В какой-то момент, переполненный гордостью и величием, я слишком резво мокнул перьевую ручку в чернильницу и посадил в чей-то табель большую кляксу. За ней следом закапали мои слезы – не огорчения, а стыда за то, что подвел доверившуюся мне учительницу.

Клуб опытной станции. В его прохладном полумраке с отвращением и ненавистью растягиваю меха трофейного аккордеона. Мама, озаботившись музыкальным образованием старшего сына, обратилась к услугам местного «капельдудкина», засадившего меня за нотную грамоту. Но не далась мне гармония звуков. После двух-трех занятий, не найдя в них ничего для себя полезного, я решительно отдал предпочтение футболу на «поляне», купанию на Панском ставке и запойному чтению. («*Читал я от заката до рассвета. Сюжета требовал от книг, сюжета!*»)¹⁷³

Мама, зная протестно-истерическую реакцию первенца на принуждение, спокойно восприняла неудачу своего педагогического порыва. Она просто-напросто изменила суть дела и вместо неблагодарной лепки музыкального исполнителя стала воспитывать во мне, на пару с братом, благодарного слушателя. Случалось, зайдет к нам в детскую поздним вечером, присядет на свободный диван и... начинает негромко исполнять под гитару убаюкивающий цикл из старинных, мало кому ведомых песен. На стене тикают ходики, в чулане шур-

шат мыши, а мы с братом, полудремотные, отчаянно сопротивляясь сну, слушаем мамино пение:

«Как надоела мне эта гимназия,
Как надоела давно!
Всюду учения, всюду мучения,
А про любовь ничего!»

Двор сестер Гуциных. Преодолевая страх высоты, взбираюсь на дикую, в два детских обхвата черешню, усеянную черными небольшими и ароматными ягодами. Минул почти год со дня переезда нашей семьи из Умани, но непреодолимая тяга к любимому городу стремит меня на макушку дерева, откуда пытаюсь (не беря во внимание двадцать километров удаления) различить контурные очертания городских окраин. Прозрачный воздух, безоблачное небо июньского рассвета утверждают меня в убеждении, что я воистину усмотрел на линии горизонта «белые дома», аэродром и даже предместье Мещанка.

Смещаю обзор влево. Вдали, за заводским «ставком», в сторону села Вербовато, стоит дом, в котором проживает мой одноклассник по кличке Келя. Келя был замечателен тем, что владел потертым немецким фонариком марки «Даймон», с берегов Шпрее вывезенным. Мой конопатый друг утверждал, что лучи экспроприированного аппарата в темную-претемную ночь «добивают» до купола сельской церкви (она в правом секторе моего высотного обозрения, километра за два от дома Кели), и я этому искренне верил.

За «ставками», в центральном направлении моего просмотра, на сколько хватает глаз, простирается поле гречихи. Его надвое разрезает змеей выющаяся к краю села тропинка. По ней совсем недавно вышагивал с камышовой кошелкой провианта в руке – поднести ее до своей хаты попросил меня благочестиво смотревшийся белый как лунь дедуля. Он не только поблагодарил меня за почтение к старшим, но и оценил мой труд рублем. Сладость и аромат купленных на него конфет класса «подушечки» до сих пор хранятся во вкусовом разделе моей памяти.

Теплый вечер конца августа. На широком деревянном крыльце, у наглухо закрытого, некогда парадного, входа в дом, сидят молодые женщины (среди них – моя мама) и ведут неторопливый разговор. На клумбах полыхает многоцветье. Цветы – повсюду, композицией запахов душистого перца, душистого горошка, ночной фиалки напоен воздух. Во дворе дома – настоящая цветочная плантация семейства Загороднюк, там – океан георгинов: махровых и немахровых, крупных и помельче, низких и высоких; ярко-красных, оранжево-желтых, фиолетово-розовых...

Рядом, на пасеке, дедушка Дурнопьянов, укрыв лицо защитной сеткой, отгоняет атакующих его пчел пыхтящим дымарем, вытаскивает из ульев рамки с медом и запускает их в ручную медогонку, установленную в передвижном вагончике. Занятый работой, он не замечает компанию ребят (с моим обязательным участием), пытающуюся затолкать горящую, затхло дымящую паклю в дупло старой яблони, в которой обитает семейство шершней.

Чуть дальше, по грунтовой дороге со старыми липами вдоль обочин, пара волов под ярмом тянет воз, на нем металлические бочки с мазутом для электростанции, обслуживающей тепличный комплекс, близлежащие дома.

Во всем – благодать, неспешность, уют.

Эти прелестные картинки из далеких пятидесятих годов могу, мне кажется, вырисовывать до бесконечности. Они, словно яркая мозаика в калейдоскопе, восхищают своей красочностью и, увы, неповторимостью, возвращают моему нынешнему восприятию малой родины неоспоримые значимость и прелесть эпохи детства, той неповторимой поры, *«когда мне были новы все впечатления бытия»*²⁴. И мне вновь хочется вернуться домой, в Верхнячку.

Все мне мерещится поле с гречихою,
В маленьком доме сирень на окне,
Ясное-ясное, тихое-тихое
Летнее утро мерещится мне.
...Чудится мне, будто песню печальную
Мать надо мною поет в полусне.
Узкая-узкая, дальняя-дальняя
В поле дорога мерещится мне¹⁷⁴.

Детство – не могу не сравнить!

Немалый жизненный путь за плечами настраивает на воспоминания, на перебор в памяти конечного ряда эпизодов его начального отрезка – детства красного.

Стих накатил – многопечальный быт наш, наблюдаемый дрейф нравов побуждают к беспристрастному сопоставлению эпох, сравнительной оценке государственной заботы о малолетних гражданах, их возможностей самореализации во взрослой жизни. Реалии сегодняшних дней, расслоившие несправедливо детский мир, укрепляют в убеждении, что от добра добра не ищут, что детство мое было восхитительно прекрасным.

В категоричности сентенции есть, безусловно, возрасту присущая частица идеализации собственного прошлого, сглаживающая острые углы, обращающая темное в яркое, холодное в теплое, обидное в радостное. И все же из песни слов не выкинешь. В системе общественных отношений, действовавшей в догорбачевские времена, при всех ее изъянах и пороках, дети были единственным привилегированным классом, которому с избытком полагалось все, чем располагала страна.

Влекут нас в царство ласки
Семь белых лебедей..
Не правда ли: мы в сказке,
Мы в книжке для детей?⁴⁴

Была мораль равных прав и возможностей; были нравственные принципы, мягко по форме, но твердо по существу прививаемые подрастающему поколению.

Было ладно организованное дошкольное воспитание без ограничений вырастающему младенчеству; было эффективное – бесплатное и обязательное! – среднее образование, обеспеченное преданными делу, высокой квалификации учителями.

Было высокого гуманизма детское здравоохранение; были доступны здравницы, пионерские лагеря, дворцы пионеров с кружковой работой, массовая физкультура, детские спортивные школы с регулярными спартакиадами, соревнованиями и многое-многое другое.

Был культ искусства, образованности, высокой эрудиции, чтения; были открытость, уважительность, коллективизм; была уверенность в будущем, в возможности выстроить его пропорционально собственным интеллекту и целеустремленности.

Все это было, было, было,
Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет?⁴⁵

Не было кастового разделения юного сообщества на сверхимущих, имущих, малоимущих и неимущих, с зависящими от толщины родительской мощны возможностями ощутить прелести детской поры. Не было пресыщенных бытом, все отведавших и испытавших, капитализированных «предками» юнцов и юниц, утративших к семнадцати годкам какой-либо стимул к общественно важным целям, к образованию и саморазвитию.

«...если посмотреть на проблему шире, то можно увидеть, что в любом обществе, в любую эпоху каждый класс поддерживает свою численную силу не только естественным ростом, но и рекрутированием представителей из нищих слоев и что высший класс, которому некуда больше расти, постоянно освобождает места для представителей низов, исчезая с социальной арены в третьем и четвертом поколениях... и это перекликается с американской пословицей: “Три поколения отделяют наготу от голытьбы”».

(А. Дж. Тойнби)

Не было ныне с колыбели усваиваемого гипертрофированного индивидуализма с его вывихами – скрытностью, эгоизмом, лицемерием, рационализмом, не было босоты и наготы нравственной.

Не было детской беспризорности, бродяжничества, заметной преступности, проституции, наркомании, токсикомании, вызывающего пьянства, нуждой порожденного детского труда, торговли детьми. Не было переполненных сиротами детских домов, где в порядке вещей сексуальное насилие над девочками-подростками. Не было в геометрической прогрессии растущих в детской среде страшных заболеваний. Не было забытых обществом детей-инвалидов, обреченных на безысходность малолетних граждан.

Что о том тужить, чего нельзя воротить. Сказ мой – не мировая тоска, не скорбь вавилонская о потерянном рае. Он – кимвал звенящий, песнь песней об уважительном и деликатном отношении к истории; об умении потомков извлекать уроки из тяжелых опытов предков, использовать богатство их материальных и духовных накоплений. Глагол мой – о первостепенных категориях нравственности: памяти и благодарности; о признательности прежде всего тысячам тысяч сограждан (а уж потом партии, правительству и лично товарищу!), трудом и умом обеспечивших счастливое детство поколениям пятидесятых – вось-

мидесятых годов; о мудрости жизни, скрытой в восточной поговорке: «Гордись своими предками, не лишай такой возможности своих потомков».

Баутка моя и о других чувствах, в первую очередь к рептильной, амнезией страдающей, служивой демократической тусовке, выкормленной и обласканной в помянутые благоуспешные детские годы, а ныне «благодарно» отстаивающей совершившееся растерзание великой страны и ограбление народа как безальтернативный вариант экономического и общественного переустройства.

Кто пренебрег коварно благодарность,
Тому знаком и лжи язык бесстыдный.

(У. Шекспир)

Первые беды

Когда мне исполнилось семь лет, испытал первое волнительное ощущение резкой смены места проживания и дальнего переезда (длиной в двадцать километров!), происшедших в октябре пятьдесят третьего года. Отец, за несколько лет до этого защитивший кандидатскую диссертацию, перешел на преподавательскую работу в Уманский сельскохозяйственный институт, где получил возможность совмещать ковку агрономических кадров с любимым делом – выведением новых сортов злаковых культур.

Новая среда обитания представляла собой обширную, капитально отгороженную от шумной слободки территорию, где изящно-просторные девятнадцатого столетия постройки институтские корпуса, по-британски аккуратно ухоженные скверы и палисадники органично дополняли каноническую красоту великого соседа – парка «Софиевка», по замыслу и силой капитала графа Потоцкого, трудами уманчан возведенного в начале девятнадцатого века.

Подобное соседство образовалось по указу Александра II, повелевшего в 1859 году перевести из Одессы в Умань Главное училище садоводства (впоследствии – сельхозинститут) и передать ему изобиловавший редкими видами деревьев и кустарников дендропарк.

В институтском городке жили, интенсивно общались, становились на крыло пацаны послевоенных лет производства, численностью своей подтверждая расхожее мнение о том, что после опустошительных войн природа выпускает на свет преимущественно мальчиков.

В любое время года, в счастливые часы свободы от школьных занятий, от родительского диктата неиссякаемая энергия детства разряжалась в играх, забавах, веселой беготне, потасовках.

На склоне лет, когда в огне
Уже горит закат кровавый,
Вновь пред душой, как в тихом сне,
Проходят детские забавы²⁷.

С наступлением весны на ровных, подсохших участках земли играли «в ножички» – чертился овал, в который особым манером («с локтя», «с коле-

на», «с головы») втыкалось лезвие ножа и по линии попадания прирезался кус территории, до полного ее поглощения победителем. Проигравшему полага-лись пара «щелбанов» или с особым шиком исполненных оттянутым средним пальцем «цыков».

Кто был настоящим пацаном в те давние-давние годы, тот, уверен, помнит, какой величайшей драгоценностью и обязательной составляющей детского обихода был перочинный ножик. Добывался он, в условиях невеликих материальных возможностей, с большим трудом и берегся пуще зеницы ока, никогда никому не передаваясь даже для краткого пользования.

Привезенный мамой из Москвы ножик, о двух лезвиях, пожил со мной недолго – забравшись на вербу около виноградника, уронил его в заросли метровой крапивы, после чего жил с долго не заживавшей психи-ческой травмой. Попытка попользоваться, без спроса, отцовским «ше-стизарядным», с костяными накладками инструментом также, в ито-ге, привела к «маленькой трагедии» с физически ощутимыми послед-ствиями.

Раскопки на институтском стрельбище давали горсти мятых свинцовых пуль, из которых в баночке из-под ваксы выплавлялись битки для игры «в деньги». Профессионалы азартного увлечения выделывали орудие добычи оптимально массивным, что повышало точность броска в сторону стопкой выстроенной денежной мелочи, гарантировало – после удара с «оттяжкой» – выигрышный переворот медяков с решки на орла.

Общественное мнение осуждало даже намеки на получение нетрудовых доходов, поэтому уличенные в пагубной тяге к сребролюбию шалопаи нередко демонстрировали реакцию законопослушных родителей алым цветом опухших ушей.

В погожие дни, ближе к вечеру, в сквере у институтской библиотеки сходка малолетних граждан начиналась с резвых догонялок, светливых разгор-дияшев – играли в лапту, в «квача» («Квач, квач! Дай калач!»). Далее по регла-менту следовали обязательные «жмурки» («На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной...»).

Детство – земля обетованная, время давно прошедшее. Стоит перед гла-зами детский «птичий базар» на окутанном теплыми сумерками стадионе, с которым соседствовал опытный институтский сад – заветная цель охотников за яблоками, не стеснявшихся начиненной солью берданки сторожа.

Словно сейчас вижу, как стремительным веером разбегаются участни-ки игры в «штандер», как, выкрикнув имя одного из бегунов, самый резвый участник детского собрания запускает в небо небольшой мяч, как, поймав его, названный игрок командует: «Замри!» – и, выбрав из застывших фигур жертву поближе, попаданием резинового снаряда выбивает обреченного товарища из общей потехи.

Мы прятались, в саду желтела осень...
Прошли года, но миг минувший цел,
И мячик тот, что я тогда подбросил,
Еще упасть на землю не успел...²⁸

В начале января, в пору моих первых зимних каникул, мама срочно уехала по делам к родным, в Москву. Воспользовавшись полученной свободой, по утрам убежал в Софиевку – на Дубинку. С ее вершины, поляны с многовековым дубом, в урочище Зверинец вела неширокая дорога, превращавшаяся зимой в место скоростных спусков на санках, коньках, куске жести. Увеселение сие было небезопасным – столетняя североамериканская сосна с пушистой хвоей и длинными шишками остановила за крутым поворотом полет не одного лихача с безрадостными последствиями.

После нескольких дней несанкционированных отцом катаний слободские хлопцы подговорили меня, наивного и доверчивого, лизнуть в лютый мороз металлический полоз санок.

До конца каникул не казал носа из дому, держал язык за зубами, посвятив свободное время изучению устройства швейной машинки «Зингер». Сложное изделие освоил, но получил очередное потрясение (проколол младшему брату иглой палец!) и родительский подзатыльник.

Отцу было некогда заниматься парой беспокойных шкетов. Договорившись о нашем прокорме с соседской домработницей, он на весь день уходил в институт читать лекции, копаться в теплице.

Жили мы в небольшом, поделенном на четыре квартирki одноэтажном домике, где нашей семье досталась – по остаточному принципу – маленькая комнатка с сумрачным, сырым коридорчиком. Вытопленная с утра печь к вечеру остывала. Накинув на плечи пальтишки, забирались с братцем на сундук, вжавшись носами в оконное стекло, тревожно глядывались в освещенный луной дворик.

Было страшно – свет не включали. За засыпанными снегом кустами желтой акации, сирени, за старой яблоней детская фантазия рисовала злых разбойников, дурных волшебников, страшных чудищ. Высмотрели все глаза, ожидая маму, защитницу и избавительницу от мерещившихся ужасов.

В лунном свете белый дворик,
Белый дворик, белый дом.
Лунный свет пахуч и горек,
Свет отравлен колдуном²⁹.

Мама, изнервничавшаяся и взволнованная, вернулась с горой подарков, «поправила» носы у рыдающих от счастья сынов; в дом вернулись тепло, покой, сердечность.

Нет родней дружка, как родная матушка.

Не в деньгах счастье

Нежный возраст, в котором пребывал в рассматриваемый, в три года протяженностью, уманский период жизни, ограничивал пределы моих выгулов границами институтского поселка, ибо недреманное отцовское око отслеживало пути миграций сыновей вне дома. Ортодоксальный воспитатель не допускал нарушений важнейших принципов быта – послушания и дисциплины. Однаж-

ды за самовольное катание на лодке со взрослым парнем на Нижнем парковом пруду я был поставлен «в угол», где, не покаявшись, уснул.

Лишь после третьего класса повод интеллектуального свойства ослабил дисциплинарные вожжи. На площади перед главным корпусом института, служившей также конечной остановкой городского автобуса, я сидел в одну из двух его разновидностей – «маленький», однодверный сурово-зеленого цвета или «большой», двухдверный красно-желтого или сине-желтого окраса, еще именовавшийся колбаской, – доезжал до остановки «Магазин "Ткани"».

Неподалеку от нее в пропахшем стариной, со скрипящими половицами деревянном домике умилял старенькую, пухленькую, очень добрую библиотекаршу частотой своих визитов, уважительным отношением к книгам и изобилием записями о своевременно сданных книгах формуляром.

О, сказкой ставшая поблекнувшая быль,
О, крылья бабочки, с которых стерлась пыль³⁶.

Наиболее привлекательной для нашего брата-огольца частью ареала обитания в летнее время была его западная сторона, которую занимал забытый мичуринской наукой сад шелковицы, дававший любителям сладкого обильную витаминную подкормку сочными, душистыми, разноцветными ягодами.

За садом шел маленький хуторок – небольшой домик («хатка») с колодцем во дворе, которую занимали натурализовавшийся финн и его славянская супруга с сыном, Володькой Якушкиным, неизменным участником всех наших ассамблей.

Далее простиралась земля неведомая, настоящая *terra incognita*, усеянная цепочкой военных поселений. Ближе к городу, на окраине парка (у выхода Грековой балки), размещалась воинская часть, что подтверждалось наименованием автобусной остановки – «Командный пункт» (сокращенно – «КП»). От нее было рукой подать до военного городка, места семейного проживания служивого люда (действующего, отставного и запасного), а также работников предприятия, занятого ремонтом самолетных двигателей (рембазы).

Ближе к селу Родниковка (в старину именовавшемуся Войтовкой) находился аэродром, на котором с середины пятидесятых годов дислоцировалась переведенная из Чугуева авиационная часть. Боевые самолеты – поначалу защитного цвета «ястребки», «штурмовики», поставленные в войну по ленд-лизу «дугласы», позже серебристые, первые реактивные МИГи – заходили на посадку со стороны Белогрудовского леса, с ревом рисуя глиссады над нашим домом.

Семьи отечественных соколов гнездились, затем надолго, навсегда оседали в специально для офицерского состава выстроенных «белых домах». Жены отважных летунов вызывали особую зависть у горожанок высотой своего материального положения. Его они не раз демонстрировали разнообразием дефицитных по тем временам вещей – пальто с воротниками из лис-чернобурок, крепдешиновые платья, ботиночки-«румынки», чулки фильдекосовые и фильдеперсовы, – совершая с мужьями променады в сторону института (по Агрономической улице), где в актовом зале показывали кинофильмы.

Под стать офицерскому смотрелся и рядовой состав авиачасти. Однажды наблюдал, как лихие авиаторы третьего года срочной службы, подтверждая

особую кастовость своих рядов, бляхами намотанных на ладони солдатских ремней «метелили» у водопада в парке «Софиевка» развязную шпану из предместья Новая Умань.

Победу организованной военной силы наблюдал с великим удовольствием, так как успел испытать грубую силу переростков этого пригорода во время первого в жизни выхода на рыбалку. От налетевшего дождя спрятался в гроте Льва. Снаружи шумел ливень, внутри гремел падавший в отстойник поток воды, поступающий по водоводу от Верхнего пруда на очистку перед последующей подачей на Нижний пруд, на фонтан Змея.

Страшной удара стихии оказались пинки от новоуманской шантрапы, отобравшей новенькую, с трудом вымоленную у родителей рыболовную снасть.

Руководящей и направляющей силой в нашей относительно однородной по возрасту мальчишеской среде были ребята постарше, родившиеся в последние годы войны. Долгое время primой выступал Витька Прутников, обстоятельный, лишенный хитроумия крепыш. Шумных компаний чурался, жил своими интересами, магнитом притягивая пацанву очень важными способностями. Был прежде всего широко известен как мастер изготовления не взрывающихся во время залпа самопалов. У него можно было приобрести навыки конструктивно верного изготовления рогаток, луков со стрелами, освоить стрельбу из рукотворного оружия, научиться бить острогой (привязанной к палке вилкой) суетливых пескарей.

Только он, когда «*деревя едва венчались первой зеленью весны*»³⁷, выводил особо приближенных недоростков на порочные смотрины в молодые сосновые заросли за Дубинкой, где опытные ловеласы, куртуазные кавалеры спешно выгуливали – в зависимости от состояния кошелька – нетребовательных представительниц предместья Мещанка, знаменитых в городе гризеток и куртизанок.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки⁸.

Авторитету из простолюдинов оппонировал профессорско-преподавательский отпрыск, тонкострунный и лопухий Валерка Ольховский. В меру импульсивный, аккуратный и осторожный, старший товарищ предпочитал в отношениях с младшим составом не грозящие осложнениями забавления, к примеру, строительство «домов» и «дворцов» в громадной куче песка около новостройки мужского общежития. Систематически проводил состязания по метанию воткнутых в прут картофелин – гибкий рычаг обеспечивал перелет овоща через все футбольное поле. Помог мне добыть узкое жесткое металлическое колесо, гонять которое перед собой хитроумно изогнутым проводом было почти аристократическим увлечением.

Особняком в детском кооперативе держался щуплый, конопатый, внешне симпатичный Генка Дейнека. Жизнь без достатка с матерью и двумя старшими братьями наложила заметный прагматический отпечаток на характер шустрого

мальчонки. Нюхом за сотню-другую метров чуял добычу, как полномерный тертый калач, рвал подметки, чтобы заполнить ее.

Летом пятьдесят пятого года на институтском стадионе проводилось первенство Украины по теннису среди сельскохозяйственных вузов, в котором я принимал самое активное участие – подбрасывал игрокам вылетающие за пределы корта мячи.

В финальной части турнира, передвигаясь на четвереньках в небольшой, примыкавшей к теннисной площадке яблоневой посадке, нашел в густой траве двадцать пять рублей, эмиссии одна тысяча девятьсот сорок седьмого года. Оцепенел, потерял связь с реальным миром, погрузился в сомнамбулическое состояние, двинулся в сторону входа в парк, где шла бойкая лоточная торговля. Там из помещенных в смесь льда и опилок алюминиевых баков лоточница столовой ложкой выбирала искрящееся на солнце, плотное, отливающее желтизной сливочное мороженое, вдавливая его в вафельный стаканчик и, отмеряя драгоценный груз на рычажных весах, передавала очередному счастливицу. Две дюжины заветных порций ждали меня.

На полпути к близкой цели был перехвачен Генкой. Тонкий психолог в два счета расколол склонного к истерикам слабака, тем более что неожиданный перекокс неокрепшего рассудка привел меня к поносу встречного откровения, к желанию поделиться удачей с первым встречным («чудное качество», всю жизнь мне сопутствующее).

Отказавшись от лобовой атаки, начинающий талейран составил тонкую интригу морального свойства. Напустил на лицо необходимый трагизм, поведал мне, что на стадионе видел средних лет гражданина, который, обрывая от отчаяния волосы, проклиная похитителя, ищет пропавшие деньги. «Подкатил» надежных свидетелей, в один голос подтвердивших все изложенные факты, а также честность и справедливость грозного прокурора. Тот, между прочим, дополнительно намекнул на неадекватную реакцию родителей, узнай они о неблагоприятном поступке сына, не вернувшего деньги хозяину.

В итоге после долгих и безутешных рыданий я уговорил Генку принять нечаянную находку для возврата потерпевшему. Уложив ассигнацию в карман, «добрый самаритянин» выделил мне, избавившемуся от греха и вступившему на путь праведности, рубль медяками из своего запаса. На него я купил себе порцию мороженого, но не сливочного, а ценою подешевле – молочного.

Пожалел волк кобылу – оставил хвост и гриву.

О вреде сладкого

Долгое время серьезной проблемой послевоенной Умани был дефицит воды. Отсутствовавший водопровод подменяли водовозные бочки на конной тяге, заправлявшиеся у специально устроенной на главной парковой аллее будки, куда вода с середины девятнадцатого века подавалась по трубам от источника Ужи.

По утрам цокот копыт по каменной мостовой измученного затяжным подъемом мерина и зазывные крики водовоза выстраивали очередь из жителей

нашей округи за ключевой водой, выдававшейся в обмен на приобретенные в институтской бухгалтерии жетоны.

Во время штурма Уманской крепости гайдамаками во главе с Зализняком, в жарком июне 1768 года, ее защитники – по причине нехватки воды – вынужденно утоляли жажду вишневым и медом. Их алкоголизированным состоянием объясняют польские историки быстрое падение неприступной «фортеции».

На территории старинной твердыни в помещениях выстроенной в 1782 году ратуши в пору моего детства располагался, и ныне располагается, знаменитый уманский базар, собиравший по воскресным дням городских покупателей, жителей ближних и дальних сел.

Все, что вырабатывала, добывала людская энергетика, предприимчивость, трудолюбие в несладкие послевоенные годы, можно было приобрести на шумном торжище, в составлявших его фасад магазинчиках, большей частью кооперативных.

Умань исстари была не только известным пограничным городом, но и важным торговым центром – беру Д. И. Яворницкого в свидетели:

«Известный в свое время богач и тщеславец польский граф Франц Силезий Потоцкий, получив в наследство Умань со многими его крепостями, обнес весь город стенами и башнями и, чтобы сделать его центром богатства и культуры, открыл в нем ярмарки. Зная, какое значение в этом случае имели для всего приднепровского края запорожские козаки, Потоцкий нашел нужным отправить от себя письмо с приличным подарком кошевому атаману Григорию Федорову, которого просил объявить запорожцам, когда они будут ехать в Польшу по торговым делам, направляться прямо в Умань, там брать паспорта, распродавать свои товары и с оставшимися от продажи идти дальше: "Как в наследственной моей вотчине Умани, по высочайшему королевскому соизволению и моим старанием возобновлены торги и ярмарки с предоставлением разных преимуществ торговцам, всех пограничных наций, то и прошу вас, ясновельможный пане, целому Кошу объявить, чтобы запорожцы, которые обыкновенно в Польшу ездят по торговле с лошадьми, скотом, воском, салом, мехами и другими товарами, отправлялись за всякими паспортами в Умань на ярмарки; оттуда, если бы там своих продуктов не распродали, с паспортами управителя моего Уманского имени пускаться и дальше, 1762 года, 18-го мая"».

Со стороны городского центра к рынку примыкал дряхлеющий Николаевский собор, сооруженный к столетию войны с Наполеоном, в которой, между прочим, принимал участие Уманский полк. Рядом за сквером в сохранившихся с восемнадцатого века зданиях василианского монастыря и школы размещалась воинская часть.

В семидесятые годы XX века, в пору «серого кардинала» Сулова, собор, уже использовавшийся как склад, по инициативе директора педагогического института пытались снести.

Патриоты города, цвет его интеллигенции – мой Учитель Василий Васильевич Романченко, директор второй школы, историк-эрудит Сергей Пахомович Палий, директор пятнадцатой школы Харитон Степанович Хоменко архивными документами доказали, что храм был выстроен на собранные по подписке народные деньги. Тем самым спасли Дом Господень от бездумного приговора; впоследствии он был восстановлен.

Единожды побывал в соборе, привязался хвостиком к маме в ее походе за продуктами, который она открыла посещением воскресного богослужения, взяв предварительно с меня слово никому не выдавать «секрет» (особенно отцу – воинственному атеисту). Тайный визит дал моей, только формирующейся психике эмоциональное потрясение, почти мистическое ощущение собственной слабости и незначительности, чувство подавленности.

Несмотря на общую атмосферу безверия, осталось смущение духа, с возрастом переросшее в убеждение, что следование вере предков – непереносимое условие связи с корнями своего народа; что вера – дело глубоко интимное, и сила ее определяется прежде всего глубокой внутренней приверженностью к христианским православным ценностям; что потребность богообщения не требует активной его демонстрации. (Беру в пример бывших главных атеистов, а теперь генеральных демократов, неловко крестящихся со свечами в руках.) «К Богу приходят не экскурсии с гидом, а одинокие путешественники», – писал Владимир Набоков.

С приходом лета пульс ребячьей жизни учащался, насыщая ее сложными и ответственными делами, из которых наиважнейшими были регулярные грибные вылазки под началом мафусаиловых лет детского друга, милого, славного соседа Михаила Ивановича Латюка.

Непростой ритуал грибного сбора начинался с обстоятельной заготовки снеди, обязательного подъема до зари, под переключку петухов в окрестных сараях.

Луны сиянье белое
Сошло на лопухи.
Ревут, как обалделые,
Вторые петухи³⁸.

Пеший переход через большой сад к Белогородскому лесу под светлеющим небом с исчезающими звездами, азартная тихая охота в зарослях молодого дубняка сопровождалась обстоятельными пояснениями и рассказами о жизни природы мудрого Михаила Ивановича. Дело завершилось обязательным костром, на котором поджаривали на палочках кусочки ароматного сала, в углях запекали картошку. Гордые, мы возвращались домой с полными кузовками добычи – белыми грибами, «синюками».

Повзрослевшего брата Виктора определили в детский садик, располагавшийся через дом от нашего жилья. Время было беспокойным: недавно окончилась корейская война, разгорелась война «холодная». Вышедших из ползункового возраста деток учили прятаться под столами, кроватками, организовано переходить в убежище в случае ядерного удара предполагаемого противника.

По вечерам доброжелательная часть соседей собиралась во дворе пообщаться, обсудить местные новости, послушать патефон – кажется, единственный трофей, доставленный отцом с войны, – который ставился на подоконник и ободрял слушателей развеселыми песнями Руслановой. (*«Валенки, валенки! Ох, да не подшиты стареньки!»*)

Долгое время надежный германский аппарат был основным источником развлечений, под который закупались не очень разнообразные по содержанию пластинки. После войны средства эфирного получения информации в частном пользовании не поощрялись, но с переменой житейского климата (*«Берия, Берия вышел из доверия, а товарищ Маленков надавал ему пинков»*) ситуация изменилась, и отец приобрел в центральном магазине «Культтовары» шикарное отечественное изделие – радиоприемник «Рекорд».

На время летних каникул в соседствующем с нашим домом женском общежитии, ровеснике институтских зданий, устраивался пионерский лагерь. В первый сезон мама, как старший воспитатель, пристроила меня, «салажонка», в младший отряд.

До седины в мельчайших деталях сохранила благодарная память непередаваемое обаяние пионерского детства – подъем и спуск флага, торжественное построение под горн и барабан, вечерние костры, экскурсии, вылазки за город, радостное общение, игры, песни: «Здравствуй, милая картошка, пионеров идеал! Тот не знает наслажденья, кто картошки не едал».

С середины июля ноздри жителей нашего домика начинал щекотать сладкий, замешанный на дымке костра аромат – в отливающих золотом тазах, установленных на камнях во дворе, варили вишневое варенье. К этому действу мама готовилась еще с зимы, закупаая и складывая в казавшееся ей потаенным место белые холщовые мешочки с колотым сахаром, количество которого к открытию сезона, естественно, уменьшалось.

Сладкая душистая пенка делилась по справедливости между мной и младшим братом, остывшее варенье разливалось в стеклянные банки, которые закрывались плотной бумагой с выписанной на ней датой приготовления. Дальнейшая судьба вкусной продукции в большей степени определялась силой тяги старшего отпрыска к сладкому, при неконфликтности мамы в ситуациях заметного уменьшения результатов ее труда.

Однажды, в очередной раз положившись на мамину покладистость, я проник в трехлитровую банку с медом и, обильно пропитав им ломоть белого пористого хлеба, отправился погулять на стадион. Тут же с близлежащей институтской пасеки по тревоге поднялась эскадрилья агрессивных пчел и с ходу атаковала меня, неосторожного сладкоежку.

Отмахиваясь от жалящих насекомых, рыдая и путаясь в соплях, добежал до дома, где упал на постель, опухая до неузнаваемости. Пару недель меня, немощного и временно ослепшего, выхаживала мама, выполняя одновременно и роль поводыря.

Мед с детских лет решительно не люблю.

Кличка

Уманская глава моей ученической жизни открылась с устройства в первый класс начальной украиноязычной школы номер девять, занимавшей два небольших одноэтажных строения на Софиевской слободке.

Выбор места обучения определился прежде всего его близостью к месту проживания: всего пути – через стадион, пасеку, мимо «профессорского» дома и (самое опасное место!) через улицу Третьего Интернационала. Кроме того, язык обучения был привычен мне после трех месяцев учебы в сельской школе, в покинутой мной Верхнячке.

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья...⁶⁹

С присущей детству непосредственностью я быстро вписался в «первоклассный» коллектив, стал его приметной фигурой, более преуспевая в учебе, чем в поведении.

На первых порах подъему к вершинам исходных знаний мешала неаккуратность в чистописании – писание текстов перьевой ручкой, с регулярным ее обмакиванием в чернильницу, давали корявый набор линейных фигур и обилие клякс в оснащенных промокашками тетрадках. Немало сил потратила мама, обладавшая изумительной четкости почерком, чтобы передать старшему сыну приблизительный повтор ее дара, приучить «грязнулю» к аккуратности в письме, вывести к концу первого года учебы (и до четвертого класса!) в триаду классных лидеров-отличников.

На почти полувековой давности фото, сделанном у фонтана «Семиструйка» в парке «Софиевка», вижу себя худющим подростком в клетчатой рубашке с перекошенным пионерским галстуком, с оттопыренными ушами и запотевшим от быстрого бега лицом, с вытаращенными глазами от еще не ушедшей боязни опоздать к началу премиальной съемки лучших учеников третьего класса.

Рядом достойно себя представляют безукоризненные в учебе и поведении одноклассницы, и среди них приписывавшийся мне общественным мнением класса объект увлечения – Люда Котенко.

Скоро обзавелся закадычным дружкой, Васькой Полищуком, жившим на слободке, неподалеку от школы. По очереди ходили друг к другу в гости, к радости каждой принимающей родительской стороны усердно на пару готовили уроки.

С завершением зимы бегали вместе на Верхний пруд смотреть, как рубят большими кубами подтаивающий лед и вывозят телегами в городские ледники. С приходом весны пускали бумажные кораблики в ревущем потоке темной талой воды, мчавшейся по рукотворному рву в тот же пруд.

В раннем детстве я любил
Тихий зал и шум на воле,
Полночь в безднах из светил
И росинки в поле⁴².

Вместе со всем классом ходили в лес за первыми весенними цветами – подснежниками, рястом, ландышами, фиалками. Плечом к плечу стояли в дисциплинированном ряду октябрят, декламируя пионерскую клятву, когда старшие товарищи повязывали нам красные галстуки. Будучи постарше, в компании со слободскими поделниками пасли коз на обочине аэродрома. Вооружившись самодельными саблями, винтовками, деревянными «гарматами», играли «в войну».

Гордостью школы был большой, всегда ухоженный и облагороженный детскими руками сад. Каждую весну деревья обрезались, обкапывались, белились известью, на них без применения препаратов уничтожались личинки гусениц. В эти же дни классы выходили на массовые посадки саженцев, установку скворечников.

Наша любимая учительница, из девятнадцатого века родом, наша добрая «баушка» Мария Семеновна вся без остатка растворялась в святом деле обучения и наставления на путь истины разнородных «киндеров», возвращала отступников на путь знаний и послушания. Почти все внеурочное время посвящала разработке сценариев, подготовке ученических концертов с хоровым и сольным пением, танцами, театрализованными представлениями. Как чтец-декламатор с первых дней пребывания в школе я получил от нее бессрочный ангажемент на самодеятельное лицедейство, с репертуаром преимущественно басенного жанра, который постоянно и очень ответственно наращивал.

Во втором классе на новогоднем карнавале уже как заметная величина артистического цеха – в изготовленной мамой марлевой блузе зайчика-побегайчика – я был занят в нескольких номерах программы и за проявленную даровитость сорвал заслуженные рукоплескания.

Вечером по завершении праздничного представления все участники веселья под строгим контролем взрослых отправились на прогулку в парк. За венецианским мостиком, где через верхний край шлюзовых ворот из-под ледового покрытия Нижнего пруда сочилась, наполняя отощавшую Каменку, вода, мы с другом Василием приступили к резвым и рискованным «герцам» по усеявшим речку валунам.

В эти роковые мгновения сверху, из толпы зрителей, залпом прозвучало одно-единственное слово, оказавшее судьбоносное влияние на мою последующую детскую жизнь. Валька Мазур, из третьего класса, вдохновленная торчащими из-под моей шапки длинными маскарадными ушами, назначила мне кличку, крикнув: «Зайчик!»

Прозвище практически вытеснило из общения со сверстниками имя. Сравнение с пугливым, незащитным животным очень огорчало меня, и напрасно – могло быть, как выяснилось, гораздо хуже.

В следующие новогодние праздники давали сценическую интерпретацию басни Крылова «Квартет»:

Проказница-Мартышка,
Осел,
Козел
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть квартет.

Так вот – в сценической реализации классика исполнял роль Осла.

Через много-много лет, в начале нового столетия, после долгого отсутствия совершил паломничество в город детства, неспешно прошелся по его улицам, скверам, по красавцу-парку.

С высоты прожитых лет и обретенных исторических знаний новыми глазами взглянул на издавна знакомые места, соотнес их образно с происходившими здесь в стародавние времена событиями.

Перебрал в памяти сцены полувековой давности, с навсегда детскими лицами друзей, одноклассников, с неизменными – добрыми и приветливыми – лицами взрослых, со счастливой обстановкой надежного и обаятельного детства.

Легкая грусть тонким флером обволокла душу, сердце защемило – все это когда-то было, было...

Сколько дней прошло с малолетства,
Что его вспоминаешь с трудом.
И стоит вдалеке мое детство,
Как с закрытыми ставнями дом⁴³.

Отчаянное сальто

В 1958 году преобладавшие в административных качествах отца доверчивость и негибкость вынудили его сменить должность директора селекционной станции (были глухие слухи о бухгалтерской «подставке») на учебно-научную работу в сельскохозяйственном институте и привели к вторичному переезду нашей семьи из села Верхнячка в город Умань.

Вновь поселились в институтском городке в доме необычного расположения, занимавшего место старинного парадного входа в парк «Софиевку», с двумя примыкавшими к нему ветвями оранжерей. Второй этаж строения был переоборудован под жилье из трех двухкомнатных квартир – без воды, канализации, с печным отоплением и общей, лишенной солнечного света кухни-прихожей с шипящими керогазами и примусами жильцов.

Окна нашего жилища выходили в дендропарк, широкий балкон, крытый, с подгнившими балками и проваливающимися половицами, смотрел точно на длинную гранитную лестницу, разрезавшую надвое выстроенный в регулярном стиле Партерный амфитеатр о трех уровнях, с розарием, плакучими шелковицами и шпалерой теплолюбивых туй. По ней мимо Семиструйного фонтана, в три обхвата серебристого тополя, во исполнение категорических директив отца довелось нам с братом не раз доставлять в дом лечебную, разряда родоновых, воду из источника с пышно-эллиническим наименованием «Гипокрена».

С высоты ненадежной смотровой площадки хорошо просматривалась левая часть ландшафтной панорамы – спланированный в конце девятнадцатого века профессором Пашкевичем дендрарий, или Английский парк, изобиловавший экзотическими (с поясняющими табличками на обязательной латыни) видами деревьев и кустарников: граб шаровидный, дуб красный, канадское кофейное дерево, бархат амурский, тис дальневосточный, барбарис японский...



Май 1954 года. Торжественный снимок первого класса Уманской средней школы номер девять. Я – в первом ряду, в фирменных, мамино пошива, шортиках на бретельках.



Второй, уманский, период детства моего изначального. Май 1956 года. Выпускной снимок третьего класса начальной школы номер девять, что на Софиевской слободке. В центре – классная «баушка», мудрый детский ментор из девятнадцатого века родом – Мария Семеновна. Я (с мячиком) – в обнимку с дружкой своим закадычным Васькой Полищуком.

«Куда уходит детство? В недалекие края. К ребятам по соседству, таким же, как и я».



Снимок 1954 года. Территория Уманского сельхозинститута, улица Агрономическая. Мой брат Витя – со своей подружкой, соседкой по дому, Катей Зинченко. *«Знаешь, Катя, вырасту большой, увезу тебя с собой, и тогда уж для красоты отпущу я рыжие усы»*, – любила петь под гитару наша мама.



«Мне снится прошлое. В виденьях полусонных встает забытый мир и дней, и слов, и лиц». Снимок мая 1960 года. Четвертый «Б» класс Уманской средней школы номер четыре. Слева направо: первый ряд – Витя Макогон, Женя Евтеев, Вова Шилов, Валера Чернявский; второй ряд – Люба Москалева, Лиля Киркицкая, Наташа Розанова, Люда Головкина, Майя Исаева, Юра Частов, Вова Филимоненко, Коля Прядко; третий ряд – Павлик Демченко, Витя Головцов, Аня Погребняк, Нина Гаранько, Надя Салтыкова, Нина Крылова, Вова Манюров. Толя Шарапанюк, Витя Павленков; четвертый ряд – Юра Затхеев, Таня Нетютко, Иза Голомолзина, Витя Орловский, Коля Долженков, Люба Ерохина, Люся Иванова, Люда Дудник, Мила Гурман; пятый ряд – Юра Егоров, Толя Иванов, Люда Ширшова, Толя Архипов, Мария Семеновна Жарикова, Шура Иванов, Вова Мамошенко.

В пору осеннего увядания их листва насыщала парковый пейзаж дико-винно пестрым, ярким и богатым переливом красок, создавала удивительного колорита ботаническую мозаику (достойную кисти импрессионистов и так чудно описанную Куприным!), вносила известную сумятицу и неясное томление в сердца и души граждан возрастом от шестнадцати лет.

«Уже сильно опустошенный осенью, этот чудесный старинный парк блистал и переливался пышными тонами расцветившейся листвы: багряным, пурпуровым, лимонным, оранжевым и густым цветом старого устоявшегося вина, и казалось, что холодный воздух благоухает, как драгоценное вино»¹⁶⁰.

После листопада парк тщательно вычищали, опавшие листья вывозили за его территорию, на время сваливали в кучу возле нашего дома. За неделю-другую вырастала пышная «перина», на которую бесстрашно прыгал с промежуточной площадки металлической, выходившей на крышу оранжереи лестницы. Таким манером выполнял полученное в секции спортивной гимнастики домашнее задание, отработывал непростой акробатический элемент – полет головой вниз, с переворотом на ноги (или «полусальто»).

Наблюдать мои экзерциции приходил закадычный дружок Васька Полищук, с которым опорожнили в мой первый уманский период жизни не одну чернильницу за общей партой в семилетней слободской школе, но не сумели возродить «корешкование» в той же классной среде после повторной, спустя два года, встречи. Ренессанс отношений сломал отец, перераспределивший нас с братом (до этого учившихся в украинских школах) в знаменитую среднюю школу номер четыре, находившуюся по другую сторону парка, за Грековой балкой.

Школьное в три этажа здание было выстроено в девятнадцатом столетии, по некоторым сведениям как резиденция управляющего Софиевским парком. Широкая внутренняя лестница разделяла сооружение через полукруглый эркер на симметричные половины, с актовым залом на втором этаже и попарно смежными на всех этажах комнатами (что создало определенные неудобства в последующем их использовании под классы).

Главный вход был наглухо закрыт, его просторные скошенные ступени служили местом парадных фотосъемок; вместо него использовался бывший «черный» вход со стороны полузамкнутого, охваченного с двух сторон поперечными крыльями архитектурной конструкции школьного двора.

Новая школа ошеломила буйным гомоном на игровых площадках во время больших перемен, после уроков, массовой увлеченностью спортом, обязанной энтузиазму учителя физкультуры Юрия Аврамовича Георгеади (к общей печали, вскоре умершего), сумевшего дать своему предмету первостепенный вес и привлекательность.

Полноценного спортивного зала не было, его подменяла большая, выстланная ватными матами комната на первом этаже, с низко опущенным турниром, брусьями, кольцами и канатом. Вынужденная компактность помещения

сделала гимнастику основной темой уроков, «коронным номером» нашей «бурсы» (кстати, ее выпускник Валерий Медведев в шестидесятых годах подтвердил этот факт своим олимпийским чемпионством). По этой же причине через пару недель после переезда в сшитых мамой сатиновых шароварах и обязательных чешках приступил к физическим занятиям в детской спортивной школе (ДСШ).

Стартовые неудачи в разделе вольных упражнений, неукротимое сальто вынудили к дополнительным тренировкам на импровизированном стенде. Присутствовавший на них друг Полищук, наблюдая мои затянувшиеся неудачи, неполную «прокрутку» с приземлением на «бэксайд», в какой-то момент решил, что накопленной им информации по теории прыжка достаточно, чтобы подать практический пример.

Василий взобрался на четырехметровую высоту, глубоко вдохнул и с громким «ура!» камнем нырнул в пике. Крик тут же оборвался, воцарилась жесткая, зловещая тишина с фоновым шумом череды недалеких жанровых сцен: в палисаднике брату Виктору новый приятель и одноклассник Павел Демченко демонстрировал достоинства велосипеда марки «Орленок»; из дома напротив вышел и засеменял в сторону института профессор Рубин; мерно пыхтел, перекачивая плодоягодный экстракт, насос в винодельне по соседству.

Смелый прыгун пропал, испарился, провалился в иную реальность. Лишь пара со сбитыми носками башмаков у куста жасмина подтверждала его недавнее земное бытие, давала надежду на возможное присутствие в недрах горы листьев юного тела нетренированного атлета.

Летел я правильной кривою
Под плеск волны,
А приземлился я головою
На валуны⁴⁶.

Судорожные раскопки и реанимация удались – ошеломленный Вася, ритмично потряхивая головой и широко жестикулируя, долго рассуждал о просчетах в технике исполнения номера, затем, придя в себя от шока, в обнимку мы отправились к нему домой.

Терпение и труд все перетрут. Каверзный трюк я все же довел до приемлемой чистоты исполнения – на последовавшем квалификационном соревновании получил второй детский разряд, но гимнастику – по причине отсутствия видов на новые успехи – оставил.

Былую связь с ней подтверждал в купальный сезон лихими «полусальто» в акваторию Третьего пруда с верхушки винтового механизма спускного шлюза (в обиходе именовавшегося «бабой»).

Настоящий учитель

Четвертая школа была создана в начале пятидесятых годов в первую очередь для детей офицерского состава осевшего в Умани авиационного полка, далее – детей сотрудников сельскохозяйственного института, жителей ближ-

них кварталов и, наконец, печально славившихся простотой нравов и непредсказуемостью обитателей предместья Новая Умань.

Один из них, некий Грабик, осенью пятьдесят восьмого года убил отказавшую ему во взаимности студентку медицинского училища – был открытый судебный процесс в Доме культуры, с радиотрансляцией на площадь, был смертный приговор. На некоторое время репутацию уважаемой школы испакостил недоучившийся уродец.

Другой абориген, мой одноклассник Володька Плахотнюк, в свои двенадцать лет занимал высокое общественное положение – был членом взрослой сборной городского физкультурного общества «Спартак» по акробатике. Запросто мог исполнить «сальто назад» с места, с форсом продемонстрировать связку «рандат-фляк», изогнувшись крутой дугой, сделать «мостик».

Ранняя слава при врожденном экстремизме характера и отсутствии выправляющего домашнего воспитания дала спортивному вундеркинду опасное ощущение вседозволенности, превратив его в бездумно-импульсивного возмутителя школьного спокойствия, а отсутствие образовательных достижений перевело в граничный слой возможных изгоев.

Недолгое соперничество малолетнего тирана с педагогической требовательностью финишировало на годовой контрольной по русскому языку, которую для нашего шестого класса проводила изумительная Прасковья Михайловна Никитенко – *«Ее гибкие невучие руки свет преломляли»*⁹⁶.

Незадолго до этого она – себе на беду! – прервала процесс изучения получившими первый гормональный удар подростками «нехороших» трофейных фотографий, тайно от родителя доставленных вздорным Плахотнюком в класс. Разоблачение обеспечило тому битые по мордасам в семейном кругу, возбудило в нем острую жажду мести.

Из всей породы сукиных детей
Плюгавенькие шавки – всех лютей³².

Низменный замысел исполнил в тот момент, когда Прасковья Михайловна, размеренно читая текст диктанта, миновала парту худосочного спортсмена. Он незаметно для обидчицы стряхнул напитанную чернилами перьевую ручку на ее белоснежный костюм. Девчонки предательски завизжали, учительница ахнула и в полубморочном состоянии выбежала за дверь.

После недолгого общего замешательства со стороны учительской раздался форсажный рев турбин реактивного бомбардировщика, и в класс влетел завуч Василий Васильевич Романченко (среди школьников – просто Вась Вась).

...его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза⁵⁰.

Разъяренный педагог, о романтической увлеченности которого очаровательной коллегой не знали только наивные «первоклашки», подхватил ненавистного калибана за воротник и с брезгливым выражением лица навсегда вынес за порог учебного заведения.

...Конец пятидесятых – начало шестидесятых годов. Не так много времени прошло после войны, редкий мужчина за тридцать не горел в ее пламени, не калечил психику наблюдением и ощущением ее ужасов, непрерывным ожиданием смерти.



Отмеченные счастливо судьбой, избежавшие роковой пули или осколка, прошедшие госпитали, выжившие после плена и с ним связанных репрессий, люди эти были «солью земли» послевоенной эпохи, важнейшим нравственно-созидающим фактором жизни страны.

Они были среди наших воспитателей – учили с толком своим наукам, подавая пример поведения и образа мышления. Они были настоящими мужчинами, закаленными фронтовыми тяготами, в которых первенствовала кристальная честность и обостренное чувство справедливости.

Через пару лет после изгнания маломерного яacobинца жизнь повторила пройденный сюжет на выпускном экзамене по физике в гораздо большем масштабе. Тогда сын труженика комитета госбезопасности Абрамова, по долгу службы покрывавшего Уманский район, «как бык овцу»¹⁵⁶, не беря во внимание присутствие членов уважаемой комиссии, с выложенного на парту учебника Перышкина и Крауклиса не спеша выписывал точные ответы на вопросы билета. Замечание завуча сбило прицел оболтуса с обрабатываемой строки, он занервничал, последовали бурная и ненормативная реакция, кидание книги и бумаг, бегство из класса. Василий Васильевич без колебаний выставил перспективной бездарности выпускную двойку, с законным правом пересдачи проваленного предмета к исходу августа, когда завершаются приемные экзамены в вузы и открывается сезон бритья лбов рекрутам.

Понеслось дерьмо по трубам. Чадолубивый чекист нажал на все педали, напел отцам города о некомпетентности и грубости Романченко, подкопившего крылья молодому орлу, о нервном срыве у мальчика, о его попытке суицида.

На молодого песталоцци давили, просили, мягко (с учетом недавно состоявшегося двадцатого по счету партийного съезда и начавшейся «оттепели») уговаривали выправить оценку, добавить к ней хотя бы балл, но учитель был непреклонен.

«Был любителем чести и правости и храбростию не оскудевал»⁸, – эти слова в полной мере можно отнести к Василию Васильевичу. Стойкости духа добавляла симпатизировавшая ему заведующая горно Наталья Трифоновна Зеленая, видевшая, возможно, в нем, закончившем войну с тяжелым ранением, сходство с единственным сыном Вадимом, умершим от ран в харьковском госпитале.

В Умань Наталья Трифоновна приехала после войны – восстанавливала школьное образование, более двух десятков лет поддерживала его высокий уровень, продуманно совершенствовала. Она принадлежала

В этом потускневшем от времени семейном снимке – аромат моего детства, сладкого и беззаботного. Он сделан летом 1956 года возле дома по Оранжевой улице, в котором жила наша семья (в прошлом – парадный вход в парк «Софиевка»). Ныне в нем – музей Уманского аграрного университета.

В центре снимка – китайка Гоу-чань-хуа, учившаяся в аспирантуре Уманского сельскохозяйственного института; отец был ее научным руководителем.

«Я вышел из ребячества тогда, я был в счастливом возрасте подростка...»



Апрель 1961 года. *«Школьные годы чудесные...»* Ребята с нашего двора, дети преподавателей Уманского сельхозинститута, на опушке парка «Софиевка» строят планы внешкольных занятий на текущий день: орел – на стадион, решка – на парковые скалы, монета дыбом станет – домой, и за уроки. Слева направо: Степан Беззубенко, автор этих строк, Валерий Ольховский, Сергей Галушко, Витя Головцов. *«Где вы, дружески обеты и отвага? Поглотились бездной Леты эти блага».*



«Чекан изящества, зеркало вкуса...» – лучшая из лучших педагогов средней школы номер четыре города Умань Прасковья Михайловна Никитенко привечает первоклашек в их первый школьный день. Снимок конца пятидесятых годов.



Конец мая 1961 года. Василий Васильевич Романченко, завуч и учитель истории средней школы номер четыре города Умань, с выпускниками девятого класса. В последнем ряду, третья слева, Таня Рыженкова (*«Извилина неярких губ капризна и слаба, но ослепителен уступ бетховенского лба»*), рядом с ней – Слава Высочин. Вскоре вспыхнувшая между этой изумительной парой любовь неземная была глубокой, нежной, трогательной и... трагичной. После выпускных экзаменов Таня тяжело заболела и спустя два года умерла на руках своего юного мужа. *«Цветок фиалки на заре весны, поспешный, хрупкий, сладкий, неживучий»*. Об этом – в новелле *«Школьная любовь»*.

к недолго просуществовавшему классу настоящих большевиков, клавших жизнь во благо народа, пропускавших дела и поступки свои через высокую очистки фильтр совести.

Закон, живущий в нас, называется совестью. Совесть есть собственно применение наших поступков к этому закону.

(И. Кант)

Перед началом учебного года младший Абрамов, с кислой миной на физиономии, посетил школу для повторного экзаменационного испытания. Василий Васильевич без слов вписал в ведомость удовлетворительную отметку, что, впрочем, не имело особого значения – балбес уже числился студентом сельскохозяйственного института.

Как утверждает студенческая поговорка, абитуриенты бывают либо божьи, либо позвоночные.

Детские картинки

Где-то, когда-то, давно-давно тому назад, я прочел одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною... но первый стих остался у меня в памяти: «Как хороши, как свежи были розы...».

И. Тургенев

Несметное количество, десятки видов и сортов роз удивительной цветовой гаммы – белоснежных, желтых, бледно-розовых, нежно-голубых, темно-бархатных, черных – можно было наблюдать с балкона нашей квартиры в начинавшемся от институтской оранжереи Партерном амфитеатре, еще называвшемся Террасой роз.

Они росли в одиночных кустах («солитерах») на широком верхнем выступе террасы, вились по отделявшей ее – от дугой изогнутой аллеи – опорной каменной стене, заполняли рабатки у симметричных, серпантинном изгибавшихся дорожек.

Их дивный, щекочущий ноздри и кружащий голову аромат, с начала июня и до конца «бабьего лета» насыщавший наше жилище, стал для меня ассоциативным маркером, по которому из долговременной памяти извлекаются и ожидают сердцу дорогие картинки семейного быта тех далеких лет.

Запах... Вдыхаю невольно
Это холодное пламя...
Оно омывает память,
Как музыкальные волны⁵².

Видится мне прежде всего теплый летний вечер. Стихает стрекотание кузнечиков на склонах долины, в парковых прудах набирает силы брачный хор лягушек, мелькают изредка силуэты птиц, резко меняя направление полета, гоняются за добычей летучие мыши («кажаны»). Надвигающаяся ночь размывает и поглощает контуры, оставляя один – между заполняющимся звездами

небом и теряющими очертания, сливающимися в мрачный, вызывающий почти мистический ужас массив, деревьями.

Где-то тень летучей птицы
Промелькнула, замерла.
В старом парке стало тише,
Всюду трепет, всюду мгла⁵³.

В центре комнаты, под абажуром, на круглом столе – чашки с недопитым чаем; на диване, перебирая струны на гитаре, сидит мама. Несмотря на боль в перебинтованном колене (упала, развешивая гардины), у нее хорошее настроение, она полусотливо исполняет песенку своей молодости:

«Я Мишку встретила на клубной вечеринке,
Картину ставили тогда "Багдадский вор".
Глазки серые и желтые ботиночки
Зажгли в душе моей пылающий костер».

Пению мешает приглушенный эфирный треск и шум из-за двери в соседнюю комнату. Там, укрыв одеялом голову и радиоприемник, отец вылавливает «вражьи голоса», вещающие о визите Никиты Сергеевича в Америку, анекдоты от Шепилова в его честь, куплеты и частушки – «Пусть послужит кукуруза для Советского Союза». Громкость звучания граничит с опасным уровнем – у отца неладя со слухом, по этой причине ему, наивному, кажется тайным небезопасное увлечение...

Приемник включался в особых случаях, долгое время его заменяла радиоточка с ныне антикварным черным динамиком-тарелкой. Каждое утро под музыкальное вступление «На зарядку по порядку, на зарядку по порядку становись!» батя – в неизменных портках вместо спортивного трико – открывал форточку и, глубоко вдыхая и быстро выдыхая, махал руками, приседал и прыгал под инструкции ведущего Гордеева.

По вечерам слушали с мамой передачи «Театр у микрофона», по воскресеньям – «С добрым утром!», в которой очаровывала слушателей ведущая Галина Орлова, непременно передавались выступления мамино любимца Аркадия Райкина, Тарапуньки и Штепселя, Мироновой и Менакера, песни в исполнении Тамары Меансаровой, Майи Кристалинской:

«Ландыши! Ландыши!
Нежного мая привет.
Ландыши! Ландыши!
Первый букет».

Учебная и рабочая неделя еще были шестидневными, единственным выходным днем распорядился очень продуманно, без потери выгод и удовольствий. После освежающей дозы радиоюмора отправлялся в институт, где на мамин деньги докупал открытки для своей коллекции в расположенном в цокольном этаже киоске, в буфете выкушивал любимые сливки с рогаликом.

От передовицы до состава редколлегии прочитывал обширную студенческую стенгазету, в которой клеймили позором империалистов, прогульщиков



«Славные люди! Радуешь их честно, лести им противна, а спесь неизвестна». Неповторимый, мудрый и обаятельный Иван Маркиянович Карасюк. выходец из беднейшего украинского селянства, он умом и настойчивостью добился великого авторитета в сельскохозяйственной науке, в подготовке специалистов. На фронт ушел с выпускного школьного бала, войну отвоевал артиллеристом, Великую Победу встретил в Берлине. Демобилизовавшись, поступил в Уманский сельхозинститут, остался в нем на всю оставшуюся жизнь – стал уважаемым профессором, создателем своей школы в земледелии.

Снимок 1989 года – будущий профессор Виктор Прокофьевич Сигида оценивает посевы тритикале (гибрид пшеницы и ржи). Слушал лекции моего отца в конце пятидесятих годов. Как и отец (1956–1958 гг.), он был директором Верхнячской сельхозопытной станции (1970–1976 гг.). Испытывал отцовский сорт ржи «Восход».

Гиперактивная личность, ходячая энциклопедия, щедрой души человек – добрый, искренний, бескорыстный.



На снимке середины шестидесятих годов – молодой доцент и будущий профессор Юрий Николаевич Терещенко. Очень системный, строгий и четкий человек, он был внимательным и благодарным слушателем лекций доцента Головцова. Убеждал меня, что хоть отец не пил, не курил, охотой и рыбалкой не увлекался, в преферанс не играл, он не был, как я утверждаю на страницах книги, белой вороной в преподавательской и студенческой среде, а был очень общительным человеком, добрым и открытым с молодежью.





Михаил Иванович Латюк. Главный бухгалтер Уманского сельскохозяйственного института в послевоенные годы. Добрейшей души человек, чудный детский воспитатель. Наше с братом раннее детство прошло в тесном общении с ним. Он научил нас любить природу, понимать и беречь ее, сделал из нас азартных грибных охотников.



Антонина Кузьминична Ольховская-Буркова (1919–2003 гг.). Была не только замечательным преподавателем и научным работником (профессор, заведующая кафедрой защиты растений!), но и блистательным кулинаром. На ее лукулловых застольях фаршированные карп или щука неизменно первенствовали в оценках гостей.

Ее сын, Валерий Ольховский, поступив в Ленинградский электротехнический институт (ЛЭТИ) в 1962 году, определил и для меня мою *Alma Mater*.



Нина Евгеньевна Попова. Доцент сельхозинститута, специалист по земледелию. Милая, интеллигентная женщина, она не один час провела в добром общении с моей мамой, обсуждая с ней варианты укрощения своих сыновей – меня и ее Степу, – ни в чем, до драки, до кровопускания, не уступавших друг другу.

и двоечников, обменивался репликами с томившимся в полупустом корпусе дежурным. В сезон около его стола всегда стояла большая стеклянная ваза, в которой сотрудники кафедры ботаники демонстрировали свежесорванные цветы со своей опытно-учебной плантации, расположенной у Нижнего пруда.

Изюминкой экспозиции были роскошные гладиолусы, на которых специализировался заведующий кафедрой Николаев. Ходили упорные слухи о былых связях сухонького, очень добро-го и деликатного профессора с белым движением, о его закадычной дружбе с певцом Иваном Козловским, который подтвердил ее приездом на юбилей к товарищу по оружию, дав сольный концерт в актовом зале.

В сухую погоду в компании счастливых владельцев веломашин бороздил парковые просторы, затем все вместе играли в велобол на площадке между институтскими корпусами. Непредсказуемыми траекториями летал резиновый мяч, скрежетал металл, трещали лбы и носы, традиционно страдал в послематчевой истерике и бил об асфальт дамский велосипед старшей сестры Степка Беззубенко.

Однажды, оставшись без зуба (почти каламбур!) после очередного выяснения отношений со мной, такого же заводного, но более успешного в драке, он с криком «Если вы не уймете вашего Шурку, я его убью!» вломился в нашу квартиру, побудил к очередному туру переговоров двух интеллигентных женщин: мою маму – Нину Сергеевну и свою – обаятельную Нину Евгеньевну. Впрочем, был Степан рьян, да отходчив.

Четверть века спустя он, осевший на полуострове Камчатка, прилетел к неизлечимо больной матери на последнее свидание. Нина Евгеньевна, дабы сын не повторил дальний путь на неотвратимо близкую скорбную церемонию, за несколько дней до его отъезда покончила с собой – выбросилась из окна квартиры.

В перечне занятий, увлекавших недорослей моей поры, выделялась носившая характер эпидемии игра в настольный теннис. Сложными путями добывались стойкие к ударам китайские шарики (марки «бабочка»), стандартные ракетки переделывались в двухслойные (типа «сэндвич»), с различной толщиной мягкой и жесткой резины – в зависимости от атакующего или защитного стиля игры ее хозяина. Игры на вылет собирали длинные очереди – теннисные столы (до них еще нужно было добраться!) эксплуатировались с утра до ночи.



Такой стол, изготовленный по спецзаказу четы Демченко в столярной мастерской института для их отпрыска и кумира Павлуши, требовал от заседавших на приватное имущество гостей тонкой дипломатии и умелой уступчивости. В случае долгого игрового простоя его владельца контролировавший через окно ход состязаний Иван Макарович (заведующий кафедрой химии) мог быстро восстановить баланс семейных интересов. Павел противился чрезмерному, принижающему его нарождающуюся мужественность родительскому вниманию, и это давало мне возможность, тонко льстя твердости характера младшего друга, продлевать для себя игровое время.

Активное общение к концу дня сменялось созерцательным – коллективным походом в кино. В те скудные на зрелищные увеселения годы оно было для нас, малолетних провинциалов, желанным и доступным развлечением, которому, к сожалению, иногда мешала ограничивающая возраст зрителей приписка на афише.

Запретный плод сладок. Однажды старший, но еще не достигший шестнадцати лет приятель Виктор Прутников разработал план как его вкусить и пригласил меня в соучастники исполнения замысла. В перерыве между вечерними сеансами, когда контролер вышел перекурить, мы выбрались из убежища под лестницей на первом этаже, поднялись в актовый зал, где залегли между рядами кресел неподалеку от экрана.

Услышав чеканный шаг командора, поднимавшегося неспешно по каменным ступеням, жестоко раскаялся в содеянном, в собственной податливости и легкомыслии. Ужас сковал тело, кровь заледенела, органы чувств частично отключились. Функционировали – в избирательном режиме – только слух и зрение, настроившиеся на прослушивание и отслеживание сквозь частокोल сидений пары гигантских сапог охотника за «зайцами».

Сапоги прогремели за кулисы, там потоптались, затем вернулись к входу. К нашему лежбищу не завернули – то ли их владельцу не хватило фантазии представить меру дерзости возможных лазутчиков, то ли сила страха впредсговорила нас с подельником в паркетный пол кинозала.

С началом сеанса вернулось соображение. Взвинченный мозг впитал все детали венгерского фильма «Анна Эйдеш», его единственную «клубничную» сцену – прибывший на побывку гусар ловко «заваливает» молоденькую горничную, превращая тем самым ее, через известный срок, в мать-одиночку (далее изгнанную из дома родителями ветреного шалопаю).

Лихо исполненный прорыв в кинематограф добавил мне веса в глазах окружения. По его итогам сделал очень толковый, с проникновением в интимные нюансы доклад на очередном проблемном симпозиуме в палисаднике, напротив нашего дома по улице Оранжевой.

С долгожданным ледоставом на весь зимний сезон становился на коньки, сбрасывая их лишь на время сна, приема пищи (правда, не всегда), посещения школы и быстрого приготовления уроков. Особо радовали первые бесснежные морозные дни, дававшие возможность скоростного катания по сияющему гляncем обширному ледовому пространству Верхнего пруда – от ломких камышовых зарослей, мимо острова Любви, до шлюзовых ворот.

Устраиваемый каток превращался в место народных гуляний, назначае-

мых свиданий, в площадку для многочасовой игры в хоккей самодельными «клюками». Настоящую клюшку и плетеный оранжевый мяч получил, после пары сезонов усиленных тренировок, от милейшего Дмитрия Кузьмича, распорядившегося спортивным инвентарем кафедры физкультуры. По его рекомендации был включен в свою последнюю школьную зиму в состав команды института на встречу с командой воинской части, дислоцировавшейся в помещениях бывшего василианского монастыря.

В конце матча бил штрафной вблизи ворот соперника. Широко размахнувшись, прицелился, ударил и промазал, пролетевшей мимо мяча клюшкой отправив подвернувшегося под руку соперника в нокдаун, – ряды воинов дрогнули, и они капитулировали.

Открывшееся в седьмом классе запойное чтение Джека Лондона возбудило желание повторить в деле одну экзотическую деталь его сюжетов – переходы на собачьих упряжках. Роль ездового (увы, единственного) пса и жожака была доверена нашей добрейшей дворняге по кличке Радес, коротавшей собачий век на цепи у небольшого сарайчика.

Невольника расковали и подвязали поясным ремнем к обычным санкам. Исполнявший роль каюра Валерка Ольховский с криком «Цоб-цобэ!» длинным шестом чуть поддал песику по ребрам. Тот, вынюхав меня, побежавшего по обледенелому асфальту со стимулирующей колбасой в руках, рванулся вдогонку.

Через два-три десятка метров пути линию движения нашего карavana пересекла потрепанная сучка с веером кавалеров. В истосковавшемся на привязи барбосе проснулся настоящий кобель – он резко, с ускорением сменил курс и, вывалив Валерку на дорогу, влился в поток свадебного путешествия.

Санки с оборванной постромкой вскоре нашлись в соседнем дворе, в зарослях сирени. Гуляка объявился через несколько суток – истерзанный изнурительным гоном, он лежал у будки и жалобным взглядом подтверждал готовность за миску похлебки и сахарную косточку вернуться к исполнению своих прямых обязанностей.

О силе в воспитании

Влияние улицы на старшего сына – по отцу импульсивного, вспыльчивого и обидчивого, – совершавшего непростой переход из детства в отрочество, держало маму в состоянии постоянной боевой и дипломатической готовности.

Всех мной приводимых в дом новых приятелей привечала, но, замечая в свежих знакомствах рискованные перспективы для своего склонного к преувеличениям чада, косвенными оценками и намеками, мягко и безболезненно прерывала намечавшиеся опасные связи.

По такой схеме быстро закончилось мое приятельство с Валеркой Бондаревым, младший брат которого прославил фамилию исполнением роли юркого партизанского связного, по прозвищу Сахар, в только что снятом в Умани фильме «Орленок». Чуть сутулый, с мутноватыми голубыми глазками, одно-

классник долго гипнотизировал пацанву непривычными фантазиями на тему физиологических походов в компании с юннатами постарше, пока не стал, под мамины комментарии, откровенно скучен своим однообразием и примитивизмом.

С такой же итоговой оценкой финишировали, едва начавшись, отношения с соседом по парте Колькой Гедзюком, гордившимся покровительством братьев Маковеев, старший из которых считался в рассматриваемый период городским «королем». Титул этот брали себе лидеры сбивавшихся в стаи подростков, видевших особый шик в имитации блатного образа жизни взрослых маргиналов, со всей атрибутикой внутривидовых отношений.

Впрочем, старшие Маковеев, уважаемые в городе люди (дантист и гинеколог!), в лучших традициях еврейского рационализма и преемственности профессий решительно прервали бездумное подражательство – своевременно пристроили деток к аптекарскому и лекарскому ремеслам.

После них группировку неформалов составил некий Мирон (или Мирик), хлипкий «наполеончик» с семенящей походкой и характерно выдвигнутым, в процессе движения, правым плечом. Запомнился шумными монархическими прогулками в сопровождении очередной фаворитки, ординарцев, порученцев и прочих «шестерок» по вечернему «бродвею» города и крысиным взглядом.

Параллельно, как конкурирующая, развилась, но недолго просуществовала славянская линия Петра Корниенко. Его сменили братья-разбойники Языковы, засидевшиеся в отроческих забавах и ставшие, со временем, постоянными клиентами пенитенциарных учреждений.

В студенческие годы, читая Иосифа Флавия, узнал о братьях Маккавеев («молотобойцах»), поднявших в 165 году до н. э. народ Иудеи против сирийских оккупантов и ими умученных. Позже подивился тому, что фамилия библейских героев дала наименование православному празднику «Медовый Спас» – «Маковей».

В борьбе за неокрепшие детские души с тлетворным влиянием улицы традиционные подходы и приемы русской разночинной интеллигенции, в исполнении мамы, первенствовали. Сила маминого искусства воспитания состояла в отсутствии силы в воспитании, в недопустимости физического, психического, речевого давления на детей. Никогда не позволяла резких слов, назидательных речей, обидно-несправедливых характеристик – наставляла ангельскою кротостью, а не палкой по кости.

В детстве тоньше жизни нить,
Дни короче в эту пору...
Не спешите их бранить,
Но балуйте... без зазору⁵⁷.

Ровно-спокойным нравом, тактом и деликатностью формировала, шлифовала детские характеры, начитанностью, эрудицией своей подавала пример к развитию мыслительных способностей, стимулировала школьную учебу как стартовое накопление знаний, пробуждала желание самостоятельных познаний. Обладала удивительным даром непрерывного, позитивного воздействия,

позволившего ей неспешно приучить детей – меня, брата и сестру – к правдивым самооценкам, к тому, что плохие поступки ждет обязательное осуждение и что их последствия осложнят жизнь (прикладная реализация нравственного принципа древнееврейского мудреца Гилеля: «Не делай другим того, что неприятно тебе самому»).

В отличие от мамы, отец – выходец из крестьянских низов, природными целеустремленностью и умом многого достигший, – в спорадических воспитательных вспышках, возникавших в случае непослушания сына, точно повторял установление старинного «Домостроя»: «Наказывай детей, бей ребенка, если прутом посечешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смуты».

Жестких отеческих наставлений во второй половине школьных лет было несколько. Очередная дидактика существенно снижала родительский авторитет, выведя его, в итоге, на критический уровень. В первый раз папеньку «заискрило» в душном августе пятьдесят девятого года, в субботу, значившуюся в семейном календаре обязательным баннным днем.

Жизнь в доме без гигиенических удобств обязывала к регулярным омовениям в городских термах. В них глава семейства, чьи родовые корни уходили в глубины брянских лесов, подолгу охаживал себя березовым веником на верхней полке парной. Мы с братцем терпели «головомойку», предвкушая ужин в буфете помывочного заведения, с напитанной чесноком домашней колбасой и парой стаканов пенящегося томатного сока от сефарда Яши.

В тот злополучный день выход в баню сорвался в самом начале – отец, увидев в уложенной мамой стопке сменного детского белья синие сатиновые трусы, потребовал заменить их на кальсоны. Надеть презираемые пацанами подштанники, да еще летом, означало для набирающего мышечной крепости тринадцатилетнего мальчишки верную гражданскую смерть, дальнейшее существование (а не жизнь!) с несмыаемым клеймом слабака и неженки.

В результате состоявшихся жаркого диспута в рамках программы «Отцы и дети» и нещадной порки ушел (точнее, убежал) из дома с твердым намерением никогда в него не возвращаться. Составленная мамой из соседей поисковая группа обнаружила меня поздним вечером в парковых зарослях, в которых готовил жилище будущего тарзана. После нескольких туров переговоров, доверившись маминой гарантии неприкосновенности, уже несколько другим человеком вернулся под родительскую власть.

«Первое ощущение насилия и несправедливости так глубоко запечатлены в моей душе, что все мысли, связанные с ним, будят во мне и прежние волнение; и это чувство, в своем истоке относившееся ко мне, так упрочилось и так отрешилось от всего личного, что при виде любого несправедливого поступка или даже при рассказе о несправедливости, над кем бы и где бы ее ни совершили, – мое сердце так горит негодованием, как будто я сам являюсь жертвой» (Жан-Жак Руссо, «Исповедь»), – эти, написанные почти два столетия назад от моего детства, слова в точности предвосхитили мои ощущения, душевный настрой после незаслуженного, унижительного наказания. Совершившееся насилие сделало меня в последующей взрослой жизни (при всех личных слабостях и недостатках) остро чувствующим несправедливость и воинственно ей противя-

щимся человеком: будь то бытовые неправоты, бездушье, оскорбления или ограбление, унижение, подавление большинства меньшинством, под псевдодемократический речитатив и обгаживание деяний и достижений предков, вот уже полтора десятилетия наблюдаемые.

Генной теории не возразишь. В запальчивой перепалке со взвинченным отцом, чьи нервы до предела расшатала проведенная в танке война, повторил его отнюдь не второстепенные качества: упрямство и силу воли. В ситуации первого психического потрясения они укрепили характер, дали начало чувствам собственного достоинства и самоуважения, дозревшим в лучах уважительности, ласки и доброты от моего доброго гения. (Не могу не излагать возвышенно-торжественно!)

Да святится имя твое, мамочка!

Моя звездочка

Любовь дает много наслаждений. Но никогда, никогда она не бывает так остра, тонка и нежна, как тогда, когда еще не высказана и не разделена.

А. Курпин

Перейдя рубикон шестнадцати лет – паспортный возраст предварительного формирования физиологии и психики «не мальчика, но мужа»⁶⁰, – ощутил и пережил искреннее, чистое и нежное чувство влюбленности.

Было оно, как внутреннее озарение, как великое жизненное открытие, как взрыв счастья и одновременно отчаяния от его мимолетности – только несколько дней, вдали от родного города, длилось взаимно радостное общение с девочкой, давшей первый трепет моему отзывчивому на ласку сердцу:

Три счастливых дня было у меня,
Было у меня с тобой...⁶¹

Пути наши пересеклись в начале июля шестьдесят третьего года, в небольшом молодом и очень симпатичном городке Ватутино, на липовой аллее молодого парка, по которой, с ракеткой наперевес, спешил веселыми ногами на утреннюю игру командного первенства Черкасской области по теннису среди школьников.

Ранний, чуть видный рассвет,
Сердце шестнадцати лет.
Сада дремотная мгла
Липовым цветом тепла⁶².

В резвом перемещении в сторону предстоящего спортивного зрелища компанию мне составляли его немногочисленные, преимущественно юных лет зрители. Из двух оказавшихся на линии движения девчонок одна, стройная, русоволосая, с выразительными синими глазами, безотчетно и безрассудно смутила меня.

Синеглазая, бог тебя создал такой.
Гений первой любви надо мной...³⁷

Была игра. Как на рыцарском турнире, где присутствие Прекрасной Дамы укрепляет дух и прибавляет прыти кавалеру, сражался, аки лев рыкающий, с соперником, проявляя более азарта, нежели умения, и преуспел. Но слова благодарности – за поддержку самим фактом присутствия – очаровательной незнакомке, которые заложил в куртуазно спроектированную фразу, должны были также стать приятным поводом к развитию отношений, остались произнесенными – «*Прильне язык к гортани моей*»⁶³.

Выручил товарищ по команде, одноклассник Иван Авдеев, с которым – как монополисты на единственный в Умани корт на институтском стадионе – третий год подряд безальтернативно и на компанейских началах служили в городской сборной. В свои неполные семнадцать лет смотрелся он таким напористым, половозрелым бычком, считался мастером атак и «обольщения» ветеранов мисс. Правда, представляясь им, ломал ваньку – именовал себя Эдиком.

К вечерним играм начинающий ловелас был уже на короткой ноге со второй – яркой, кровь с молоком – девчонкой, чем привел своего худотелого и несмелого компаньона к естественному знакомству с ее подружкой по имени Ирина и бурному *et cetera*.

Был праздник – сказка, из жизни родившаяся, – с прежде неведомой для ее нежного возраста персонажей силой взаимоотношения; с ликующей и звонкой радостью общения; с высокой чувствительностью и деликатностью отношений; с казавшимся пожизненным интересом друг к другу.

Свиданий наших каждое мгновенье
Мы праздновали, как богоявление⁶⁴.

По аккуратным, сходящимся к памятнику вождю улицам мы бродили с промежуточными посиделками в скверах и палисадниках по шахтерскому местечку (выстроенному после войны у скоро иссякших залежей бурых углей), беззаботно дурачась и судача о недавнем детстве, о школьных товарищах и учителях, о планах на будущее.

С запасом провианта, добытым переводом в сладости и лимонад талонов на трехразовое кормление юных спортсменов, совершали пасторальные выходы далеко за предместья, в прозрачные рукотворные рощицы, где с чувством читал внимательной слушательнице отрывки из любимого романа Ремарка «Три товарища» – о крепкой мужской дружбе, о верной любви.

С наступлением сумерек укрывались от смущавших нас людских глаз в темных парковых аллеях, по которым в чинном молчании допоздна прогуливались неспешно, взявшись за руки (единственная вольность в наших целомудренных отношениях). Легкая дрожь теплых тонких пальчиков, перебиравших мою ладонь, вызывала словно перетекающую в меня горячую и сладкую волну неясных чувств, сдавливающих сердце, приостанавливающих дыхание.

Я пальцы этих рук беру с волнением
И наслаждаюсь их прикосновением⁶⁵.

Все восхищало, все умиляло в моем грациозном кумире – легкий, еще детский пушок на руках, рельеф формирующейся груди, тонкое очертание про-

филя, стройные загорелые ножки, перехваченный резинкой гибкий пук волос («хвостик»).

Иногда заходили вдвоем на открытую танцевальную площадку, подстраивались к местной молодежи, пульсирующей в «забойных» ритмах новых, свыше одобренных танцев, которым обучал обязательный массовик-затейник. Помнится, то были придуманный в демократической Германии танец «Липси» и отечественный – «Ай-люли»:

Ай-люли! Ай-люли! Это новый танец.
Ай-люли! Ай-люли! Он не иностранец...

К исходу турнира ситуация сложилась так, что победа в последнем матче обеспечивала мне итоговое первенство и, самое главное, продолжение пребывания в городе на недельных сборах, для тренировок в составе сборной команды области перед отъездом на первенство Украины в Харьков.

Прекрасная перспектива, стимулирующее присутствие среди болельщиков Иры окрылили. Самонадеянности добавил выигранный на одном дыхании, в небрежно-атакующем стиле первый сет. Во втором – сломался: пара последовательно-неудачных подач привела к дрожи в руках и коленках, определяемой спортсменами как «мандраж». К тому же игравший исключительно в защите Толя Плахтий, из города Смела, не ошибался и с олимпийским спокойствием довел до победы матч против остолбеневшего соперника.

Дальнейшее – как в тумане: безбрежное горе, слезы отчаяния, перемешанные с потом, ладонь дорогой девочки на моем лице, ее негромкие торопливые слова утешения, ее хрупкая фигурка в белом ситцевом платице – с разбросанными по его полю васильками – на перроне автовокзала, ее неловкий первый и последний поцелуй на прощание...

Однажды, наблюдая скучными глазами много пожившего человека, как забежавшая в мой сад белка суетливо прячет в опавших листьях грецкие орехи, ощутил легкий – ассоциативного свойства – укол в сердце, напомнивший мне, как много-много лет назад такой же тороватый зверек, стоя на задних лапках, выхватывал ломтики печенья из рук «маленькой принцессы».

Он поднял из глубин памяти долго там хранившиеся в смутных, полузабытых образах детали великого потрясения первой любовью, которое пережил в провинциальном украинском городке «*на заре туманной юности*», вызвал грусть и благодарность той далекой звездочке, ласковый свет которой – сквозь мглу времени – вновь озарил меня.

Так мне теперь предстали ясно
Когда-то милые черты...
И ныне так же ты прекрасно,
И так же тихо светишь ты!

(И. Аксаков)

Мой идол

К чтению пристрастился в нежные дошкольные лета при мудром содействии милой мамы, в чьем роду осмысленно-почтительное отношение к русскому слову было наследуемой традицией. Тогда же увлекся книжным собирательством, с обязательным учетом и систематизацией – постепенно, с первого класса пополнял личную библиотеку, помечая каждую книжицу рукописными инвентарным номером и экслибрисом «Из книг Шуры Головцова».

В мамином детстве также была библиотека, богатая и содержательная, с томами приложений к журналу «Нива», с ценными – на веленовой бумаге – изданиями в ручной работы переплетах: сафьяновых, коленкоровых, золотообрезных, с кожаными задниками.

Как переполненные соты –
Ряд книжных полок. Тронул блик
Пергаментные переплеты
Старинных книг⁶⁶.

Уникальное собрание книг было разграблено и уничтожено в оканном 37-ом году, после ареста и убийства моего деда, Сергея Парменовича Афанасьева.

Генетическая предрасположенность к чтению, «влечение, род недуга»⁶⁷, скоро трансформировалась в подобие лихорадки, в неумное желание «поглотить» максимальное количество книг при минимальных затратах времени: читал за едой, читал по ночам, с фонариком под одеялом, читал тайком – с дисциплинарными последствиями – на уроках.

Вместе с тем официальная оценка знания русского языка и литературы, которую с шестого класса получал от очаровательной, строгой и чуть ироничной Прасковьи Михайловны Никитенко, долгое время ограничивалась не всегда убедительной четверкой.



Она была насмешлива, горда,
А гордость – добродетель, господа⁶⁸.

Выстрадавшему «хорошо» радовался, как боевому трофею, добытому в неравном противостоянии с умелой, знающей, увлеченной своим предметом наставницей, которой дополнительной педагогической силы добавляли характер и эффектная внешность. Когда она – молодая, элегантная, горделивой осанки женщина – входила в класс, малолетняя аудитория замирала под ее гипнотической силы взглядом и в течение учебного часа под ее восхитительной дикции голос демонстрировала послушание, внимание и активность в усвоении правил грамматики и лучших образцов русской словесности.

Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса⁶⁹.

Урожденная тверичанка, она в конце пятидесятых годов, вместе с мужем (вскоре умершим) и двумя детьми, приехала в Умань, где осела (как выяснилось – на всю жизнь), поступила на работу в среднюю школу номер четыре. В учительской среде – одной из интеллектуальнейших в городе – прелестная, уверенная в своем обаянии учительница выделялась трезвой пронизательностью ума, высоким чувством собственного достоинства; в ней чувствовалась порода.



Одним словом, женщиной на ять была Прасковья Михайловна – красива лицом и умом.

Под прессингом ее возвышенных качеств находился несколько подростковых лет, весь период закономерной телесной и душевной ломки, пока в последнем, одиннадцатом классе новое мироощущение не возбудило и новое восприятие

примы педагогического коллектива – на смену безразличной покорности пришло тайное восхищение ею.

Безвестных наслаждений ранний голод
Меня терзал...⁶⁹

Смена вех наступила на уроке, на котором наш класс писал первое после летних каникул контрольное изложение. В какой-то момент, когда, откинувшись на спинку парты, перебирал в уме яркие события ушедшего лета, неожиданно увидел перед собой учительницу, всматривавшуюся близорукими глазами в мою полупустую тетрадь.

И соблазнительный опасный аромат
Исходит, как дурман, ни с чем другим не схожий,
От смуглой и блестящей кожи⁷¹.

Перед глазами мелькнул небольшой, очерченный декольте изящного костюма треугольник загорелой кожи (и чуть больше!); колдовской аромат духов защекотал ноздри, закружил голову; сердце замерло в сладком ужасе, в висках ударили куранты.

Аналогичный случай был неподалеку от Женевы – тогда, в начале восемнадцатого века, юный Жан-Жак Руссо испытал чувственное удовольствие от наказания розгами, исполненного обожаемой им воспитательницей.

В моей ситуации удвоенная сила внешних и внутренних достоинств у обучавшей меня женщины вызвала наслаждение платонического свойства, за которым пришло желание подтянуться к ее интеллектуальному уровню, быть достойно отмеченным ею. (Так полагал по молодости лет – Фрейда тогда не знали.)

«Духовной жаждою томим»²⁴, подналег на орфографию и пунктуацию, на теорию (образность, метафоричность, могучий гиперболизм!) русского литературного языка, расширил, в рамках учебной программы, круг чтения, отдавая предпочтение возвышающей душу поэзии.

Эстетически окрасил рутинный и скучный процесс заучивания стихов, придав ему характер ритуала. Чуть видными сентябрьскими рассветами, задолго до начала занятий выходил конспиративно из дому, вступал в парк с хрестоматией в руках и, неспешно передвигаясь в сторону школы, задерживаясь у наиболее «вдохновляющих» мест (Площадь собраний, Бельведер со статуей покровителя искусств Аполлона, Кавказская горка), укоренял в память, страница за страницей, основополагающее для человека русской культуры произведение А. С. Пушкина, его «*божественный глагол*».

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал⁷².

Подолгу стоял, декламируя, у высоких, дорического ордера колонн павильона Флоры; вглядываясь в дымящийся утренним туманом Нижний пруд, в жуткой славы Камень смерти, насильно погружал себя в меланхолию, затем, напитанный ею, переходил в Каштановую аллею, завершавшую романтическую часть школьного маршрута.

Не ведал тогда, неначитанный, что этот отрезок пути наиболее гармонично увязывается с деликатным сердечным настроем, в котором пребывал; что именно ландшафтная панорама за миниатюрной Каменкой, так называемая Малая Швейцария, позволила академику Д. С. Лихачеву, автору книги «Поэзия садов», отнести «Софиевку» к числу парков позднего романтизма, испытавших на себе влияние оссианических настроений – с патетикой, сентиментальностью и мрачной безнадежностью.

Тем более не знал, что Оссиан, будто бы шотландский бард III века, является плодом блестящей литературной мистификации также шотландского писателя Джеймса Макферсона, запустившего «его произведения» в тираж в шестидесятых годах восемнадцатого столетия.

Когда пришло время проверке знания «энциклопедии русской жизни», то, стартовав с хвастливой небрежностью с эпиграфа поэмы, уверенно дошел до середины первой главы, после чего был остановлен. Важнее заслуженной пятерки были в удивлении вскинутые брови у моего идола (вместо прежних, саркастически опущенных уголков губ).

Молоденький умок, что тонкий ледок. Состязание продолжил – следующую партию выиграл на творчестве Н. А. Некрасова. Воспользовавшись свободой выбора домашнего задания, избрал для представления концовку (с глубоким подтекстом) стихотворения «Горе старого Наума».

В нем автор описывает успешный деловой путь владельца паточного завода, ограничивавшего себя всю жизнь золотого тельца ради во всех земных удовольствиях – прозрение и переоценка пришли в полсот-

но лет, когда он, подсмотрев невольно на своем постоялом дворе ночные ласки юной пары, искренне пожалел о бесчувственно прожитых годах:

«Я сладко пил, я сладко ел, –
Он думает уныло, –
А кто мне в очи так смотрел?...»
И все ему постыло...

Домашнюю заготовку прочел с великим темпераментом, понижая многозначительно голос в принципиально значимых местах текста – «*Нагая полная рука! У Тани грудь открыта...*».

Бенефис удался. Радуюсь, как мне казалось, произведенному театральному эффекту, улыбался во весь рот. Однако овации, криков «браво!», цветов от потрясенных зрителей не дождался, их заменила наградная отметка в классном журнале, выставленная несравненной, все уразумевшей Прасковьей Михайловной, ее ответная – с понятным только двоим смыслом – «улыбка авгура».

«Тот, кто назвал женщин прекрасным полом, хотел, быть может, сказать нечто лестное о них, но на самом деле выразил нечто большее».

И. Кант

Моя Муза

Как свидетельствует семейная хроника, в возрасте десяти лет мой младший брат Виктор принес на суд маме свое первое стихотворение. Расстилавшийся за окнами квартиры печальный осенний пейзаж красавца парка «Софиевка» оказался созвучным душевному надлому и депрессии автора. Родилась элегия, нежная и сумеречная:

...Вот и осень пришла, улетают птицы,
Семиструйный фонтан уже не струится...



Растроганная мама пригласила меня разделить добрую оценку творению юного поэта – но не тут-то было! Всю мощь поднакопившегося и не растроченного сарказма обрушил на чуждые народу сентиментализм и упадничество.

С несокрушимых позиций социалистического реализма устроил критический погром нарушителю обязательных норм стихосложения – как ниспровергатель Зоил Гомеру, как «неистовый Виссарион» славянофилам, как партия в послевоенные годы ленинградской писательской организации.

Апломба и уверенности в посылах критических стрел добавил личный поэтический опыт: чуть раньше уже имел тайное свидание с Музой – долгое,

обоих утомившее. Больше месяца «пыхтел», сопрягая рифмой весенние мотивы с общественно значимым событием. В итоге вымучил:

Весна! Пришла весна!
Как много светлых дней!
Сегодня Родина должна
В Советы выбрать сыновей!
(О дочерях позабыл.)

На этом действо версификации прервалось. Муза, обескураженная дежурными лозунгами юного визави, ушла, определив на прощание несостоявшегося стихотворца в цех критиков.

Мама, отдававшая предпочтение лирике романтического направления, осуждения и воинственные инвективы старшего сына отвергла. Словами одобрения и поощрения укрепила в любимом «младшеньком» творческое начало.

Это было давно... Я не помню, когда это было...
Пронеслись, как виденья, – и канули в вечность года...
...Это было давно... Я не помню, когда это было...
Может быть, никогда...⁷³

Время незапамятное детства давно прошедшего – в памяти сердца, щемящего в минуты ностальгических побудок, когда из таинственных глубин сознания поднимаются чередой размытые годами картины чудного школьного детства в кажущемся всегда солнечном и добром городке.

Особая, волнующе-холодящая атмосфера школьных занятий – едва слышные из-за закрытых классных дверей монотонно-уверенные, как стук метронома, голоса учителей, не всегда уверенные, порой растерянные или безнадежно унылые голоса учеников. Беспорядочное, броуновское движение ученических масс во время перемен, с галдежом, беготней, криками и визгами.

Пройди по тихим школьным этажам.
Здесь прожито и понято немало!
Был голос робок, мел в руках дрожал,
Но ты домой с победою бежал!
И если вдруг удача запропала,
Пройди по тихим школьным этажам⁷⁴.

Учителя, приводившие беспокойную орду в порядок, наставлявшие, обучавшие и достойно отправлявшие в самостоятельное житейское плавание как учеников, всегда прилежных, так и выправленных башибузуков, оставившие о себе добрую память не одному поколению выпускников.

...Берестежевский Наум Бенционович – прирожденный математик, человек острого ума, аналитического склада мышления, виртуоз в подаче учебного материала. Не раз бывал у него дома, где проводили совместные тренировки перед очередной математической олимпиадой. Невысокий, плотно



сбитый учитель обладал прекрасным чувством юмора, нередко «выдавал по-пури» из любимого Шолома Алейхема: *«...чтоб тебя скрутило, чтоб тебе и болячки, и колики, и ломота, и сухота, и чесотка, и сухотка, чтоб тебя кусало и чесало, трясло и растрясло...»*. Смеялся громко и заразительно, откинув голову.



...Зубкова Зоя Петровна – учительница английского языка, очень симпатичная, аккуратная, всегда ухоженная «миссис» со стройной фигуркой. Те, кто внимательно прислушивались к ее учебным наставлениям (а таковых в нашей школе было немало), получали основательные языковые знания, становились, по примеру любимого педагога, профессиональными лингвистами.



...Гальдус Зоя Александровна – женщина строгой привлекательности, с правильными чертами лица, с копной вьющихся густых, цвета спелой ржи волос, пользовавшаяся непреклонным авторитетом среди старшекласников. Физика, дисциплина в выверенном, строго методическом изложении, приобретала ясность и важность, как все ее непреложные законы, переходившие по принципу сообщающихся сосудов от прекрасного педагога к ученикам.

...Ковальчук Федор Иосифович – преподаватель украинского языка и литературы, ходячий кладезь народной мудрости, шуток и прибауток. Человек, веселый нрав которого не исказила проведенная за рычагами танка война.

Атаманом артель крепка. Ситуация в школе находилась под жестким контролем завуча, учителя истории Романченко Василия Васильевича – человека темперамента холерического, нрава гневливого. Качества эти проявлял раздутыми, выдыхающими огонь ноздрями, сдвинутыми кустистыми бровями, испепеляющим мефистофельским взглядом.

Был наш молодой пастырь нелицеприятен, разгильдяйства не терпел, в отношениях с нарушителями режима был строг, но справедлив: кого подпирывал, кому указывал, кого выгравал на педагогическом аутодафе, а кого и отчислял, невзирая на лица родителей. Оппозицию «давил», как Шариков котов.

...Сквозь призму доброго юмора и самоиронии преломляю, с теплотой и уважительностью выстраиваю давние события, дела и поступки, сцены и мизансцены школьной жизни.

Действие порождало противодействие. В ответ на беспощадное подавление инакомыслия сформировался комитет сопротивления, проводивший регулярные конспиративные сходки в расположенном в глубине школьного двора туалете (*«типа сортир»*). Однажды его активисты спланировали и провели дерзкую акцию возмездия.

В конце перемены один из инсургентов перебрался через перегородку в учительское отделение туалета и закрыл дверь на защелку. Тем же путем вернулся к соратникам – создался иллюзорный эффект присутствия.

Как и было рассчитано, в начале следующего урока к сортиру критически торопливой походкой подошел свободный от занятий Вася

Вась. Подергал ручку, деликатно отошел в сторону, предоставляя невидимому коллеге возможность без спешки сбросить давление.

Через несколько минут в очередь стал учитель географии Михаил Гаврилович Симоненко. Завязался напряженный, но вынужденный обмен репликами. Секунды стучали минутами, минуты били часами. Педагогические условности не пускали терпеливых мужчин в казенное отделение отхожего места, куда один за другим забегали отпросившиеся по нужде ученики.

Только ломик школьного столяра спас консервативных воспитателей от неминуемой катастрофы, которую с нетерпением ожидали зрители выходящих окнами во двор классов.

При ошеломляющем количестве достоинств было в положении завуча, как в теле воина, уязвимое место романтического свойства – «пятно Зигфрида», куда могло вонзиться (и, увы, со временем вонзилось!) завистливое жало.

Облик учителя светлел, взгляд теплел, голос истекал воркующим тембром в минуты зарегистрированных юными и любопытными наблюдателями его общений со своей «адорабль» – это была божественная Прасковья Михайловна, «чекан изящества, зеркало вкуса, пример примерных...»²³.

В женской половине педагогического коллектива она являлась сочным изумрудом – статная и одновременно изящная фигура, классически четкие черты лица, живость ума, эрудиция, чувство юмора, дивной тональности голос.

К девятому классу, когда у парней моего призыва наметились признаки дополнительной телесной растительности, прыщавости и ломки голоса, проблемы взаимоотношения полов, став темой закрытых заседаний, дискуссий, нашли отражение в поэтических попытках одноклассников:

Он и Она и, конечно, Луна,
Чувств нераскатанных в горле комок:
«Что же несет этой ночи кусок?»

Так мой приятель Женька Юмашев в жанре куплета описал первые душевные порывы неокрепшего организма, пока еще загадочную перспективу развития отношений юной пары. Позже к автору пришло понимание физиологической сути внешне платонических соприкосновений влюбленных, которое он выразил изящной перефразировкой песни из кинофильма «Коллеги», совместно нами просмотренного в новом кинотеатре имени Черняховского:

Интеграл белый-беленький,
Логарифм над трубой,
Мы по тангенсу бегали,
Умножались с тобой.

Не могу сказать, что с безразличием относился к успехам начинающего автора. Зависть, поначалу белая, окончательно сменила окраску после того, как увидел роскошную библиотеку Евгения, собранную для него отцом, отставным летчиком, заведовавшим службой кадров на машиностроительном заводе. Выросшего без матери сына отец окружил заботой материальной (проявлявшейся, в том числе, в его всегда модной одежде) и духовной, результатом кото-

рой стала впечатляющая начитанность, которую он демонстрировал близкими к тексту пересказами коротких произведений А. Куприна, А. Грина, Ги де Мопассана.

Уязвленное самолюбие требовало достойного ответа, но Муза, несмотря на настойчивые призывы дать второе свидание, долго не приходила.

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла...²²

Новая встреча произошла во второй четверти девятого класса, на банальном уроке военного дела. Была она краткой, но громокипящей.

На этот раз действовал почти профессионально – выстроил композиционный стержень, продумал фабулу. Творческий процесс облегчила хрестоматия, открытая на странице с текстом недавно пройденной поэмы М. Ю. Лермонтова «Песнь про купца Калашникова».

Не просто рифмовал, а размашистыми мазками эпитетов и метафор вырисовывал колоритную былинную панораму. Сочинение открывал напевный зачин: «*А начнем мы песнь на старинный лад...*», далее по ходу текста следовали регулярные обращения к герою: «*Ой ты, гой еси, добрый молодец...*».

Красной линией произведение рассекал обязательный конфликт «светлых сил» (Иванушка) и «темных сил» (Хрыч Иванович). Персонажей списал с одноклассников: прообразом главного героя стал его тезка – Ванька Авдеев, его оппонента – Толик Финоженко, имевший в жизни использованную в тексте кличку.

По ходу действия Иванушка, борясь с враждебными силами за сохранение семьи, совершает ряд подвигов, в том числе один сексуальный, на стороне. Вызывающе открытых формулировок в тексте не было, они укрывались за эфемизмами и аллюзиями. Лишь в одном месте в лирическую, в меру фривольную атмосферу поэмы впрыснул приличествующий избранному вакхическому жанру фаллический пассаж:

Шел по рожице Иванушка,
По березкам постукивая ...инушкой.
Здоровенный, одним словом, был детинушка.

Из соображений конспирации почерк изменил – писал «под завуча», косил налево. Сидевший рядом Вовка Павлов внес свою лепту в произведение – дописал неизменным (о, фатальная ошибка!) почерком пару безобидных заключительных строк. Пущенную для апробации по партам поэму перехватил военрук. В ответ на коллективную просьбу пообещал рукопись уничтожить, но по завершении урока с мышинной торопливостью доставил компромат в учительскую.

Вась Вась как руководитель оперативно созданной чрезвычайной комиссии, болидом ворвавшись в класс, стал буравить глазами потенциальных преступников, пронзил рентгеновским взглядом и меня.

До этого по делам с завучем проходил в нескольких эпизодах. В одном из них на уроке черчения, который вела добрейшая Нина Прокофьевна Чарторийская, в чертеже вместо надписи «Вырез пирамиды» начертал: «Декольтированная пирамида».

Естественно, уже известная тяга к интимной тематике была не в мою пользу.

С сардонической усмешкой на лице дознаватель предложил военнообязанной части класса помилование в обмен на добровольное признание – будущие воины безмолвствовали. Повели на допрос действующих лиц. Безвинные герои искренне на всякий случай покаялись, но ничего по существу сообщить не смогли.

Наконец комиссия добралась до моего невольного соучастника – вычислили сличением двух предательских строк с материалами последнего диктанта. Несчастный под тяжестью неопровержимых улик «раскололся». Финал дознания стал торжеством исключительной дедуктивной логики следователя – организатор и главный исполнитель криминального замысла был выведен на чистую воду.

Спротивлялся отчаянно, но недолго. Линию защиты выстроил на утверждении, что сокращенное «...инушкой» предполагает «дубинушкой», и на просьбе к следственной комиссии дать свое толкование урезанному слову, что, впрочем, осталось без ответа. Превратившийся из прокурора в судью, Вась Вась как крупный знаток проблемы в вынесенном вердикте назвал раскрытое преступление порнографией – так и записали в решение педсовета, вклеив нам с подельником тройки по поведению за вторую четверть.

Мораль восторжествовала, благочестие и благонравие возликовали. Ростки безнравственности и порока были вырваны с корнем:

Умерла моя Муза, недолго она
Озаряла мои одинокие дни.
Облетели цветы, догорели огни...⁷⁵

Наш с соавтором авторитет поднялся в заоблачные высоты. Смотреть на героев ходили экскурсиями девочки младших классов, кокетливо-внимательно анализировали смелых парней молоденькие практикантки из педагогического института. Укрепилось наше организующее влияние в вызревающей подростковой среде.

Ознакомившись с материалами дела, отец повел себя на удивление снисходительно (может быть, сработал механизм невольной мужской солидарности). Принеся справочную литературу, вместе со мной изучил новый термин – «...вульгарно-натуралистическая, циничная, непристойная фиксация...». Мой словарный запас расширился, но несогласие с некорректным учительским разговором долго не давало покоя.

Со временем уточнил, что в славянских языках «гойный» означает «изобильный» («гоити» – «жить», «загошла рана»; «изгой» – «человек, исключенный из жизни»). «Гоило» переводится как «фаллос», поэтому традиционный для русских былин выражение «гой еси, добрый молодец» фактически означает высокую оценку мужских достоинств.

Открытие это еще раз убедило меня, что скрытый намек на предосудительную тему есть общепринятая литературная норма, равно как и укрывающее суть неудобного слова многоточие.

Жизнь вырисовала невероятную кривую, которая десятилетия спустя вывела меня на Учителя. Нрав человека – его рок. Эту универсальную истину древних подтвердил Василий Васильевич: те же максимализм, порывистость, крайность мнений, те же раздувающиеся ноздри, та же уважительность в отношениях с прекрасным полом. От себя не уйдешь – каким был характер, таким он и остался.

За время частых и долгих посиделок обсудили, в том числе, и заниженную оценку по поведению, в свете сделанного мною лингвистического открытия. Согласились, что мораль и добродетель определяются состоянием общественной жизни, что мой давний поэтический курбет так же невинен, как невинны – по прогрессивным меркам – в своих поступках современные детки, которым мамочки вместе со школьным бутербродом укладывают в ранец обязательные средства индивидуальной защиты, стимулирующие отпрысков к скоропалительной интимной жизни и оберегающие родителей от малоприятных последствий.

На том и порешили.

Неудачный финт

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были.

В. Жуковский

Из всех картин, проецируемых волшебным фонарем детских воспоминаний, наиболее необычна и прелестна зрительная ассоциация середины весны: яркий день на опушке парка, звонкое щебетание птиц, прогретый солнцем тускло-бурый ковер слежавшихся дубовых листьев, на который – по дороге домой после производственной практики, в кирзовых сапогах и замасленной телогрейке – прилег, закинув руки за голову, и пристально вглядываюсь в насыщенное синью небо с быстро меняющимися очертания кучевыми облаками. Вокруг удивительная рябь весеннего многоцветья, нежная зелень травы и набухающих почек деревьев, в душе непонятные тоска и волнение.

В дни отрочества я пророчествам
Весны торжественно внимал:
За первым праздничным подснежником,
Блажен пьянящим одиночеством,
В лесу, еще сыром, блуждал⁷⁷.

В начале шестидесятых годов, когда партия своей Программой нацелила народ на *«развернутое построение коммунизма»*, директивные органы оперативно улучшили подготовку его будущих созидателей – продлили до одиннадцати лет и реформировали среднее образование, сделав его альфой и омегой

трудоустройство. На второе место переместилась химия («...и химизация сельского хозяйства»), далее – математика, физика...

Без изменения количества уроков учебная неделя для старшеклассников была сокращена до четырех дней. Пятница стала днем обязательного труда «по-взрослому» на производстве, с получением после обязательной выпускной аттестации рабочей профессии. Таковой стала для меня специальность слесаря-сборщика, которую с одноклассниками осваивал на Уманском машиностроительном заводе (бывшем до революции маслобойкой). Предприятие располагалось неподалеку от моего дома, поэтому на работу и обратно погожими днями ходил через парк, в котором во время вешнее испытывал приступы элегической хвори:

Наедине с своей душой
Был недоволен сам собой⁷².

На первых порах меня и моих приятелей – Кольку Шведова и Вовку Павлова – ремеслу обучал Виктор Ушаков, молодой симпатичный парень, северным ветром странствий занесенный в наши южные края. В отличавшейся простотой нравов пролетарской среде он выделялся непривычной внешностью типичного русака, шутками и побасенками («С кем поведешься – так тебе и надо!», «Слесарь Хабибулин меж берез и сосен, как жену чужую, засосал ноль восемь», «Анекдот без мата – что борщ без томата», «Вдруг бывает только пук», «Вам не понять – вы не любили»).

Беседливый мастер рабочий день открывал и заканчивал пересказом своих амурных приключений и достижений с комментариями («Не баба – а таран!») и рекомендациями малоопытным слушателям. Был любострастен наш старший товарищ – не пропускал ни одной юбки.

Он их искал без упоенья,
А оставлял без сожаленья⁷².

Прекрасно играл в шахматы, равных ему в этой старинной забаве на заводе не было. Со сборной командой своих учеников играл только вслепую – мы расставляли фигуры в соседней конторке и сообщали маэстро ходы, он, вколачивая подшипник на вал кормораздатчика, выкрикивал ответные решения, очень скоро фиксируя неизбежную победу фразой «Хана песику!».

Завершил забиячливый потомок рязанских казаков пребывание на уманской земле скверно: в принципиальном споре о роли органов в народной жизни придавил горло милиционеру и попал, к нашему искреннему горю, в казенный дом на несколько лет. Огранку строителей светлого будущего продолжил новый наставник, попроще и менее приметный.

В десятом классе среди шустрых «хлопцев»-практикантов вспыхнула эпидемия переработки гаек, которые после обточки, подгонки, шлифовки и хромирования превращались в перстни. Самодельные, «под золото», украшения находили высокий спрос у вечерних завсегдаев городской «стометровки», что собирались у центральной гостиницы, и это давало кустарям неплохой доход.

Ум без разума – беда. Попытка заняться перспективным бизнесом завершилась для меня крахом – вместо гайки обточил указательный палец правой руки, лишив его на всю оставшуюся жизнь ногтя. Происшествию придали

характер чрезвычайного, дело получило ход – присудили мне за третью четверть четверку по поведению. Хотя и наметился прогресс (во второй четверти за создание поэмы с эротическим подтекстом оно было оценено лишь в три балла), преодолеть кризис отношений с педагогическим советом могла только рутинная пятерка.

Сконцентрировав силу воли на достижение судьбоносной цели, подчинил поступки твердому самоконтролю, подчеркнуто демонстрируя прилежание и аккуратность. Но беды вереницами ходят – неожиданно бедоносным стало мое увлечение футболом.

Могу засвидетельствовать – в начале шестидесятых годов спорт был образом жизни и состоянием души для юных, чрезмерно активных жителей города Умани.

Физкультурное воспитание дополняло и школьное, и институтское образование согласно установлению древних: «В здоровом теле – здоровый дух», благодаря, в первую очередь, замечательным, преданным спорту людям: Виктору Ивановичу Козюку (директору детской спортивной школы), Василию Павловичу Хорсаку (председателю спортивного общества «Спартак»), Николаю Григорьевичу Евстратову (заведующему кафедрой физкультуры сельскохозяйственного института) и многим, многим другим.

Для меня основным местом пребывания в вольное время был институтский стадион, на котором разве что только не ночевал. Отработанные там финты «под Гарринчу», «под Михаила Месхи», удары с обеих ног после доводки в детской секции общества «Спартак» стали к шестнадцати годкам пропуском в основной состав городской футбольной команды.

Обретенный спортивный статус повысил до опасной отметки самомнение, позволял (подкрепленный желанием прихвастнуть!) после успешной игры триумфально вышагивать вялой походкой обремененного славой вундеркинда по центру города в сопровождении малолетних болельщиков.

Для тренировок использовал любую свободную минуту, даже в часы прохождения производственной практики. В обеденный перерыв в любое время года, при любой погоде без усталости гоняли мяч на площадке за заводом вместе с одноклассниками, разделившись на две команды. Перерыва на доброе дело не хватало – продолжали в дополнительном тайме, который обычно завершался только с выходом на поле руководителя практики, очень деликатной и добродушной Галины Яковлевны.

В тот злополучный апрельский день шестьдесят третьего года она задержалась дольше обычного. Моросил противный холодный дождь, поле было вязким и покрытым пятнами луж. По установившейся традиции игра не прерывалась – счет был ничейным, и игроки каждой команды, яростно размешивая сапогами болото, бились за победу.

Наконец во двор вбежала растерянная учительница и рысцой засемила в сторону ближних ворот. Дальнейшие события, из-за драматического финала, память зафиксировала навсегда, с точностью до мгновения.

Изменение диспозиции краем глаза замечаю, но азарт гонит в последнюю атаку. Все внимание сосредоточено на ведении мяча – конт-



В перечне занятий, увлекавших недорослей моей поры, выделялась – носившая характер эпидемии! – игра в настольный теннис. Игра на вылет собирала длинные очереди, теннисные столы эксплуатировались с утра до ночи.

На снимке 1965 года – уманчанин, благоискусный Леня Навроцкий (крайний слева), как капитан, вывел команду Черкасской области на решающие встречи первенства Украины среди профсоюзов. (Второй справа – мой добрый знакомый, черкасский «бундовец» Алик Балин.)



На снимке конца пятидесятых годов – люди, сделавшие Умань городом спорта. Второй слева – великий Николай Григорьевич Евстратов, вторая справа – его заместитель по заведованию кафедрой физкультуры и спорта сельхозинститута, Ольга Петровна Афанасьева. Крайний справа – Василий Павлович Хорсак, земляк Чехова по месту рождения; участник войны, по завершении которой прибыл в Умань и всю свою оставшуюся жизнь посвятил городскому спортовчеству «Спартак», был разносторонним спортсменом, судьей международной категории по волейболу.



Могу засвидетельствовать – в начале шестидесятых годов спорт был образом жизни и состоянием души для юных, чрезмерно активных жителей города Умань. На институтском стадионе я разве что только не ночевал и к шестнадцати годкам был включен в состав городской футбольной команды «Спартак». Снимок мая 1962 года – сделан перед матчем с командой города Саврань. Слева направо: Володя Скомаровский, Саша Макосейчук, автор этих строк.

*«Там кто-то был с лицом, в котором боли нет,
С лицом моим – увы, – моим в шестнадцать лет».*



Апрель 1964 года. *«И мальчики, которым стать мужчинами пришла пора!»*
Коллективный выход друзей-одиннадцатиклассников в парк «Софиевка», попрощаться с ним. Впереди у нас – выпускные экзамены, дороги дальние. Слева направо: Саша Пальтов, автор этих строк, Юра Дудинский, Вова Павлов и Коля Шведов, издающий «звон предков». *«Детство мое, стой! Не спеши! Погоди!..»*

роль за ситуацией на поле утерян. Не вижу, что соратники и соперники, прихватив сваленные у ворот телогрейки, спешно уносят ноги, что на воротах уже стоит запыхавшаяся Галина Яковлевна.

Заношу, как взвожу курок, правую ногу и, на мгновение оторвав взгляд от мяча, оцениваю расстояние до ворот. С изумлением обнаруживаю нового – вместо Коляна Шведова – вратаря, механически фиксирую оцепеневшую фигуру, посеревшее от ужаса лицо, взгляд «кролика на удава», но менять решение поздно, и, как выстрел, следует удар.

Мяч из-под правой, ударной, ноги вылетает, как камень из пращи, и нокаутирующим ударом бьет педагога точно в лоб – слышу глухой стук упавшего тела, вижу испачканные чулки...

Мгновения тишины... До сознания доходит весь ужас ситуации – вновь педсовет с тягучим «разбором полетов», потеря последней надежды на приличную годовую оценку по поведению.

Подбегаю к пострадавшей, водой из лужи смачиваю виски и лоб. Невнятно бормоча извинения, помогаю подняться и, поддерживая за талию, веду в сторону слесарного цеха.

К великой моей удаче, слух об этом трагикомическом случае не дошел до педагогической общественности. Галина Яковлевна, по причине неприличности положения, в которое ее поставил буйный ученик, решила «забыть» о происшествии. К тому же, природная мягкость и всепрощающая доброта побудили умную учительницу не усугублять и без того малоприятное положение возмутителя школьного спокойствия.

На первых порах позволял себе небрежно щегольнуть в кругу приятелей детальным рассказом о «лихом» поступке. Серьезные укоры совести за выходку, которой невольно унизил женщину-учителя, появились после окончания школы, когда ощутил горечь расставания с детством, когда наступила кристаллизация чувства признательности к людям, давшим мне образование, приучившим к производительному труду, научившим спорту, – взрослым попутчикам моего детства, оставившим о себе добрую память на всю жизнь.

Футбол моего детства

*Памяти друга моего детства
Николая Николаевича Шведова*

Когда мой друг-одноклассник Колька Шведов, натягивая на руки обязательные кожаные перчатки, занимал место в створе футбольных ворот, команда нашего одиннадцатого класса как один человек настраивалась только на победу, небезосновательно веруя в неприступность последнего рубежа обороны, оберегаемого нашим капитаном.

Когда он, элегантный вратарь, стройный и пластичный, как черная пантера, взлетал на перехват летящего к боковой штанге мяча, намертво фиксировал его в цепких ладонях, а затем мягко, перекачиваясь от ступни к плечу, опу-

кался на землю, вся наша команда класса «А», наши немногочисленные болельщики неистово аплодировали грациозности, совершенству движений непробиваемого вратаря. Досадовали при этом разочарованные соперники из параллельного класса «Б», его ударная сила: Скомаровский, Фролов, Шевчук, Лебедев...

...Когда я, уже войдя в года, подъезжал однажды междугородним автобусом к уманскому автовокзалу, то, повернув голову в сторону зарослей старых деревьев, ощутил сильнейшее стеснение дыхания, напомнившее о том, что за этой неухоженной зеленой стеной в далеком шестьдесят третьем году прошлого века усердием подполковника Паляя и подчиненных ему военных строителей был возведен прекрасный (увы, недолго функционировавший) спортивный комплекс «Сокол», на рукотворном газоне которого блистал мастерством голкипера мой друг Колька Шведов.

Мои спортивные университеты

В пору моего детства всякий не пассивный мальчишка, только обретая устойчивость в ногах и уверенность в движениях, первым делом приступал к занятиям футболом в компаниях подобных ему сверстников. Начинали с перепасовки мятых консервных банок, нетяжелых округлых предметов, с настоящей игры литыми резиновыми мячами. Набравшись игрового и житейского опыта, переходили на кирзовые мячи со вставными резиновыми камерами и жесткой шнуровкой, оставившей не одну синюшную стигму на лбах начинающих футболистов.

К слову. Что такое сотрясающий тело и сознание удар мячом, впервые испытал я в одиннадцатилетнем возрасте, когда стенка на стенку в быстро сгущающихся сумерках играли в футбол на спортивной площадке («поляне») села Верхнячка. В одном игровом эпизоде, после сильнейшего удара играющего тренера Толи Марачевского, мяч основательно встряхнул мою разгоряченную голову и хлипкую шею – из глаз посыпались снопы искр, осветившие место игры, всех игроков, дальние дома, деревья в старом парке...

Мои серьезные футбольные упражнения начались осенью пятьдесят третьего года на стадионе сельскохозяйственного института, где во время тренировок студенческой команды ассистировал ее знаменитому вратарю Грише (длинные трусы, свитер, кепка!), возвращал в поле вылетающие за ворота мячи, отрабатывая одновременно базовые удары «пыром», «щечкой».

Начальный курс футбольного обучения, завершившегося для меня летом шестьдесят четвертого года, включал в себя игру на вылет в формате «два на два» на баскетбольной площадке (так называемый «тыр-пыр»), игру на теннисном корте, ограждение которого делало игру динамичной и комфортной, массовые ристалища на гандбольном поле. На течение игрового времени мы, будущие виртуозы дриблинга, внимания не обращали, играли до ломоты в коленках, до наступления полной темноты, до «гибели» мяча – протершегося, напоровшегося на торчащий гвоздь забора-штaketника, до появления на поле

возмущенных родителей, возвращавших бесшабашных деток к приготовлению уроков.

Институтский стадион, второй в городе (первый сооружен в двадцать третьем году по инициативе красного командира Котовского и назван его именем), был выстроен перед самой войной усилиями студентов и преподавателей, в числе которых первым номером был молодой, энергичный и инициативный преподаватель физкультуры Николай Григорьевич Евстратов.

Коренной уманчанин, он родился и прожил жизнь в родительской усадьбе на улице Урбайлиса, неподалеку от школы номер четыре (до войны – семилетней), в которой учился и некоторое время учил физкультуре, из которой перешел в сельскохозяйственный институт, превратившись со временем в его живой символ.

Во время войны, в ходе которой защищал Севастополь, освобождал Кавказ, Николай Григорьевич был трижды ранен. После войны он восстанавливал институтские корпуса; став первым заведующим кафедрой физического воспитания, вывел спортивные дисциплины в разряд первостепенных, любимых студентами. При нем институт стал готовить не только специалистов, но и раскрывать, шлифовать спортивные таланты.



Кажется, природа реализовала какой-то свой особый, изумительный проект, формируя внешность и натуру Николая Григорьевича: высокий рост, крупная, гармонично сложенная и развитая фигура, уверенная спортивная осанка, симпатичное, мягкое и улыбочивое лицо, умные, с ясной иронией глаза; доброта и отзывчивость, врожденное чувство юмора, целеустремленность, принципиальность.

В погожие будние дни жизнь на стадионе начиналась ранним утром, когда из запаркового пригорода Новая Умань на велосипеде прибывал распорядитель спортивного инвентаря, смотритель сооружений кафедры физвоспитания молодежавый, поджарый Дмитрий Кузьмич Герасев. Он отпирал помещение кафедры, занимавшей небольшой кирпичный домик с эмблемой общества «Наука» (позже – «Буревестник») на наружной стене, успевал до начала занятий, по росе, выкосить подростную траву, что-то подкрасить, подправить, подбить, подлатать, подтянуть... Позже тем же транспортом, что и «дядя Дима» (в нашей, ребячьей, форме обращения), на казавшемся детским велосипеде подъезжал «дядя Коля» и брал в свои нехилые руки процесс физического воспитания будущих специалистов сельского хозяйства.

В последующие академические часы занятий, под непосредственным управлением профессионального спортсмена, мастера спорта Ольги Петровны Афанасьевой, «хлопці та дівчата» подтягивались на турнике, бегали, прыгали, толкали ядра, сдавали нормативы комплекса «Будь готов к труду и обороне!».

К метанию спортивных снарядов – молота, диска, копья – опытная Ольга Петровна допускала только членов спортивных секций. Сбой

прицела у нетренированного метальщика мог уменьшить число безвинных зрителей, поэтому для дополнительных тренировок даже искусственные спортсмены выбирали подходящее время и соответствующие условия.

В предрассветные часы выходных дней выбирался на пустынный стадион покрутить-побросать молот высокий крепко сбитый Толя Озеров (Моргун). Уходил на просторную парковую поляну (на Дубинке) без свидетелей метать диск Володя Якушечкин. Однажды после его особо удачного броска диск улетел в дальние заросли, откуда, почти в дезабилье, выскочила разгоряченная «пара вороных» и поскакала в сторону Нижнего пруда.

В послеобеденные часы досуга институтский стадион словно магнит притягивал к себе пеструю, разнородную и разновозрастную публику – от жаждущих заняться спортом, болельщиков до любителей прогуляться, пообщаться, других посмотреть и себя показать.

На главной – с трибунами в три ряда! – волейбольной площадке шла высококлассная игра: мощным «крюком» подавал Вася Иванов (кличка Квадрат, сын трагически умершего военрука института), мягкими, точными пасами выводили на завершающий удар «забойщиков» разыгрывающие игроки Изя Маленький, Семен Горель. Мощный Изя Большой, долговязый и кадыкастый Йофа вколачивали в половину противника мяч с такой силой, что тот рикошетом отлетал на соседнюю пасеку.

Рядом, на площадке для игры в городки уверенно, с эффектным замахом, с точной наводкой, с обязательным побрякиванием, бросал обитые жостью биты главный специалист по этой игре Дмитрий Кузьмич, который с одного удара сметал почти каждое фигурное построение. Соперничать с ним на равных мог разве что Умэр Усейнович Реизов, муж Ольги Петровны, фронтовик, испытавший послевоенные ужасы сибирских лагерей.

Феерическая атмосфера спорта, в часы пик окутывавшая институтский стадион, волей-неволей побуждала его малолетних обитателей в свободное от футбола время следовать примеру взрослых. С помощью любезнейшей Ольги Петровны пробовал прыгать с шестом. Под наблюдением ее статного, широкоплечего сына Саши пытался подальше оттолкнуть от себя, не вывихнув собственную челюсть, облегченное («женское») ядро, прыгал в длину, в высоту («ножницами», «перекидным прыжком»), играл в баскетбол и волейбол. По настоянию Николая Григорьевича втянулся в занятия теннисом, вместе с одноклассником Иваном Авдеевым представляли наш город на первенстве Черкасской области, участвовали в первенстве Украины среди школьников в Харькове.

С наступлением холодов кафедра перебиралась в устроенный после войны в скромном помещении учебного хозяйства, что за Верхним прудом, спортивный зал. В одной из его комнат, большой, увешанной рапирами, шпагами, эспадронами (прекрасно фехтовал Юра Мешкуров, аспирант моего отца!), стоял знаменитый теннисный стол, выпестовавший не одно поколение игроков. К нему после школы, кое-как перекусив, быстро приготовив уроки, я спешил резвыми ногами, чтобы, выстояв немалую очередь, постараться преуспеть и

подольше задержаться в игре на выбывание. Настольный теннис не уступал в популярности футболу. Увлеченность этой игрой носила переходящий характер вирусного заболевания. В городе было немало сильных игроков, но мастером экстракласса был мой друг, обаятельный и непобедимый Леня Навроцкий, игра которого отличалась стремительностью и элегантностью.

Самым пристальным образом мы, преданные спорту подростки шестидесятых годов, следили за ходом спортивной жизни в стране и за рубежом. Мой ученический стол был завален самодельными альбомами с вклеенными в них вырезками из газет, журналов, свидетельствующими о высоких спортивных достижениях Косичкина, Скобликовой, Шахлина, Латыниной, сестер Ирины и Тамары Пресс, Тер-Ованесяна, Брумеля, Воробьева, Власова, Попенченко, Лагутина, Зубкова, Круминьша... От сезона к сезону на стене моей комнаты обновлялась вычерченная на листе ватмана турнирная таблица первенства страны по футболу, в которой ярким цветом выделялась строка московского «Спартака». Долгие годы я был болельщиком «красно-белых», досконально знал историю игр любимой команды, биографии ее ведущих игроков – Симоняна, Сальникова, Нетто, Исаева, Татушина, Крутикова, Рейнгольда, Логофета, Хусаинова...

В футбольном первенстве страны шестьдесят первого года за чемпионский титул боролись команды, занявшие первые пять мест в каждой из двух подгрупп, на которые были разделены участники предварительного турнира. В первой подгруппе блестяще первенствовал прошлогодний чемпион – московское «Торпедо», во второй, с более скромным результатом, – киевское «Динамо».

К противоборству этих команд фактически свелась игровая интрига финальной пульки. В первой встрече, на киевском стадионе, победу со счетом 2 : 0 праздновали хозяева поля. В октябрьский день ответного матча в Лужниках мой брат Витя, фанатичный (по примеру маминного дяди Шуры, трудившегося на московском автозаводе) поклонник «Торпедо», в назначенное время радостно устроился у домашней радиолы в ожидании радиотрансляции решающего поединка.

Как только отзвучал футбольный марш и Вадим Синявский произнес первые слова репортажа, появился батька, озабоченный провалами в музыкальном образовании детей. Переключив радиолу в режим проигрывания пластинок, он установил на ней громадный долгоиграющий диск с записью произведения Чайковского «Снегурочка», добытый им в последней московской командировке, и повелел очень дисциплинированному младшему сыну ощутить трепетную прелесть музыкального шедевра.

Два часа, томясь неизвестностью, мой брат трепетал под печальные мелодии Петра Ильича. И лишь по завершении музыкального сеанса, поздним вечером, пробравшись инкогнито по пожарной лестнице к однокласснику Павлику Демченко, Виктор узнал о первом чемпионстве любимчиков его школьного приятеля. Киевское «Динамо» завершило решающий матч с достаточным для общей победы счетом 1 : 1.

Прекрасная, незабываемая, водами Леты поглощенная спортивная пора моего детства святого!

Спустя десять лет после окончания школы уже как гость приехал на свою малую родину и... испытал душевную боль, огорчение и обиду, увидев только половину дорогого мне стадиона. На месте теннисного корта высилось здание недавно выстроенного учебного корпуса (другого места для новостройки не нашли!).

Но в памяти моей он, стадион имени Николая Григорьевича Евстратова, до мельчайших деталей устройства, запомнившихся жанровых картинок, остался непорухенным. Закрываю глаза и силой воображения восстанавливаю давний летний день в его предсмертные часы: шумит, бурлит футбольная игра, идут ударные волейбольные бои, на баскетбольной площадке сошлись в очередной принципиальной схватке команды нашего поселка и «белых домов», на корте мой младший брат, принявший от меня теннисную эстафету, со сверстниками-приятелями готовится к соревнованиям.

Словно вчера это было, вижу, как отставной и уже холостой генерал Кундеревич в цивильном костюме, с букетом роз в руках, отбивая шаг, движется через стадион на метеостанцию к своей будущей жене, запускающей в небо по долгу службы громадные надувные пузыри; как на черешнях в прилегающем к стадиону детском садике зависли бесстрашные малолетние воришки; как на скамейке у футбольного поля сидят моя мама и Ольга Петровна (сближала их не только одинаковая девичья фамилия, но и общность культурных интересов, эрудиция, начитанность) и неторопливо, очень задушевно беседуют...

Веселые годы,
Счастливые дни –
Как вешние годы
Промчались они.

(И. Тургенев)

Страсти футбольные

...В шестом классе на одной из больших перемен я купил в школьном буфете в качестве приложения к бутылочке кефира небольшую булочку, на поверку оказавшуюся откровенно черствой. Не получив от буфетчицы согласия на возврат денег, вернул ей некачественный продукт. После моего броска усохший хлебец, со стуком отскочив от прилавка, угодил сварливой даме не в бровь, а в глаз. (Во время последовавшей образцово-показательной педагогической экзекуции завуч Вась Вась публично объявил результат следственного эксперимента: злополучную булочку, ставшую решающим вещественным доказательством моей вины, он смог разрезать и, попробовав на зуб, увериться в ее свежести.)

...В седьмом классе во время влажной уборки кабинета, которую я, будучи дежурным, очень ответственно исполнял по окончании занятий, Алик Ледопардов, ученик параллельного класса, известный хулиган и бретер, член спортивной секции групповой акробатики, сознательно задирая меня, опрокинул ведро с водой. Не помогло агрессору его мышечное превосходство: в яростной контратаке я «порвал его, как Тузик грелку», вынудил спастись бегством, с разбитым носом и больше не искать встреч со мной.

...Этот, переходящий от класса к классу, ряд импульсивных поступков, следовавших как мгновенная реакция – словом, действием – на обиду, унижение, имел свое продолжение. То было беспокойное время переходного возраста, в котором моя еще сырая натура проявляла себя вспыльчивостью, максимализмом, однозначностью суждений, упрямой убежденностью в своей правоте; лишь только начинала формироваться сила воли, выдвигавшая на первый план характера умение *«властвовать собой»*.

Горячность моя в старших классах проявилась в трех футбольных эпизодах, в которых я, бескомпромиссно отстаивая свою точку зрения, ломился в амбицию, действовал с напором брандспойта, «крошил правду-матку, как капусту в щи».

Я с детства не любил овал,

Я с детства угол рисовал.

(П. Коган)

Эпизод первый. Диспут с отцом о сопоставимости спорта и физкультуры. В первых числах сентября шестьдесят первого года только назначенный в нашу школу учителем физкультуры Сан Саныч Сенотов, игравший за городскую футбольную команду «Спартак», всеприсутственно объявил о создании при профсоюзном спортивном обществе дублирующего состава футболистов из школьников старших классов.

Известие это невероятно обрадовало меня и моего одноклассника Колю Шведова. Шутка ли сказать, словно по мановению волшебной палочки мы, уже поднаторевшие в футбольных экзерцициях друзья, получили возможность стать настоящими игроками второго состава именитой команды.

В городской детской спортивной школе, где директорствовал Виктор Иванович Козюк, была своя футбольная команда, в которой все основные номера – от первого до одиннадцатого – традиционно удерживали ученики седьмой и тринадцатой школ. Чтобы попасть в это элитное подразделение, требовалось выдержать серьезный вступительный экзамен, к которому почти каждое утро ушедшего лета, в обстановке абсолютной секретности мы и готовились с Николаем на институтском стадионе: я бил по воротам, он ловил мячи. Но до испытательной нервоотрепки дело не дошло – клич Шурика Сенотова стать под спартаковские знамена в одночасье решил проблему.

Команда «Спартак» в это время находилась в зените славы. По итогам прошлого сезона она выиграла первенство области среди коллективов физической культуры, боролась (к сожалению, безуспешно) с черкасской командой «Колхозник» за переход в группу «Б» всесоюзного чемпионата. Первую скрипку в команде играл невысокого роста, подтянутый, мускулистый Володя Чухлиб, непревзойденный мастер обводки, славившийся пушечным ударом, умением, точно отдав пас, создать голевую ситуацию. Кумир уманских болельщиков, он был наглядным практическим пособием для меня, наблюдавшего его искрометную игру во время очередного матча.

В первых числах октября мы, свежие футбольные новобранцы, ведомые тренером Сенотовым, приступили к активным физическим упражнениям – поначалу на открытом воздухе, затем в спортивном зале спортивного общества «Спартак», хозяйстве Василия Павловича Хорсака. Набирались выносливости,

«качали» мускулы, развивали скорость реакции, усваивали технику правильного и сильного удара, ведения словно привязанного к ноге мяча...

Из выписываемого другом Шведовым журнала «Спортивные игры», из регулярно покупаемой им газеты «Футбол» (она всегда ждала его в киоске под прилавком) мы выбирали описания технически сложных футбольных приемов, пытались научиться им на тренировках. Николая интересовала техника вратарского прыжка Владимира Маслаченко (игрока московского «Локомотива»), игра на выходах легендарного Льва Яшина, меня же увлекали удар – в прыжке, через себя – «ножницами» в исполнении Виктора Понедельника (игрока ростовского СКА), удар «сухой лист», изобретенный знаменитым бразильцем Диди, подача с подкруткой мяча углового – коронный номер киевского динамовца Валерия Лобановского.

Сладко захватил, да горько слизнул. Отец, с головой ушедший в свои учебные и научные проблемы, прежде интересовавшийся только отметками в дневнике и таблице старшего сына, теперь же, узнав о его систематических футбольных тренировках, решительно им воспротивился. Заподозрив меня в намерениях профессионально отдаться спорту в ущерб будущему высшему образованию и серьезной профессии, он экспансивно прочел мне маленькую лекцию о преимуществах физкультуры перед спортом, о необходимости дополнять умственное, духовное развитие развитием физическим, о безрассудности всепоглощающих занятий спортом ради достижения никому не нужных побед и рекордов.

Налетел топор на сук. Язык мой развязался, кровь разгорелась, глаза засверкали. Закусив удила, увлекаемый эмоциями, а не строгой логикой, язвительно раскритиковал сентенции отца, довел его до белого каления. Запахло жареным, и я, заявив категорично, что скорей уйду из дома, чем брошу занятия футболом, умчался на очередную тренировку. После нее во исполнение своей угрозы поселился на чердаке сарая, находившегося во дворе дома на Агрономической улице, там, на охапке соломы, питаюсь диким медом и акридами, провел две ночи, появляясь по утрам в классе подозрительно невымытым и нечесаным.

Маме было не привыкать гасить воспитательные порывы отца, в очередной раз махнувшего на неукротимого сына рукой, сменившего гнев на милость. Футбольные тренировки продолжились, а детали очередного диспута с отцом залегли в дальних пластах моей памяти, в разделе будущих отрицательных самооценок.

Эпизод второй. Диспут с дядей Колей Евстратовым о беспристрастном судействе. После интенсивных межсезонных тренировок в спортивном зале первоначально аморфный призыв юных волонтеров к весне шестьдесят второго года превратился в четко организованный, техничный футбольный коллектив. Сан Саныч Сенотов по итогам селекционных наблюдений выделил из вновь созданной команды трех игроков – дублеров для основного состава «Спартак»: меня, Володю Скомаровского и Валеру Шевчука.

Боевое крещение получил в начале мая, в выездном матче против команды городка Саврань (что под Одессой), в котором отыграл правым крайним нападающим весь второй тайм. Помню то особое волнение, с которым впервые

облачился в настоящую футбольную форму: кожаные бутсы, гетры со щитками, атласные трусы, светло-оранжевую футболку с номером тринадцать на ней, со сдвинутой ближе к сердцу спартаковской эмблемой. Первое время огорчал назначенный мне футбольный номер, но взявший надо мной шефство Володя Деркач наивные переживания погасил, подарив мне свою старую, видевшую и взлеты, и падения главной городской команды, красного цвета футболку под номером семь.

Пошло дело как по маслу. После нескольких месяцев активного футбола, выходя на замены во втором тайме каждой игры, в августе пережил качественно новое потрясение – забил свой первый гол. В матче на первенство города против команды машиностроительного завода, проходившем на стадионе имени Котовского, получив выверенный пас от Вани Божко, точно пробил с линии штрафной площадки в правый от вратаря угол ворот. В памяти осталась зрительная зарубка – от удара мячом сломался колышек, дававший натяжение сетке ворот. Восторг силы необыкновенной воспламенил душу и сердце, тело затрепетало от переполнившего его счастья, окружающий мир предстал *«окутанным в цветной туман»*. Меня поздравляли, обнимали, хлопали по спине, плечам...

После победной игры ленивой походкой только взошедшей звезды районного масштаба я двинулся мимо пожарной каланчи, летней танцплощадки, здания костела в центр города, где пару часов гранил его тротуары, впитывая в себя, как мне казалось, флюиды всенародного восхищения и обожания.

В том триумфальном шествии по городу меня сопровождал горячий поклонник Леня Новоминский, не спускавший с меня влюбленно-восторженного взгляда, сообщавший всем встречавшимся знакомым о моем спортивном подвиге.

Славный, на три года меня младший, парнишка, преданный болельщик киевского «Динамо», Леня, несмотря на свой маленький рост, мечтал стать футболистом, ненасытно тренировался, подолгу зависал на турнике, пытаясь таким образом «подрасти».

После того как в развитие удачного опыта Сенотова, под руководством Савы Гольинского и Юры Воротынцева, открылась футбольная секция для младшей возрастной группы, Леня первым пришел в нее. Я наблюдал однажды, как он, очень ответственный и серьезный, прижав плотно к туловищу согнутые в локтях руки, резко выдвигая вперед то левое, то правое плечо, бежал в коллективном тренировочном кроссе по городу, как умилялись жалостливые старушки: «Ой, дивись, який маленький біжить!»

Не довелось Ленечке ни подрасти, ни повзрослеть! В декабре шестидесяти четвертого года его одноклассник Виктор Орловский в своей квартире в военном городке роковым образом продемонстрировал приятелю качества отцовского охотничьего ружья, оказавшегося, к несчастью, заряженным.

...Иногда, когда память моя настраивается на печальный мотив внутренней выборки, из ее глубин визуальным образом всплывает умный, добрый и нежный еврейский мальчик Леня Новоминский; всплывает – и уголки глаз моих предательски увлажняются.

В начале учебного года по предложению Николая Григорьевича Евстратова на институтском стадионе, при моем самом активном участии, сошлись в футбольном мамаевом побоище команды студентов и юных спартаковцев. Счет в начале первого тайма открыли воспитанники кафедры физического воспитания, чем вызвали у своих многочисленных болельщиков (моих земляков!) уверенность в скором и сокрушительном разгроме маломерных варягов.

Однако избиения младенцев не получилось. В начале второго тайма наша команда отквитала гол и приступила к планомерной осаде ворот студенческой команды – игра пошла, что называется, «в одну посуду». Туча тучей ходил за воротами своих питомцев дядя Коля Евстратов, метался по полю, некстати посвистывая. Он запутался в принятии требуемых решений рефери (им из-за неявки назначенного на игру профессионала был определен кто-то из студентов). Но техническая подготовка школяров брала верх.

В очередном игровом эпизоде мяч, теряя скорость, медленно подкатился ко мне, хорошо «лег на ногу», и получился (метров с тридцати!) на зависть сильный и точный удар. Мяч, ударившись о край перекладины, упал за линией ворот, а затем вылетел в поле. Вскочил со скамейки, радостно вскинув руки, представитель спартаковской команды Боря Чукаль, но изнервничавшийся судья гол не признал.

В конце игры мяч после навесного паса с левого края полетел к Володе Лебедеву, и тот, находясь в неудобном для удара положении, из-за линии штрафной площадки забил гол... коленкой. Совсем растерявшийся судья принял единственно спасительное для себя решение – вновь не засчитал гол, объявив, что наш Вутя в момент удара находился в офсайде (штрафная площадка в момент этого удара была плотно упакована студентами!).

Но вот огонь прорвался, запылал, –
И явно обнаружился скандал!³²

Несправедливость судьбы, лишившего нашу команду заслуженной победы, словно электрический разряд, возбудила меня. Впав в истерику, как угорелая кошка помчался к Николаю Григорьевичу и, размахивая руками, дурным голосом завопил об издевательском поведении его назначенца, явно подсуживавшего своим, о необходимости безотлагательно отправить его «на мыло» и засчитать гол... Холодным сентябрем поглядел на меня мой спортивный наставник, размышляя, вероятно, о птенцах желторотых, о гусях лапчатых, о яйцах, кур научающих, затем, заложив руки за спину, повернулся и побрел неспешно к помещению кафедры.

Помирились мы уже при следующей встрече. Милый и деликатный дядя Коля обнял меня, смотревшего на него букой, улыбнулся своей неповторимой улыбкой и сказал только: «Перемелется – мука будет».

Эпизод третий. Диспут с Сан Санычем Сенотовым о справедливости.

В конце марта шестьдесят третьего года на обширном пустыре у военного городка, что ближе к автовокзалу, начались объемные земляные и строительномонтажные работы, в которых бульдозеры перемещали громадные объемы грунта, грейдеры выравняли образовавшуюся площадку, солдаты-строители выкла-

дывали ее квадратиками завезенного дерна, устанавливались скамейки, высаживались деревья. После месяца усиленного, почти круглосуточного обустройства в городском пейзаже появилось новое сооружение – спортивный комплекс «Сокол» с прекрасным футбольным полем, волейбольной и баскетбольной площадками, гимнастическими снарядами, разумно устроенной парковой зоной...

«И перед новою столицей померкла старая Москва». Главный стадион имени Котовского, футбольное поле которого в то время было без травяного покрытия, отошел на второй план, спортивная жизнь города переместилась на новорожденный стадион. В середине мая на нем было проведено первенство Украины среди армейских спортклубов. Команда нашего города, составленная из военнослужащих автошколы, авиачасти, игроков «Спартак», заняла почетное второе место, уступив в финале первенство одесситам.

Не могу без улыбки вспоминать свой первый официальный матч на армейском стадионе летом того же года. Не менее тысячи зрителей, пришедших поболеть за свой «Спартак» в игре на первенство области с командой из города Смела, могли видеть меня, запасного игрока, сидящего у ворот своей команды в ожидании вызова на поле и читающего – дабы не терять попусту время! – роман Джека Лондона «Маленькая хозяйка большого дома». В том читальном сезоне «освоил» все собрание сочинений любимого автора.

В мои последние летние каникулы я меньше обычного играл в футбол из-за своего участия в областном, республиканском теннисных первенствах, длительных тренировочных сборах. Но с приходом последнего для меня школьного сентября моя футбольная деятельность в рядах «Спартак» приобрела коммерческий характер за счет частых командных выездов для подработки.

На небольшом автобусе (иногда на грузовике, со скамейками вдоль бортов) вместе с командой отменно попутешествовал: играли в Тальном, Звенигородке, Гайсине, Гайвороне. Под проливным дождем проходила игра с командой военных в Тульчине. Стараниями прежде всего вратаря Саши Герасименко (сына директора моей школы, Ивана Александровича) мы уберегли свои ворота «в сухости», мне же удалось, скользя «пятой точкой» по лужам и грязи, влететь вместе с мячом в ворота противника. Победа позволила нашей команде сорвать куш, поэтому после матча наш капитан Юра Агафонников (крепкий, кряжистый мужичище с глубокими морщинами на будто из камня высеченном лице, простой и бесхитростный) сверх положенных мне пяти рублей добавил, в качестве премиальных, трешку и как отличника физической подготовки потрещал по холке.

Отогревались промокшие и продрогшие спартаковцы в местной солдатской столовой, с «портюшкой» в стаканах, которую и мне, исключительно из чувства коллективизма, пришлось глотнуть. Совсем расслабленный, ближе к полуночи вернулся домой, забравшись в квартиру через окно, которое по заранее отработанному сценарию оставил открытым мой брат. (В дни моих футбольных отлучек отец, вновь начавший «бурлить», перед сном демонстративно закрывал входную дверь на ключ.) В это время мама, вместе с двухлетней дочкой Таней, находилась в Москве, куда надолго уехала к родственникам, опасаясь заболевания холерой, проявившейся в бархатный сезон в Одессе.

Летопись моей футбольной одиссеи оборвалась на излете чудного школьного детства, весной шестьдесят четвертого года, когда всесторонняя подготовка к вступительным экзаменам в ленинградский институт закономерно ослабила интерес к спорту. Я стал меньше уделять внимание тренировкам. Немалый ажиотаж, охвативший перед майскими праздниками моих школьных товарищей, в связи с отбором кандидатов на участие в зональном первенстве спортивного общества «Спартак» среди юношеских команд меня – как бесспорно внеконкурсного – не затронул. Однако известие о том, что основного вратаря спартаковской команды школьников, друга моего сердечного Кольку Шведова, на выездной турнир не берут, спокойным меня не оставило. Более всего возмутило меня то, что классного голкипера несправедливо заменили его дублером, Вадимом Гурманом, отец которого по долгу службы делал гешефты в местном «Военторге».

Сан Саныч мои плетенья словесные, намеки касательно меркантильной подоплеки затеянной интриги воспринял спокойно, объявив в ответ, что моя задача – играть, выполнять тренерские задания и не совать нос в дела, меня не касающиеся. В глазах моих потемнело от обиды, в голове помутилось, и я, закругляя диспут, «выдал на гора» решительный отказ ехать на соревнования без вратаря Шведова.

Большому кораблю – большая торпеда. За комплексные прегрешения в отношениях со старшим «по званию» из обоих составов футбольной команды «Спартак» меня отчислили.

Внешне я проявил полное равнодушие к «изгнанию», тем более что на носу были выпускные и вступительные экзамены, но червь сомнения еще много лет точил мою душу гамлетовским размышлением: сопоставима ли моя обида за друга, пусть даже справедливая, с искренним вниманием, заботливостью, воспитательной взыскательностью, которые почти три года проявлял в отношениях со мной футбольный тренер, очень добрый и симпатичный Сан Саныч Сенотов?

Moralite

Спорт, как образ жизни отроков моего поколения, отвлекал его непоседливых представителей от пустого, бессмысленного времяпрепровождения, от недостойных поступков. Он был не просто физической потребностью юных организмов, а исполнял, помимо прочего, функции успокоителя гормональных перегрузок, которые ныне, в условиях торжества демократии, нередко гасятся откровенной разнузданностью юношей и юниц, не помышляющих об искренности, чистоте в человеческих отношениях, отдающих предпочтение алкогольной, наркотической праздности.

Занятия спортом в пору моего детства развивали не только тела юных индивидов. Они воспитывали у них стремление к высоким результатам, утверждали чувство самоуважения, настраивали на достижения житейских успехов честными, справедливыми путями, силой воли и знаний, белые и пушистые неженки были не в почете.

Спортом занимались «самостійно», в школьных секциях, в детских спортивных школах, в составе взрослых спортивных коллективов. Заметно возростал общественный вес тех ребят, чьи спортивные достижения позволяли им успешно участвовать в многочисленных и разнообразных, регулярно проводившихся городских, областных, республиканских соревнованиях.

В родной Умани нарабатанная, спортивность долгие годы была важной составляющей моего стиля жизни, позволяла быть в хорошей физической форме, добавляла мне позитивной неординарности в глазах окружающих, вызывала уважение со стороны друзей, добрых приятелей, коллег.

Меня давно занимает мысль о том, что «*обаяние поэзии детства*» тем сильнее, чем дальше разлука с местами, где оно прошло. Отсутствие такого стимула у тех, кто безвыездно с малых лет и до седых волос живет на одном месте, несколько притупляет у них остроту проявления этого прекрасного чувства. Суть моего диагноза в том, что жизнь на расстоянии от родных мест вызывает у их бывших обитателей возрастную, остро протекающую болезнь под названием «ностальгия»; что у людей, сызмальства слившихся со средой обитания, это заболевание протекает в латентной, менее чувствительной форме.

У каждого из нас на свете есть места,
Что нам за далью лет все ближе, все дороже,
Там дышится легко, там мира чистота
Нас делает на миг счастливей и моложе¹⁷⁵.

Мне давно стало понятно, что возвращение в город детства после долгого перерыва, встреча с людьми, прямо или опосредованно связанными с моим прошлым, словно мощный катализатор, возбуждают память, восстанавливают смутные, полузабытые события моей детской жизни. Так случилось и с воспоминаниями о футболе моего детства, толчок к возрождению которых дала встреча с учениками моего отца, солидными, значимыми людьми, профессорами Иваном Маркияновичем Карасюком, Виктором Прокофьевичем Сигидой, Юрием Федоровичем Терещенко, при хлопотливом содействии очаровательных и интеллигентных Натальи Васильевны Михайловой, Ларисы Александровны Цимбровской, их милых коллег.

Школьная любовь

Простой народ тепло и свято
Сумел в преданье сохранить,
Как люди в старину, когда-то,
Умели верить и любить!..

С. Надсон

В июне шестьдесят шестого года, в разгар моей четвертой экзаменационной сессии, в стерильной тишине главного читального зала Публичной библиотеки, нарушаемой фоновым скрипом стульев, аккуратными покашливаниями

посетителей, криками чаек над Фонтанкой, я, отложив на время конспекты лекций и учебники, читал «Повесть о жизни» Паустовского.

В те годы, в эпоху «самой читающей страны в мире», этот сборник автобиографических книг пользовался громадной популярностью. Выйдя в свет первым (и немалым!) тиражом, он тут же стал библиографической редкостью, мечтой каждого запоздавшего с покупкой библиофила. Мои попытки любым способом добыть заветный двухтомник не удались. Пришлось, прибегнув к услугам главного ленинградского книгохранилища, совместить лихорадочное заучивание законов электротехники с восторженным «поглощением» литературного шедевра, выписанного талантливо простым, изысканным русским языком.

Утратив представление о времени, оборвав связь с внешним миром, жадно «глотал» страницу за страницей, пока пронзительный звонок – сигнал завершения рабочего дня библиотеки, призыв к общей эвакуации – не вернул меня к действительности, к осмысленным поступкам.

Еще несколько часов находился под гипнотическим обаянием прочитанного, внутренне соучаствуя и сопереживая, жил событиями давно минувших лет, когда бесцельно-прогулочным шагом бродил по Невскому проспекту, Дворцовой площади, Марсовому полю... Белая ночь, прозрачная и таинственная, очертившая строгим контуром красоту Ленинграда, дала мне особый – теплый, сентиментальный, грустный – настрой в осмыслении отдельных сюжетов книги, в невольном сопоставлении их с моим недолгим прошлым, с ощущениями, составившимися впечатлениями моей двадцатилетней жизни.

Приятно было узнать, что детство Паустовского прошло в местах, соседствующих с моей родиной – Уманщиной; что усадьба его деда, потомка запорожских «козаков», Городище, под Белой Церковью, примыкала к заповедным лесам графини Браницкой, ее парку «Александрия», ставшему предтечей уманского парка «Софиевка».

Испытал тонкое волнение, когда выявил в описаниях раннего детства, гимназических лет автобиографа множество точек соприкосновения – в событиях, в чувствах – с моим, таким же дорогим, милым, неповторимым, детством. Как и у любимого писателя, в нем были нежная и чуткая мама, сложные отношения с отцом, прелесть деревенской жизни, бесчисленные игры и забавы, изощренные ученические проказы, первое интимное волнение, наивное и стыдливое влечение к понравившейся девочке...

Казалось, автор книги будто прочитал в моем сердце – сердце юноши, только недавно (и очень болезненно, с резкой переменой житейского уклада) расставшегося с детством, – искреннюю, любовную оценку этой золотой поры человеческого бытия; прочитал и переписал ее изумительным слогом глубокого, наделенного даром проникновения в жизнь писателя: «Очень жаль, что всю прелесть детства мы начинаем понимать, когда делаемся взрослыми. Светлыми и чистыми глазами смотрели мы на мир, и все нам казалось более ярким. Ярче было солнце, сильнее пахли поля, громче был гром, обильнее дожди и выше трава. И шире было человеческое сердце, острее горе и в тысячу раз загадочнее земля, родная земля – самое великолепное, что нам дано для жизни».

Томила, холодела душа моя, когда лакомился красивой и печальной

историей любви, просиявшей в жизни автора в начале Первой мировой войны, на которую он добровольно ушел санитаром. Несколько месяцев озаряло его жизнь это чудное сияние, пока его источник, прелестная и отважная медицинская сестра Леля Свешникова, в галицийских лесах оказывавшая помощь больным черной оспой, сама не заразилась ею и, приняв смертельную дозу морфия, не оборвала свои мучения.

Не только эмоциональная сила, литературное изящество этой драматической миниатюры задела меня за живое, когда, позабыв об экзаменах, бродил в раздумьях по сумеречному Ленинграду. Почудилось тогда мне, что повторение описанных в ней коллизий (с определенными различиями в деталях, житейских и психологических нюансах) я наблюдал всего несколько лет назад, в своем родном, милом и провинциальном городке Умань.

В этой второй истории, как и в оригинале, были и высокая любовь, и высокая трагедия, было счастье великое, было и горе горькое. Много воды утекло с той поры, неизвестна мне судьба большинства моих сверстников-земляков; те из них, с кем (уже в возрасте седин!) удалось пообщаться, не могут припомнить того неординарного события, так взволновавшего город. Но оно было, детали его цепкой занозой держатся в моей памяти, временами смутно волнуют и тревожат меня, просятся (обещая взамен душевное успокоение) на бумагу.

Как белый камень в глубине колодца,
Лежит во мне одно воспоминанье.
Я не могу и не хочу бороться:
Оно – веселье и оно – страданье¹⁷⁶.

...Первого сентября шестьдесят второго года после традиционной торжественной линейки я, ученик предпоследнего, десятого, класса средней школы номер четыре, стоял на лестничной площадке третьего этажа школьного здания и вместе с друзьями-одноклассниками Коляном Шведовым и Жекой Юмашевым восторженно «стенал». Термином этим наша компания определяла резкие, по-тирольски гортанно-переливчатые звуки, коими мы (подобно Эллочке Людоедке), только меняя тембр звучания, выражали океан чувств – от глубокой скорби до громокипящего веселья.

Инициатором большинства наших макаронических выходов был симпатичный и очень начитанный Юмашев. С подачи его, уже осилившего собрание сочинений Мопассана, мы, завидев пару подружек, в обнимку прогуливавшихся по школьному двору, возмущенно ревели словами героя французского классика: «Это же лесбос!»

Любимец девчонок, он мог, забавы ради, подойти к одной из них и, скороговоркой прошептал ей на ухо из Шандора Петефи, затуманить бедняжке голову: «Будь ты веселая, будь ты унылая, – и смех твой я люблю, и слезы, милая!» Однажды очередная жертва такой эпатажной выходки через подругу переслала Женьке записку с просьбой дать ей свидание. В коллективно изготовленном ответе мы назначили место и время встречи, указали парольные приметы обольстителя: «...верхняя пуговица моей фланелевой рубашки будет растягнута, в глазах моих

*будет черная меланхолия, в правой руке – учебник Перьшикина и Краук-
лиса».*

В тот первый день учебного года своим «стенанием», поощряющим и разноголосым, наше трио ставило оценки достоинствам старшеклассниц, заметно «прибавивших» за время летних каникул.

В какой-то момент выступления мы вдруг онемели и с отвалившимися челюстями застыли неподвижно, соляным столпам подобные. По спиралью выстроенной лестнице, огибая текущий вверх поток учеников, перепрыгивая через ступеньку, широко размахивая портфелем, кометой пролетела красивая, гибкая и стройная девушка и, охватив нас волнующим ароматом цветущей юности, скрылась за дверью класса, с номером «одиннадцать» на ней.

– Да-а-а! – первым выплеснул из себя восторг Жека.

– Однако! – добавил я с не меньшим восхищением.

Колян, чью разговорчивость в оценках возбуждала только свежая сводка с футбольных полей страны, растерянно безмолвствовал.

В свое последнее школьное лето Таня Рыженкова из миловидной, симпатичной, но угловатой девчонки вдруг превратилась в замечательную красавицу, со стройной фигурой, с хорошо развитым и гармонично сложенным телом, упругим, как пружина. Пышная копна роскошных льняных волос украшала ее гордой посадки голову. Правильные черты лица с удивительно гладкой, чуть смуглой кожей, изящно очерченным ртом, нежным овалом подбородка, прямым носом притягивали, ласкали взгляд. Немного раскосые, большие, глубокие глаза (дно которых, перефразируя Чехова, было словно выстлано «бархатом трав лесных») были оторочены густыми ресницами, бровями вразлет. Они лучились радостью бытия.

В тишине ее тела таился
Снежный цветок пушистый.
У нее на плечах лежала
Пятном молчания и розы
Тень ее ореола⁸³.

Была Таня не только пленительно хороша, но и отличалась добрым нравом, умной сдержанностью, за которой укрывалось самоуважение, а если и доводилось ей горячо отстаивать свою точку зрения, то в юной порывистости ее не было суетливости. Ее отец, отставной военный летчик, ревностно следил за успеваемостью дочерей (вторая дочь, Людмила, была на три года младше Тани), часто навещался в школу, где в дидактических наставлениях завуча Вась Вась, тонкого специалиста по девичьим проблемам, получал достоверные сведения о подстерегающих его девочек искушениях.

Вообще говоря, дети действующих и отставных авиаторов, в начале пятидесятих годов эскадрилей перелетевших из Чугуева в Умань и осевших в нашем городе (в так называемых «белых домах», вблизи аэродрома), выделялись среди сверстников. Все они, за немногим исключением, хорошо учились, в них чувствовалось позитивное влияние семейной среды: ребята были деятельны, мозговиты, девчонки отличались броской внешностью, житейским умом.

Мне почти два года довелось быть невольным свидетелем этого дивного школьного романа. Он протекал перед моими глазами короткими, яркими и информативными эпизодами документального фильма, позволявшими ощутить и представить всю силу и глубину чувств действующих лиц, каждый раз все больше поражаясь ими и восхищаясь.

Осенью первоначальной и осенью поздней, в пору чарующего напоминания об ушедшем лете и в пору печального увядания природы, когда ее настроение попадает в тон настроению влюбленных, не раз встречал замечательный дуэт в старинной «Софиевке». Она и он бродили не спеша по парковым аллеям, у водопадов и каскадов, наслаждаясь один другим, немножко грустили, любясь разноцветным листопадом на тускнеющую траву и холодеющие пруды.

Все зимние каникулы пара влюбленных составляла мне компанию на катке, по обыкновению устроенном на Верхнем парковом пруду. Вместе мы чистили ледовую площадку от падавшего снега широкими жестяными лопатами, вместе катались на коньках «передом, с выкрутасами» и «задом», пытались освоить какие-то элементы фигурного катания от Белоусовой и Протопопова. Разогнавшись, Татьяна падала понарошку на окружавший каток снежный вал, за ней улетал, споткнувшись, Слава. Она, «зубами дразня, хохотала», возбужденная, счастливая, он обнимал ее, аккуратно стряхивал снег с волос, ресниц, нежно целовал в покрасневшие щеки, разогревал своим дыханием любимые ладошки. В ту зиму мы (увы, ненадолго!) подружились.

В двадцатых числах июня шестьдесят третьего года в школах города состоялся первый выпуск учащихся одиннадцатых классов с традиционной торжественной церемонией вручения аттестатов зрелости и свидетельств о получении рабочей профессии, с праздничным банкетом, с ночным гулянием по парку «Софиевка» и по центру города.

Собравшиеся поздним вечером у нашей школы воспитатели-педагоги, выпускники, их родители откровенно ахнули от восторга, когда в школьный двор, в прекрасно сшитом черном костюме, в накрахмаленной белой рубашке, вошел высокий и элегантный Слава Высочин, ведя под руку, как жених невесту, изумительно красивую Таню Рыженкову, в пышном белом платье, сшитом специально к событию.

Ты надела праздничное платье,
В нем ты стала взрослою вполне.
Лишь вчера была ты одноклассницей,
А сегодня кем ты станешь мне?¹⁷⁸

Они получили свои аттестаты, в которых преобладали пятерки, красиво станцевали прощальный школьный вальс и навсегда расстались с детством, с любимой школой. Впереди они видели длинный-длинный жизненный путь, который им предстояло пройти неразделимой парой, в счастье и любви (как герои Грина – «они жили долго и умерли в один день»). Первым совместным шагом на этом пути они спланировали выезд в Москву, для поступления в институт. Отец Тани, оценив такую целеустремленность, приветил будущего зятя – просил только не спешить с женитьбой; Танина же мама и раньше не скрывала своей симпатии к Славе.

...В начале июля, во время подготовки к вступительным экзаменам, Тане неожиданно стало плохо. Участковый врач, озабоченный и хмурый, внимательно осмотрел ее и выписал направление на рентген. Рентгенограмма показала у Тани рак легких, в начальной стадии. Окаменевшим от ужаса родителям, Славе специалисты сказали, что хирургическое вмешательство ускорит рост опухоли – шанс на выздоровление дает только медикаментозное лечение, сила воли, спокойствие больной, забота и уход близких людей (для Тани и для посторонних придумали простое заболевание, излечиваемое строгим соблюдением предписаний врача).

На следующий после жуткого известия день Слава Высочин пришел к родителям своей суженой и, чтя традицию, по всем правилам этикета попросил руки их дочери. Молодые, получив родительское благословение, подали заявление в загс. Брак оформили в ускоренном порядке, Слава перебрался к жене.

Самым поразительным в этом редком любовном симбиозе была особая взаимосвязь, некая нервная эманация между юными супругами, позволявшая им мгновенно воспринимать заботы, печали, остро чувствовать боль (телесную, душевную) друг друга, реагировать на все взаимопомощью и поддержкой.

На первых порах, пока врачебная тайна оставалась таковой, пока у Тани был достаточный запас сил и здоровья, молодожены, как и прежде, часто и подолгу бывали на людях. Более чем прежде юный муж был чуток, внимателен, предупредителен к красавице-жене. Спокойствием, обыденной естественностью своего поведения, твердой уверенностью в неизбежном выздоровлении любимой он поднимал ей настроение, заряжал ее бодростью, оптимизмом, уверенностью, что у них все еще впереди. В страшный диагноз он не поверил.

Он возлюбленную нежил
И ласкал улыбкой солнца,
Нежил вкрадчивою речью,
Тихим вздохом, тихой песнью¹²⁵.

Но когда возбудились глухие слухи о тяжелом недуге старшей дочери Рыженковых и стали распространяться среди суетливо-любопытных горожан, Славик решительно изменил образ жизни семьи. Татьяна перестала выходить на улицу, он, бывая вне дома, стал избегать каких-либо контактов с друзьями, знакомыми.

Осознав всю серьезность заболевания жены, он делал все возможное, чтобы она не узнала истинного положения вещей, чтобы не иссякла в ней жажда жизни. Сердце его кровоточило, душа рвалась из тела, но в его выражении лица, в поведении по-прежнему сквозили вера, надежда, любовь.

– Как больно, милая, как странно,
Сроднясь в земле, сплетясь ветвями, –
Как больно милая, как странно
Раздваиваться под пилой.
Не зарастет на сердце рана –
Прольется чистыми слезами,
Не зарастет на сердце рана –
Прольется пламенной смолой¹⁷⁹.

В последний раз я встретил Славу в начале лета шестьдесят четвертого года, в пору моих выпускных экзаменов. Он стоял у рынка, на автобусной остановке с набитой продуктами авоськой и, думая о чем-то своем, смотрел сквозь меня в пространство. Подошел автобус, забрал пассажиров, Слава, еще не выбравшийся из лабиринта печальных размышлений, не двинулся с места. Стоя в салоне набиравшего скорость автобуса, я пристально всматривался через окно в удаляющуюся от меня (навсегда!) фигуру приятеля, и боль соперничества щемила мое сердце.

...Ровно через два года мне, уже устоявшемуся студенту, привелось встретиться со своей учительницей физики, Марией Павловной Пустовит. Получив из третьих рук мой адрес, она спешно приехала в Ленинград, где на месте оценила значимость электротехнического института, в котором я учился, прикинула для себя возможность поступления в него сына Игоря, заканчивавшего через месяц школу.

За время совместной прогулки вокруг Ботанического сада, по набережной Большой Невки Мария Павловна рассказала мне финальную часть трагедии юной семьи Высочиных, детали которой выплакала ей мама ее ученицы.

Таня, сумевшая скоро понять характер своего заболевания, до последнего, до невыносимых болей, держала себя в руках, всем видом своим показывала обожаемому мужу, что верит в его уверенность в скором своем излечении. Она лукавила, когда просила, умоляла Славику учесть ее скорую поправку, использовать данную ему отсрочку от армейской службы и, вернувшись к учебникам, попытаться самому (пока без нее!) поступить в институт.

*«Но убывает воск, съедаемый огнем. Но убывает воск!»*¹⁸⁰. Когда боли стали нестерпимыми и стал вопрос о подавлении их уколами морфия, не только телесные, но и душевные силы оставили больную. Тогда она сказала Славе, что давно догадалась о страшной болезни, попросила у него прощения за пережитые им страдания, за то, что сломала ему жизнь. И еще она попросила о милосердии – избавить ее от непереносимых мук, помочь уйти из жизни.

– Нет! Нет! Нет! – криком отвечал ей обезумевший от горя Слава. Он кричал и метался по квартире, с округлившимися глазами, с побелевшим лицом, распахивая ногами двери, опрокидывая стулья. – Не говори этого!.. Я люблю тебя, и ты будешь жить!

Нервы его сдали. Не замечая родителей Тани, ее сестры, он рвал на себе рубашку, кусал ладони, рычал, стонал, плакал так, как плачут никогда прежде не плакавшие мужчины, – отрывисто и громко.

С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всею кровью прорастайте в них, –
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг!¹⁷⁹

...Она умерла в полдень, когда в квартире никого не было, когда Слава только на пару минут выбежал в магазин за покупками. Она умерла в непол-

ных двадцать лет в начале мая шестьдесят пятого года, когда уже шли теплые дожди, лопались бутоны на уманских каштанах, зацветали городские сады, ди-ковинные деревья и кустарники в ее любимом парке «Софиевка».

Отец

Кажется, в памяти первую метку об отце оставило катание на его импровизированных качелях, когда он, закинув ногу за ногу, раскачивал меня вверх-вниз на своем большом, как седло, башмаке. Еще одна ранняя зарубка: поездка с ним на персональной бричке с личным кучером в холодное весеннее поле – изумрудная зелень озимых, темно-серые клубящиеся облака, крики грачей.

Отец относился к той неугомонной прослойке выходцев из крестьянских низов, которые своей природной одаренностью, внутренней энергией, используя им благоприятствовавшие возможности государственного устройства, достигали достойного общественного положения.

Выходец из брянского захолустья, он в тридцатых годах получил высшее сельскохозяйственное образование в академии имени Тимирязева («тимирязевке»), увлекся впоследствии выведением новых сортов зерновых культур, прежде всего ржи. Прошел всю войну танкистом, был серьезно ранен и контужен, имел много боевых наград. Демобилизовавшись, он вместе с моей мамой перебрался на Уманщину, где два десятка лет совмещал научную работу с преподаванием в институте.

В преподавательской среде держался особняком, был своего рода «белой вороной». Но студенты его любили – за глубокие знания, за безграничную преданность науке, за уважительность и демократизм в отношениях, за честность и принципиальность, порой граничившую с излишней прямолинейностью в оценках и характеристиках.

Свое отношение к почитаемому преподавателю будущие агрономы и механизаторы проявили в очень неожиданной форме весной шестьдесят второго года, во время проведения общеинститутского собрания по выдвижению кандидата в депутаты Верховного Совета СССР очередного созыва. Процедура эта в строго упорядоченной системе державной жизни исполнялась по стандартному сценарию – предложенную высшей инстанцией кандидатуру очень «парадно» обсуждали и единогласно утверждали в трудовых и учебных коллективах.

В тот зимний день уважаемому собранию для единодушного одобрения была предложена кандидатура председателя комитета по Международным Ленинским премиям академика Д. А. Скобельцына. Предрешенный итог голосования сломал отважный юноша (безвестный герой!), заявивший с высокой трибуны, что с маститым физиком он не знаком, а к доценту Головцову студенты



сельскохозяйственного института испытывают большое уважение и считают его достойным представлять интересы избирателей в высшем органе управления страной.

Последовавшая паника в рядах профессорско-преподавательского состава и представителей властей не помешала голосованию за нового выдвиженца, но сделала его не единогласным.

Несколько дней после этого чрезвычайного происшествия помещения института походили на возбужденный муравейник – шумели группы студентов, отстаивавших право на собственный выбор; устно и письменно изъясляли идеологическую выдержанность преподаватели и аспиранты; суетливо перемещались курьеры из партийных, советских и других органов.

Прежде невиданное событие встряхнуло, в городском масштабе, основы партийного руководства народным образованием, привело к неприятным последствиям для функционеров среднего звена.

Отец весь период смуты нежился в лучах заслуженного народного признания, выявляя покорность обязательным принципам демократического централизма, пока с ним – обстоятельно и по-товарищески! – не поговорил секретарь институтского парткома.

По завершении беседы временный кандидат в депутаты по собственному желанию написал заявление в избирательную комиссию с просьбой уволить его от выборных проблем. По-иному и быть не могло, отец должен был благодарить судьбу за то, что эпизод с выборами остался для него без последствий, а также за то, что она дала ему редкую возможность получить истинную оценку своим профессиональным и человеческим качествам от благодарных учеников.

А для меня, прямого наследника разнополярных родительских качеств, с отроческих лет демонстрировавшего в отношениях с отцом задиристость и дух противоречия, это событие семейной истории стало еще одним аргументом для пересмотра (увы, только на склоне лет!) былых горячечных оценок и категорических выводов в пользу мудрого установления – «Не судите, да не судимы будете!».

Отцовские воспоминания

Не раз бывало в моем сельском детстве – наступает мягкий, тихий вечер, под стать ему в нашем большом доме царит общее доброе настроение, в комнатах парят, неслышные и невидные, нега и покой. Особо тонко и остро такая благодать семейного очага чувствовалась зимой, когда жарко натопленная русская печь, морозные узоры на оконных стеклах, снежные сугробы на дворе усиливали и оттеняли домашний уют, тянули к домоседству...

Бывают тихие минуты:
Узор морозный на стекле;
Мечта неволью льнет к чему-то,
Скучая в комнатном тепле...³⁷

В такие вечера мы с братом, не упираясь и не капризничая, во исполнение последнего пункта распорядка дня, главой семейства составленного, вовремя укладывались спать. Тому была своя причина. С некоторых пор в нашей семье утвердился милый обычай, согласно которому отец, под хорошее расположение духа, убаюкивал своих малолетних сыновей короткими рассказами из собственного прошлого. Начав единожды с первых земных ощущений, он, сюжет за сюжетом, выстроил устную сагу своей жизни, доведя ее до последних дней войны.

...Детство отца было нищим, голым и босым. С горьким юмором рассказывал он, что на всех пятерых детей в семье приходилась одна пара латанных-перелатанных валенок; чтобы завладеть ими для зимнего гуляния, требовалось хитроумие и умение действовать на опережение. Как старший брат, он уступал невидную зимнюю обувь младшим братьям и сестрам, а в школу, в лютый мороз, за несколько километров от дома, бегал в лаптях, в драном колушке и без шапки. Получив четыре класса начального образования, закинул котомку за плечи и отправился на хлебобродную Кубань, где несколько лет батрачил у кулаков. Оттуда перебрался в Москву, окончил рабфак, после которого умом и настойчивостью добился высшего образования в тимиразевке; до начала войны работал на Ивановской селекционной станции, что на Сумщине.

В студенческом разделе отцовской биографии есть сильный эпизод, относящийся к началу тридцатых годов. Приехав на каникулы в родную деревню Осколково, он обнаружил своих родных и односельчан опухшими от голода, умирающими. Прямой и независимый по характеру («...гордился даром всегда держаться перпендикуляром»), отец написал письмо Сталину, описал увиденное. Через некоторое время давление на сельский люд заметно ослабело, семья Головцовых выжила (вождь в этот исторический отрезок времени готовил статью «Головокружение от успехов»).

Пересказ событий войны, в которых отец непосредственно участвовал, был лучшей частью его мемуарных общений с нами, маломерными слушателями, внимавшими ему с затаенным дыханием, близко к сердцу воспринимавшими все перипетии отцовской боевой одиссеи, по-детски трогательно и наивно сопереживавшими ему.

Как и другие выпускники сельскохозяйственных вузов, он начал воевать командиром танка, победу встретил контуженным, тяжелораненым (осколок вошел в тело под правым соском и вышел на свободу под лопаткой, оставив под ней лучащуюся морщинками рану, под десять сантиметров в диаметре), по-прежнему в комбинезоне танкиста, на границе Польши и Германии.

Боевое крещение отец получил летом сорок первого года, в боях за Воронеж, в которых наши войска потерпели поражение. Попытка танкового штурма утерянного города сорвалась: наши боевые машины были сожжены фашистами на узких улицах, да и были они тогда еще совсем никудышными (чтобы показать толщину их брони, отец образно использовал мельхиоровую вилку).

Рассказывая этот фронтовой эпизод, отец обошел молчанием его трагический финал. Лишь по завершении института я узнал от него страшные подробности воронежских событий – как он сумел выбраться из полыхавшего танка; как прятался под полом задымленной веранды пригородного дома; как дед с окладистой бородой выдал его немцам; как

он больше месяца просидел в концлагере (глиняном карьере), пока наши войска не освободили его вместе с другими военнопленными. Вижу перст судьбы не только в том, что отец не оказался среди тех товарищей по несчастью, которых – каждого десятого – фашисты ежедневно расстреливали, но и в том, что после освобождения из плена его не затронули тяжелые последствия за сам факт пленения.

Мне неизвестно, что говорит статистика – в процентах, в абсолютных числах, но без эмоций – о тех, кто прошел Отечественную войну от начала до конца. Думается, их было не так уж много. Но я совершенно уверен, что ничтожно мало было героев (именно – героев!), отвоевавших всю войну в танковых войсках и оставшихся в живых. И в числе таких воинов был мой отец.

На поле танки грохотали,
Солдаты шли в последний бой,
А молодого командира
Несли с пробитой головой.

Тогда в Верхнячке, в далеком-предалеком пятьдесят шестом году он рассказывал нам с братом о танковых боях, в которых в смерче огня плавился металл и сгорали заживо люди, о взлетающих на десятки метров вверх танковых башнях, после того как в их корпусах, от детонации, взрывались боезапасы. В его боевом прошлом было участие в сражениях, в которых танки по самые башни зарывались в землю и орудийным огнем отбивали атаки врага, когда, исполняя приказ «Ни шагу назад!», танкисты вместе с пехотинцами стояли насмерть под шквалистым огнем противника.

Под танк ударила болванка,
Прощай, гвардейский экипаж!
Четыре трупа возле танка
Дополнят утренний пейзаж.

Отец не раз говорил нам, что чувство страха – это естественная реакция нормального человеческого организма на угрозу его существованию, что на войне не бывает «бесстрашных» людей – бывают отважные солдаты, которые, не поддавшись внутренней и общей панике, преодолев страх, бьются с врагом до последнего вдоха. Он рассказывал о невероятной жажде жизни на войне, о вере каждого солдата в то, что смерть обойдет его. Все это он испытал и пережил – под свистящие пули, разрывы снарядов, когда рядом один за другим погибали боевые друзья-товарищи, а он оставался живым.

Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв – и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо¹⁸¹.

Я благодарен своей впечатлительной и цепкой детской памятью, позволившей мне до возраста седин помнить мельчайшие детали отцовских воспоминаний о войне. Их я ныне использую для историко-нравственного воспитания своей внучки, лишенной такой возможности в киевской общеобразовательной школе, где, в соответствии с требованиями текущего политического момента, подают историю священной

войны (не именуя уже ее Отечественной) мельком и перелицованной, с вписанными в нее новыми «героями» – фюреру присягнувшими борцами за абсолютную независимость.

Пример боевого пути отца дает мне возможность привить его правнучке благодарную память о тех, кто в минуты жизни роковые оказался на одной линии огня с лютейшим врагом – «цивилизованными» германскими варварами, кто жизнь свою положил за Победу, дав потомкам возможность земного бытия, бытия не рабского – свободного.

Для отца была священной память о друзьях-однополчанах, павших в боях, своей смертью его смерть поправ. Всех их он помнил поименно, о многих из них, с бытовыми и психологическими деталями, рассказывал нам. Он не забыл, где и при каких обстоятельствах погиб каждый из них, где похоронен, помнил о без вести пропавших. Не раз с болью в сердце вспоминал своего брата Александра, партизанившего в брянских лесах, сожженного заживо фашистами в запертой избе.

В каждый День Победы отец надевал боевые награды, включал радиолу, ставил пластинку с песнями о войне и уходил, душой и сердцем, в свое фронтовое прошлое. Таким и ухватила его моя память в праздничный майский день шестьдесят четвертого года: сильный, волевой, отнюдь не сентиментальный человек, он слушает свою любимую песню, в которой звучат имена его погибших друзей, слушает – и плачет.

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой¹⁸⁴.

Страшная месьть

Приступив к общественно полезной деятельности в седьмом классе в качестве чтеца-политинформатора, уже через два года перешел к издательской деятельности – организовал выпуск специализированной стенной газеты под названием «Хотите верить, хотите проверьте», дублировавшей одноименный раздел журнала «Наука и жизнь». В ежемесячных выпусках настенного издания распечатывал, используя отцовскую печатную машинку, редкие факты, полезную информацию, схемы реализации технических новинок.

Одной из них, увлекших меня и друга, Кольку Шведова, была технология изготовления в домашних условиях малых ракет класса «земля – воздух – земля». Заготовка из ватмана, предварительно намазанная силикатным клеем, проворачивалась на двух охотничьего калибра гильзах, превращаясь в вытянутый цилиндр – корпус будущего изделия.

К нему пристраивались вырезанные из консервных банок стабилизаторы, в головную часть вставлялся выточенный из деревянной чурки обтекатель. Одна из гильз, набитая самодельным черным порохом (древесный уголь, сера), превращалась в маршевый двигатель, обеспечивавший не менее пятидесяти метров полета. Вместе с другом изготовили добрый десяток летательных аппа-

ратов и произвели множество пусков: со спасательным парашютом и без него, в светлое и темное время суток, зимой и летом. Старты в небо долгое время носили мирный, тренировочный характер, пока житейские обстоятельства не вынудили использовать могучий потенциал грозного оружия.



Повод к этому появился после того, как семьи педагогической элиты, прежде ютившиеся в плохеньких квартирках институтского городка, переселились в выстроенный в начале шестидесятых годов трехэтажный многоквартирный дом, обеспеченный редкими по тем временам коммунальными удобствами.

Свежие колонисты обустроили двор, установив в нем республиканского типа систему управления; захватили под грядки территорию у парка, постоянно прирезая к ним новые и новые наделы; расширили неаккуратными пристройками сараи; смельчаки, решившиеся на экзотическую покупку автомобиля, спешно раскроили землю под гаражи.

Старый двор, забытый сон,
Ласточек полет.
Во дворе магнитофон
Про любовь поет⁷⁹.

Магнитофоны тогда были в диковинку, для музыкальных развлечений использовались радиолы с набором долгоиграющих (в тридцать три оборота) пластинок с популярными записями: песня «Марина», мелодия «Маленький цветок», ноктюрн «Гарлем», аранжировки старых песен в исполнении японского квартета «Дак-дакс». Все они были в составе музыкальной коллекции ни в чем не знавшего родительского отказа Павла Демченко – но только до того рокового дня, когда он на пару с моим братом загулялся допоздна со своими подружками-пионерками. В наказание впавший в гнев отец уничтожил содержательную фонотеку сына, переломив через край стола небьющиеся диски.

Над квартирой уважаемого химика располагались апартаменты доцента-механизатора Карпа Ивановича Хвыли и его пышнотелой, эксцентричной супруги, всю себя отдававшей любимому и вечно перекормленному отроку-внуку. Однажды она чуть не прибила меня наполненным водой графином, который, опершись грудью на подоконник, случайно сбросила к моим ногам с высоты третьего этажа.

Мечь – блюдо, которое следует подавать холодным, но мы с Николаем решили его подогреть. Поздним летним вечером, когда опустел двор, в примыкавшей к нему посадке шелковицы разместили пусковую установку – воткнутый в землю металлический прут, направленный в сторону квартиры мадам Хвыли, подготовили к бою оружие возмездия.

После удачного – лишь с третьей попытки – пуска ракета, оставляя за собой огненный след, влетела в раскрытое окно и поразила цель. Услышав

истерическое рыдание поверженной обидчицы, исполнили с напарником стремительный танец победы, издали гортанный крик североамериканских индейцев (в нашей терминологии – «зов предков») и дали деру.

Установленный – по форме мести – рекорд продержался до шестьдесят шестого года, когда его побил сосед по дому Сергей Галушко. Смертельно уязвленный несправедливой оценкой, выставленной ему на выпускном экзамене недалновидной экзаменационной комиссией школы номер тринадцать, он, на прощание хлопнув дверью, через форточку закинул в учительскую дымовую шашку.

За этот «подвиг» Сергей «схлопотал» в аттестат тройку по поведению, что не помешало ему поступить в Киевскую сельхозакадемию и впоследствии защитить кандидатскую диссертацию.

«Из школьных умников нередко выходят тихони, а из перебесившихся баловников – умные дельные люди».

(В. И. Даль)

Страх и трусость

Проявившиеся к семнадцати годам самоуверенность в повадках и страсть к скандалам, подкрепленные преждевременной спортивной славой, сделали меня скорым на расправу школьным борцом за справедливость. Активной правозащитной деятельностью занимался недолго, ее темп понизило происшествие, успокоившее мой буйный нрав и давшее характеру начала созерцательности и спокойных умозаключений.

Однажды взволнованная пара друзей – Павел Демченко и мой брат – разыскали меня на большой перемене и сообщили о нанесенном им оскорблении (кажется, с рукоприкладством) учеником старшего класса. Спешно разыскал обидчика – прыщавого, с редкими и выцветшими волосиками, водянистыми глазками – и уверенным «хуком с правой» уложил его, плюгавого, между партами.

На следующий день в школьной столовой прямым ударом в нос меня встретил приятель наказанного оболдуя, подростковый представитель городской шпаны по кличке Янчик. Выбравшись из-под стола, где оказался после ответного «джеба», «конкретный пацан» попытался устроить выяснение отношений до последней капли крови, да дежурившие в присутственном месте студенты-практиканты скандал погасили.

Второе свидание состоялось на следующий день за школой, где Янчик перехватил меня и, приставив к животу «финку», потребовал убедительных оправданий и покорности. И хотя страх, липкий и противный, вполз в мою душу и подсадил голосовые связки, угрозам не поддался; перестроил – фраза за фразой – диалог на доброжелательный лад, доведя его до взаимных похвал и примирения. Расстались чуть не друзьями.

Вскоре несостоявшийся рецидивист на украденном мотороллере погиб под колесами автобуса городского маршрута, оставив мне «на память о себе» долгое самокопание и размышление о том, естественный ли страх или позорная трусость определили мое поведение в критической для жизни ситуации.

Прощай, школа!

Из всех моих друзей Вовка Павлов выделялся ускоренным физиологическим развитием, которое к семнадцати годам превратило его в зрелого юношу крепкой стати, озабоченного прежде всего сбросом избытка сексуальной энергии.

Юность кончена. Приходит
Дерзкой зрелости пора,
И рука смелее бродит
Вдоль прелестного бедра⁸⁰.

Тогда как мы – его наивные, застрявшие в целомудрии друзья – истощали силы в школьных занятиях, в спортивных тренировках и соревнованиях, Вовчик занимался обольщением известной в городе Галины М., старшеклассницы из школы номер семь, славившейся эффектной внешностью («под Бриджит Бардо») и уступчивостью. Последнее качество обеспечило успех активному наступлению, и через месяц после начала кампании начинающий селадон торжественно объявил нам о полной виктории. Ночью, когда родители и младший брат крепко спали, он провел подружку в свою комнату, где она дала ему первый урок чувственной любви.

До завершения школьного курса удачливый первопроходец, в ущерб будущему, вел активную интимную жизнь; в ней поистощился, ослаб, что засвидетельствовали ранние залысины и скепсис в суждениях.

Но в блаженстве наслажденья
Прелесть чувства умерла.
Где вы, сладкие томленья,
Робость юного осла?⁸⁰

Последний учебный год летел стремительно, скорый финиш учебы в школе принуждал меня к интенсивным дополнительным упражнениям по математике, физике и химии – очень усердно готовился к поступлению в Ленинградский электротехнический институт, по примеру друга детства Валерки Ольховского, уже учившегося в престижном вузе.

В конце апреля шестьдесят четвертого года наша шумная компания отправилась с прощальным визитом в «Софиевку». Позировали перед фотоаппаратом на свободных от скульптур (до открытия сезона) постаментах, как в раннем детстве, бегали по Елисейским полям, прыгали по валунам Критского лабиринта. Запомнилась группа молодых москвичей, ярких и красивых, прогуливавшихся по парковым аллеям, исполнявших чудную песню из репертуара Утесова:

Я не поэт и не брютет,
И не герой – заявляю заранее, –
Но буду ждать и тосковать,
Если ты не придешь на свидание.

В конце мая в составе учебного полка в Умань прилетел на летнюю практику Юра Михайлик, год назад (после окончания школы номер четыре)

поступивший в Чугуевское авиационное училище. Отцы-командиры юных авиаторов в увольнениях ограничивали, вынуждая нашего земляка уходить в «самоволки». Выделенная мной одежда превращала его в худенького застенчивого юношу, минимально зависимого от патрулей во время походов на танцы, посещения поздних сеансов в летнем кинотеатре военного городка.

В июне – благостном в ощущениях жизни месяце – курсант Михайлик, выполняя первый самостоятельный полет, погиб. После того как над Уманью у самолета отказал двигатель, Юра не катапультировался, сумел отвести теряющую высоту машину от города, пытаясь посадить ее в поле у села Родниковка, но от удара о землю самолет взорвался.

«А город подумал, а город подумал, А город подумал: "Ученья идут"», – это слова из песни, посвященной молодым летчикам, повторившим в 1965 году, над Берлином, на самолете ЯК-28 подвиг парня из Умани. Песня эта долгое время была в репертуаре Эдиты Пьехи.

По завершении выпускных экзаменов после веселого и шумного школьного бала наша команда друзей устроила прощальный банкет в честь навсегда ушедшего, сладкого и беззаботного уманского детства. Юра Дудинский добыл длинный бредень с «мотней», вместе с Сашей Пальтовым мы его протянули вдоль поросшего лозой берега Третьего пруда и с парой ведер вареных раков устроили для всей компании «пир на весь мир» в только открывшемся рядом с парком ресторане «Дружба».

Потратились немного – посетители питейного заведения за одного рака рассчитывались парой бутылок пива, оркестранты за порцию деликатеса исполнили все музыкальные заявки от нашего стола, в том числе Колины любимые песни: «Алеша, ша! Возьми полтона ниже...», «Нас было пятеро, фартовых ребяташек...», а перед нашим уходом (как выяснилось – навсегда!) «врезали» «Прощание славянки».

«...лишь до семнадцати, восемнадцати лет мила, светла и бескорытна юношеская дружба, а там охладает тепло общего тесного гнезда, и каждый брат уже идет в свою сторону, покорный собственным влечениям и велению судьбы».

(А. Куприн)

В последовавших юности, молодости, зрелости (и так далее!) изумительный мотив старинного марша всегда напоминал мне тот глубоко символический ужин в припарковом ресторане. Память, в ответ на навевающую грусть мелодию, вырисовывала разгоряченные лица школьных друзей, вместе и в одно время со мной оставивших свои «частички бытия» в городе с прославленным парком «Софиевка».

Где вы, дружи школьные мои? Увы, *«иных уж нет, а те далече»*⁷².



Цикл «ЛЕНИНГРАД, ЛЭТИ, ШЕСТИДЕСЯТЫЕ»

О юность быстрая!
Сквозной ночей покров
Над пушкинской бессонною Невой.
Л. Попова

Любовь моя – Ленинград

Среди представленных в зримых формах и красках экспонатов внутреннего музея воспоминаний есть один, особо значимый и дорогой, поступивший в экспозицию сентябрьским утром шестьдесят четвертого года.

...По рассекающей надвое Аптекарский остров улице имени профессора Попова идет невзрачный юнец провинциальной наружности. В нагрудном кармане мешковатого пиджака – новенький студенческий билет, на лице – остатки нервической бледности от перенапряжений вступительных экзаменов, в глазах – благоговение и восторг.

С растущих за оградой сквера кленов падают желтые листья, шелестит обложной дождик – традиционная цветомузыка питерской осени. Под ее аккомпанемент спешу бодрым шагом на лекции в *Alma Mater*, Ленинградский электротехнический институт имени В. И. Ульянова (Ленина), сокращенно – ЛЭТИ.



Приметы каждой осени просты,
Обычные, привычные приметы.
Деревья в срок сдают свои листья,
Грустят о них зеленые поэты.
Сурово смотрят тучи на людей,
Над городом висят, как на канате.
Надолго расписание дождей
Составлено в небесном деканате⁸¹.

В том году пресеклось отрочество, завершилась его школьная составляющая. Как отрок здравоумный, за пару лет до неизбежного перелома жизнеустройства занялся домашним усилением получаемых в школе знаний – начал готовить себя к поступлению в институт.

Благородный принцип равных возможностей в получении высшего образования, доступного и бесплатного, был капитально заложен в механизм действовавшей в те годы общественной системы.



Получение его определялось не имущественным цензом родителей претендента, не звучностью их положения. Успех дела решали основательность школьных знаний, природные данные, сила духа и психики, темперамент и честолюбие.

При таком благорасположении супердержавы к своему младому племени миграции его наиболее беспокойных представителей с неленивыми мозгами к местам обретения интеллектуальной профессии было явлением заурядно-естественным.

Мной также «овладело беспокойство, охота к перемене мест»⁷². Родителям, предоставившим «карт-бланш» в реализации осмысленной перспективы, огласил вызревшее решение отправиться в город мечты и атаковать твердыни престижного вуза.

По-крестьянски сдержанный в тратах, отец выделил денежное вспомоществование, мама собрала котомку и благословила. Отправился их старший сын в дорогу дальнюю – в сторону полнощную, в края гиперборейские, в земли ингерманландские.

Ингерманландия! Ингварь-Игорь
Дал тебе имя, край непочатый⁷⁰.



Была славной охота. Вместо достаточных шестнадцати баллов добыл девятнадцать и был безоговорочно зачислен в состав студенческой гильдии.

Центром и смыслом жизни, местом будущих взлетов и падений, удач и разочарований, взросления, обретения на всю оставшуюся жизнь друзей и диплома инженера стал институт с его архитектурным символом: обвешанным башенками для винтовых лестниц главным корпусом.

В нем, за неординарного абриса стенами, за просторным – во весь угловой фасад – стрельчатым окном хранился священный камень: гранит науки, о который точил зубы в течение шести искрой мелькнувших студенческих лет.

Лиха беда начало

Как свидетельствует богатый опыт поколений, для студента определяющими и решающими являются первые два года учебы. В этот период незрелый организм юниора привыкает к сверхнагрузкам, перестраивается на прием и обработку громадного количества информации.

Только преодолев этот важный этап становления, пройдя контрольные засеки (экзаменационные сессии!), не оступившись и не выпав из строя, может зачисленный в институт молодой человек считать себя состоявшимся членом студенческого братства.

Лишь успешно завершив второй курс, может оперившийся студент

по-настоящему расслабиться, позволить себе казаковать в лучших традициях студенческой вольницы: «От сессии до сессии живут студенты весело, а сессия – всего два раза в год».

В ЛЭТИ, как положено солидному техническому вузу, в исходной полосе препятствий был особой крепости редут, одоление которого означало для многоборца окончательную регистрацию в институтской среде: кафедра высшей математики.

В синедрии ее мудрецов *primus inter pares* – первым среди равных – был многоумный и неповторимый Илья Александрович Назаров: высокий, крижистый мужик с крупными чертами лица и решительно выдвинутой нижней челюстью. «Наука, подобно дикарю, превосходно скульптурирует тех, кем овладевает»⁸⁸ – голомозый череп преподавателя был всегда ухожен, до блеска выбрит.

Вторым эшелонном бастионных служителей стояли ассистенты. Милейшая, с неизменным ридикюлем и по-суфражистски размашистой походкой, Кира Николаевна Маскина заумные и нерациональные подходы к решению задач оценивала присказкой «забивать хронометром гвозди». Ее коллега, Олег Юрьевич Лось, кроме математики имел соответствовавшее фамилии увлечение: забеги на сверхдальние расстояния. Во время пробега Ленинград – Москва простудил лицевой нерв и долго пугал застывшей гримасой окружающих.

Об обслуживаемые могучей кучкой укрепления били лбы поколения студентов, в руках этого трио четыре семестра трепетала моя судьба, успокоившись только в тихих заводах третьего курса.

Если в делах учебы поведение, поступки студента находятся под постоянным контролем и оценкой, то вне стен вуза только сила духа и самоконтроля не дают ему сбиться с праведного подъема к вершинам знаний. Ибо ждет его на нем неизбежное для первых шагов пути томление духа, подстерегает и испытывает искушениями дьявол.

Каждым нервным отростком помню, как психическая подавленность (тяжкая хандра!) вползала в душу вязкой смолой тоски по прошедшему, горечи настоящего и неуверенности в будущем. Казались безмерно, до жестокости, требовательными преподаватели, нелюдимыми – однокурсники, раздражала заносчивость коренных ленинградцев, давила непривычная обстановка большого города, неустроенный быт, тянуло назад – на родину.

Масла в огонь подлила Эдита Пьеха, на концертах которой побывал много раз. Незримые тиски сдавливали сердце, комок подкатывал к горлу, когда певица начинала беречь раны: «Где-то есть город, тихий, как сон»⁸². Хотелось бросить все, перелететь за полторы тысячи верст в милый город детства Умань, вернуться в родную школу, встретиться с друзьями, учителями, зажить прежней жизнью.

Ночью из дома я поспешу,
В кассе вокзала билет попрошу:
– Может, впервые за тысячу лет
Дайте до детства плацкартный билет...⁸²

Но, увы, соловьем залетным пролетели веселые годы, счастливые дни. Канули в Лету, были – и нет. Обливался горькими слезами отчаяния в полумраке концертного зала. Жизнь виделась бессмысленной и законченной:

...Тихо кассирша ответит:
– Билетов нет, билетов нет...»⁸²

Интимные душевные метания пресекались присущими возрасту вызревания импульсивностью в поступках, самоуверенностью, максимализмом. Свойственная юности природная дисгармония, когда желания и стремления развиваются раньше воли и силы характера, сослужила мне не одну плохую службу в неоднозначных ситуациях принятия решений. Не раз недремлющий Мефистофель льстил, уговаривал, подталкивал продемонстрировать качества настоящего мужчины, которых и в помине не было.

Во время вступительных экзаменов попал в силовое поле влияния двух ветеранов, не сумевших с первого захода перебраться на второй курс из-за неудовлетворительного знания математического анализа:

Раскинулся вектор по модулю «пять»,
В строю логарифмы стояли.
Товарищ не смог производную взять,
Ему ассистенты сказали:
– Анализ нельзя на арапа сдавать,
Профессор тобой недоволен.
Изволь теорему Коши доказать,
Иль будешь ты с курса уволен.

Досрочно вернувшись с каникул, неудачники вяло и как-то безразлично готовились к пересдаче экзамена. Женя – коренной новгородец, с русыми, пушистыми волосами, синими глазами, добрый и простой – иногда заглядывал в конспект лекций.

Другой, Рудик, до этого не снисходил, ибо проходил по статье непризнанных гениев. Чтение учебников подменял безмерными фантазиями о вершинах науки, которые ему, при желании, покорятся. «Анфан тэррибль», дитя порока, *«питаем многим и женщинами увлекался, мало о научении своем прилежал»*²¹. Гордился баритонального тембра голосом, под настроение распевал отрывки из оперных арий. На состояние носимых вещей особого внимания не обращал: укладываясь спать, ботинки ставил под кровать, носки – в угол. Старожилы взялись за воспитание податливого абитуриента из далекой провинции, рассказывали ему мифы и легенды студенческой жизни, прославляли ее героев, их подвиги.

Заговорили о возможном церемониале посвящения в студенты. Был показан снимок процедуры: лежащий лицом вниз на столе неофит, его лоснящиеся в бликах свечи ягодицы, занесенные – для ритуальных ударов по ним – алюминиевые ложки. Рядом – авторитет, читающий свод правил с кодификацией разборок «по понятиям» между студентом и преподавателем: *«...накажи Иуду-предателя в лице преподавателя»*.

После первого, на «отлично» сданного мною экзамена по химии Рудик потребовал уважить традицию: выставить бутылку водки и первым осушить полный стакан. Искуситель подтолкнул к беде, не дал оценить последствия поступка: «взяв на грудь» непосильный груз, вошел в пике, из которого с тру-

дом выкарабкался. После испытанного потрясения, как черт от ладана, бегал от соседей по комнате до окончания вступительных экзаменов. Контакты свел к минимуму, уходя очень рано и приходя ближе к полуночи.

В начале учебного года встретил Женю в институте. Узнал горестную весть, что повторная сдача экзамена по математике ему не удалась, что гордый Рудик, презрев диктат преподавателя, на испытание не явился:

Хотел доказать, но сознания уж нет,
В глазах у него помутилось.
Увидел на миг тот несчастный билет,
Упал, сердце в ноль обратилось.
К нему подбежали с корнями в руках,
Стараясь привести его в чувство.
Профессор сказал, покачав головой:
– Вот кара небес за беспутство!

От академической задолженности до долга перед Родиной – один шаг. По случаю мрачного зигзага судьбы несостоявшиеся студенты и будущие солдаты пригласили меня на «*файв-о-клок*», отвальную; жалость переборола жесткость, отказать в просьбе не хватило духу.

Как говорят в галицийском крае, на выверенном украинском языке, «*компанія була маленька, але дуже гонорова*»: мы с Женей и пан Рудик в окружении двух баядерок. Беззаботный ферт не грустил, пел романсы, читал Игоря Северянина: «*Ананасы в шампанском, ананасы в шампанском...*».

В разгар ужина прискакал гонец с вестью, что на проходившие в красном уголке танцы прорвались парни с фабричных окраин. Сформировалось ополчение, в составе которого петушком суетливым отправился на злую сечу с порушителями устоев. Руками размахивал недолго – из сражения выключил мощный боковой удар в глаз крышкой от бидона.



На следующий день перекрытый повязкой синяк сделал меня самой видной фигурой в аудитории. Активно работал, демонстрируя благонравие и граничащее с угодливостью рвение. Действующим глазом пожирая преподавателя, ловил на лету и заносил в конспект каждое его слово.

Перед длинной и зеленой, как моя похмельная грусть, доской вышагивал, почесывая свой глянцевый сфероид, доцент Назаров. Гроза нерадивых студентов баял о дифференциальном исчислении, временами бросая в сторону инвалида саркастические взгляды-молнии.

Наигранная прыть ушла, улетучилась. Завибрировал от ужаса, словно тростник, ветром колеблемый, в иронии памятливого лектора усмотрел скрытые беды, зияющие глубины пропасти, куда паду после первой встречи с ним на экзамене.

Жизнь тряхнула, бросила вызов. Подвергнув себя уничижительным самобичеванию и самоистязанию, очистился. Облачившись в рубище смире-

ния, оковав себя веригами праведности, погрузился в учебу. Все свободное от институтских занятий время, все выходные дни проводил в читальном зале со стрельчатым окном.

Пришла первая экзаменационная сессия – первые испытания, первые потрясения бедой и счастьем.

Голгофа тысяч и тысяч страдальцев, бывших студентами. Космические перегрузки взвинченной нервной системы, лихорадочные гонки, переписывание пропущенных лекций, скорострельное заучивание материала.

Заготовка шпаргалок – отдельная, ждущая своего исследователя отрасль знаний, сочетающая искусство рукоделия и изыски новейших технологий.

Умение контакта – глаза в глаза – с экзекутором. Великое мастерство лицедейства, обольщения и отвлечения его от вопросов билета в сторону проблем быта.

Искусное прямотушие ответа тающим, взволнованным и срывающимся (от любви к предмету) голосом.

Замирание сердца в ожидании вердикта, слежение за перемещением ручки мучителя в зачетной книжке.

За исключением математического анализа, по всем другим предметам был аттестован на «отлично». Суровый – но справедливый! – Назаров успокоил мои душевные метания твердой четверкой.

Квартира на улице Достоевского

После «маленьких трагедий» первого семестра получил от земляка и однокурсника Валерия Чихмана лестное предложение перебраться в снимаемую им комнату, в доме на улице Достоевского. В результате быстрой передислокации сменил насыщенную клопами койку (в комнате на семерых первокурсников!) в неблизком пригороде Шувалово на продавленный диван в коммунальной квартире в центре города. (Будущий друг занимал сообразную телу атлета двуспальную кровать.)

Пытливый, в меру романтичный Валерий обставил мое новоселье экскурсионным выгулом по близлежащим окрестностям, дав мне оценить богатство экспозиции под открытым небом, сочетание величия архитектуры с красотой и ухоженностью городского пейзажа.

Знаменитые улицы и набережные, соборы и музеи, дворцы и памятники, парки и скверы – все эти места, освященные историей, живописью и языком классики, виденные в кинофильмах, стали мне близкими и доступными.

Давно стихами говорит Нева,
Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад – Онегина глава,
О Блоке вспоминают острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский⁸⁴.

Наблюдаемое богатство, возможность жить в его окружении, пользоваться им, набирать от него культурной силы вызывали у меня, заезжего человека, восторг мощи необычайной – «...и все вокруг мое!».

В пяти минутах ходьбы от места жительства находился театр имени Ленсовета (от основания – дом Корсакова, некоторое время – Купеческий клуб, до 1953 года – Новый театр), где не раз наблюдал блиставшую молодостью, красотой и талантом Алису Бруновну Фрейндлих в постановках «Таня», «Совесть». (Позже она перешла в Большой драматический театр имени Горького; газеты писали: «Алиса перешла через Фонтанку».)

Добыть билет на праздник чувств и интеллекта в знаменитом БДТ (где – что ни актер, то туз и что ни туз – то козырный) через кассу, «по благу», как ни старался, не смог. Лишь однажды, выложив приличную сумму барышнику, получил контрамарку на просмотр труда мэтра Товстоногова «Мещане», увидел «вживую» театральных гениев: Стрельчика (маминого любимца!), Копеляна, Лебедева, Лаврова, Зинаиду Шарко, Басилашвили, Трофимова, Юрского...

Бог мой, как давно и как красиво это было!

Сценическую линию внутреннего совершенствования продолжил со всепроникающим сожителем – вместе устроились в секцию социологических исследований театра, при Выборгском дворце культуры. Получив абонемент на два места в бенуаре Малого театра оперы и балета, весь сезон пахали и бороновали на ниве отечественной культуры: в интересах театральной труппы в антрактах проводили опросы зрителей, выясняя их вкусы и предпочтения.

Впервые попав в Русский музей, поставил себе – восхищенный и потрясенный – задачу досконально изучить каждый выставленный экспонат (иконы, скульптуру, картины). На первых порах пристраивался к экскурсионным группам с профессиональными гидами, позже, набравшись начальных знаний, использовал специальную литературу. Выстроить подобным образом «отношения» с великим Эрмитажем, из-за его безбрежности, было невозможно. И все же в первые, не очень загруженные учебой дни семестра не раз, сбежав с последней лекции, автобусом «десяткой» подъезжал к музею, где, шаркая войлочными шлепанцами по живописному паркету, бродил до его закрытия по залам.

С младых ногтей был книгоцием. Под впечатлением рассказов мамы о семейной библиотеке, разграбленной в кровавом тридцать седьмом году (после убийства ее отца), загорелся тайной идеей возродить книжное собрание. Когда в марте шестьдесят шестого года в Ленинграде стали через переоборудованные газетные киоски задешево продавать залежавшиеся на складах собрания сочинений, понял, что пробил мой час. Восемитомник Анатоля Франса, купленный за четыре рубля возле станции метро «Владимирская», дал начало моей (ныне – немалой!) библиотеке.

«...есть два вида книжного червя. Один вид, известный энтомологам под названием *Sitodrepa panicea*, точит книгу.

А другой вид – *Homo sapiens*, которого пожирают книги».

(Г. Фостер)

Охота пуще неволи. Просыпался и засыпал с мыслью, на чем еще сэкономить, чтобы не идти с пустым карманом в букинистический магазин. Для рас-

ширения начавшей формироваться библиотеки разработал ряд приемов: приглашаемым на дни рождения гостям подсказывал, каких книг недостает в моей коллекции; перепечатывая на экспроприированной у отца пишущей машинке лекции, делал несколько закладок. Претендующие на копии сокурсники, предварительно ознакомившись со списком недостающих книг, получали требуемый конспект в обмен на адекватное количество типографских изданий.

Естественным образом происходило знакомство с архитектурными ансамблями, шедеврами зодчества, находившимися, что называется, «под рукой». Для успеха дела требовалось лишь повышенное внимание к «застывшей музыке» – она, прекрасная и многообразная, сделала меня пожизненным почитателем любимого Ленинграда, моей второй родины.

Часть города, в которой жил в то время, в первой половине восемнадцатого века решением Комиссии о Санкт-Петербургском строении была отведена низшим служащим дворцового ведомства – лакеям, поварам, скатерникам, конюхам, портным... Район этот тогда получил название Дворцовая слобода.

Здесь в 1769 году была выстроена пятиглавая (и двухэтажная!) Владимирская церковь, в 1783 году – колокольня при ней; храмовые сооружения дали имя прилегающей к ним площади и идущему от нее проспекту.

В конце девятнадцатого века вокруг площади активно строились доходные дома. В одном из них, послереволюционном собрании коммунальных квартир, некоторое время пожилы мы с другом. Его меблированные комнаты, как утверждали наши соседи-старожилы, до революции служили целям бытового обслуживания мужского населения города. Эту стародавнюю функцию подтверждала внутренняя планировка помещений: вдоль длинной кишки коридора ветвились небольшие спальные отсеки, в конце его был отсек из трех комнат, одну из которых мы и занимали.



Замечательной особенностью нашего быта было отсутствие контроля со стороны хозяев помещения, живших за Казанским собором, на улице Глазунова. Встречались мы с ними раз в месяц за «праздничным» столом, который хлебосольные ленинградцы накрывали по случаю получения тридцати рублей арендной платы. (Большая часть этой суммы, кажется, уходила на наши посиделки.)

Центрального отопления в доме не было, выручала небольшая цилиндрической формы печурка. Израсходовав небольшой запас дров, мы с Валерием бегали, как загнанные волки, по соседним дворам в поисках выброшенных деревянных изделий.

О солидном возрасте строения свидетельствовали полчища крыс-старожилы, которые по ночам – голодные и обнаглевшие! – бродили по кухням. Одно время мы планировали отстреливать мерзких пасюков из воздушного ружья, затем, по наивности, думали подключить к делу молодого Сидора, кота

соседей-пенсионеров. Увы, с наступлением весны у «парня» разыгрался сексуальный аппетит. Спешно вызванный специалист, хвостом наружу затолкав зверя в валенок, взмахом сапожного ножа перечеркнул наши надежды.

Вторыми, после любителей котов, соседями была бездетная пара – Аня и Жорж. Неразговорчивый, с вечно насупленными бровями амбал-супруг копал могилы на Серафимовском кладбище. С работы приходил только на «рогах», на привычные для него крики возмущенной подруги жизни что-то невразумительно «мычал» в ответ.

Как говорят металлурги, наша сила в плавках. Из-за потери мужем боеспособности любострастной Анне ничего не оставалось, как только бросать завистливые взгляды на вызывающе рельефные мышцы Валерия, без видов на успех оценивать бедра юного мустанга.

Однажды уехал среди недели на пару дней к родителям в Брянск. Как назло, в это время райвоенкомат спустил в деканат директиву проанализировать «испоржения» у военнообязанных нашего курса.

Возникла угроза, что откроется мое отсутствие, что за пропуск занятий без уважительных причин лишусь стипендии. Телом своим, его внутренними органами прикрыл Валерий легкомысленного друга – отнес в лабораторию два комплекта исходных материалов, один из которых подписал моей фамилией. Анализы, кстати, показали прекрасный результат.

После первомайских праздников по Неве пошел ладожский лед. Дни становились длиннее, ночи – светлее. Лекции, практические занятия, лабораторные работы сменились зачетами, первой летней сессией. Ее наша группа завершила без потерь личного состава, что мы торжественно отметили.

Был разгар белых ночей. Дворцовую площадь, набережные, стрелку Васильевского острова заполнили толпы счастливых студентов, отгулявших выпускной вечер десятиклассников.

Бело вокруг. Белы дома, река бела.
Всё – от Фонтанки до предместий.
Ночь белая,
Ты отложи свои дела,
Давай пойдем, побродим вместе⁸⁵.

Веселились мы самозабвенно, пропорционально значимости события: пели под гитару менестреля Денисова у Медного всадника, плавали на речном трамвае по Неве, танцевали на аллеях Марсова поля. Когда запасы выпивки иссякли, но еще не улетучились спиртные пары из студенческих голов, опытный в делах застолий Шебанов предложил освежиться. Лебязья канавка показалась слишком мелкой, поэтому бойкие парни нашей группы двинулись через Кировский мост к стенам Петропавловской крепости.

Счастливые трусов не наблюдают – голые студенты, молочно светясь беспорочными телами, прыгнули в невские воды и, вмиг протрезвев, выпрыгнули на берег:

Ой, ты, мама, мама, мама родная,
До чего ж вода в Неве холодная!

Настроение ушло, и вернуть его не было возможности. Во времена государственной монополии на производство и продажу спиртных напитков добыть их можно было только с одиннадцати утра до семи вечера (за исключением нестандартных ночных вариантов – у таксистов, швейцаров ресторанов, привокзальных маклаков...).

Неудачная операция

По завершении первого курса как не уехавший со студенческими строительными отрядами на целину отработывал месяц на строительстве студенческого городка на Ново-Измайловском проспекте.

В один из трудовых дней меня и еще нескольких ребят по команде из комитета комсомола освободили от подсобных работ и направили в помощь оперативной группе, занимавшейся охотой на фарцовщиков. Так называли пренебрегавших общественно полезным трудом граждан, выкупавших у иностранцев остродефицитные вещи и перепродававших их – с выгодой – соотечественникам. Тогда подобные торговые операции назывались спекуляцией, ныне они почитаются как достойнейший бизнес.

Традиционными поставщиками модных тряпок были граждане Финляндии, приезжавшие в Ленинград отдохнуть от действовавшего в их стране «сухого закона». Вырученные деньги гости расшвыривали на загулы, нередко – чему свидетель – до поросычьего визга.

Штаб охотников за ленинградскими «барыгами» занимал комнату в Куйбышевском райкоме комсомола, располагавшемся в бывшем дворце Белосельских-Белозерских на углу Невского проспекта и набережной Фонтанки – карминного цвета здании с парой кариатид-Атлантов, стоящих у входа.

Дворец построен в середине восемнадцатого века князем Шаховским (Смоленско-Ярославская ветвь Рюриковичей; трудился в Малороссии, был полицеймейстером, членом Синода). Позже дворец перешел к князю Белосельскому-Белозерскому (Владимиристо-Суздальская ветвь Рюриковичей – переводчик произведений русских поэтов на французский).

С 1898 года особняк стал собственностью царской семьи. В нем жил великий князь Сергей Александрович, затем племянник Александра III князь Дмитрий Павлович, участник убийства Распутина.

Старший оперативной группы, старшекурсник кораблестроительного института Миша Куликов, сообщил членам патрульной команды, что по агентурным сведениям в одном из номеров гостиницы «Европейская», где остановился житель страны Суоми, платяной шкаф забит большим количеством «шмоток». Поставил задачу: зафиксировав на выходе из отеля подозрительного чухонца, он незаметно преследует его; мы, соблюдая безопасную дистанцию, следуем за образовавшейся парой. В момент проведения сделки студент Куликов хватает покупателя с поличным, мы же, очень оперативные, выступаем как свидетели (для протокола).

Поначалу все шло как по писанному: сели гостю «на хвост», проследовали за ним к Гостиному Двору, перешли Аничков мост, завернули на улицу

Рубинштейна, в сторону перекрестка «Пять Углов». Не доходя до него, иностранец встретился с шустрим молодым человеком, поменял товар на рубли и в темпе вальса засеменял в сторону Фонтанки. На пути отечественного бизнесмена стал наш пинкертон. Привыкший к резким поворотам судьбы, нарушитель социалистической законности немедленно «сбросил вещдоки», потянувшегося за ними Михаила сильнейшим «пенделем» распластал на асфальте и ушел – мимо нас, оперативных, – дворами.

В Ленинграде-городе, у «Пяти Углов»

Получил по морде Ваня Соколов.

(В. Высоцкий)

Пессимист Лузин

Коля Лузин поступил в институт, имея на то преференции как бывший воин срочной службы. Учеба, несмотря на усиленное прилежание, давалась ему туго, большинство экзаменов он преодолевал с немалым нервным напряжением. По натуре бывший ракетчик был пессимистом, легко впадая в отчаяние, самую микроскопическую неудачу переиначивая в драму, в им создаваемых проблемах видя перст судьбы.

В период Карибского кризиса (октябрь шестьдесят второго года) в составе воинской части находился на Кубе. Оттуда привез своей пассии контрабандные американские джинсы (большая редкость по тем временам!). На пленэре, где молодая пара отмечала демобилизацию, в решающий – интимный! – момент у импортного изделия заклинила застежка-молния. Немалое отчаяние Николая усилилось еще больше в конце пикника, когда из-за большого количества выпитого пива шикарные штаны пришлось вскрывать, вырывая zipper, как консервную банку.

Апрельским днем шестьдесят седьмого года наша группа в полном составе сбежала с последней пары на свадьбу к однокурснице Гале Калашниковой. Что-то помню, что-то подзабыл. «Помню стены с обоями»⁸⁶ в небольшой квартире в доме на Большом проспекте Петроградской стороны. Отчетливо помню, как стрелок Шебанов демонстрировал качества Робин Гуда: открывая бутылку шампанского, пробкой сбивал висевшую в углу комнаты шляпу жениха.

Не помню, как к концу вечера гости взламывали двери в ванную комнату, где крепким сном возвращал утраченные силы. Смутно помню, как дружище Чихман протащил меня – через милицейские кордоны! – в метро, поднял на пятый этаж дома на Пушкинской улице и уложил спать.

Никто из нашей группы не мог вспомнить, как Коля Лузин, сделав контрольный звонок домой, оставил в телефонной будке портфель с конспектом лекций по политической экономике, но все видели, как убивался по случаю невозможной потери наш старший товарищ.

Слабо осведомленный о сути товарно-денежных отношений при капитализме, Николай пришел на экзамен потерянный, с вымученной улыбкой. В аудиторию не просто вошел, а взвошел – как на эшафот. Экзаменатор записал в ведомость номер вытасченного страдальцем билета, положил его раскрытую

зачетную книжку в ступеньками выложенную стопку; минут через пятнадцать, видя общее спокойствие и активную работу, отправился в буфет перекусить.

Николай, до этого нервно малевавший каракули на выданном листке бумаги, вдруг вскочил с места и, бросив билет на стол преподавателя, схватил свою зачетную книжку и пулей вылетел из аудитории.

...Заканчивался экзамен, редела стопка зачетов, преподаватель забеспокоился – в ведомости напротив фамилии Лузина стояла галочка, свидетельствовавшая о полученном им билете, а отсутствовавшая зачетка формально подтверждала факт сдачи экзамена. Эта логическая цепочка умозаключений привела специалиста по политэкономике к естественной мысли о том, что он второпях забыл вписать отметку в ведомость, что нужно вспомнить ее величину (или качество). Вспоминал вслух, невольно взяв в ассистенты нас с Чихманом, завершавших экзаменационный день, и склонялся – боязливый! – к демократическому «удовлетворительно», но мы с Валерием заявили, что отчетливо запомнили ответ на «хорошо», что несправедливая тройка лишит нашего товарища стипендии. Убеждали долго и страстно. Добившись требуемого результата, помчались к Николаю домой, на Старо-Невский проспект, долго в деталях описывали ему, обалдевшему от долгожданной удачи, наш хитроумный диспут со склеротичным экзаменатором, сидя за раскинутой родителем счастливица «скатертью-самобранкой».

Оптимист Попов

Однофамилец первого выборного директора электротехнического института, студент Владимир Попов, был выдающимся эксцентриком и бузотером, неумеренным и в чем-то сладострастным.

Сокурсники долго вспоминали его сверхсложный, циркового уровня номер, когда на экзамене по физике, находясь за спиной преподавателя, он вытащил из-за ремня толстенный учебник (авторов Фриша и Тиморева), прислонил его к плинтусу и, перелистывая большим пальцем правой ноги страницы, мелом переписывал на доску витиеватые формулы.

Старушка-преподаватель, именовавшаяся из-за врожденной хромоты безжалостными студентами – Лямбда-Пополам (как физическая константа в ее лекциях), увидев систематизированную красоту ответа на все вопросы билета, без лишних слов выставила циркачу «отлично».

Должен сказать, что казавшаяся мягкой и уступчивой физичка завалила на своем экзамене не только меня, но и круглого отличника Чихмана. Чтобы не получить лишавшую его стипендии тройку, он, по моему примеру, уговорил милую бабушку выставить ему двойку, затем успешно пересдал экзамен в период сессии.

На физике чуть не сломался мой младший брат Виктор. В последний день зачетной недели он в отчаянии разыскивал на кафедре физики преподавателя Козлова, чтобы сдать ему зачет, сдал, но не мифическому Козлову, а реальному Баранову.

**Богородицкий Николай Петрович
(1902–1967)**

Выдающийся ученый в области электротехнических материалов, преподавал в ЛЭТИ (1935–1967), профессор, заведующий кафедрой диэлектриков и полупроводников (1945–1967), лауреат Государственных премий (1942, 1952), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1953).

Ректор ЛЭТИ (1954–1967).

Три первых студенческих года отучился под ректорством этого замечательного человека. Авторитет его в институте был огромен. Всякий раз, наблюдая его издали, невольно замирал от восхищения и уважения. Был в нем сильный и красивый духовный стержень, был он по-своему аристократичен, в нем чувствовалась порода.

В скорбные дни лета 1967 года я был в числе сотрудников и студентов, навсегда простившихся, в конференц-зале ЛЭТИ, со своим ректором.



**Вавилов Александр Александрович
(1922–1983)**

Специалист в области теории автоматического регулирования и процессов управления. Окончил ЛЭТИ (1951), доктор технических наук, профессор (1968), член-корреспондент АН СССР (1978).

Ректор ЛЭТИ (1968–1983).

В семидесятые годы по делам аспирантским несколько раз встречался с изумительным и неповторимым Сан Санычем Вавиловым, лэтишниками любимым и обожаемым. Был он необычайно обаятелен, человечен, очень прост в общении, отличался особой чуткостью и душевной теплотой.





Снимок 1963 года. Звездный состав кафедры вычислительной техники, в истории ЛЭТИ просиявший. Слева направо: В. А. Дешевая, В. П. Яценко, В. П. Бодунов, К. А. Сапожков, А. М. Калмыков, заведующий кафедрой – В. Б. Смоллов, Я. И. Дубинин, А. Н. Лебедев (*первый ряд*); С. Ф. Свиньин, Е. А. Чернявский, Е. П. Балашов, В. С. Фомичев, Т. И. Полянская, В. В. Барашенков, Е. П. Угрюмов, В. К. Шмидт, А. В. Плотников, Е. Е. Афанасьев, Г. И. Степашкин, Б. К. Петров, Мяги Харри (*второй ряд*).



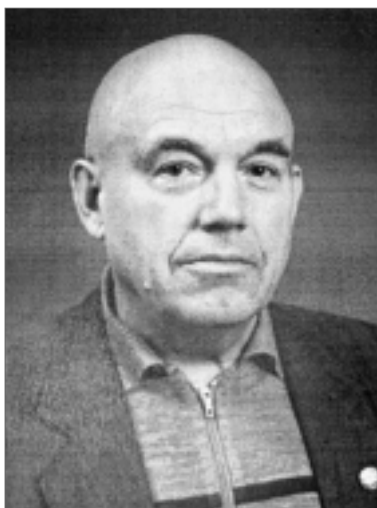
Владимир Иванович Тимохин – Учитель, руководитель моей научной работы, «выпекший» из меня кандидата технических наук (в 1986 году).

Доцент кафедры вычислительной техники ЛЭТИ, секретарь парткома института, проректор по учебной работе, создатель кафедры математического обеспечения электронно-вычислительных машин.

Бесконечно мне дорогой, увы, мало проживший человек – океан обаяния и деликатности, истый интеллигент-ленинградец.

Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

Илья Александрович Назаров – математический гуру Ленинградского электротехнического института, чьи лекции по высшей математике слушал два первых курса (1964–1966 гг.). Строгий, в меру ироничный, он люто ненавидел шпаргалочников. Одного из них, пойманного на горячем, крутой нравом доцент, ухватив за воротник, отнес в деканат для отчисления. В этой связи через пару дней нервная первокурсница, когда Илья Александрович было попытался принять у нее экзамен, от ужаса хлопнулась в обморок.



Теоретические основы электротехники – предмет, обязательный для всех без исключения студентов ЛЭТИ, изумительно, ясно и основательно преподавал **Юрий Борисович Мерзлотин**. Участник войны, порывистый, искренний человек, он учил нас не только прелестями операций над комплексными числами. Примером своим, манерами, душевностью и добротой демонстрировал студентам истинную, гуманистическую суть межчеловеческих отношений.

Снимок 1972 года.





Ленинград, ЛЭТИ, шестидесятые
*Снимки Валерия Решетина,
Валерия Чихмана.*

Раскинулся вектор

(Слова – народные, студенческие)

Раскинулся вектор по модулю «пять».
В строю логарифмы стояли.
Товарищ не смог производную взять,
Ему ассистенты сказали:
– Анализ нельзя на арапа сдавать,
Профессор тобой недоволен.
Изволь теорему Коши доказать,
Иль будешь ты с курса уволен.

Хотел доказать, но сознания уж нет,
В глазах у него помутилось.
Увидел на миг тот несчастный билет,
Упал – сердце в ноль обратилось.
К нему подбежали с корнями в руках,
Стараясь привести его в чувство.
Профессор сказал, покачав головой:
– Вот кара небес за беспутство!

Три дня в деканате покойник лежал,
В штаны Пифагора одетый.
В руках он зачетную книжку держал,
Единственной тройкой согретый.
К ногам привязали тройной интеграл
И в матрицу труп завернули,
А вместо молитвы декан прочитал
Над ним теорему Бернулли.

Напрасно студенты ждут друга в пивной,
В науке без жертв не бывает,
А синуса график, волна за волной,
На ось ординат набегают.
Наука уже доказала давно –
Материя не исчезает,
Загнется студент – на могиле его
Огромный лопух вырастает.

На втором курсе в расписании наших лекций появилась гражданская оборона. С подачи пересмешника Попова новый предмет стали называть по аббревиатуре его полного названия: «Гроб». Уточненное название глубоким проникновением в суть темы студентам понравилось, устоялось, вошло в обиход. Но оно очень не понравилось преподавателю – отставному капитану первого ранга Эрвальду. Его отношения с автором новой редакции курса лекций стали предельно напряженными – в воздухе запахло грозой.

Гром грянул осенью шестьдесят пятого года, когда нас, будущих офицеров запаса, вывезли в Кронштадт для ознакомления с устройством дизельной подводной лодки. После обстоятельной экскурсии по военно-морской базе, проведенной молоденьким капитан-лейтенантом, мы вместе с ним спустились в субмарину. Наш институтский наставник, увлекшись ностальгической беседой со старшими офицерами, задержался на центральном посту.

В торпедном отсеке Попов, отделившись от основной группы, подошел к «матюгальнику» и вкрадчивым, но командирским голосом произнес требовательно: «Капитан первого ранга Эрвальд!» Опытный мореплаватель вздрогнул, как молодой матрос при звуках боцманской дудки, и по-уставному ответил в раструб переговорного устройства: «Есть!» «Пошел ты...» – завершил мысль студент-балбес.

Недолго музыка играла, недолго фрайер танцевал. Нарушителя, отправившего морского офицера в пеший сексуальный переход, быстро вычислили и за оскорбление старшего чина представили к «списанию на берег». Правда, после ходатайства комсомольского и профсоюзного актива факультета и последовавшего публичного извинения хулигана перед почтенным преподавателем наказание уменьшили до выговора. (К тому же парень из вологодской глубинки хорошо учился.)

Профессор Пиковский

Превосходные степени грешат против истины и дают повод усомниться в верности суждений. Но красочные эпитеты и восторженные оценки невольно приходят на язык, когда вспоминаю замечательного лектора и чудного ритора Сан Саныча Пиковского, лекции которого по технической механике слушал на четвертом курсе.

Профессор признавался корифеем – теоретиком и практиком – мостостроения, прекрасно знал материал, мастерски подавал его на изумительном русском языке высокообразованного человека, оттеняя прелесть слога непередаваемым ленинградским акцентом. Он не просто читал лекции, а излагал – творил, витийствовал в состоянии полужестаза, с чуть прикрытыми глазами, пророчествовал, как дельфийский оракул, как сивилла кумская. Завлекал глаза слушателей обходительностью и каждым движением, ублажал уши будущих инженеров сладкозвучием своей речи.

Я – изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты – предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны⁸⁷.

В антрактах (перерывах между лекциями) Сан Саныч читал Корнеля, Расина (на языке оригинала, естественно), просматривал «Юманите-Диманш». За патроном тенью перемещалась ассистент кафедры Быховская, не спускавшая с объекта почитания восторженно-экстатического взгляда. Следовавшие за лекциями практические занятия она начинала с воскурения фимиама и ритуальных песнопений в честь кумира, ее глаза туманились, щеки рдели.

Покорился обаянию ума профессора. Записывал все его яркие изречения, новые крылатые слова, глубокие по смыслу речевые обороты. Для формул времени не хватало, списывал их у товарищей после лекции.

Запас карман не тянет. Конспект сохранил прежде всего как пособие по изящной русской словесности, но он пригодился мне и по своему основному назначению два месяца спустя после окончания института, когда на ракетном полигоне Капустин Яр проходил курс молодого бойца (предварявший два года моей офицерской службы). Там, в приволжской степи, свежееиспеченных лейтенантов поместили на месяц в казарму, дали интенсивную солдатскую нагрузку с шагистикой, кроссами, изучением уставов внутренней службы и материальной части.

После недели изнурительных тренировок на утреннем построении к нестройной шеренге бывших студентов подошел капитан – грузин по фамилии Гургенидзе (имени не помню – но не Авас). Промакивая платком влажную лысину, он поинтересовался, нет ли среди выпускников технических вузов специалистов по строительной механике. Дисциплину эту не изучал, но, почувствовав в вопросе перспективу, сделал уверенный шаг вперед.

Засидевшийся в младшем офицерском звании капитан заканчивал заочное обучение в высшем офицерском училище, без «ромбика» которого ему не светила звезда майора. В момент нашего первого контакта ему требовалось срочно решить контрольную работу по расчету строительных конструкций.

Будущий майор-грузин круто изменил мою солдатскую жизнь. По утрам, когда товарищи по призыву отправлялись строем на боевую и политическую подготовку, я легким шагом отправлялся в военный городок на квартиру интенданта Гургенидзе решать задачки. С помощью прежде всего конспекта Сан Саныча и методического пособия освоил новую науку, после чего, демонстрируя главе семейства исключительную сложность затеянного дела под шашлык, купаты, сациви, под бутылку-другую красного вина, тянул волынку до завершения бойцовского курса.

Одним словом, поставленную небою задачу выполнил в срок, ущерба вооруженным силам недостатками в строевой подготовке не нанес.

A propos! В знаменитых шестидесятих годах позапрошлого столетия литератор Боборыкин ввел в речевой оборот слово «интеллигенция» (с производными «интеллигент», «интеллигентность»), коим выделил особую прослойку сограждан, обладавших не только обширными познаниями, но и чистой, безукорной нравственностью.

После 1917 года все нивелировавшая и классифицировавшая система переопределила «интеллигенцию» как социальную группу, занятую умственным трудом, имеющую высокий образовательный уровень (творческая, научно-техническая интеллигенция).

Умаление в этом, прежде очень емком, понятии его коренных составляющих – обостренного чувства справедливости, терпимости, совестливости, честности – привело к структурным переменам в прослойке, появлению в нем нароста «квазиинтеллектуалов».

Его отличительными особенностями являются безмерное словоблудие при обязательном сребролюбии, неприменная оппозиционность, умеренная рефлексивность, неумеренная кичливость et cetera. (Достаточно вспомнить витий-демократов первой волны переворота 91-го года, их не бедствующих потомков.)

Лишь исключив из рассмотрения указанную «коросту», можно говорить о тончайшем озоновом слое нравственной защиты общества – настоящей интеллигенции.

В течение жизни своей не раз вспоминал представителя ленинградской ветви этого поразительного российского сословия, Сан Саныча Пиковского. Вспоминал его беспримерную эрудицию, мудрые глаза, благожелательное, доброе отношение – со взаимностью – к студентам. Благодарил прекрасного человека за неизгладимый след в моей жизни, за его воспитывающее и шлифующее воздействие на меня в благоприятствовавшей этому среде великого Ленинграда.

Доцент Дубинин

Выковавшая из меня специалиста кафедра вычислительной техники в рассматриваемый период являла собой гелиоцентрическую систему, где солнцем ясным блистал профессор Владимир Борисович Смолов.

Вокруг первой величины звезды обращались, как планеты, «птенцы гнезда Смолова»: рафинированно-изысканный Евгений Павлович Угрюмов, сдержанно-обстоятельный Валентин Иванович Барашенков, хладнокровно-спортивный Владимир Степанович Фомичев, обаятельно-демократичный Евгений Александрович Чернявский, мой наставник – мудрый, любимый, безвременно ушедший из жизни Владимир Иванович Тимохин. В стройном планетарном ряду кафедральных светил была своя комета, яркая и экстравагантная, – доцент Яков Иванович Дубинин.

Уважаемый преподаватель прогрессивное дело автоматизации начал на кораблях Балтийского флота, хотя шутками-прибаутками («Жора! Плюй за воротник, не могу жить без морской пены!») больше походил на моряка корабля Черноморского торгового флота, с портом приписки – Одесса. Привязку к южному портовому городу невольно подтверждало внешнее сходство Якова Ивановича с Леонидом Утесовым.



Со студентами ветеран кафедры был запанибрата, что было только декорумом преподавательской демократии. Юнцы и юницы, попавшие в силки общительного лектора, горько раскисались на экзамене, где уважаемый доцент резко понижал прежнюю доступность до консервативной строгости.

Как твердый научный руководитель, держал в черном теле своего аспиранта, регулярно и публично обращал его в пепел. Будущий кандидат наук, имея на руках двоих детей, терпеливо сносил переменчивый нрав шефа. Париж стоил мессы – аспирант, восставая из праха, упорно двигался к защите диссертации.

Вместе с женой и ньюфаундлендом Евфратом Яков Иванович жил в большой квартире, располагавшейся в главном институтском корпусе. Каждое утро перед лекциями студенты могли наблюдать, как дисциплинированный аспирант выгуливает по улице имени профессора Попова громадного лохматого пса, метившего уверенной струей старые дубы у окон кафедры вычислительной техники.

Однажды Евфратик тяжело заболел. Разгневанный Яков Иванович обвинил в недосмотре и ненадлежащем уходе за дорогим ему зверем надзирателя-ученика. Тот, чувствуя, что уходит не только почва из-под ног, но и перспектива получения кандидатских «корочек», помчался как обезумевший в институтский медпункт, к его заведующей Вете Абрамовне. Щупленькая, бледненькая, очень ответственная и справедливая, сидела она, невидная, в своем кабинете, как птичка на легкой ветке.

Узнав о симптомах болезни, исходя из предположения, что речь идет о недуге доцента Дубинина, она, созвонившись и проконсультировавшись с коллегами из близлежащего химико-фармацевтического института, выписала ворох рецептов и выделила бывшие в наличии лекарства.

На прощание невольный кинолог не к месту что-то брякнул о Евфратике. Бедная птичка Вета Абрамовна замерла от ужаса и вытолкала взащей говорливого посетителя. С Дубининым она долго не разговаривала.

Пес вылечился сам травками во время тайных от администрации прогулок в соседнем Ботаническом саду.

Ленинград – не Петербург

Прошли годы, десятилетия. Много воды утекло через створ Невы, многое изменилось. Страна завершила построение развитого социализма, опробовала галлюцинации новых лидеров в огне перестройки с последующими процедурами стерилизации и обрезания великой державы.

Легкость исполнения революционного погрома, открывшиеся перспективы безбрежного обогащения подвигли вождей, партноменклатурную пену, их «семьи», клеветов и «обслужу» на новые свершения. Переделили недра и ресурсы, раздробили и растащили кровью и потом сограждан созданный национальный продукт. Опустошили сберегательные книжки у подведомственного народа и погнали его на выживание в медные трубы развернутого построения капитализма для отдельно взятой группы людей.

Пришло смутное время, наступила острада, потекли «годы окаянные».

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлей»⁸⁸.

...Поздняя осень начала двадцать первого века. Косой дождь лениво обмывает ветви деревьев в опустевшем саду, шуршит по крыше дома. Сижусь, поджав ноги, в кресле, смотрю телесериал «Бандитский Петербург». Знакомлюсь с ходом и образом жизни в городе моей юности.

За основными событиями фильма – насилием, грабежами, убийствами – слежу мельком, мешает чувство гадливости. Все внимание направлено на то, чтобы узреть в череде кинематографических действий знакомые места и соотнести их с событиями давних лет, счастливых дней. Закрываю глаза, погружаюсь в воспоминания.

...«Стометровка» между Литейным проспектом и Фонтанкой. Теплое, солнечное утро июня шестьдесят пятого года. Спешу по короткому Владимирскому проспекту в Публичную библиотеку на Фонтанке готовиться к экзаменам. По пути – быстрый и вкусный завтрак в кафе «Минутка».

В пирожковой на Невском современный уют:
За цветной занавеской пирожки продают⁸⁹.

...Исаакиевская площадь. Майские праздники шестьдесят шестого года. На смотровой площадке Исаакиевского собора стою с приехавшим из столицы школьным другом Женей Юмашевым. Два дня водил московского студента по городу, показывал «товар лицом», убеждал в преимуществах красот Северной Пальмиры перед видами Москвы.

Московиты мозговиты. На высоте птичьего полета, наблюдая открывшуюся панораму города, патриот столицы капитулировал.

Мне часто снится этот город,
И, видимо, не раз, не два
Доказывать я буду в спорах,
Что он красивей, чем Москва⁹⁰.

...Улица Марата. Осень шестьдесят девятого года. Ресторан «Невский», где бойцы студенческого строительного отряда во главе с командиром Москаленко отмечают завершение сезона. Притих зал, умолк оркестр. Все с восхищением слушают песню в исполнении сияющей блеском молодости компании морских офицеров и их очаровательных спутниц;

Над Россией небо синее,
Небо синее над Невой.
В целом мире нет, нет красивее
Ленинграда моего⁹¹.

Текут ностальгические соки, от корней, по дереву воспоминаний. Составляю Ленинград с Петербургом. Пытаюсь, но не могу приложить восторженных эпитетов к нынешнему – первоначальному – наименованию моей второй родины.

Для меня она – по-прежнему Ленинград. Ласкающее слух, возбуждающее сладкое замирание сердца слово, неделимая фонема, без раздражающей «демпатриотов» именной составляющей, эстетическая конструкция, насыщенная спорами высокой культуры, поэзии, искусства, символ особого этноса – настоящих ленинградцев.

За этим словом не только очарование юности, но и подзабытые ныне понятия: спокойная, ясная, уравновешенная, надежная жизнь; порядочность и честь.

Я люблю Ленинград, будто сам ленинградец,
Нет, не просто проспекты, Неву, Эрмитаж,
Я люблю это слово – в нем высшая радость...⁹²

Любимый Ленинград – не бандитский Петербург. На том и стою, размышляя о главном периоде моей жизни: «Ленинград, ЛЭТИ, шестидесятые».

Планета «Целина»

Пройдут годы, время придаст оценкам требуемую взвешенность и объективность. Наступит пора написания космогонического эпоса о зарождении и исчезновении галактического масштаба цивилизации, носившей название «Советский Союз».

Рациональные историки поведают, как иррациональным сочетанием энтузиазма, добрых человеческих начал с рабским трудом, насилием, чудовищными репрессиями она сотворилась, в невиданной кровавой битве со страшным врагом убереглась.

Трезвомыслящие описатели расскажут, как нахлеставшиеся «огненной воды» племенные вожди-игруны (вскормленные и откалиброванные возжелавшей несметных имущества и денег партийной номенклатурой) отправили эту цивилизацию в районе Беловежской Пущи в «черную дыру» небытия.

Опишут, как у ввергаемого в Хаос, испускавшего дух – равных возможностей, правопорядка, уверенности в будущем! – державного тела волки-перестройщики и шакалы-прихлебатели выгрызали наиболее крупные и лакомые куски. Все, что наши пращурьы завоевали, накопили и сохранили, – растащили, разграбили, раздарили!

Задним умом посетуют, что у закисшей экономически системы не нашлось силы (героя, демиурга – вместо жадных, пустоголовых, властью обладавших инфузорий), которая бы охранила накопления социально-этические и с достигнутых высот печального опыта по-умному бы распорядилась (как уважающие свои корни, свой этнос бывшие братья-китайцы) накоплениями материальными и интеллектуальными, невероятными природными ресурсами.

Возможно, составят мрачный мартиролог погибших, пропавших, обнищавших, обездоленных, недоживших, неродившихся и несостоявшихся.

...Обрываю затянувшийся крик души, перехожу с тропы высокой патетики на тропку песнопений (для будущего эпоса) чудному «космическому объекту», ярко сверкнувшему в звездной студенческой системе, – планете «Целина».

Утро! Утро начинается с рассвета.
Здравствуй! Здравствуй, необъятная страна!
У студентов есть своя планета.
Это, это, это – Целина.

Жизнь ей дал энтузиазм студентов-первопроходцев, которые в начальные годы освоения целинных и залежных земель по комсомольским путевкам направлялись в помощь переселенцам убирать урожай (*«На целину нас ЦК послало, народу много, а толку мало...»*).

Прошло несколько лет. Студенческий романтизм стал на твердые материальные ноги, обрел новые нюансы: на новостройках целинных поселков, совхозов трудились тысячи юных строителей в ранге бойцов студенческих строительных отрядов, организованных с дисциплинирующим оттенком военной структуры и иерархии (командир, комиссар, штаб, начальник штаба, униформа).

Но не только существенный, по студенческим меркам, заработок привлекал в строительные отряды все новых и новых adeptов. Планета «Целина» стала местом, где, по словам умницы Экзюпери, зрела «роскошь человеческого общения». Все, чем богата и прекрасна студенческая молодость – взрывы сил, крайность мнений, веселье, юмор, дружба, первая любовь, первые разочарования, – в полной мере проявлялось в раскрепощающе-объединяющей атмосфере общего жития на степных просторах Казахстана.

...В середине июля 1968 года как начальник районного штаба студенческих строительных отрядов ЛЭТИ, объединявшего десять линейных отрядов численностью в пятьдесят-шестьдесят «штыков» каждый, на штабном «газоне» въехал на территорию совхоза «Ленинградский», где трудился отряд моего факультета. Приехал по просьбе комиссара отряда Вали Крылова усилить своим «мастерством» футбольную команду студентов в принципиальном матче с совхозными спортсменами.

Перед поселком у обочины грейдерной дороги дотлевали автомобильные шины, использовавшиеся – при остром дефиците дров – для ежевечернего отрядного костра. По местному стадиону бродили коровы, обильно унавоживая место будущего ристалища, овцы местных жителей; невдалеке на постройке гаража копошились студенты бригады Кузьмича, освоившего мастерство кладки еще до поступления в институт.

За новостройкой в недокопанной траншее, упершись грудью в воткнутый в землю черенок лопаты, стоя спал Витя Корнаков. Тело бойца вздрагивало, сознание самоистязалось в тревожной дреме, руки – как крылья лебедя-подранка! – бессильно свисали долу.

В прошлом целинном сезоне он – симпатяга, весельчак, комсомольский активист – влюбился в Галю Подустову. Беда не приходит одна – синхронно в нее влюбился Гена Корнев, гордость факультета, аналитический ум, ленинский стипендиат. В раскованной обстановке совместного степного быта, где качества Виктора доминировали, дебют остался за ним, но в последовавшем учебном году инициатива, естественно, перешла к отличнику учебы.



Студенческая целина – Кокчетавская область, Ленинградский район, совхоз «Ленинградский», июль 1965 года. «Иных уж нет, а те далече...» – Димы Васильева, на снимке девятнадцатилетнего, судьбу себе выгадывающего, «уж нет».



Целина–65. Дело толком красно. Мой друг-однокурсник Игорь Яценко достраивает сельскую школу. «Что нам стоит дом построить, нарисуем – будем жить!»

Вечер, тихий вечер

Вечер, тихий вечер даль укутал мглою,
В дымке над мостами – фонарей огни.
Радостно на сердце – этого не скрою:
Мы с тобой одни.
Радость новой встречи после расставанья –
Подойди поближе и в глаза взгляни,
Долго не забудем этого свиданья –
Мы с тобой одни.

Припев:

По пустым площадкам
Мы обнявшись идем,
У меня для тебя
Много ласковых слов.
Город тихо уснул,
Нас не видит никто.
Лишь уносится в ночь
Шорох наших шагов.

Завтра за учебу – книжки и тетрадки:
Кончились каникул золотые дни.
А сейчас нас только двое в Ленинграде –
Мы с тобой одни.
Не расстаться будет даже на рассвете,
Гаснут в небе звезды, так зачем они?..
Нам с тобой не надо никого на свете –
Мы с тобой одни.

Припев.

Слова и музыка выпускника факультета электронной техники ЛЭТИ В. Эпштейна. Опубликовано в институтской газете «Электрик» в 1958 г.

Фотоснимки И. В. Яценко, студента ЛЭТИ, 1964–1970 гг.

Обремененная двойным успехом, рациональная наяда твердо следовала макиавеллиевскому принципу баланса интересов – покидая одного из кавалеров, оставляла надежду другому.

В этот приезд на целину Виктор вновь первенствовал, но из-за наступавшего на пятки соперника ухаживание превратилось в почти непрерывный процесс. После ритуального ночного костра с пением песен следовали прогулки с пассией по буйному ковылю и до утра. Отсыпался урывками на стройке – под забором, под кустом, во рву, на шанцевом инструменте.

Страдала работа. Командование оперативно составило интригу – откомандировали Витю в Кокчетав, в областной штаб для помощи в подготовке фестиваля студенческой самодеятельности. Там отторгнутый от любимой бедняга и застрял до конца срока. Гена ярким, уверенным эндишпилем завершил в свою пользу затянувшуюся любовную партию на всю оставшуюся жизнь.

Над полевой кухней, хозяйством симпатичной мордвинки Али, стройной и конопатой, курился дымок. Совхоз был птицеводческим: цыплята табака, яичница были основой меню отрядной столовой. В студенческом клубе – сюрреалистически разрисованном красном уголке рабочего общежития – репетировал отрядный оркестр (три электрогитары, ударные инструменты); удачно имитируя «Битлз», ребята готовились к танцевальному вечеру.

По случаю матча сезона командир укоротил рабочий день, и к пяти часам отряд факультета автоматике и вычислительной техники – игроки и болельщики – двинулись к футбольному полю.

По дороге брат (по моему примеру – целинник) рассказал мне о своем участии, как понятого, в недавнем осмотре места тяжкого преступления: житель поселка очень «топорно» разрешил спор с собутыльником. Мрачно-натуралистические подробности услышанного донельзя растревожили меня. Тревога еще больше усилилась, когда, увидев готовящихся к игре соперников, оценил их мощные чресла, широкие плечи. Настоящие «чикагские буйволы» предматчевой демонстрацией крепости бицепсов, трицепсов, икроножных мышц психически подавляли бледнолицых соперников.

Сила солому ломит – не столько сражались, сколько были сражаемы. Тихоходы-механизаторы обламывали бившихся в истерике атак студизосов на дальних подступах к своей штрафной площадке, встречное наступление вели через статного и поджарого форварда Васю. Тот, наклонив голову, рвался вперед как таран, всех выкашивая на своем пути.

Почти каждый прямой контакт с совхозными физкультурниками приводил к выносу студенческого тела в полевой лазарет, устроенный врачом отряда за воротами. Командир стройотряда весь матч судорожно метался вдоль бровки поля. Видя очередное умаление трудовых ресурсов, хватался за голову, бил себя по ляжкам и кричал, что такой футбол ему не нужен.

Победу, с минимальным перевесом, праздновали хозяева поля. Простившись с травмированными соратниками, вернулся в штаб. Там, добравшись до койки – «*Весь изранен и так жалобно стонал...*»¹⁶⁶, – еще долго перебирал в памяти эпизоды проигранного матча, кипя от возмущения, томясь жаждой мщения.

Ближе к полуночи ко мне заглянул посткоитальный Аркадий Баранов, ослабленный недавней встречей с местной активисткой. Студент четвертого курса Ленинградского университета, он – как будущий журналист – проходил практику в местной газете; включенный в состав нашего штаба, освещал героико студенческого труда на новостройках Ленинградского района Кокчетавской области. Узнав о прошедшем, без его наблюдения, футбольном матче, зная мою тягу к перу, будущий публицист предложил мне написать для газеты отчет о спортивном событии.

Через пару дней, 18 июля 1968 года на последней странице районной газеты «Совхозная правда» за моей подписью был опубликован репортаж под названием «Матч сезона».

«Вчера на центральном стадионе совхоза "Ленинградский" состоялась, как его назвали видные спортивные обозреватели, матч сезона – встречались команды местного спортклуба и студентов.

В 18.00 команды выбегают на поле. Следует обмен букетами цветов, вымпелами. Судья пускает в 90-минутный путь свой секундомер.

После короткой борьбы в центре поля мяч оказывается у студентов. Следует точная диагональная передача на Львовича – финт влево, рывок вправо и резкий удар по воротам. В потрясающем броске вратарь вытаскивает мяч из-под планки. Трибуны изнемогают от восторга.

Но вот по правому краю в ответной атаке мчится любимец публики и, заранее скажем, герой сегодняшнего матча Вася. Движения его изящны, бег подобен бегу быка во время корриды, которому тореро успел всадить в загривок пару бандериллий. Следует пушечный удар по ногам защитника Юрия Буймова, и мяч влетает в сетку ворот студентов.

Трудно передать, что творится на трибунах: задыхаются от восторга мужчины, плачут женщины, смеются дети.

Темп матча возрастает с каждой минутой. Хозяева демонстрируют хитроумные финты, искрометные дриблинги, завершающие кинжальные удары по телам и воротам гостей. Вот, срженный сильным боковым ударом, на газон стадиона опускается Витя Головцов, в очередной пробег через все поле пускается врач отряда Галя Румянцева.

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся», – гласит евангельское назидание, но кто сможет утешить командира отряда, потерявшего очередную пару рабочих рук?!

Не выдерживает любвеобильное, по отношению к своим землякам, сердце судьи. С улыбкой падшего ангела выслушивает он протесты гостей, но (следует отдать должное его благовоспитанности) во время подобных переговоров старается дышать в сторону.

Таранящие, все сметающие комбинации хозяев продолжились и во втором тайме. Завершая одну из них, совхозный игрок принял на грудь мяч, сбросил его на ногу и далее вколотил вместе с вратарем в сетку ворот.

В редкой контрастике приезжие скромно, но ответили – один из немногих оставшихся на поле игроков забил гол престижа.

Матч окончен. Со счетом 2 : 1 победили хозяева поля. Но не будем говорить ни о победителях, ни о побежденных, ибо в итоге победила дружба. На скрижали совхозного футбола вписана новая, блестящая глава».

С пачкой пахнущих типографской краской газет вторично прибыл в отряд, где, получив триумф, был обласкан студенческим сообществом, увенчан лаврами. Дима Денисов, бард и сильный романтик, пообещал сочинить и положить на музыку гимн в мою честь.

Смысл иезуитской по форме и изысканной по содержанию вендетты до поселян не дошел. Некоторые из них даже обиделись – почему в публикации упомянут только Вася, когда были и другие, не менее достойные организаторы победы?!

Увы, не довелось мне увидеть врагов, посыпающих пеплом отчаяния головы; сладость мести резко уменьшилась. Ее еще больше «окислил» комиссар районного отряда Игорь Мидлер. Как старший по должности он искренне пожелал мне стойкости и бодрости духа в предстоящих испытаниях – если в областном штабе или (не дай Бог!) в райкоме партии ознакомятся с публикацией, то за политическую незрелость светит мне, соколу ясному, досрочное завершение штабной работы и дорога дальняя в Ленинград, с последующими оргвыводами в институте.

Душа переселилась в пятки, пришла бессонница, перспектива получить ярлык идеологически нестойкого, вместо приличного заработка, не радовала. Томительно потянулись часы ожидания верховной кары, но штабной телефон по этому поводу молчал.

Звонок из райкома – не партии, а комсомола – раздался через несколько дней после несладкого акта мести: местные ребята пригласили весь состав районного штаба на давно оговоренный пикник. О «слабой» публикации никто не вспомнил, бишбармак, суп шурпа (под стакан-другой кумыса) погрузили общее комсомольское собрание в состояние гастрономической меланхолии.

«*Мир стал заманчивей и шире*»⁹⁸, заячий испуг испарился. На новое предложение от коллеги Баранова дать свежий материал в номер отреагировал – уже как маститый газетчик! – уверенным согласием. Писал фельетоны, заметки, открыл рубрику «Страницы классики». Мой творческий труд неплохо оплачивался.

В первое воскресенье августа, по случаю Дня строителя, весь районный отряд по-военному организованной автоколонной отправился в курортный поселок Боровое. Там на одноименном горном озере, в сосновом бору, на песчаном пляже прекрасно отдохнули: плавали, загорали, играли в футбол; забили и освеживали – на шашлыки! – прибывшего с нами барана.

Неделю спустя тем же порядком, в том же составе наш институтский отряд – как и районные отряды других ленинградских вузов – прибыл в Кокчетав на фестиваль художественной самодеятельности. В нем первенствовала сборная команда ЛЭТИ, ведомая ветеранами стройотрядов, трудившихся под началом Толи Богача в совхозе «Горьковский».

Лучшим номером концертного конкурса авторитетное жюри признало пантомиму Володи Сивкова «Барышня и хулиган». Когда загорелый, крепко сбитый Володя Аднашкин («барышня») в детской панамке, в балетной пачке и белых тапочках только появился на сцене, зал зарыдал от хохота, но когда он уверенными приемами самбо стал разбрасывать по сторонам «наглого хулигана» Леню Осинковского (закинув его, в конце концов, в партер), зрители забили в пароксизме смеха.

Не до смеха было бойцам отряда моего факультета, пережившим незадолго до отъезда глубокую трагедию.

Завхоз Изя во время поспешного посещения нужника уронил в его чрево подписанные совхозным руководством наряды на выполненные студентами работы. Весь заработок отряда накрывался фекалиями – судьбу его решали мгновения.

Толя Филимонов (основательный и надежный сельский парень – дрова порубит, барана к шашлыку «обеспечит»), страхуемый прочным шнуром, опустился в гибельную бездну, выхватил – в последний момент! – ставшие несвежими, но действующие ведомости на выплату зарплаты.

Спаситель получил славу и медаль «Отважнейшему». Неряжу и неумеху Исаака заклеили переиначенной частушкой:

*Сидит Изя на крыльце
С выраженьем на лице.
Выражает то лицо,
Чем садятся на крыльцо.*

Как в калейдоскопе, промелькнули яркие дни финала целинной эпопеи: суматошные сборы в дорогу, прощальный митинг, двое суток необузданного веселья, песен под гитару в мчавшемся в сторону Ленинграда поезде...

Обо всем этом напомнила мне случайно найденная среди книг пожелтевшая от времени газета. Напомнила, тронув сердце долгими, печально-нежными воспоминаниями.

*Толпою поднялись знакомые виденья,
И из поблекших строк отрывочных листов
Повеяли мне вновь былые впечатленья,
Раздался вновь аккорд замолкших голосов.*

(С. Надсон)

Картошка по-студенчески

*Капитан на этой шхуне Джон Кровавое Яйцо,
Словно ж... бегемота, капитаново лицо.*

Народная песня 60-х гг. XX века

Приведенные выше строки – самая приличная часть песни, которую в сентябре 1965 года нестройно, с притопами и прихлопами исполняли мои друзья-однокурсники Алик Ратновский и Илья Ханцис. Импровизированный концерт был формой расчета с водителем грузовика по имени Гена, с радостью

согласившимся, сверх исполнения своих прямых обязанностей, выполнять работу студенческого дуэта: сбрасывать собранную в полях картошку в яму хранилища, наслаждаясь за это удивительным слогом фольклорных диковинок («Ужасный шухер в доме Шнеерзона...», «Жену свою Клавку я очень любил, костыль на нее не поднялся...», «Я был батальонный разведчик, а он писаришка штабной; я был за Россию ответчик, а он спал с моею женой»).

В том году студентов-второкурсников вузов Ленинграда по директиве Смольного на месяц отправили в поля области, на битву за урожай картошки:

Опустела вся Сорбонна,
И студентов не видать:
Нас послали под Парижем
Артишоки собирать¹⁵⁷.

Во исполнение партийного циркуляра первого сентября после торжественного митинга у входа в третий институтский корпус нас – студентов трех групп факультета автоматики и вычислительной техники – вывезли автобусами в деревню Молосковицы, где расселили, сепарируя по половому признаку, в двух больших, выходящих в зрительный зал комнатах совхозного клуба. Входы в импровизированные спальные помещения новоселы отметили двумя большими буквами «М» и «Ж», такие же маркеры стояли на скрипучих и разболтанных дверях малоуютного бытового сооружения, располагавшегося во дворе, за углом очага культуры.

Наутро студентов вывели «во широко поле», выстроили в три шеренги перед картофелеуборочным комбайном. Дзержинский, оперативный и очень сосредоточенный, зачитал директиву центра, повелевшего рассматривать предстоящий месяц труда в совхозе как вид учебной, подконтрольной деканату, практики; уход с поля в рабочее время – попытка к бегству, невыход на работу – побег.

Иван Иванович Дзержинский – аспирант факультета автоматики и вычислительной техники, сын композитора Дзержинского (кстати, также Ивана Ивановича), автора большого гражданского звучания опер «Тихий Дон», «Поднятая целина».

За глаза именовался студентами Железным Ваней; со смыслом был направлен деканатом для исполнения функций надзора и обеспечения трудового энтузиазма.

Номенклатурный директор совхоза, давно привыкший к дармовой рабочей силе, ссылаемой к нему в ответственные дни уборочной, поздравил очередную ее партию с предстоящим праздником труда. Затем объявил студентам уборку корнеплодов делом их чести, совести и геройства, заговорившись, заправил арапа: посулил малоденжным горожанам золотые горы.

По завершении митинга Валерий Чихман, крутогрудый красавец, отличник учебы и очень системная личность, взяв оратора под локоток, предложил – ярко, аргументировано, идеологически выверено – организовать полевой труд на началах бригадного хозяйственного расчета и самофинансирования. У руководителя хозяйства глаза полезли на лоб, он разнервничался и сбежал.

Страна уже год жила без идей и разработок главного специалиста по сельскому хозяйству – Никиты Сергеевича Хрущева.

Наш картофельный шлягер

Колумб Америку открыл –
Ошибку сделал он большую.
Чудак! Он лучше бы открыл
На нашей улице пивную.

Так наливай, брат, наливай!
И все до капли выпивай!
Вино, вино, вино, вино –
Оно на радость нам дано!

Коперник целый век трудился,
Чтоб доказать Земли вращенье.
Чудак! Зачем он не напился,
Тогда бы не было сомненья!

Так наливай студент студентке –
Студентки тоже пьют вино,
Непьющие студентки редки,
Они повымерли давно.



Смутно вспоминается еще один хит поры уборки картошки:

У бегемота нету талии!
У бегемота нету талии!
У бегемота нету талии!
Он не умеет танцевать!

А мы ему по морде чайником!
А мы ему по морде чайником!
А мы ему по морде чайником!
И научим танцевать!

Картошка–65. «Опустела вся Сорбонна,
и студентов не видать: нас послали под Пари-
жем артишоки собирать». На кузове машины
стоит Миша Лейтман (ныне – Михаэль Лайт-
ман, профессор онтологии и теории познания!),
ему гитару передает наш аккомпаниатор Игорь
Царев (*вид со спины*), Наташа Сысоева (*сле-
ва*), Леня Шуваев (*справа*).



Картошка–65. «Для сладкой памяти не-
возвратимых дней». Гриша Черняков впервые
в своей жизни пробует спиртное – коньяк
«Плиска»). Не верят своим глазам Шура Осо-
кина и Дима Васильев.



Третьекурсники факультета автоматики и вычислительной техники – перед отъездом на уборку морковки (сентябрь 1966 года). Более всего на этом снимке меня привлекают лица милых однокурсниц, достойно осваивавших электронные науки, ставших хорошими инженерами.

«Наши женщины – не вампы, не медузы,
А достойно кончившие вузы
Воины науки и труда».



Сентябрь 1965 года. Бойцы картофелеуборочного фронта, группы 434 ЛЭТИ, заслуженно отдыхают.

Бабье лето

Слова И. Кохановского

Клены выкрасили город
Колдовским каким-то цветом.
Это скоро, это скоро
Бабье лето, бабье лето. (2 раза)

Что так быстро тают листья –
Ничего мне не понятно...
А я ловлю, как эти листья,
Наши встречи, наши даты. (2 раза)

Только вот ругает мама,
Что меня ночами нету,
Что я слишком часто пьяный
Бабым летом, бабым летом. (2 раза)

А я кручу напропалую
С самой ветреной из женщин,
Я давно хотел такую –
И не больше, и не меньше. (2 раза)
(Вариант: «Можно больше, но не меньше»).

Я забыл, когда был дома,
Спутал ночи и рассветы!
Это омут, ох, это омут –
Бабье лето, бабье лето. (2 раза)

Новые партийные генералы в этом деле до уволенного ими предшественника явно не дотягивали.

Миша Горбачев только начинал разрабатывать язык (как орган) для грядущего переустройства державы на невидной комсомольской работе.

Намерения не по годам мудрого друга Валерика использовать хозрасчет в сельском хозяйстве опережали время.

В осенней смычке города и села активной стороной были назначены студенты. Холодными рассветами после недолгого сна вполглаза брели мы месить полевую грязь, гнуть спину на подборке вывернутых комбайном клубней. Селяне – пассивная составляющая процесса – разбрелись по своим делам, разъезжались по питерским рынкам.

Железный Ваня на поверку оказался застенчивым, податливым интеллектуалом, не соответствующим приложенному к его имени эпитету нестигаемого однофамильца. Начальные административные порывы потенциального профессора уже в первые трудовые дни увяли, и стал наш случайный цербер ненавязчивым и нетребовательным.

В середине сентября его сменил кафедральный геракл и аспирант Роберт Фрейдзон. Бодрый юноша поначалу пытался навести возможный порядок в гарнизоне. В видах возрождения дисциплины поколотил дерзкого на язык студента Попова, однако, по примеру предшественника, скоро остыл. Большую часть образовавшегося свободного времени красавчик Роберт стал расходовать на наблюдения за эффектным ходом тазобедренного сустава волоокой Иры Плаксиной, отличницы учебы и члена сборной команды института по художественной гимнастике.

Успех картофельной страде обеспечили бывшие служивые, и после «дембеля» оставшиеся ответственными и дисциплинированными людьми. С неизменной улыбкой во взоре «пулеметными очередями» закидывал картошкой контейнеры симпатяга Коля Федоров, усиленное рвение, как член партии, изъявлял Виталий Макаревич.

В трудовом усердии им мало в чем уступали студенты-провинциалы, знавшие почем фунт лиха; с горем пополам несли свой тяжкий крест особо рафинированные ленинградцы – шатало, в безветренную погоду, от поднятого пустого ящика Гришу Чернякова, на благородном расстоянии от грязных овощей оберегали свой маникюр некоторые юные леди.

Самонастроившись, своей колеей двигался досуг составившейся студенческой корпорации, вспыхивая по завершении рабочего дня карнавальная раскованность. Вечер в нашем таборе начинался общей трапезой, где количество выпитого соперничало с качеством съеденного.

...Уста жуют. Со всех сторон
Гремят тарелки и приборы
Да рюмок раздается звон⁷².

По мере подогрева оперативно решались мировые и институтские проблемы, предлагались и рассматривались самые смелые реформы, упрощалось мировосприятие, выявлялись лидеры и трибуны, компоновались – на будущее! – кластеры и группы друзей-однодумцев.

Застолье завершали мажорными ударами по струнам гитар темпераментный Игорь Царев и по-британски ироничный Владик Вальковский. Виртуозно комбинируя пятью-шестью аккордами, они покрывали достойным музыкальным сопровождением весь наш песенный репертуар.

Давным-давно на дальнем Севере,
Где человек сидел на дереве,
А у костра толпа голодная
Стучала костью в барабан...

Драли глотки все желающие, тем более что песен усредненного качества, годных для барабанного тембра «пения» было немало: «Ей, ей, ей, хали-гали!», «У девушки с острова Пасхи украли любовника тигры», «Убили Лумумбу!»... Энергичные тексты по неписаному правилу сменялись «сентиментальными» сочинениями, требовавшими исполнения с надрывом, допуская легкую слезливость:

Он капитан, и его родина – Марсель,
Он обожает женщин, спирт и драки,
Он курит трубку, пьет крепчайший эль
И любит девушку из Нагасаки.

И лишь пройдя нижнюю, невысокого качества часть репертуара, переходили мы к высоким «псалмам» Булата Окуджавы, классика и несокрушимого кумира, к песням Городницкого, Кукина, Клячкина, пели о туманах и о запахе тайги, о крае забытого детского сна, о держащих небо Атлантах, об укутанных бархатом лесных трав плечах любимой...

Я расскажу тебе много хорошего
В тихую лунную ночь у костра.
В зеркале озера звездное крошево
Я подарю тебе вместо венца.

Закончив песнопения, «братья и сестры» студенческой общины приступали к хореографии. В те годы прогрессивная молодежь страны меняла танцевальное направление: консервативный «твист» вытеснялся прогрессивным «шейком». Смена ориентиров побуждала нас к переучиванию и повышению квалификации.

Как величайшую драгоценность Володя Пожитков – новатор и староста группы – доставал заветную пленку с записями «Битлз» и начинал танцевальный урок. На сцене в режиме «форсажа» надрывался магнитофон. В зале, стуча, как мустанг в прерии, ногами-ходулями по полу, заламывая руки, изнемогал в экстазе ритма Владимир, за ним синхронно изнемогали, погружаясь в транс, послушные ученики.

Помимо танцевальной эквилибристики, была в наших вечерах тихая прелесть игры в преферанс, которому – как первопроходец – обучил большую группу однокурсников. (Самый способный из них, Ильюша Ханцис, надолго стал моим карточным партнером; не одну «пульку» записали мы вместе в снимаемой им квартире за Пушкинским театром.)

Личный курс молодого преферансиста прошел еще в девятом классе у известного в городе Умани специалиста, отставного военного лет-

чика по прозвищу Семь Пик, который годами шлифовал искусство игры в патрульных полетах на стратегическом бомбардировщике, от Балтики до Курильской гряды.

Дружеское общение завершалось далеко за полночь. Утомленный им, вместе с другими «мужиками» брел в наше «лежбище», где коллективно, на глаз определяя загазованность помещения «в топорах» («хоть топор вешай»), все разом забывались тревожным сном до очередной утренней побудки.

Ближе к октябрю комитет комсомола направил к нам большую агитбригаду, в составе которой находились наши однокурсники, побывавшие летом на целине и потому освобожденные от картофельного «оброка». Среди самодеятельных артистов блистал украшенный многими добродетелями Дима Денисов – гитарист, сочинитель песен, ценитель женского обаяния, пронесший страсть к изящному – через всю жизнь! – от невских до рейнских берегов.

Он с лирой странствовал на свете,
Под небом Шиллера и Гете...⁷²

Прибывшие на подмогу до картошки не добрались – ограничились укреплением духа заматеревших в работах однокашников. Многогранный Дмитрий докуривал папиросу «Беломор», придававшую ему дополнительную мужественность, «рвал» струны. Группа сопровождения – Игорь Яценко, Лена Шарова, Таня Цветкова – рьяно заводила: *«А мы еще не старики, а мы студенты из ЛЭТИ»*.

Лиза Боловина, чье веское общественное положение (староста группы!) не позволяло бездумно раскрепощаться, сдержанно подкудахкивала. Сардонически усмехался всезнающий Саша Экало. Ворох свежих анекдотов «притаранил» мой будущий друг, Саша Шебанов, выдав их слушателям единым концертным номером. Один из анекдотов был такой: *«Выловил рыбак золотую рыбку. Та, в обмен на свободу, предлагает ему оптом исполнение трех желаний. За первым дело не стало: “Чтоб было мне озеро водки!” Затем, немного помывлив, объявил второе: “И чтобы река из водки в это озеро впадала!” Долго думал над третьим желанием мужик; ничего не придумав, махнул рукой: “А, давай поллитра – и проваливай!”»*

В тот вечер от имени нашей артели с ответным эстрадным номером выступил общий любимец и круглый отличник Рашидик Инеев. Он, больше походивший на подростка-школьника, славился высоким чувством собственного достоинства, представлялся, по-особому картавя, только по имени-отчеству: «Рафыд Хафымович Инеев».

Стал наш гордый сокол, чуть алкоголизированный, на стул и, поблескивая стеклами громадных окуляров, зачитал развеселые куплеты:

– Огромный праздник в доме дяди Зуя,
Наш Зуй сидит один и водку пьет.
За Ваську, скобаря-буржуя,
Марусю замуж выдает.

Живем (так полагали пращурь!) как на роду написано. У каждого – своя нить, своя дева судьбы (звезда!), эту нить прядущая, за ней следящая.

Милый Рашидик родился не под счастливой звездой. Недолго вилась нить жизни нашего товарища, рано закатилась его звезда, дав на прощание поработать несколько лет на кафедре радиотехнического факультета, куда он был заслуженно распределен по окончании института.

Должен заметить, что на полевые работы довелось ходить мне не более недели. Стараниями хозяйственного Чихмана – бездна премудрости! – скоро организовалась небольшая бригада для выполнения завершающих операций калибровки собранной картошки и перевозки ее товарной части на длительное хранение. Более того, несмотря на неудачу прямого контакта с директором совхоза, Валерий – сам себе голова! – сумел верным способом расположить к себе руководителей среднего звена, которые – приняв «литру» – твердо пообещали оплатить погрузочно-разгрузочные работы по отдельному наряду.

Переместившись в большой ангар, мы с Валерием грузили отобранную картошку через транспортер на грузовик, Илья и Алик сопровождали груз до хранилища, где были обязаны выполнять разгрузку. Предприимчивые друзья-земляки тонко и политично повели дело в своем маленьком кибуце. Заговорили водителя Гену анекдотами, байками, обволокли туманом выдержек из Бабеля, Зошенко. Вместе репетировали блатные песни, пикантные частушки («Ивановна в реке купалась...», «На деревне благодать, шуточки соленые...»), учили молодого пролетария одесскому жаргону, нюансам ненормативной лексики.

Геннадий оказался очень прилежным учеником, с удовольствием, как росток к свету, тянулся к знаниям и наконец – цель учебных усилий! – взял на себя разгрузочные работы.

Однажды в конце рабочего дня у общепитовского магазина остановил Гену с институтскими наставниками и поинтересовался, куда едут. «Едем в Лапецы, утолять половую жажду», – продемонстрировал новый, образный стиль построения фразы водитель (Лапецы – соседняя деревня, где совхозные парни регулярно выясняли отношения с тамошними соперниками). Разворачиваясь, по моей просьбе, на дополнительную ходку, резюмировал по-одесски: «Вам из подвала виднее!» Алик и Илья, улыбаясь во весь рот, радовались успеху своего опекуна.

В начале октября, когда первые белые мухи закружили над перекопанным полем, когда второкурсники стали паковать свои рюкзаки, совхозные счетоводы совместили доходные и расходные ведомости городских помощников. Выяснилось, что работавшие на ниве студенты из-за переедания в совхозной столовой в итоге оказались в долгу перед хозяйством. Долг, правда, простили.

Наша автономная бригада, оттрудившаяся на сдельно-премиальном подряде, получила – по отдельной ведомости – хорошую зарплату. Принцип хозяйственного расчета, о необходимости внедрения которого постоянно говорил Валерий Николаевич Чихман, восторжествовал.

Это было давно – в прошлом столетии, в другой эпохе, на другой планете. Растворилась в пространстве и времени молодость, жизнь подвигается к осени. В чувствах все больше минора, все меньше мажора.

Память все чаще и чаще извлекает из своих глубин самые яркие, согревающие душу и сердце воспоминания. И среди них тот месяц на картофельном поле, сблизивший, объединивший нас, молодых и горячих, в полноценное, комплиментарное студенческое братство.

Кинематографической чередой перед глазами проходят лица однокурсников, на всю жизнь сохранившиеся в памяти неизменно двадцатилетними – веселыми и грустными, порывистыми и сдержанными, но все очень дорогими.

Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным,
Неудержимо, неповторимо
Все пролетело... далече... мимо...

(С. Есенин)

Чтобы помнили!

Мой первый друг, мой друг бесценный...

А. Пушкин

В просторном загородном доме, где много лет обитаю анахоретом, с одного из снимков – экспоната ретроспективной фотогалереи – всматривается в меня взгляд волевого, очень сдержанного, надежного человека старинный, давно ушедший из жизни друг – Валерий Федорович Москаленко (ростом, худощавым лицом, сухопарой фигурой, тонким, чуть изогнутым носом, очертанием рта похожий на актера Леонида Филатова).

Весной в первой половине мая, когда теплый ветерок через полуоткрытое окно начинает перебирать складки занавесей, когда закипает белой пеной мной выращенный сад, когда появляется особый душевный непокой, взгляд умных, пронизательных глаз с фотоснимка возвращает четкость смутным воспоминаниям о годах студенческой молодости, о нашей дружбе.



Он напоминает о первом знакомстве в институтском комитете комсомола, об искрой мелькнувшем между нами чувстве не сразу осознанной взаимной симпатии, о нашей совместной «службе» в штабе студенческих строительных отрядов ЛЭТИ, о радовавшем нас активном общении, длившемся почти два десятка лет, о моем фактически оседлом командировочном быте в гостеприимной квартире дома на улице Дивенской.

Однажды, под располагающее к писанию настроение, фотографическая, едва заметная улыбка ленинградского друга, подняв из памяти череду импуль-

сивно-пестрых напоминаний о совместном ярком, изумительном прошлом, дала жизнь коротким рассказам – добрым и чуть ироничным, отороченным нежным и уважительным юмором к глубоко чтимому мной человеку.

Сухой закон и сексопатология

В конце июля 1969 года по личному распоряжению командира районного студенческого строительного отряда «Ладога–69» почти неделю инспектировал состояние умов и уровень производственных достижений в пятнадцати линейных отрядах, дислоцированных в Подпорожском и Лодейнопольском районах Ленинградской области.

За время перемещения по преимущественно лесным дорогам, мимо потрясающей красоты озер, чтобы не уснуть под убаюкивающее урчание двигателя, спели с водителем большую часть известных нам песен. (В первую очередь – песню выпускников ЛЭТИ, композитора Александра Колкера и поэта Кима Рыжова, первой исполнительницей которой была Лидия Клемент, к сожалению, рано умершая.)

Долго будет Карелия сниться,
Будут сниться с этих пор
Остроконечных елей ресницы
Над голубыми глазами озер.

Завершив командировочные дела, еще на подъезде к Подпорожью шестым чувством уловил крутой скандал, незримым смогом окутавший помещение штаба, который располагался на окраине города, на втором этаже деревянного, почерневшего от времени общежития. Причиной общего возбуждения, как выяснил, стала боец отряда факультета электронной техники Элла (со следующего года – Москаленко), совершившая пятикилометровый марш-бросок из поселка Важины на свидание с будущим супругом.

В поступке юной студентки нарушения устава строительных отрядов не было – уход из отряда в выходной день был согласован с его командиром, Мишей Ежовым. Однако верховный, посчитав, что приватный характер визита и возможное публичное проявление пылкой симпатии расслабят по-спартански строгую обстановку в штабе, отправил Эллу Михайловну в обратный пеший переход.

Призвав командира к милосердию, получил от него служебное авто, на котором догнал убитую горем путешественницу и вернул в отряд. К вечеру Валерий Федорович (во взаимоотношениях – строгий, но справедливый!), окончательно смягчившись, отправился на болезненную и непростую процедуру примирения. Меня – начальника штаба – оставил за старшего над телефоном.

Наступил вечер, так располагавший к сумеречному настроению, и я, побродив по обезлюдевшему штабу, прилег на свою узкую постельку аскета с любимым томиком Блока – стал заучивать изысканного слога «Незнакомку»:

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?)
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

Многочисленное чтение-повторение утомило, и я погрузился в дрему (многим знакомое состояние, когда сознание еще судорожно цепляется за уходящую реальность, а подсознание уже начинает бродить в фантазмагорических вспышках ирреальности).

...Открывается дверь. В комнату неспешно, неслышно вливается облаченная в светлый прозрачный пеньюар Прекрасная Незнакомка. Присаживается на край кровати и, склонившись надо мной, гладит волосы, целует в шею, в губы (о, восхитительный сон, не проходи!), шепчет бесстыдно-сладкие слова...

В какой-то момент почувствовал, что задыхаюсь. Судорожно вздрогнув, широко открыл глаза, пробудившееся сознание взяло ситуацию под контроль.

На мне, придавив все жизненно важные органы, покоилось распластанное – грудь в грудь – тело главного врача районного отряда Галины Касьяненко, выпускницы медицинского института, и уже незамужней. Утомленная безрезультатными попытками возбудить приемами мануальной терапии пассивное тело штабиста, она, приняв для отваги критическую дозу медицинского спирта, погрузилась во встречный сон.

От ужаса у меня онемели все (абсолютно все!) члены, язык заledenел:

Ужас из железа выжал стон,
По большевикам прошло рыданье⁹³.

После минутного оцепенения выбрался из-под притомившегося тела соратницы, с изменившимся лицом сбегал к протекающей неподалеку реке Свирь, в хладных и быстрых струях которой остудил перегретое трением тело.

Поздно ночью вернулся Москаленко. Встретив командира у крыльца, доложил ему, что в гарнизоне произошло нарушение, форму проявления которого можно оценить, только поднявшись в мою комнату. По дороге попросил нарушителя сухого закона умеренно наказать, но из движения студстройотрядов не изгонять.

Командир долго и весело оценивал открывшуюся жанровую сценку. Многозначительно посмотрев на меня, заключил, что если и видит, то только нарушение сексуальной функции несмелого организма, что без помощи сексопатолога не обойтись.

Позевывая, отправился спать.

Как мы иностранцев не приняли

На исходе строительного сезона позвонил в отсутствие нашего командира Генрих Вишнеvский, командир областного стройотряда и поставил мне задачу: достойно (последнее слово произнес с особым ударением) принять

направляемую Смольным к нам с кратким ознакомительным визитом делегацию высших иерархов комсомольского движения Чехословакии.

Намек понял – вскоре предложил подъехавшему Москаленко конспирации ради провести полудипломатический раут в стенах штаба. Шеф усомнился в целесообразности подпольного банкета, напомнив мне попутно о провале дела питания штабистов.



Действительно, при начальном обустройстве рьяно взялся за проблему кормления руководящего состава. Как языческие капища, оснастил места приготовления и приема пищи лозунгами с наставлениями из Пушкина (в кухне – «Точность – вежливость поваров», в столовой – «Желудок просвещенного человека имеет лучшие качества доброго сердца: чувствительность и благодарность»). Только в духовной пище и преуспел – реальная пища была никакой, повара часто менялись, а от голода спасали дежурные омлеты.

Командир, поразмыслив не один час, принял волевое решение: устроить прием в местном ресторане. Несколько дней вместе согласовывали перечень напитков (только для гостей!) и закусок, местоположение (подальше от любопытных глаз) столов, репертуар оркестра; подключили к решению проблем пищевого и питьевого

обеспечения партийные и советские органы.

В назначенный день и в указанный час штабная номенклатура, вся в штатском, выстроилась в ожидании гостей в банкетном зале ресторана «Свирь». Все богатство, все гастрономические раритеты подвалов спецраспределителя томилась в ожидании употребления на «скатерти-самобранке»: запотевшие графинчики с обязательной для иностранцев водкой, янтарем сверкающие многолетние коньяки, грузинские вина, местный лосось семужного посола, вызывающие обильное желудочное сокодвижение копченые угри и маринованные миноги, жиром истекающий палтус, грибная селянка, телятина по-деревенски, нежнейшая бастурма и прочая, и прочая.

После часа ожидания из областного штаба позвонил комиссар Саша Михайлушкин и сообщил, что Смольный, по рекомендации органов, из соображений государственной безопасности визит иностранцев отменил. Пока все охали да ахали, очень вдумчивый и обстоятельный главный инженер районного отряда Женя Артюков вступил в деликатные переговоры с потускневшим командиром.

Посей поступок – пожнешь привычку. Простив единожды по доброте душевной нарушение сухого закона, Валерий Федорович не мог не уступить бесспорным аргументам опытного полемиста (не оставлять же водку?). Убеждениям одногодка поддался, взяв предварительно с нас, салаг, клятву молчать, даже под самыми страшными пытками: колесованием или четвертованием.

Пошел пир, с песнями и плясками, обильными тостами и пожеланиями; пригласили к доброму делу директрису, сильного очарования женщину. Веселились долго и самозабвенно под неприлично трезвым взглядом мрачного, принимавшего только лимонад Москаленко. Вечеринка затянулась далеко за полночь и удалась на славу.

Одно лишь было плохо: морально было тяжело.

Как друг мне службу облегчил

По окончании в феврале 1970 года института я два года отбывал обязательную воинскую повинность в звании лейтенанта в части на берегу усыхающего Аральского моря.

Ее командир, полковник Дерягин, начальный период моего рекрутства отсутствовал – защищал важный для его звания диплом в военной академии и появился в части только в июле, сразу же объявив приближенным подполковникам, что берет отпуск и уезжает в Ленинград вместе с сыном Славой, решившим поступать в мой родной электротехнический институт.

Небрежным намеком о беспредельных возможностях моих институтских друзей я побудил своего непосредственного начальника доложить командиру о целесообразности, обратив более пристальное внимание на офицера-новобранца, рискнуть (чем черт не шутит!) и проверить его в деле, взяв с собой в Питер. Смелость инициативы гражданского «розлива» лейтенанта поразила мощного полковника (кстати, в будущем – генерала). Мое отдающее наглостью предложение военачальник не принял, но фамилии Москаленко и Никольского на всякий случай почти механически записал.

На исходе августа полковник Дерягин вместе с сыном вернулся в часть. По этому поводу был устроен смотр личному составу вверенного его командованию подразделения. Приняв доклады о состоянии дел, о достижениях в боевой и политической подготовке, командир части направился в сторону неровной шеренги офицеров вычислительного центра. Не беря во внимание недостатки в моем обмундировании (затертая, с чужого плеча шинель), поинтересовался первым делом здоровьем и комфортностью быта. Узнав, что проживаю, как положено одинокому офицеру, в общежитии, очень удивился и, подозревая к себе интенданта, велел переселить обделенного вниманием лейтенанта Головцова в однокомнатную – с его квартирой соседствующую – квартиру, предварительно обставив ее требуемой казенной мебелью.

Как выяснилось, со вступительными экзаменами у абитуриента Дерягина не заладилось. Грустный финал погнал отца знакомиться со всемогущими, мной обозначенными, личностями, которые его потрясли своей монументальностью и значимостью. Мудро-внимательного Москаленко (только получившего от ректора – самого Сан Саныча Вавилова! – предложение стать проректором) прекрасно дополнял государственного ума и размаха Никольский, чья по-военному подтянутая фигура «тянула» как минимум на командира бригады или эскадрона, а бархатистой тональности голос, изящная золотая «фикса» наповал сразили кадрового военного. Друзья, предварительно подготовленные моим



Лидеры молодежно-комсомольских организаций ЛЭТИ, задававшие в шестидесятые-семидесятые годы ушедшего века особый душевный и интеллектуальный настрой жизни знаменитого вуза (снимок конца семидесятых годов).

Слева направо: Валерий Никольский, Валерий Москаленко, Александр Соколов (*первый ряд*); Юрий Чудаков, Геннадий Чавка, Роберт Опришко, Виктор Тимофеев, Виктор Опрэ (*второй ряд*).

И многих нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых.



Еще одна команда комсомольцев-шестидесятников ЛЭТИ: в центре Вадим Мигирин, белокурый и скуластый; в правой части снимка – Валерий Соловьев, опирающийся на плечо Саши Мамонтова (*справа*).



Морально мы опустошенные
И недоразвиты физически,
С утра голодные и сонные,
В науку тыркаемся лбом.
Судьба, судьба неблагодарная
Нам никогда не улыбается.
И жизнь по черепу распухшему,
Как ни старайся, бьет ключом.
Нет в нашей жизни облегчения,
И наши души поломатые...
С одним последним утешением
Бредем в потемках наугад.
Ведь мы с тобой – интеллигенция.
А ночью снится дивергенция.
Проклятый метод операторный.
Мальтийский крест и диамат.
Загнать бы душу Мефистофелю.
Удрать в тайгу и жить с нанайцами,
Забуть товарищей-дистрофиков
И горячо любимый вуз.

А мы по-прежнему дурачимся
И на «десятке» ездим «зайцами»,
И не страшна нам учкомиссия
И сам Ермолин-карапуз.
А до диплома, как до Африки,
И нам еще на стройках вкалывать.
А впереди еще кораблики –
Гальюн, штормяга, брюки-клеш...
И никакого уравниения,
Чтоб наши выразить мучения
Ни в теормехе, ни в матфизике,
Как ни старайся, не найдешь.

ЛАДОГА-69.

Авторы: песни – Виктор Отра-
нов, снимков – Валерий Решетин, сту-
денты ЛЭТИ 1964–1970 годов.



письмом, пообещали (подчеркнули – только ради друга Саши!) решить в будущем году судьбу командирского отпрыска.

Последовавшие репетиторские занятия с будущим студентом ослабили мои тяготы воинской повинности. Зажил вольной жизнью, стал другом семьи соседа, регулярно принимая от него приглашения потрапезничать с пирогами из трески на закуску.

Следующим летом съездил с абитуриентом в Ленинград – дело сложилось. Трудно подобрать необходимое сочетание ярких слов могучего русского языка, чтобы описать картину моего победного возвращения в воинскую часть, тот редкой мощи экстаз, в который надолго погрузилась командирская семья.

Остаток срока службы для меня прошел с незримым, но всеми чувствуемым нимбом сильной личности. Успел до демобилизации слетать по срочной командировке в город-герой для ревизионных проверок учебных дел первокурсника и общения со своими друзьями.

Наша песня

Милая, не плачь, не надо.
Грустных писем мне не шли.
Знаю я, что ты не рада,
От моей любви вдали.

Эти строки – начальный куплет песни-письма солдата любимой женщине, которую летом 1973 года впервые услышал в негромком исполнении легендарного командира студенческих строительных отрядов ЛЭТИ шестидесятых годов (Сибирь, Гурьев) Виктора Ивановича Тимофеева. Тогда в пропахшем карболкой процедурном кабинете ленинградской больницы имени Эрисмана, где на недолгом излечении находился наш общий друг Москаленко, «хлопнув» стеклянную фляжку армянского коньяка, мы, сами того не ведая, определили на долгие годы своеобразный гимн нашей настоящей мужской дружбе, его наше неразрывное трио неизменно исполняло в каждую последующую встречу:

Время незаметно промелькнет,
Разобьем врагов своей страны.
До ворот Берлина полк дойдет,
А там уж – и конец войны!

...В 1972 году по завершении армейской службы начался инженерный период моей жизни, связанный – до уничтожения Советского Союза – с Киевским производственным объединением «Электронмаш». Став через год начальником отдела программного обеспечения, получил полную свободу в выборе заказчиков на разработки, которую использовал в первую очередь для заключения долгосрочных контрактов с ленинградскими организациями.

С 1973 года мои частые командировки в Питер, в которых личные интересы преобладали над производственной необходимостью, стали регулярными, а их успешное выполнение обеспечивала комната (номер «люкс») в квартире

семьи Москаленко и второй письменный стол (с параллельным телефоном) в кабинете молодого проректора.

Частота приездов и появлений в ЛЭТИ была так высока, что однажды Галина Зосимовна Оганесян, многолетний секретарь деканата моего факультета, заинтересовалась, на какой кафедре работаю; так же полагали обучавшие меня преподаватели, с которыми раскланивался в институтских коридорах. Однокурсники, работавшие на кафедре вычислительной техники – Игорь Яценко, Володя Кирьянчиков, – встречаясь со мной, вели себя так, словно мы и не расставались после дипломной защиты. Всегда долгим было общение с Сашей Экало: зажав меня в углу, он требовал наидетальнейшего отчета о состоянии дел в киевском «Динамо», о видах на его очередные успехи.

В 1975 году по просьбе друга Тимофеева помог кафедре электронно-медицинской аппаратуры получить с моего предприятия вычислительную машину «Мир-2». Желанное приобретение его владельцы хорошо «обмыли», совместив этот верный поступок с тридцатилетием Лени Макарова, принявшего сложную электронику в эксплуатацию и получившего в подарок дорожный знак ограничения скорости – «Тридцать», снятый где-то на природном шоссе.

В том же году через кафедру автоматики и телемеханики поступил в заочную аспирантуру. Экзамен по специальности принимал доцент Кутузов, ранее выступавший за ленинградский баскетбольный клуб «Спартак»; по рекомендации заведующего кафедрой Советова бывший центровой оценил мои знания на «отлично», предварительно «размазав по столу» самонадеянного специалиста, посчитавшего, что недостаток научных знаний с лихвой покрывает инженерно-конструкторский опыт.

Пятнадцать лет (с трехлетним перерывом на заграникомандировку) жил как ленинградец, подпитывая себя интеллектуальным духом города-воспитателя. Как и в студенческие годы, посещал театры, бродил по залам Русского музея, Эрмитажа, бывал в Александро-Невской лавре, в знаменитых дворцах и парках пригородов. Меня узнавали продавцы букинистических магазинов, в которых – как и прежде! – покупал редкие книги.

Регулярность ленинградских визитов со временем выработала некий стандарт их исполнения, своеобразный ритуал. Приезжал обычно ранним утром, успевая выпить чашечку кофе с супругами Москаленко. Вместе с Валерием (первое время) отводили маленькую Вику в детский сад (годами позже – сопровождали в школу), затем неторопливым шагом (ходу-то было – минут пятнадцать!) через площадь Льва Толстого по Аптекарскому проспекту приходили в институт.

Пока друг готовился к обязательной утренней планерке, делал необходимые телефонные звонки; далее, совершив обстоятельную прогулку по институту, попутно оценив рост стен новых учебных корпусов, уходил по делам. Вечером в квартире Москаленко ее хозяева устраивали прием по случаю приезда киевского гостя.

На накрытый стараниями Эллы стол торжественно выставлял доставленный с украинской земли самогон-первак. Виктор Тимофеев делал ему контрольную проверку: наливал «оковытую» в столовую ложку и поджигал –

ровное голубое пламя подтверждало высокое качество продукта, его сильный градус.

Кстати, народное название застольного напитка есть перефразировка его наименования на латыни: «Aqua vita» (аква вита) – «вода жизни».



Первая рюмка шла колом, вторая – соколом, остальные – мелкими пташечками. После общего первого приема влаги Валерий Федорович лично – с обязательной долькой чеснока – инспектировал вкусовые достоинства сала (мягкого, с обжаренной соломой, чуть потрескавшейся шкуркой и с обязательной мясной прослойкой), купленного мною на Бессарабском рынке. Вслед за его,

всегда положительным, заключением знатока украинский «наркотик» пробовали другие.

За обязательной – в три чарки – программой вечера следовал небольшой перекур хозяина, после которого Тимофеев инициировал исполнение нашей любимой песни. Пели втроем, с серьезными лицами, акцентируя каждую значимую строку текста: о любви в разлуке, о страшной войне, в которой солдат может остаться на поле боя со *«свинцом в груди»*, о крепкой воинской дружбе.

Если друг вернется, ты его
За ремни походные возьми,
В губы поцелуй его
И, как меня, ласково к себе прижми.

Ближе к полуночи в разгар веселья раздавался звонок, хотя и ожидавшийся, но всех сразу протрезвлявший. Звонила очаровательная Лилия – жена Виктора Ивановича Тимофеева, им беспредельно обожаемая, по родовым корням – кубанская казачка. Нескрываемый панический ужас обволакивал Викторovo лицо, глаза его округлялись от нервного перенапряжения. Бывший комиссар Ленинградского областного студенческого строительного отряда вскакивал с телефонной трубкой в руке, вытягивался по стойке «смирно», с провалами в голосе комбинируя только три слова («Да, конечно, Лилечка»), вступал в объяснения с любимой.

Завершая – с облегчением! – отчетное выступление, делал размашистые пассы, демонстрируя, как традиционным казацким оружием ближнего боя будет Лилечка, в случае неповиновения (насмешил – какое неповиновение?!), делать ему усекновение принципиальных для семейной жизни органов. Затем – растворялся в ночи; мы же с хозяином садились за обязательные (не менее десяти партий) шахматы.

Через три-четыре дня моя командировка завершалась прощальными вечерними посиделками в семейном кругу Москаленко. В последнюю минуту

вырывался из дому, растерзанным влетал на эскалатор станции метро «Горьковская», мчался по переходам, финишным рывком достигал начинавший двигаться поезд.

И так – из года в год, много лет подряд.

В первый, без Валерия, день его рождения – 26 декабря 1988 года – Элла собрала на своей квартире его друзей. В тот же день ранним утром меня, прибывшего из Киева, встретил на перроне Витебского вокзала Витя Тимофеев – помог доставить в дом на Петроградской стороне увесистый баул с напитком и закуской, которые предпочитал покинувший нас друг. За столом вместе с Витей, как при жизни хозяина – увы, только дуэтом! – исполнили его любимую песню украинской юности:

Повій вітре на Україну,
Де покинув я дівчину,
Де покинув карі очі,
Повій, вітре, опівночі⁹⁴.

Географические особенности защиты диссертаций

В начале февраля 1986 года, оформив очередной профсоюзный отпуск, прибыл в Ленинград, чтобы в стенах *Alma Mater* защитить кандидатскую диссертацию. Готовилась она добрый десяток лет под совместным руководством Георгия Львовича Гимельфарба (столп Киевского института кибернетики, энциклопедист, колосс в науке) и проректора ЛЭТИ – Владимира Ивановича Тимохина (учитель-наставник, основатель кафедры, обожаемый и любимый – океан обаяния).

В той жизни написание и защита диссертации требовали от соискателя ученой степени сочетания действительных, основательных научных знаний с умением придать им естественную законченность в практической реализации. Требовался адский, многолетний труд, настойчивость, беглость пера, высокая эрудиция.

В этой жизни высокий стиль порядочности в науке, в получении ученых степеней (за редким, увы, исключением) стал уделом редящего отряда ее служителей – бессребреников и мечтателей.

Время придало терминам «кандидат», «доктор» свойства товара (недешевого), приобретаемого в качестве звучного дополнения к пустым титулам бюрократической номенклатурой, нуворишами и им подобной шатией-братией. (Возможно, слишком субъективно и резко, но это – крик души.)

Не изменяя многолетней традиции, пришвартовался у надежного причала. До заседания ученого совета в институте появлялся редко. Организационные проблемы подготовки действия защиты взял на себя Женя Метлицкий – заместитель заведующего кафедрой, великий умница, исключительной порядочности человек.

Образовавшийся солидный запас свободного времени использовал для заучивания вводного выступления, длительность которого должна была составлять ровно двадцать минут («двадцать минут позора» – таково неписаное правило техники защиты диссертации). Каждое утро легким прогулочным шагом проходил путь от дома до места стоянки крейсера «Аврора», успевая за время прогулки заучить несколько предложений «тронной речи».

Заседание ученого совета (синклита мудрецов), на котором появился утром двенадцатого февраля, вел профессор и небожитель Владимир Борисович Смолков. Одно его появление за председательским местом вызвало у меня мистический ужас, каждое изреченное им слово, как в давние студенческие годы, звучало ярким откровением.

После моего исполненного в режиме автопилота вступительного слова за меня, хлипкого и растерянного, взялись члены ученого совета. На заранее подготовленные вопросы – от «своих»! – давал уверенные и точные ответы. Вопросы, не прошедшие предварительной цензуры (например, от бесстрашного профессора Барашенкова), стали частью обязательной публичной порки искателя степени.

В разделе озвучивания отзывов – время положительных эмоций для диссертанта! – особое оживление у научного бомонда, бесстрастных зрителей и активных болельщиков вызвало появление на трибуне моего любимого однокурсника Чихмана. Элегантным, округлым движением водрузив шикарные, роговой оправы очки на переносицу, представитель академического учреждения зачитал уважительную оценку научному подвигу друга, построенную на тончайших психологических нюансах – «*Он пел любовь...*»⁷².

В урну для голосования члены ученого совета опустили белые и черные шары в требуемой для успеха дела пропорции.

Материалы успешной защиты диссертации отдел аспирантуры отправил в Москву, в ВАК (высшую аттестационную комиссию) для обязательного утверждения. Шли дни, месяцы, а подтверждения о присуждении мне кандидатской степени не было. Вместо него тайными тропами дошло известие о том, что в санкционирующую инстанцию поступил сигнал от обеспокоенного киевлянина.

В перечень моих прегрешений – помимо привлечения к печатанию текста диссертации моего сотрудника, очаровательной Алены Вихляевой, – прощательный аноним включил и использование мною, бесталанным и агрессивным, покровительства со стороны проректора Москаленко, обеспечившего киевскому другу «зеленый свет» на пути к научному успеху.

На конфиденциальную просьбу дать оценку перспективы развития событий из столицы пришел успокаивающий ответ: «Дело привычное, волноваться не стоит. Когда на утверждение приходит диссертация из Тбилиси, за ней следуют непременно и обильные коньяки, вина, фрукты. Когда доходит диссертация из Киева, за ней следуют непременно и обильные анонимки, анонимки, анонимки...».

Лишь в конце осени, слякотной и тоскливой, как снег на голову «свалилась» заветная почтовая карточка, уведомлявшая меня о полном успехе и о необходимости прибыть в ЛЭТИ для получения диплома («корочек») кандидата технических наук. Время было смутное, антиалкогольное, но у меня все

с собой было. На торжественной «тройственной» сходке у Москаленко мы, расслабленные и милосердные, долго философствовали о карих глазах завидующих, о проблемах стукачества, выпили за здоровье мне известного анонима.

В августе 1988 года Валерия не стало. Ушел родной человек, оборвалась связывавшая меня с дорогим прошлым нить. Разрушился стержень, к которому центростремительная сила высоких человеческих достоинств друга – доброта, отзывчивость, честность, порядочность – стягивала, объединяя, многоликое сообщество людей.

Он умер, но продолжает жить в детях, в памяти родных и близких, многочисленных друзей, в выстроенных – достойных мемориальной доски их создателю – корпусах института.

Прекрасна жизнь его, и все стихии
Так в нем соединились, что природа
Могла б сказать: «Он человеком был!»⁹⁵

И эта скромная, теплая цепочка миниатюр-воспоминаний – моя благодарность дорогому человеку, грустный реквием и добрая эпитафия: «Чтобы помнили!»

Общежитие на Муринском

На издавна славящейся простотой нравов и духом бунтарства Выборгской стороне, почти напротив расположенных на другом берегу Большой Невки корпусов ЛЭТИ, было поселение его иногородних студентов, будущих яйцеголовых электротехников.

Место компактного проживания студенческой братии (один корпус на малоприметной Студенческой улице и два – на соседнем Муринском проспекте) имело своим композиционным стержнем знаменитую «Чебуречную» на Кантемировской улице, всегда предлагавшую посетителям фасоль лобио, суп чанахи, чебуреки, хазани-хоровац. Дополнительной вкусовой метой среды обитания был запах жженой карамели, вытекавший регулярными облаками из корпусов близлежащей кондитерской фабрики имени Микояна.

На углу помянутой улицы и Лесного проспекта стояла аптека, которую непонятный каприз моего воображения и не отказавшая ему память до сих пор увязывают со строками из Блока:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века –
Все будет так. Исхода нет.

Чуть дальше, за трамвайной линией, полтора десятка корпусов студенческого городка утверждали неизбежность и силу породившего его политехнического института, который мы – самоуверенные патриоты родного вуза – небрежно-презрительно называли полутехническим. Это, однако, не мешало будущим инженерам-электрикам регулярно посещать расположенный внутри молодежного поселка мощный откормочный комплекс.

Не обошли сарказмом и студентов педиатрического института, общежитие которого находилось на той же Кантемировской улице. Прозвище будущих детских врачей, составившееся из первых четырех букв наименования врачебной профессии, неприлично для написания даже на некраснеющей бумаге.

Из двух общежитий на Муринском проспекте больший вес и привлекательность имел так называемый иностранный корпус (далее по тексту – общежитие на Муринском). В нем совместно проживавшие советские и иностранные учащиеся распределялись по принципу: в одной комнате два наших и два чужеземца. (Снимать жилье в городе загрансоставу возбранялось.)

Замысел, видимо, состоял в том, чтобы наша «братва» своим примером воспитывала приезжих в духе социалистического реализма, давала им надлежащую идеологическую шлифовку.

Если театр начинается с вешалки, то общежитие на Муринском начиналось с вахтера Кузьмы, самой влиятельной, как показывали регулярные опросы общественного мнения, фигуры в студенческой среде. Был он немногословен, но что ни говорил, все достойно было быть услышанным. Хитро прищуренными глазами просвечивая проходящих, он выявлял контрабандное пиво, после чего нарушители акцизных правил отливали штрафную долю в стакан таможни.

Амикошонства, неуважительности к ответственному охранному делу не позволял, в обережении высоконравственных принципов студенческого быта был непоколебим. Колебания начинались тогда, когда просьба уменьшить бдительность, в деликатных ситуациях, обосновывалась «крепким» аргументом, предварительно и незаметно для окружающих попадавшим в стол привратника.

За Кузей, по уровню авторитета, шел весь состав студенческого совета общежития во главе с очень симпатичным, стройным, надежным Володей Богдановым. Долгие годы – от избрания в 1966 году и до завершения обучения в аспирантуре – уверенно управлял он непростым международным сообществом, сочетая крепкую хозяйскую хватку с дипломатической аккуратностью и достоинством в поступках, как истый потомок своих древних земляков – новгородских посадников.

Как Боб Юсим бюргеров осадил

Самой значительной частью иноземной колонии были болгары. Братя-славяне хорошо владели русским языком, в том числе его ненормативной составляющей. Своей открытостью, контактностью, дружелюбием основательно вписывались в среду обитания и чувствовали себя в ней, как рыба в воде.

...Данчо Колев дополнял стипендию заработком ночного грузчика молочного магазина на Петроградской стороне, он умудрился инкогнито потрудиться в студенческом строительном отряде, что иностранцам, без особого на то разрешения, не разрешалось.

...Найден Михайлов пережил классическую ситуацию преждевременного возвращения мужа из командировки. Пока ревнивец-поисковик рылся в шка-

фах, незадачливый кавалер, ухватившись за балясину балкона, висел голышом над окутанной сумерками набережной Фонтанки. Лишь с наступлением темноты сумел хитроумной комбинацией выбраться из ловушки и вернуться к жизни.

...Славчо Филиппов – роялист больший, чем король, – в шесть утра, когда исполнялся предваряющий радиовещание гимн Советского Союза, ставил по стойке «смирно» жившего с ним вьетнамца.

Болгарское землячество в сумме с нашими гражданами обеспечивало абсолютный перевес славяноязычному населению. Объединенной коалиции противостояла вторая по численности немецкая группировка – четко организованная, замкнутая, дисциплинированная.

Германский «ордунг» стоял против панславянского «авось, небось и как-нибудь». «Дойче» держались обособленно, в неофициальные контакты не вступали, в манерах проявляли явную генетическую нерасположенность к нашему брату. Проводили регулярные собрания, совещания; объединили – по наружной стене здания – телефонной паутиной все комнаты с немецким населением. На войне как на войне – наши партизаны линию полевой связи уничтожили.

Долгое время общежитие было для меня недоступным – не пускал подушный доход, превышавший в нашей семье установленный студенческим профкомом «пропускной» размер. Проблему решил взлет на много дающие вершины общественной деятельности.

К исходу третьего курса был кооптирован в состав профсоюзного бюро факультета, и в последних числах августа шестьдесят седьмого года вместе с поступившим в институт братом вселились в общежитие на Мурынском.

Радость события омрачил вид ковылявшего на костылях друга Чихмана. Трагедия разыгралась в городе Черкассы, в живописном парке на берегу Днепра, где пребывавший на вакации у родителей студент оказывал знаки романтического внимания очередной знакомой.

Легкая шаловливость и игривость в общении переросли в пылкое желание – перенасыщенный тестостероном организм юноши потребовал немедленной разрядки.

Как гордый олень за оленухой, как свирепый вепрь за кабанихой, как сластолюбивый фавн за нимфой, полетел Валерий на крыльях всеоплодотворяющей страсти за убежавшей подружкой.

Был печальным (простите за каламбур!) конец. Юная дриада, исполнив обряд убегания, придавила тормоза, но в этот решающий момент неистовый кавалер рухнул в незамеченный ров, где застыл недвижим.

Моя молодость брошена в ров,
Как букет увядших цветов⁹⁶.

При поселении обнаружили в комнате пару причитавшихся нам иностранных сожителей. Представители Демократической Германии вместе с примкнувшей к ним соотечественницей, с пивом и сигаретами праздновали новоселье. Изъявив внешнее неудовольствие курением в комнате, стал резко передвигать стулья, выразительно – как принято на Украине – покашливать.

Юная фройлян (позже выяснилось – невеста одного из компатриотов) рассчиталась за свою долю в трапезе и ретировалась. Тевтоны приступили к разборке и раскладке личных доспехов.

Чуть позже зашел веселый – по случаю выходного дня – однокурсник и старожил общежития Боб Юсим. Был он авторитетен в нашей среде, до института тянул армейскую ляжку, знал жизнь. Не раз толковал с нами, салагами, «об ней» с выразительными особенностями слога родины своих предков – южноукраинских земель. Как дружелюбный патриот, Боря от всего сердца поздравил немцев с благополучным прибытием в город-герой Ленинград. Вытащив из кипы вещей зарубежных поселенцев выдавший виды фонарик, долго изучал его устройство, покачиваясь с пятки на носок, затем спросил, как выстрелил: «Что, батя с войны притаранил?»

Иноземцы, не изучавшие на курсах русского языка его жаргонных особенностей, радостно закивали.

«Щелкни кобылу в нос – она махнет хвостом».

(Козьма Прутков)

Как Боб Гохштейн интернациональный долг исполнял

Вселившись в общежитие на Муринском, употребил все свои профсоюзные силы, чтобы вслед за мной в него попал мой добрый, мягкий и общительный приятель Боря Гохштейн, с которым больше года делили на двоих комнату в коммунальной квартире, в знаменитом до революции доходном доме на Пушкинской улице (возле сквера, где высится небольшой, первый в Петербурге, памятник поэту).

При оформлении ордера на вселение Борю предупредили, что в одной комнате с ним будет проживать сын бывшего афганского премьер-министра Дауда, проинструктировав о правилах поведения с высокородной персоной, пожелали достойно исполнить интернациональный долг.

Вместе с вальяжным азиатом (холеное лицо, небольшая бородка, иссиня-черные волосы, пронзительные глаза за стеклами очков) поселился и его слуга, также студент электротехнического института. Не беря во внимание соседей, бойкие гости первым делом увеличили полезную площадь комнаты: из панцирных кроватей смонтировали две двухэтажные лежанки. Боре и второму неверному достались места на втором этаже, внизу расположились высокородный туземец и его прихлебатель.

Не перегружая себя учебой, правоверные погрузились в омут разврата. Жертвы общественного темперамента, дамы полусвета, предельно раскрепощенные особы с Лиговки стремительным потоком, огибая расслабленного афганским «вниманием» привратника, хлынули в подготовленную для сексуальных забав комнату.

Мультиоргазм неслыханной силы наполнил студенческое жилище. Владелец феноменального либидо, на пару с прислугой, по-стахановски трудился от заката до рассвета. Жизнь Бориса в общежитии превратилась в кошмар, в еженощную матросскую вахту на бороздящем беспокойное море корабле. Спать

на болтающемся лежаке не получалось – укачивало, появились признаки морской болезни.

Нас не так на земле качало,
Нас мотало кругом во мгле.
Качка в море берет начало,
А бесчинствует на земле⁹⁷.

Сильнее физических страданий были мучения физиологической природы. От вынужденного и регулярного наблюдения порнографических сцен томился молодой организм, мутилось в голове. Порой, как позже рассказывал мне приятель, приходила шальная мысль броситься вниз.

Но – на чужую кровать рта не разевать! – Боря стойко переносил танталовы муки нереализуемой страсти, стальной волей удерживал себя в целомудрии, заучиванием формул отгонял греховные мысли, надеясь на спасительный случай.

Однажды, когда за иллюминатором ревела буря, шумел дождь, а ночной мрак озаряли вспышки молний, случилось известное в физике явление резонанса – амплитуды качания хлипких спальных сооружений совпали и удвоились, они развалились.

Спасатели разобрали завалы, восстановили прежнюю, консервативную, обстановку; у Бориса Вольфовича наладился сон.

Вскоре беспутного Дауда, по причине отсутствия прогресса в образовании и открывшегося французского гриппа, отозвали. О его дальнейшей судьбе, с учетом последовавших через десять лет афганских событий, можно только догадываться.

Любовь и качество

Выпускавшиеся предприятиями народного хозяйства страны товары широкого потребления, как правило, отличались невысоким качеством, за которое с регулярной настойчивостью, но большей частью безуспешно боролись партия и правительство.

Но если изделия массового потребления попадали в поле зрения военного ведомства, то их выпуск незамедлительно оформлялся соответствующими постановлениями, и требования к их качеству становились равносильными требованиям к качеству военно-технической продукции, с жесточайшими контролем и мерой ответственности.

Когда мы победили под Сталинградом и началось фронтальное наступление на Донбасс, боеспособность отдельных подразделений войск стала таять из-за того, что появился «ГТ»: триптер трофейный.

Немцы и итальянцы осчастливили наших девиц этой болезнью, ну а девушки поделились с победителями. Заболел даже один командир дивизии. Была образована подкомиссия ГКО и принято решение наладить производство презервативов для обеспечения действующей армии.

На одном из заседаний комиссии, которое вел Булганин, очень красивая дама, которую все пожирали глазами, рассказывала о производ-

стве презервативов. Дама доложила, что произведен искусственный латекс такой прочности, что он выдерживает давление в четыре килограмма на квадратный сантиметр.

Булганин восторженно спросил: «Много это или мало?»

«Товарищи, – гордо сказала дама, – по проверенным данным ни один мужчина в мире не обеспечивал такого давления»¹⁶⁸.

На третьем курсе в располагающем к пылкости чувств марте сокурсник и сосед по общежитию Алик Ратновский по уши влюбился. К этому судьбоносному моменту его отношения с представительницами прекрасного пола давно потеряли дух свежести и очарование новизны. Независимость в поступках и темперамент, общительность и целеустремленность постоянно увеличивали список викторий в интимных баталиях нашего адониса. Прекрасный тактик, он редкие боевые неудачи обставлял как элегантные отступления, которые в искусстве оболъщения (как и в военном искусстве!) не менее важны, чем изящные атаки.

Но в тот весенний семестр Алика словно подменили. Отбросив прежние наработки в межполовых отношениях, он твердо заявил, что – наконец-то! – нашел свою Беатриче, единственную и неповторимую. Томление духа ослабило рассудочность, сладкие мечты, потеснив технические знания, заполнили голову, придали лихорадочный блеск глазам, отвлекли от подготовки к наступающей летней сессии.

Товарища нужно было срочно спасать. Словесная аргументация (типа – «кто женится по любви, тому нравятся хорошие ночи и скверные дни») им не воспринималась. Требовались принципиально новые технологии, иной подход к проведению аварийно-спасательной операции.

Как-то воскресным майским днем Алик вручил сожителям – мне, Чихману и Данчо Колеву – билеты на вечерний сеанс в кинотеатре «Спорт», пояснив, что на время нашего отсутствия он запланировал решительное объяснение и сближение. Все оставшееся до свидания время он наводил в комнате порядок, занимался подготовкой праздничного ужина; отнес обязательную «чекушку» Кузе.

Под вечер он отправился за Беатриче, мы же, внеся добавки в обстановку комнаты, поспешили в кино.

Когда возлюбленная Алика Ратновского, пропущенная им вперед, вошла в комнату номер восемьдесят девять общежития на Муринском, то обнаружила в ней: располагающий к интимной доверительности полумрак; на накрытом накрахмаленной скатертью столе – бутылку шампанского в сопровождении деликатесной закуски (докторская колбаса, сыр пошехонский) и сладостей (конфеты «Старт», «Кавказские»); в вазе – цветы. Приглушенно-обволакивающе звучал ноктюрн, горела свеча, в создаваемых ею теплых потоках воздуха легко раскачивался на нитке воздушный шарик – надутый презерватив. На нем красной тушью, как кровью, было выведено: «Алик! Ты помнишь наши встречи?!» Ниже подпись: «Девочки Выборгской стороны».

Посеревший от ужаса Ратновский схватил компромат и изо всех сил сдавил его – высококачественное латексное изделие давление выдержало. Долго пыхтел и мучился Алик, пока пламя свечи не коснулось поверхности шара –

тот «пукнул», сдулся и увял, как после долгой и утомительной работы, вместе с ним увяла и торжественность момента.

Вечер вдвоем при свечах, как и возможность продолжать доверительные отношения, были безнадежно испорчены. Наскоро выстроенный храм любви рухнул под тяжестью обстоятельств и внешних возмущений. Алик долго дулся, не разговаривал с нами, но со временем успокоился.

По окончании института некоторое время он жил в неудобствах холостой жизни в городе Горьком («где ясные зорьки»), затем перебрался в Москву, где и составил свой брачный союз. Здание семейной жизни оказалось на редкость прочным, без архитектурных излишеств, чему немало поспособствовал наш хитроумный отвлекающий маневр в общежитии на Муринском в далеком шестьдесят седьмом году, когда его участникам было от роду всего лишь по двадцать лет.

О, карнавал!

В конце марта, когда ленинградская погода только делала неуверенные намеки на совершившуюся смену времени года, в общежитии на Муринском этот фенологический факт подтверждался массовой подготовкой его населения к весеннему карнавалу, традиционно проводившемуся в первую субботу апреля.

Явление это в шестидесятые годы ушедшего века (наряду со знаменитыми студенческим хором и театром) своей неординарностью и исключительностью утверждало особое положение электротехнического института в студенческом социуме Ленинграда, было его визитной карточкой и фирменным знаком.

Раз в год усилиями пассионарной части своих обитателей – владевших воображением и чувством юмора, кистью и пером – институтские общежития расцветались яркими переливами красок и огней, живописными декорациями, превращаясь из комбинации невзрачных помещений в сказочные, фантастические чертоги. Раз в год в них – как на античных дионисиях, римских сатурналиях, русских масленицах, современных бразильских карнавалах – буяствовало необузданное веселье, упрощались отношения полов, кипели веселые пиры. Явление это более десяти лет украшало студенческую жизнь ЛЭТИ и навсегда исчезло в начале семидесятых годов.

В проведении карнавалов были свои неписанные правила и традиции, особый церемониал. Праздник открывался торжественно-величавым проходом кортежа ряженных, которые пестрым серпантинном обволакивали этажи, знакомились с их оформлением, маскарадными костюмами обитателей, с представляемыми ими буффонадами, капустниками, скетчами, розыгрышами.

По завершении карнавальных забав ранним утром приступала к работе специальная комиссия, определявшая победителя конкурса «Лучший этаж». Предпочтение отдавалось тому этажу, где сильная идея замысла наиболее полно и точно воплощалась в декоруме, в нарядах, в театрализованном представлении.

Победителю полагался приз – бочка пива, которая предварительно выкупалась в ближнем к общежитию пивном ларьке. Ее катили по проспекту,



Не только прекрасным преподаванием электротехники и электроники был знаменит ЛЭТИ, именит был институт и замечательным студенческим хором.

На снимке 1968 года – студенческий хор ЛЭТИ выступает в Ленинградской филармонии.



Второе наименование ЛЭТИ – «Ленинградский эстрадно-танцевальный институт с легким электротехническим уклоном».

На снимке середины шестидесятых годов – хор ЛЭТИ на природной спевке.

Осень

Приметы каждой осени просты,
Обычные привычные приметы –
Деревья в срок сдают свои листья,
Грустят о них зеленые поэты.
Сурово смотрят тучи на людей,
Над городом висят, как на канате.
Надолго расписание дождей
Составлено в небесном деканате.
Желтеют листья, парков не узнать,
Но осень для влюбленных не преграда.
О многом вам могли бы рассказать
Все улицы ночного Ленинграда.
Люблю по Ленинграду в дни дождей
Бродить с тобою без всякого маршрута.
Твоя рука лежит в руке моей.
Часы проходят, как минуты.
На улицу Попова посмотри,
Ее авторитет вполне заслужен.
Студенчество из славного ЛЭТИ
С утра в науку шлепает по лужам.
Заполнены занятиями дни.
Пока что мы не сделали открытий,
А вечером манят к себе огни
Студенческих веселых общежитий.
А вечером манят к себе огни
Студенческих веселых общежитий.

Автор песни – А. Низовский, руководитель вокального ансамбля ЛЭТИ. Песня написана ранее 1964 года.

Гимн третьего этажа общежития на Муринском проспекте

Мы учим, учим, учим.
Зубрим, зубрим, зубрим.
Профессоров мы мучим
Незнанием своим.
Мы любим веселиться.
Весной у нас завал,
А чтобы отключиться,
Устроен карнавал.

Привет:

Эх! Карнавал, карнавал!
Веселится стар и мал.
Музыка играет,
Лампочки мигают,
Наш этаж не унывает –
Вот компания какая!

Живем мы очень дружно
На нашем этаже,
И нас учить не нужно –
Мы умные уже.
Мы знаем, сколько стоит
Закуска и вино,
Суммировать их вместе
Умеем мы давно.

А если кто зачетом
Посмеет нас пугать,
Мы честь свою с почетом
Сумеем отстоять.
А если кто не сможет
Взять трудный интеграл,
Во всем ему поможет
Весенний карнавал.

Привет.

Эта простого слога песня помогла студенческому братству третьего этажа выиграть главный приз карнавала – бочку пива, которую (на деньги профсоюза) традиционно выкатывали под утро, к завершению весеннего праздника.



Ленинград, ЛЭТИ, шестидесятые.
Общежитие на Муринском проспекте.

устанавливали на ликующем этаже, выбивали пробку. «Пробки взлетевшей, влаги вскипевшей сладостен звук...»¹⁶⁹ – достойнейший из победителей пристраивался к штуцеру, подобно мифическому Ганимеду, разливал студенческий нектар и амброзию в чайники алчущих и жаждущих триумфаторов.

В прологе карнавала при всеобщем осмотре и оценке составлялось только предварительное общественное мнение об этаже, представленном лучше других. Это вовсе не означало, что под утро таким же будет решение конкурсной комиссии, что потенциальному претенденту удастся достойно, «на бис» повторить игровую составляющую сюжета. Финальный успех приходил только к тем участникам гонки, которые за время ночного загула, несмотря на неизбежные потери, уберегали ядро личного состава, сохраняли достаточный уровень трезвости в общении и уверенности в движениях.

В последнем для меня карнавальном сезоне шестьдесят девятого года течение борьбы за победу и ее исход развивались в полной зависимости от нюансов последнего обстоятельства. Тогда наша команда четвертого этажа включилась в нешуточную борьбу за заветный приз. Брат Виктор, унаследовавший от мамы умение живописать, разукрасил коридоры пышными пейзажами, жанровыми сценами, строгими граффити. Меня поставили на составление тематических слоганов. Из немецкой пословицы «Поцелуй без усов, что яйцо без соли» наштамповал дюжину лозунгов типа «Карнавал без маски, что дитя без сказки», равномерно расписал их по всему пространству красочных панно.

Прежде невидные помещения забурлили колоритной жизнью задворков сцены, где взятый, по обычаю напрокат, театральный реквизит превратил их обитателей в шекспировских героев, рыцарей, конногвардейцев, ковбоев.

На третьем, больше других германизированном, этаже суетились в маскированном раже немецкие гансвурсты со своими кунштюками, персонажи итальянской комедии масок: скупой Панталоне, коварный Бригелла, наивный Арлекин, по-французски деликатный Полишинель.

У каждого Абрама своя программа – в обстановке абсолютной секретности ее подготовили и реализовали на втором этаже. То была импровизация на тему повестей Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», выполненная под творческим надзором знатока проблемы Валерия Москаленко, а также сцены из воинского прошлого его предков.

Вдоль декораций с летними видами южной природы бродили обвитые марлевыми накидками русалки, в тени деревьев «парубки» тискали «дивчин». У зимних пейзажей – под звездным небом в ночь перед Рождеством, около крытых соломою «хат» – козак Чуб с кумом принимали, чарку за чаркой, «горилку». Достопочтенная Солоха (она же ведьма) распахивала по мешкам ухажеров; как настоящая «панночка», капризничала, требуя «черевички», красавица Оксана.

Чуть дальше в окружении свиты вышагивала Екатерина II. За ней спешил доставленный чертом в столицу кузнец Вакула. Он, как утверждает автор *...хотел было расспросить хорошенько царицу о всем: правда ли, что цари едят только один мед да сало...* Морщил в неудовольствии державный лоб светлейший князь Потемкин.

И все же изюминкой декоративной экипировки была другая импровизация – на тему картины Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султа-

ну». В центре многофигурной композиции восседал славный кошевой атаман Иван Сирко, он же – Алик Ратновский. Лихой имитатор важно надувал щеки, поправлял роскошные усы, потягивал «люльку-носогрейку». Окружавшие его «козаки», перебивая друг друга, живо жестикулируя, клепали послание «врагу христианского рода». Специальное трио струнных инструментов глушило содержание произносимых речей.

Независимые наблюдатели, не стовариваясь, предопределили пальму первенства любителям малороссийской старины. Легкомысленные фавориты, уверовав в неизбежную победу, погрузились в омут начавшихся праздничных утех, раскрепощающих застолий, ритмичных танцев, изящной разнузданности. О, младость невоздержанная!

Под утро, когда звучная полифония бала понизилась до пианиссимо, а его темп – до умерато, появилась – в партикулярных платьях – конкурсная комиссия.

Кончен пир, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры...¹⁷⁰

Осмотрев продукцию конкурсантов, оценщики завернули к запорожцам. Открылся славный пейзаж, наступил момент истины – неожиданной, малопривлекательной, отрезвляющей. Звуковое прикрытие отсутствовало. После насыщенного обоюдоострыми выпадами поединка хватившие лишку музыканты оказались в клинче со своими мессалинами. Потерявший усы и трубку атаман Ратновский, которого соратники удерживали в отвесном положении, мило улыбаясь гостям, рассыпал им воздушные поцелуи.

Уменьшившиеся в численности «козаки» гнули матюки, слышные, из-за отсутствия звуковой завесы, всем зрителям. Подогретые воины состязались в вариациях, протяженности и изошренности сценических реплик.

Остекленевшая и онемевшая комиссия, придя в себя, этажу в первенстве отказала. Пошел длительный процесс лоббирования и уговоров, в котором задор и напор молодости взяли верх.

«Пускай ты выпита другим...» – вымученным решением проректора Мазнина бочку пива открыли на втором этаже. Команда нашего этажа, надеявшаяся до последнего на победу, возмущалась, активно протестовала и с решением присяжных не согласилась.

Апелляция. Как свидетельствует историк Д. И. Яворницкий, турецкий султан Махмуд IV в 1675 году, перед карательной экспедицией в Запорожскую Сечь (закончившейся, кстати, провалом) отправил ее обитателям предложение сдаться: «Я, султан, сын Магомета, брат солнца и луны, внук и наместник божий, владелец царств – Македонского, Вавилонского, Иерусалимского, Великого и Малого Египта, царь над царями, властелин над властелинами, необыкновенный рыцарь...».

То было смутное, кровавое время украинской истории, названное народом эпохой Руины. Один из заметных участников событий, Петр Дорошенко, составил свой механизм обретения Украиной

независимости: стать вассалом Турции, исключить зависимость от России и Польши.

Получив от упомянутого султана (точнее – из рук ему подчиненных крымских татар) гетманскую булаву, он призвал высокого покровителя – с несметным войском! – в родные края, где мусульмане установили свои правила игры.

Начали с захвата и разрушения Каменец-Подольского, упомянутого Сирко со товарищи в знаменитом ответном письме запорожцев турецкому султану: «...Вавілонський ти кухар, македонський колесник, єрусалимський броварник, олександрійський козолуп, Великого й Малеого Єгипта свинар, татарський сагайдак, камінецький кат, подолянський злодійока, самого гаспида внук і всього світу і підсвіту блазень, а нашого Бога дурень, свиняча морда, кобиляча срака, нехрещений лоб, хай би взяв тебе чорт!»

(Поясняю: «броварник» – пивовар, «аспид» – дьявол, «сагайдак» – козел, «блазень» – глупец.)

Этим велеречивым экскурсом в прошлое хочу показать, что мелодичность послания запорожских «козаков» не имеет ничего общего с титанической мощью российского мата, который использовали интерпретаторы исторического события в карнавальную ночь апреля шестьдесят девятого года.

Добавлю, французский поэт Гийом Аполлинер (по крови – поляк) написал стихотворение «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Взяв за основу приведенный отрывок ответа «козаков», он вплел его заботливо в нежные кружева поэтического творения. И никакой грубости и матерщины!

Искажение фактов истории – серьезное преступление. Бочку пива, уважаемые граждане судьи, следовало отдать команде четвертого этажа!

Но нет истцов – нет ответчиков; отсутствуют унесенные ветром времени свидетели и соучастники буйной студенческой молодости. Остались только воспоминания. В них – моя медицина, отвлекающая от мерзких сюжетов сегодняшних дней, улучшающая самочувствие, поднимающая душевный тонус, придающая силы.

«Не так ли резвые друзья бурной и вольной юности, подиночке, один за другим, теряются по свету и оставляют, наконец, одного старинного брата их. Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится сердцу, и нечем помочь ему».

(Н. Гоголь)

Веселые годы, счастливые дни

Суровый январь шестьдесят шестого года был, пожалуй, самым радостным месяцем в моей студенческой жизни: все экзамены зимней сессии второго курса – издавна наиважнейшей для стабилизации положения студента в институтской среде – сдал на «отлично».

Добрый почин сделал на первом испытании по теории вероятности благодаря радушному приему у Киры Николаевны Маскиной, расположение которой заслужил на практических занятиях выполнением всех контрольных работ с первого захода. Наш лектор, Илья Александрович Назаров, обладавший супераналитическим умом и бульдожьей хваткой, ранее мои достижения в высшей математике оценивал на балл ниже максимума, но на третьем экзаменационном свидании математический гуру до меня не добрался.

Внешне добродушный и чуть отвлеченный от сиюминутных проблем быта, он, тем не менее, вызывал отчаянный страх у юной аудитории, помнившей публичную экзекуцию, устроенную им на самом первом экзамене. Тогда худотелого «студиоза», избалованного в пользовании шпиргалкой, мощный ментор (статью и стойкой походивший на боксера-«полутяжа»), ухватив за воротник, отнес в деканат, откуда несчастного перевели в распоряжение военкомата, по месту военной приписки.

Поступок экзаменатора произвел на рефлексивную и всепокорную массу первокурсников столь сильное впечатление, что на следующем – после выноса тела – экзамене одна кисейная барышня, к которой фатальный Назаров подсел для проведения опроса, кувыркнулась в обморок.

Мои нервы напряженная борьба за выживание закалила, подняв попутно боевой дух; своей удаче радовался как дитя малое – ходил, расправив плечи, уверенным «гоголем». Правда, картину благостного достижения подпортила четверка по машиностроительному черчению, которую – перед началом зимней сессии – «схлопотал» на так называемом дифференцированном зачете; она помешала мне в последовавшем весеннем семестре получать пятьдесят пять рублей повышенной стипендии вместо обычных сорока пяти.

Тем не менее, борясь за высокие баллы, страдал и мучился не зря. Эффектная последовательность высоких отметок на страничке зачетной книжки производила положительное зрительно-психологическое воздействие на экзаменаторов новой волны: принимая решение о величине очередной отметки, они не могли не брать во внимание мнение предшественников.

Прежде чем уйти на заслуженный каникулярный отдых, наша могучая кучка друзей, сформировавшаяся минувшей осенью, после картофелеуборочной эпопеи, приняла решение отметить общий учебный успех и мой особый экзаменационный фарт в ресторане «Кавказский».

Этот шалман, знаменитый своей пикантной кухней, располагался возле Казанского собора, на углу Невского проспекта и Казанской, в прошлом Большой Мещанской, улицы (к слову, до пролетарской революции славившейся обилием красных фонарей над подъездами домов).

В его уютном полуподвальном зале мы, из предварительного расчета до семи рублей «с носа», хорошо закусили и выпили, расслабились и порезвились:

Звенело рюмок тонкое стекло,
И челюсти работали отлично,
Гурманы задыхались тяжело,
А мисс и леди кушали тактично⁷².

Одну из «леди», лет на десять себя постарше, заметил женолюбивый Алик Ратновский; заметил – и попытался приглубить питерскую «камелию», чему решительно воспротивился ее кавалер (маленькое квипрокво чуть не переросло в бой кудрявых самцов).

Бесподобный Ильюша Ханцис веселил присутствовавших сольными выступлениями («Держась за тухес, словно ручку у трамвая...»), застольными прибаутками («Ты что же стакан не допил, таких не берут в космонавты»), своими знаменитыми тостами:

Меркнут знаки Зодиака
Над просторами полей,
Выпей рюмку кониака,
Сердцу станет веселей⁹⁹.

Невялый Валера Чихман – «в боренье с трудностью силач необычайный»¹⁰⁰ – в очередной раз подтвердил высокий уровень физической подготовки и запредельную скорость реакции. Когда нерасторопный официант, доставивший к столу шашлык «по-карски», стал сбрасывать ароматный мясной ряд с шампуров на общее блюдо, сочный и упругий кус мяса, ударившись об его край, полетел в сторону соседнего стола, но был на лету перехвачен острыми (еще не знавшими дантиста!) зубами тренированного, но вечно голодного студента.

За десертом, под кофе-гляссе, розовощекий и «цицеронистый» Вова Пожитков, отпустив на одно деление поясной ремень, рассказал старинного истока быль, продолжающуюся в наши студенческие дни. Он поведал, что в помещении над рестораном, занимаемом «Ленэнерго», находится пульт переключения уличных фонарей Невского проспекта и прилегающих к нему улиц. Работа в этом учреждении требует исполнения двух операций в течение суток: включить (на закате) и выключить (на рассвете) переключатель; в период белых ночей, официально заканчивающихся в середине июля, необходимо только присутствовать на рабочем месте. Несколько подсмен, на которые разбиты точные смены, дают работникам уйму свободного времени, что немаловажно для внеинститутских занятий. Поэтому борьбу за место у заветного рубильника с переменным успехом уже много лет ведут студенты двух сильнейших вузов: Ленинградского электротехнического института (ЛЭТИ – «Если некуда идти, поступайте к нам в ЛЭТИ», «Ах, ЛЭТИ, ЛЭТИ, мать твою ети»)¹⁰¹ и Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта при Министерстве путей сообщений (ЛИИЖТ при МПС – «Ленинградский институт изучения женского тела при Министерстве половых сношений»)¹⁰¹.

В настоящее время, уверил в заключение Вовик, верховодят железнодорожники, но как только власть возьмут наши электротехники, он, используя свои обширные связи, обязательно устроит меня на хлебное место.

«Повеселясь на буйном тире»¹⁰², наша компания, не унизив достоинства обслуживающего персонала чаевыми, до последней копейки в карманах рассчиталась за полученное удовольствие; затем, выписывая вавилоны на тротуаре Невского проспекта, побрела в сторону Московского вокзала, где меня, убывающего на зимние каникулы к родителям, ждал экспресс «Красная стрела».

В вагоне открылось, что до Москвы мне будет сопутствовать пара пожилых немцев-туристов. Вовчик, никогда не терявший присутствия духа, тут же

вывел меня на перрон и стал давать инструктаж о правилах поведения в среде инородцев: «Их бин штудент, их бин штудент...». С этими словами, не глядя в глаза перепуганных иностранцев, забирался на верхнюю полку купе, их бормотал, погружаясь в отвлекающий сон.

Вернувшись с каникул, напомнил другу о данном им обещании перспективного трудоустройства. «*О стыд! Где твой румянец?*»²³ Вова долго вспоминал, о чем велась речь в ресторации, а вспомнив, велел ждать. И хотя стало понятно, что дожидаться свершения чуда – давать свет людям и получать за это деньги – мне не суждено, романтическая надежда не умирала до последнего семестра:

Ведь если звезды зажигают –
Значит – это кому-нибудь нужно?¹⁰³

Проблема формирования доходной части личного бюджета (при отсутствии таковой в части расходной) была для иногородних студентов моей поры постоянной головной болью. Основными источниками денежных поступлений служили стипендия, дотация родителей, подработка на стороне. К последнему варианту наполнения кошелька прибегали либо при отчаянном безденежье, либо при твердом намерении обеспечить достойную жизнь в удивительном Ленинграде.

На исходе второго курса, когда стал ощущать себя полноценным студентом, имея стипендию и стабильную отцовскую помощь, попытался «подхалтурить» необычным, без затраты физических усилий способом – отправил кроссворд собственного приготовления в неприметный (и потому, как наивно полагал, «всеядный») журнал «Советские профсоюзы» и стал нетерпеливо ждать извещения о поступлении денежного перевода-гонорара. Вместо него пришло сухое и обидное сообщение от редакции о том, что за использование устарелого слова «кабриолет» мне в публикации отказано.

Следующий шаг к финансовому успеху оказался удачным, благодаря другу-однокурснику Боре Гохштейну, взявшему меня в напарники для работы в студенческом научном обществе (СНО). За приличные деньги – тридцать рублей в месяц! – мы подрядились к ассистенту Борису Николаевичу Деньдобренко (высокому, приветливому и обязательному) моделировать на интеграторе физические процессы в радиосистемах. Сверхдоходы поступали немногим более полугода, пока не прекратилось финансирование темы диссертанта; по этой причине мне, уже избалованному хорошими деньгами, к середине третьего курса вновь пришлось ломать голову над проблемой усиления финансового положения.

Однажды перед лекциями, находясь в третьем корпусе института, обнаружил на обширной доске объявлений афишку, текст которой сильно озадачил



меня. В ней сообщалось, что дирекция Ленинградского телевизионного центра приглашает отважных парней на работы по достройке – на сорок метров! – телевизионной вышки, находящейся напротив нашего института. Приводилась система оплаты труда: основной заработок обещали никак не меньше тридцати рублей за смену, премия возрастала по мере набора высоты. От крепких телом и духом кандидатов в богачи требовалось заполнить анкету и пройти собеседование в отделе кадров телецентра, расположенного на соседней улице Чапыгина.

Комплекс зданий телецентра был возведен на месте, пользовавшемся дурной славой у петербуржцев девятнадцатого века – в этом захолустье Аптекарского острова пастыри запрещенной законом секты скопцов, исполняя обряд посвящения, кастрировали новообращенных.

Этого тревожного факта истории не знал, когда – со «сдвиным по фазе» рассудком – бродил на нетвердых ногах по институту; когда, несколько раз возвращаясь к судьбоносному объявлению, порывался – во избежание нездоровой конкуренции – сорвать его¹⁰¹.

Два академических часа на лекции Бориса Викторовича Шамрая теоретически накапливал и умножал валившееся мне в руки богатство, представлял, как одним махом выкуплю самые ценные книги в знаменитом букинистическом магазине на Литейном проспекте. Лекцию – электромагнитные элементы, гистерезис – не конспектировал, не обращал внимания и на традиционные шутки «хохмача»-доцента (типа: «У соседа подохла коза; казалось бы, пустяк – а приятно»).

Легкое просветление рассудка пришло на следующей паре – на практических занятиях по теоретическим основам электротехники, которые вел интеллигентный и реактивный Юрий Борисович Мерзлютин, пришлось вникать в суть операций над комплексными числами с помощью логарифмической линейки, что-то считать.

И лишь в начале третьей пары, на занятиях по английскому языку, сознание вернулось в нормальное состояние. Все стало на свои места в тот миг, когда славный своими оксфордскими манерами Дима Денисов, выполняя волю преподавателя Зои Павловны Засурцевой, подошел к доске и по-английски написал: «Первое апреля одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года».

А счастье было так возможно,
Так близко!..

(А. Пушкин)

Путешествие из Москвы в Ленинград

Июнь шестьдесят шестого года – волшебный месяц белых ночей! – оказался самым напряженным и печальным в моей студенческой пятилетке. Самовенчаный – по итогам предыдущей («круглоотличной») январской сессии – лаврами триумфа, в следующую летнюю сессию получил (точнее – выпросил) двойку на экзамене по физике. Старенькая преподавательница – в блузке из брюссельских кружев, с рюшечками и воланчиками, с обязательным медальоном

у верхней пуговицы, – помнившая антигерманское переименование Петербурга в Петроград, оценив мои нетвердые знания твердой тройкой, наметила было мне перспективу потери стипендии в следующем, первом семестре третьего курса.

Институтские правила проведения экзаменационных испытаний позволяли «двоечникам» пересдавать проваленный предмет до завершения сессии, поэтому, умолив милосердную «физичку» снизить положительную (но нежелательную!) отметку до «неудовлетворительно», получил возможность со второй попытки добыть чаемое «хорошо».

Сбой в учебе был вызван не только «головокружением от успехов», но и умалением времени для предэкзаменационной подготовки, ибо с третьей декады мая, уговоренный спортивным и романтическим Валерием Чихманом, приступил – на пару с ним – к усиленным занятиям гребным спортом.

Традицией военно-морской кафедры (точнее – кафедры СИП, или специальной инженерной подготовки) было ежегодное проведение дальних шлюпочных походов по сложной водной системе рек, озер, каналов, водохранилищ между Ленинградом и Москвой. В один сезон преодолевался путь, к примеру, в московском направлении, в другой – в обратном (и так – из года в год).

В том году предстояло путешествие из Москвы в Ленинград. Готовясь к нему, мы с другом – между зачетами и экзаменами – ходили по утрам через сад имени Дзержинского на лодочную пристань Аптекарского острова. Там в водах Малой Невки, изнуря себя многочасовыми тренировками на шестивесельных ялах, натирали мозоли и накачивали мышечную энергию для предстоящих физически напряженных испытаний.

В начале июля три экипажа студентов-гребцов – со студенткой-стряпухой в каждом – в сопровождении трех старших офицеров-преподавателей прибыли в Белокаменную, где за пару дней расконсервировали год простоявшие на берегу Химкинского водохранилища шлюпки предыдущей экспедиции, проверили их «непромокаемость», испытали крепость уключин, весел, парусов, закупили провиант.

В общежитии речного стадиона, где наша студенческая команда устроилась на ночлег, мне попал в руки номер журнала «Юность», в котором вычитал интервью Самуила Яковлевича Маршака, данное им незадолго до смерти.

Поразила и на всю жизнь осталась в сознании – как принцип постоянного самоусовершенствования – мысль знаменитого поэта и переводчика о том, что высококультурного человека выделяет из общей среды чувство самоуважения, что для его утверждения и усиления необходимо, помимо прочего, совершать яркие, порой необычные поступки – к примеру, взять и изучить забытый язык санскрит!

Впечатление от прочитанного было настолько сильным, что, увидев в книжном магазине томик Шекспира, купил его с твердым намерением исполнить неординарный поступок – за месяц путешествия выучить наизусть одну сцену трагедии «Гамлет, принц Датский».

Шестого июля, как свидетельствуют дневниковые записи педантичного Чихмана, «маломерная флотилия» Ленинградского электротехнического института под командованием капитана второго ранга Юрия Николаевича Бла-

говещенского, выйдя в акваторию канала имени Москвы, выстроилась кильватерной линией и взяла «генеральный курс» норд-вест.

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы...¹⁰⁴

Два дня (по ступенькам-шлюзам) поднимались до русла Волги. Шли на веслах, прижимаясь к берегу, преодолевая накатные волны от «серьезных» – грузовых, пассажирских – суден, двигавшихся по фарватеру. Питались поначалу всухомятку, только на волжском берегу, на опушке сосновой рощи, на основательно устроенном бивуаке наладились форма и ритм проведения походных вечеров: поварихи сварили на кострах похлебку, кашу с китайской тушенкой, вскипятили общей заварки чай. Расслабленные сытным ужином путешественники расселись у огня, гитаристы ударили по струнам:

– Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза,
В флибустьерском дальнем, синем море
Бригантина поднимает паруса¹⁰⁵.

Паруса на наших ялах впервые затрепетали на волжских просторах; переключивая их, мы – набравшие опыта матросы – учились ловить попутный ветер, выбирать оптимальное направление движения по галсу. Ветрила не только ускоряли движение, но и давали мне, свободному от весел гребцу, уйму времени для зубрежки (акт третий, сцена первая – *«И вам не удастся разузнать, зачем он распяляет эту смуту, терзающую дни его покоя таким тревожным и опасным бредом?»*).

В конце августа 1964 года, уже как студент ЛЭТИ, вышел потрясенный из кинотеатра «Великан», где посмотрел только вышедший на экраны страны фильм Григория Козинцева «Гамлет». Теперь, под плеск волны за бортом читая-перечитывая трагедию, сопоставлял зрительно ее действующих лиц с киногероями: с прекрасно исполнявшими свои роли Толубеевым, Вертинской, с божественно лицедействовавшим Смоктуновским.



Подгоняемые речным течением, успев по пути осмотреть достопримечательности древнего Углича (монастырь, церкви, место убийства малолетнего царевича Дмитрия – последнего сына Ивана Грозного), добрались до Рыбинска, где предстоял – поворотом налево – переход в старую, 1810 года обустройства, Мариинскую водную систему, связывающую Волгу с Балтикой.

Пересечь Рыбинское водохранилище своим ходом нам не довелось – действовал запрет для малых речных суден на плавание в этом рукотворном, очень

бурливом водоеме. В ожидании оказии наши капитаны из купленной у рыбаков разносортной – сорной и ценных пород – рыбы приготовили настоящую «тройную» уху; после нее, расслабившись, исполнили для нас, «салажат», любимую песню подводников:

– А начиналось дело вот как –
Погасла желтая заря,
И наша серая подлодка
В себя вобрала якоря.

Наступившую ночь мы, сомлевшие от переедания путешественники, провели в трюме самоходной баржи. Спали беспокойным сном под мерный гул двигателей, под килевую качку, окутанные плотным облаком мошкары. Эти мерзкие насекомые (проклятие рода человеческого!) сопровождали нас, опухших от их укусов, всю срединную часть маршрута вдоль топких, казалось, насыщенных нездоровыми испарениями, берегов реки Шексны, Белого озера, рек Ковжи и Вытегры.

Только окунув весла в Онегу, на шкуре своей ощутили переход из ада в рай – микроскопические мучители пропали, а более крупное комарье, после пережитого, не раздражало. Прохладная озерная вода поразила необычной прозрачностью, родниковым вкусом; спокойная водная гладь – под безоблачным небом – отливала синевой; коллективная рыбалка на спиннинг обеспечила пропитание на весь день отдыха, который мы провели на лесистом берегу, играя в футбол на спрессованном водой песке прибрежной полосы, веселясь и дурачась («*Однажды отец Онуфрий, осматривая окрестности огорода около окрестностей Онежского озера, обнаружил озязбшую отрочицу Ольгу...*»).

До Подпорожья – по скоростной Свири, соединяющей Онегу с Ладогой, – «прокатились» на катере, буксировавшем наши ялы. Остаток пути, подгоняемые объявившейся тоской по любимому городу, летели птицей. По обводному каналу обогнули Ладожское озеро; миновав Петрокрепость, стали на финишный невский отрезок и двадцать четвертого июля, оставив за кормой каждой шлюпки одна тысяча триста семьдесят километров водного пути, загорелые, мускулистые, с выгоревшими волосами и тельняшками, с огрубевшими ладонями, вскинутыми вверх веслами приветствовали встречавшую нас депутацию института.

Переполненный восторгом от доброго – с салютным выстрелом из пушки! – приема, сверкая белками глаз, чеканил шаг по Кировскому проспекту. В голове все еще шумели волны, продолжал гудеть ветер, звучал знаменитый монолог Гамлета: *«Быть или не быть – таков вопрос...»*.

Прошагав сотню-другую метров по тротуару, поднял голову и, к своему удивлению, увидел выбитую на граните фамилию автора перевода мысленно декламируемой мною трагедии – Михаила Леонидовича Лозинского, жившего в обозначенном мемориальной доской доме, умершего в нем 1 февраля 1955 года. (Позже узнал – в тот же день покончила с собой его жена Татьяна Борисовна.)

В этом удивительном совпадении, в неожиданной встрече со знаком памяти о великом русском переводчике увидел – юный, восторженный и поэти-

ческий – некий символический знак одобрения совершенного мною поступка, давшего мне право на самоуважение.

Годы спустя, окончив институт и расставшись с Ленинградом – чудным, гармоничным городом, миром интеллектуалов, – усилил оценку результатов давнего студенческого путешествия: в нем зародилось во мне восприятие русского языка не как набора грамматических правил, а как явления мировой культуры. Тогда восхищенный безупречностью классического текста в конгениальной огранке мастера перевода, стал предпочитать для чтения тексты высокой красоты и мыслиемкости, дающие развитие не только эрудиции, но и личной речевой культуре.

Прекрасным было лето далекого-далекого шестьдесят шестого года.

Ты – в сердце, ЛЭТИ!

Не сподобил меня Господь к рисованию – передал этот дар от мамы моему младшему брату Виктору, через три года после меня (в 1973 году) закончившему «магический электротехнический». Ныне он совмещает умение профессионально живописать с мастерством компьютерного пересчета элементарных частиц – в чине заместителя директора



отделения! – в Ленинградском институте ядерной физики (да, для меня – именно Ленинградском).

Думаю – было бы только время! – он сумел бы выписать многофигурную композицию под названием «Шестидесятники – в истории ЛЭТИ прозвучавшие», в которой современный зритель, студенты (бывшие и нынешние), увидели бы лица людей, дававших нам, поколению студентов шестидесятых годов двадцатого века, безупречное образование, наставлявших и воспитывавших нас, своими высокими человеческими качествами влиявших на нас, определявших



высокую марку знаменитого вуза. На этом групповом портрете он отобразил бы не только общепризнанных корифеев, научных и общественных лидеров, но и представителей второго плана – верных служителей истинно народного высшего образования, патриотов института, с которыми мы общались, чаще или реже, в течение счастливых студенческих лет, которые ярким следом или тусклым пятнышком навсегда остались в нашей благодарной памяти.

Мне снится прошлое. В виденьях полусонных
Встает забытый мир и дней, и слов, и лиц...¹⁰⁶

Первыми графитными контурами творимого панно просил бы очертить мягкое, умное лицо Владимира Павловича Яценко, заместителя декана нашего факультета автоматики и вычислительной техники (ФАВТ). Он первым из официальных лиц, выдержанно и очень спокойно, поздравил собрание первокурсников приема шестьдесят четвертого года с началом учебы в великом ЛЭТИ, познакомил нас с историей, традициями *Alma Mater*, с благопокорными правилами внутреннего распорядка, представил старост групп.

Сложилось так, что в последовавшие годы учебы, работая в профсоюзном бюро факультета, часто общался с этим требовательным, справедливым, глубоко порядочным человеком; к концу моего институтского курса между нами – преподавателем и студентом – установились доверительные, очень теплые отношения.

Через год после окончания института, находясь на двухгодичной офицерской службе, прилетел с берега Аральского моря в Ленинград, чтобы получить от Владимира Павловича рекомендацию для вступления в партию – добрые, искренние, выверенные слова характеристики от авторитетного воспитателя.

Должность декана в указанное время исполнял Андрей Николаевич Лебедев; его бесстрастное, как у сфинкса, лицо придавало особую значимость им читаемым, академически точным лекциям, побуждало студентов к дополнительному усердию. Уважаемый профессор был среди зачинателей автоматизации вычислений и операций управления; в годы войны, не покидая ЛЭТИ, внедрял на кораблях Балтийского флота первые счетно-решающие приборы; в пионерском деле ему соучаствовали экстравагантный Яков Иванович Дубинин и монументальный Александр Михайлович Калмыков, чей военный труд был отмечен Государственной премией.

Уверенной линией, подчеркивающей большой ум, и трагическим мазком, отображающим жестокие отметины войны, следовало бы выписать портретный образ Владимира Борисовича Смолова. В конце сороковых годов, его – тогда еще студента-дипломника – привлекли к чтению лекций для старшекурсников; в шестидесятом году он – уже доктор технических наук, профессор – стал заведующим кафедрой вычислительной техники; скоро превратился, окруженный постоянно обновляющейся командой талантливых учеников, в живую легенду вуза; стал лучшим из лучших в своей отрасли знаний.

Его даровитый воспитанник, лучившийся бодростью и знаниями, Евгений Павлович Балашов, преподавал нам теорию запоминающих устройств; до неприличия молодой, неженатый, работавший над докторской диссертацией, он, того не желая, возбудил не одну надежду в головах прилежных слушателей его лекций.

В числе любимцев Смолова был худощавый, порывистый и педантичный Борис Константинович Петров. (Оказавшись на моей защите диплома, смелый преподаватель задал мне несложный вопрос, но, получив непредвиденный ответ, замахал от ужаса руками; своевременное вмешательство мудрого и обаятельного Евгения Александровича Чернявского избавило меня, полумертвого, от потери важного балла.)

Когда, просматривая длинные ряды книг своей (в Ленинграде зародившейся) библиотеки, останавливаю взгляд на трехтомнике Юрия Тынянова, соотношу невольно писателя, по печальному поводу, с Борей Петровым – оба умерли от редчайшей болезни, рассеянного склероза.

Кроткая и мягкосердная Анна Ивановна Шебанова на последних курсах проводила для нашей группы лабораторные работы (вместе с «бурчливым» Бодуновым); часто встречался с ней – разумной, прозорливой – в домашней обстановке, когда с ее сыном, моим дружкой закадычным, Сашей готовились к экзаменам.

Очень живописно смотрелся профессор Николай Николаевич Разумовский, заведовавший кафедрой конструирования электроприборов. Казалось, ученый-анахорет образца позднего средневековья – в халате-мантии, нарукавниках, тюрбейке, – оставив келью, «внедряет» в головы невнимательных студентов непререкаемые истины теории проектирования механизмов. (Кто знает, может быть, он был прямым наследником знаменитых украинцев, братьев Алексея и Кирилла Разумовских, переселившихся с Черниговщины на берега Невы, во второй половине восемнадцатого века оставивших след в российской истории.)

Кажется, до бесконечности мог бы продолжать яркий преподавательский ряд тех далеких лет: великий ростом и знаниями в области электроизмерений профессор Андрей Владимирович Фремке; рано возвысившийся, дипломатичный интеллеktуал Борис Яковлевич Советов, возглавлявший кафедру автоматики и телемеханики; высокий, красивый заведующий кафедрой электронно-лучевых приборов Юрий Александрович Быстров – спортсмен союзного масштаба, мастер спорта по академической гребле...

Счастливых, радостных, смиренных, –
Все помню я... Но нет уж в мире нас,
Когда-то юных и блаженных¹⁰⁷.

Мое поколение жило в стране, сохранившейся только благодаря жесточайшему отношению к самой себе и ко всем, кто оказывался в сфере ее влияния; находившейся три десятка лет под «азиатом» – выдержанным, пронизательным, беспощадным.

Мое поколение жило во времена, когда страна подвела черту под собственным – недавним и тяжелым – прошлым; когда оптимизировалось состояние общественных отношений с преобладанием добра над злом; когда жизнь стала выстраиваться на идеальных началах справедливости (как бы ни смеялись над этим нынешние «бандиты пера»).

Деятельные, желавшие знаний представители моего поколения могли воспользоваться равными для каждого из нас возможностями получить (качественное и бесплатное!) высшее образование, имели счастье провести пять-шесть лет в престижной студенческой среде – в обстановке сплоченности, коллективизма, высокой интенсивности общения прожить возраст сильных чувств, романтического томления, бескорыстных жертв, поиска смысла жизни, накопления интеллектуальной энергии и культурного багажа.

Альма-матер, альма-матер, легкая ладья,
Белой скатертью дорога в ясные края,
Альма-матер, альма-матер – молодая прыть,
Оглянись, народ лохматый, – нам далеко плыть¹⁰⁸.

Моя институтская одиссея открылась ритуальным посещением комитета комсомола, где его секретарь Коля Викторов после уважительного собеседования поставил меня на комсомольский учет, оставив на память о себе изумительное впечатление качествами настоящего лидера. Этот крепко сбитый, коренастый питерский парень уверенно держал в своих – сильной житейской закалки – руках мобильный, ежегодно обновляющийся молодежный коллектив, методами комсомольской работы направлял громадную студенческую энергию на полезные, увлекательные дела. При нем и его сподвижниках – Жене Метлицком, Вите Тимофееве, Вадике Мигирине – набрало силы движение студенческих строительных отрядов (ССО), пошла в гору работа студенческого научного общества (СНО), славилась оперативностью и результативностью добровольная народная дружина (ДНД) института. Именит был ЛЭТИ в те годы своим хором, студенческим театром, художественной самодеятельностью, регулярными капустниками – послесвечением знаменитого спектакля «Весна в ЛЭТИ», поставленного в 1953 году студентами Александром Колкером и Кимом Рыжовым.

Работа в комсомоле, коей с «недетской силой» занялся во второй половине институтского курса, привила мне навыки работы с людьми, приучила к самодисциплине, к самостоятельным решениям и – самое главное! – подарила верного друга, Валерия Москаленко. Два летних месяца шестьдесят девятого года, проведенные совместно с ним в штабе студенческих стройотрядов, дали старт двум десяткам лет нашей крепкой мужской дружбы – до ухода из жизни замечательного человека.

Чем дольше живем мы, тем годы короче,
Тем слаще друзей голоса.
Ах, только б не смолк под дугой колокольчик,
Глаза бы глядели в глаза¹⁰⁹.

Удивительным, интересной судьбы человеком был Валерий Федорович Москаленко. Предок его, после завершения похода во Францию в Отечественной войне 1812 года, поселился на колонизируемых причерноморских землях; в городке Александровка, неподалеку от Николаева, дал начало новой фамилии. Потомок «москаля», перебравшийся летом 1966 года в Ленинград, имел за плечами трудовой стаж, срочную армейскую службу и восемь лет разницы в возрасте с только окончившими школу сокурсниками факультета электронной техники.

Житейский опыт в сочетании с природным умом и качествами характера год от года прибавляли веса Валерию, ставшим – по получении диплома – непререкаемого авторитета командармом студенческих строительных отрядов. Эта сумма достоинств подтолкнула ректора, Александра Александровича Вавилова – умнейшего и деликатнейшего человека! – предложить тридцатилетнему Москаленко занять должность проректора института по капитальному строительству.

Стоит перед глазами – словно вчера виденная – сцена из жизни ректората тех лет: всегда очаровательная Вера Дмитриевна, регулирующая поток посетителей, контролирующая обстановку в институте; милая Маргарита Михайловна, печатающая для Москаленко очередную заявку на стройматериалы; седовласый Вавилов, что-то объясняющий молодому заместителю в присутствии энергичного, неизменно обаятельного Владимира Ивановича Тимохина, проректора по учебной работе, – тройка прекрасных образов для обдумываемых мной, под кисть брата, портретов лучших людей института времен второй половины прошлого века.

Молодой проректор решил для института застарелую, чрезвычайно болезненную проблему дефицита учебных корпусов – до его вступления в должность куча свай в институтском скверике (с погибшим фонтанчиком) и застрявшая в согласованиях документация обозначали слабую перспективу капитального строительства.

Каждый раз, приезжая в Питер, наблюдал приращение красного кирпича стен новостройки и восхищался разумной энергией друга, «выбивавшего» дополнительное финансирование, добывавшего дефицитные стройматериалы и оборудование, решавшего кадровые проблемы; присутствовал при вводе в эксплуатацию возведенных зданий.

Валерий Москаленко был настоящим мужчиной – без позерства и комплексов, публично сдержанным, волевым, обязательным, скрупулезным в ответственных делах. Внутренне чистоплотный человек, он был непримирим к любой гнусности, не терпел подхалимажа; категории морали «долг», «честь», «справедливость», «самоотдача» были естественной основой его жизни. Избегал громких слов, пафосности, проявлений сентиментальности, но всегда откликался на просьбы близких людей о помощи; обладал удивительным даром объединять разностильных, разнохарактерных, разновозрастных людей, формируя «клуб друзей Москаленко», двери которого широко распахнулись после занятия его основателем кресла проректора.

Пленарные заседания, которые открывались по случаю моих командировочных заездов, обычно вел неповторимый острослов и любитель пения Витя Тимофеев. Мне предоставлялась возможность высказаться об очередных успехах киевского «Динамо», о базарных ценах на сало, черешню, томаты, об особенностях производства и потребления крепких напитков на Украине.

В прениях по докладу первым слово брал улыбчивый, украинских корней, Володя Павлюк, служивший проректором по хозяйственным вопросам; за ним выступал быстрый и порывистый Вадим Мигирин, тогда работавший главным инженером Ботанического сада; свое веское слово говорил Валерий Александрович Никольский, прославленный былыми целинными походами и отмеченный многочисленными наградами за это.

Историки института должны знать, что именно Никольский в далеком шестьдесят третьем году командовал строительным отрядом ЛЭТИ, разбившим первые палатки у районного центра Ленинградский Кокчетавской области, что в следующем сезоне бойцы районного отряда вместе с командиром встречались с космонавтом Валерием Быковским на месте его приземления.

Никольский – по-мужски красивый, с умным, пронизательным взглядом, волнистыми каштановыми волосами, внешне спокойный и предельно целеустремленный – был прирожденным руководителем крупного калибра, имел серьезный карьерный успех; некоторое время работал в Центральном комитете комсомола, откуда вернулся в родной институт (то ли не «прогнулся» по контуру генеральной линии, то ли «подсидели» его молодые бюрократы).

В этот период нашего активного общения он, работая в отделе научно-исследовательских работ (ОНИР), серьезно занимался вопросами патентования. Узнав, что мой киевский отдел ежемесячно выдает «на гора» немалое число разработок, со страстностью неопита стал убеждать меня патентовать каждую имеющую малейший признак новизны компьютерную программу.

Свою аргументацию дружище Никольский выстроил на сопоставлении судеб изобретателей радио: первого выборного директора электротехнического института (будущего ЛЭТИ) Александра Степановича Попова и выпускника Болонского университета Гульельмо Маркони.

Первым изобрел радио русский ученый, публично продемонстрировавший 7 мая 1895 года радиопередачу азбуки Морзе, подробно описавший свои приемник и передатчик в январе 1896 года в выпуске «Журнала Русского физико-химического общества».

Тем не менее бизнес из радио сделал его второй изобретатель – в феврале 1896 года Маркони подал патентную заявку и летом 1897 года, получив патент «на усовершенствование в передаче импульсов и сигналов», создал Компанию беспроводного телеграфа и сигнализации.

В 1909 году итальянский миллионер разделил Нобелевскую премию за развитие радио с Брауном, основателем немецкой фирмы «Телефункен»; имя первого изобретателя радио на церемонии награждения двух конкурентов не звучало.

Дискуссии о бизнесе и науке, о западной предприимчивости и высокой нравственности русского ученого возникали всякий раз, как только мы сходились со старшим другом. Лишь когда Валерий Александрович получил приличествующую его возможностям должность в высокоорганизованных органах ленинградского сыска, проблема своевременной регистрации изобретений и открытий из наших разговоров ушла – сообразно новому направлению служебной деятельности стал наш друг малобеседливым.

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой¹¹⁰.

Post scriptum! *Говорят, что однажды на конференции, посвященной проблемам связи, представитель США заявил, что в результате археологических раскопок выяснилось, что пять тысяч лет назад на территории североамериканского континента существовал проволочный телеграф, так как на глубине пяти метров откопана проволока.*

На что представитель СССР заявил, что на территории России десять тысяч лет назад существовал беспроводный телеграф, так как на глубине десяти метров проволоки не найдено.

При этом он заметил, что и открытие рентгеновских лучей следовало бы, очевидно, отнести на более ранний срок, ибо еще Иван Грозный¹¹¹ говаривал своим боярам: «Я вас, сволочей, насквозь вижу!»

Мне грустно...

В пору моей студенческой юности на Невском проспекте, в доме за номером двадцать четыре располагалось кафе-мороженое, имевшее обиходное наименование «Лягушатник». Такое «прозвище» возникло в гуще народной, видимо, по ассоциации с роскошными прудовыми лилиями, вырисованными на зеленоватых, с подсветкой, витражах, которыми были декорированы стены и потолок заведения, с болотного цвета драпировкой, обивкой мебели.

В этом кафе в конце июня шестьдесят пятого года вместе с товарищами по группе № 434 пил шампанское в честь успешного завершения нашей первой в жизни летней экзаменационной сессии. Отуманенные сладостью победы, расслабленные легкими винными парами, мы пребывали в том полустерическом состоянии эйфории, которая охватывает и раскрепощает людей, благополучно завершивших долгий путь по краю пропасти. Сгустки нервной энергии, накопившейся в нас за полтора месяца зачетов и экзаменов, выплескивались резвым хохотом, следовавшим за шутками, анекдотами, байками из студенческой жизни, пересказом – с ироническими комментариями! – трагикомических эпизодов первого года учебы и только отгремевших испытаний.

В числе тем, подпавших обсуждению и дружескому осмеянию, была моя эпатажная стрижка наголо в канун сессии – перед стартовым экзаменом по математическому анализу. Поступком этим, имевшим некий символический, почти тотемный характер, намеревался ослабить силу атаки жесткого и неумолимого доцента Назарова, чья выдающаяся математическая голова была замечательна также своим рукотворным зеркальным блеском. (Впрочем, щетину мою преподаватель оценил совсем не ревнивым, скептическим взглядом, а знания – только четверкой.)

Численное преимущество в нашем маленьком «междусобойчике» имели однокурсники-ленинградцы. Прежде всего им, обласканным каждодневной родительской заботой, я озвучил несколько сюжетов из «мира животных». Рассказал о войне с «краснокожими» (клопами), которую весь первый семестр, при поддержке бледнолицых соратников-первокурсников, вел в дальнем пригороде Шувалово (в снимаемой на десятерых комнате дома, срубленного, кажется, еще в елизаветинскую эпоху). Затем «слепил» небольшой рассказик о засадах на наглых крыс, которые мы с дружищем Чихманом, уже во второй половине учебного года, устраивали в «меблирашке» на улице Достоевского... Отойдя от бытовой тематики, представил в лицах самые сочные сцены из недавно вышедшего на экраны фильма «Зайчик», с изумительным Леонидом Быковым в главной роли...

За нашей громогласной суетой с интересом и мягкой улыбкой долгое время наблюдал «немолодой» (по нашей юной оценке!) мужчина «под тридцать», сидевший одиноко за соседним столиком. Реплика за репликой, мы

познакомились, втянулись в интереснейшее общение с геологом Игорем, задержавшимся в Питере по делам, зашедшим в любимое кафе выпить прощальный бокал вина перед отъездом «в поле». В нашей компании он вспомнил свою студенческую юность в Ленинградском университете имени Жданова (вариант – имени Мариуполя), зачаровал нас рассказами о дальних странствиях, о нелегком поисковом труде, об экстремальных ситуациях, в которых побывал, о песнях под гитару у костра.

Люди идут по свету,
Им, вроде, немного надо:
Была бы прочна палатка,
Да был бы не скучен путь...¹⁸⁵

Дух романтики, возбудившийся с приходом хрущевской «оттепели», витал над нашей юностью, окутывал и напитывал собою ее чутких душой представителей, имевших за плечами обязательное среднее образование и сопутствовавшее ему нравственное воспитание.

Еще не ослабели, не сменились ритм и тональность общественной жизни, заданные в начале шестидесятых годов. Разоблачение и осуждение прошлых репрессий, начавшаяся реализация планов построения сильного, справедливого общества вызвали взрыв массового, искреннего энтузиазма, дали «тем, в ком бродит гордый дух гражданства, кому уюта нет, покоя нет...» ощущение личной значимости, чувство хозяина не только собственной судьбы, но и будущего всей страны.

То было время созидания. Строились новые заводы, фабрики, исследовательские центры, жилые дома, поселки, целые города («За ночь ровно на этаж подрастает город наш»). Покорялись полноводные сибирские реки, возводились мощные гидроэлектростанции, тянулись линии электропередачи («А в тайге горизонты синие, ЛЭП-500 – не простая линия»). Наука, инженерное творчество, мощнейшее производство с завидной регулярностью пополняли общенародную собственность новыми машинами и механизмами, самолетами и кораблями, создали державе ракетно-ядерный щит, поставили на государственную службу «мирный атом», обеспечили пионерский прорыв в космос...

В ту пору наша страна по справедливости считалась самой читающей страной в мире. Литературные чтения, выступления поэтов собирали сотни, тысячи (порой – целые стадионы!) слушателей; горячая дискуссия «лириков» с оппонировавшими им «физиками» («Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне...») долго была на слуху и завершилась общественным согласием о равной гражданской значимости тех и других.

Емкое, понятное, красивое Слово облагораживало, гуманизировало общество, компенсировало моим современникам (ныне именуемым «шестидесятниками») любые нехватки и невзгоды, обустривало наш внутренний мир. Стихи классиков поэзии (Блока, Ахматовой, Цветаевой...), молодых авторов (Рождественского, Вознесенского, Евтушенко, Ахмадулиной...) были нашей духовной пищей – изысканной и неповторимой.

«Как солнце в малой капле вод» отразилась позитивная эмоциональность общества в прекраснейшем жанре самодельного искусства – бардовской песне, нежной и яркой, умной и содержательной спутнице наших студенческих собраний. Первыми авторами и первыми героями чудных песен-баллад были люди мужественных профессий, связанных с дальними дорогами, с освоением труднодоступных пространств и недр. По причине этой знакомство с представителем чтимой романтической касты в популярном ленинградском кафе стало для нас, студюзов-первогодков, игрой случая, давшего нам маленький праздник общения и познания.

Наш новый знакомый, Игорь, оказался не только кладезем остросюжетных рассказов из своей походной жизни, но и глубоким знатоком истории Ленинграда–Петербурга. Ее малоизвестные факты, языком глубоко влюбленного в город человека, он пересказал нам за время совместной прогулки по невским набережным, по стрелке Васильевского острова, по Невскому проспекту...

Интересно было узнать, что дом, в котором располагалось кафе-мороженое, прежде входил в состав так называемого Голландского квартала, что в соседнем доме проживал недоброй памяти голландский посланник Геккерн – интриган гомосексуальной расцветки, приютивший в 1830 году сбежавшего из Парижа (от очередной французской революции) смазливый Дантеса. Фантастическим оказался рассказ о том, как коварный голландец всеми силами оттягивал дуэль своей «пассии» с Пушкиным, дожидаясь получения для любимчика спасительной кольчуги, изготовленной в Архангельске.

На углу набережной Фонтанки и Невского проспекта наше юное внимание гид-эрудит обратил на здание с колоннами, в котором в начале века располагался музей восковых фигур (с царицей Клеопатрой, змеей укушенной, в центре экспозиции – факт, засвидетельствованный Блоком).

Я сам, позорный и продажный,
С кругами синими у глаз,
Пришел взглянуть на профиль важный,
На воск, открытый напоказ...¹⁸⁶

От нас потребовалась немалая сила воображения, чтобы представить на месте Московского вокзала шатры, в которых много лет назад держали слонов, присланных в подарок царю персидским шахом (отсюда их водили на водопой к Неве, к Литейному мосту, что подтверждает баснописец Крылов):

По улице Слона водили,
Как видно напоказ...

Несколько часов, под *«прозрачный сумрак, блеск безлунный»* белой ночи длилась импровизированная экскурсия по центру Ленинграда. Уже замерли *«спящие громады пустынных улиц»*, уже разъехались по домам на последних поездах метро мои однокашники, а я, не связанный ни временем, ни пространством (жил тогда неподалеку – у Владимирской площади), до мало заметного восхода солнца, до первых трамваев слушал геолога Игоря...

Без муки нет науки. Весь первый учебный год отказывал себе в удовольствии интеллектуального саморазвития. Озабоченный прежде всего стремлением удержаться на плаву в бурном вузовском море, содержал себя в строгой аскезе – от рассвета до заката отдавался (за исключением случаев пары «выбрыков») усвоению только лекционного материала, штудировке учебников. Но в ту белую ночь моему формирующемуся организму потенциального «ленинградца», уже настроившемуся на поглощение максимального объема культурологической информации, ее ударная доза от эрудированного учителя стала искрой, будто в сухой порох ударившей.

Вспыхнул и запылал. Отработав-отгуляв первые институтские каникулы, купил прежде всего гитару, снял полную письменную копию с бродившего по институтским корпусам и студенческим общежитиям песенника. Во время последовавшей картофельной страды (в сентябре шестьдесят пятого года) брал усердно уроки у наших записных гитаристов, овладел с их помощью минимумом наиважнейших аккордов, с помощью которых к концу уборочной уже мог подыгрывать нестройному, но хоровому песнопению сезонных тружеников.

Обгорев на кострах эмоций,
Мы по миру шагаем упрямо,
Симпатичнейшие уродцы
С перевернутыми мозгами...¹⁸⁷

В числе моих музыкальных наставников был Юрий Печерский, выделявшийся в нашей студенческой группе демонстративной манерностью одессита, коим он считал себя из-за двух лет учебы в техникуме славного южного города. Невысокого роста, худощавый и порывистый, неизменно элегантен и очень кошерный, он свои слегка вьющиеся, зачесанные назад волосы, стильную полоску усов обязательно умащивал бриолином, а свой любимый костюм, серый лавсановый, дополнял такого же цвета штиблетами, рубашкой и галстуком в тон (недоставало только канотье и тросточки).

В небогатые закусной воскресные журфиксы, которые мы, в супраге с сентиментальным Чихманом, устраивали в комнатке-пенале коммунальной квартиры по улице Достоевского, маэстро брал в руки гитару и, перебирая струны, томно, мягко и протяжно выделяя гласные после шипящих согласных, исполнял популярную в те времена песню на слова поэта Евтушенко: *«Ты спеши, когда мне нужен друг, ты спеши, когда грущу в тиши, ты спеши, ты спеши...»*.

Впрочем, музыкальные успехи мои оказались – увы и ах! – эфемерными. Струны гитары, во время очередной сходимки, перегрузки не выдержав, оборвались (*«Не дают мне больше интересных книжек, и моя гитара – без струны»*); Володя Пожитков, староста параллельной группы, взял инструмент в ремонт и настройку, после чего семиструнной своей я больше не видел...

Все свои интеллектуальные наработки я очень тщательно и очень интимно регистрировал в специально приобретенных общих тетрадах. В одной – копил сведения об истории Ленинграда, о связанных с городом замечательных личностях; в другой – составил описание экспонируемых в Русском музее картин,

скульптур (для чего не раз пристраивался к коллективным, с экскурсоводом, проходам по залам музея); в третьей и последующих – делал выписки из значимых, высокоумных книг, регулярную закупку которых начал на втором курсе.

К началу третьего институтского курса относится зарождение моего конспекта лекций по эстетике, которые факультативно (для желающих и только во внеурочное время) некоторое время читал обаятельный и энергичный преподаватель кафедры философии. Был он годами млад, но умом столетен. Не запомнил, к своему великому сожалению, имени-фамилии лектора, но как сейчас вижу его умное, одухотворенное лицо интеллектуала, его серые с голубоватым отливом глаза, глубокие и добрые, его рыжеватую, уже отступившую от своей исконной черты гриву (*«Ему Господь за ум лба прибавил»*).

Раз в две недели, по пятницам, ближе к вечеру, он взбегал на кафедру знаменитой, помнившей профессоров-учредителей, аудитории номер один главного корпуса, швырял на просторный стол свой всегда пухлый портфель с латунными застежками и, обращаясь к немногочисленным – но безмерно преданным! – слушателям-неофитам, начинал изысканнейшим русским языком изяществовать о высоком. Первые общественные слушания, как свидетельствуют мои записи, были посвящены русскому символизму, оформившему его доктриной Дмитрию Мережковскому, череде его блистательных представителей: Валерию Брюсову, Александру Блоку, Андрею Белому, Вячеславу Иванову...

В умной беседе быть – ума прикупить. Дыхание затаив, внимали будущие инженеры-электрики сентенциям о высшей реальности в жизни идей, о поисках новой красоты, о сумерках человеческой психики... За высокими окнами аудитории наплывали сумерки питерской осени, пылал многоцветием увядающей листвы Ботанический сад, а по длинному кафедральному подиуму ходил наш духовный учитель и чеканил прелестный слог Юргиса Балтрушайтиса, его сумеречный «Ноктюрн»:

Час полночный... Миг неясный...
Скорбный сумрак... Тишина...
Слабых крыльев взмах напрасный,
Мысль – как колос без зерна.

После урагана высокочастотной информации, буквально валившей меня с ног, до боли возбуждавшей мой мозг, выходил сам не свой на свежий воздух и, осмысливая, перерабатывая услышанное, брел пешком домой – по Кировскому проспекту, мимо Летнего сада, Инженерного замка, памятника Петру в сторону Невского проспекта.

В ту пору (осень шестьдесят шестого года) сменил среду обитания – переехал за несколько кварталов от прежнего места жительства, ближе к Невскому проспекту и Московскому вокзалу, на Пушкинскую улицу. Напористый Валерий Чихман к этому времени получил место в общежитии, и однокурсник Боря Гохштейн предложил мне съехаться в такой же комнатухе коммунальной квартиры. Он также, но по другой причине, лишился «сожителя» – нашего экспансивного сокурсника Мишу Лейтмана «сожрала» гидра разврата близлежащего Лиговского проспекта.

С момента своего создания (на месте упрятанной в трубы речушки Лиги, питавшей некогда фонтаны Летнего сада) эта городская магистраль была средой пребывания так называемых низов общества – жуликов, хулиганов, девок развратных наинижайшего пошиба. (Кстати, в расположенной в начале помянутого проспекта гостинице «Северная» после революции для малолетних беспризорников было учреждено «городское общежитие пролетариев» (ГОП), породившее наименование местной шпаны – «гопников».)

Тело – в дело. Полтора года Михаил предавался сластолюбивым излишествам, разрываясь между привокзальными магдалинами и учебой. Полтора года он водил в «коммуналку» на Пушкинской (тайком от соседей, по ночам) распутный женский элемент Лиговки, появляясь время от времени тенью отца Гамлета на лекциях. В конце второго курса, на зачетной неделе, парень сломался, к экзаменам не был допущен и получил от деканата «вольную» на все четыре стороны.

Говорят, избавившись от греха, Миша Лейтман с годами стал слугой праведности. Ходят слухи, что стал он видным знатоком «каббалы», мистического учения Древнего Востока, возрожденного в тринадцатом веке испанскими евреями. Теперь он в числе «посвященных», способных найти ключ ко всем тайнам бытия, могущих – путем какого-то непосредственного наития! – постичь непостижимые уму истины. Ныне мой бывший однокурсник читает Моисеево Пятикнижие между строк, извлекает тайный смысл из его очевидных, писанных истин...

Распушенность предшественника еще два-три месяца после моего вселения влияла негативно на отношение ко мне соседей, бывших со мною сдержанными, неразговорчивыми. Все это время чувствовал на себе испытующий, оценивающий меня на беспорочность взгляд хозяйки комнаты (натуры мягкой и доброй), жившей в соседней, также за ней числившейся, комнате. Точнее говоря, мы с Борей занимали жилплощадь, на которой был прописан ее сын Володя, живший с молодой супругой около Кузнечного рынка, где занимал значимую должность рубщика мяса. Свой высокий социальный статус он постоянно и публично обрисовывал во время инспекционных посещений родового гнезда, которые, под хмельком, совершал иногда, по выходным дням. Общаясь со мной тет-а-тет, он сочувствовал моему малоодоходному инженерному будущему, рассказывал, как начинал подъем на вершины благополучия, как вкалывал подсобником на рынке, как знаменитый мясник дядя Вася учил его разделывать говяжьи и свиные туши («ставил руку»)..

По завершении визита Вовчик – малый не промах! – обязательно исполнял обряд публичного уничтожения сожителя матери, указывая тому на его подлое происхождение и низкое, зависимое положение. Приживальщик по имени Федор – сухопарый, суетливый, с помятым лицом и начинающим лиловеть носом – в отсутствие неофициального пасынка отличался самонадеянностью и бесцеремонностью, без стука, по-хозяйски заходил в нашу комнату; в присутствии же ее истинного владельца праздновал труса – держался по-холопски почтительно, угодничал, подхихикивал малоприятным нотациям в свой адрес...

Весь третий учебный сезон жизнь в комнате на Пушкинской повторяла особенности моего студенческого быта в прежнем жилье, на улице Достоевского.

Как и раньше, в красные и не красные дни календаря, в нашей, ставшей по-монастырски добродетельной, келье собирались товарищи по курсу – на общение, на песню под гитару, на закусить и выпить (все возбуждены, вдохновлены, Ильюша Ханцис разливает в граненые стаканы портвейн «три семерки», Алик Ратновский нарезает хлеб «бородинский» и шпик)... По-прежнему по завершении застолья в мгновение ока можно было оказаться на Невском проспекте, побродить веселой гурьбой по насыщенному историей центру Питера, поглазеть – в праздничные дни – на кильватерную колонну военных кораблей на Неве, полюбоваться салютом, дававшимся из-за стен Петропавловской крепости...



В дни экзаменационных сессий вновь были близки для меня книжные фонды Публичной библиотеки на Фонтанке. Соседство с Московским вокзалом выручало в ночные часы подготовки к экзаменам – проголодавшись, бегали с Борисом в вокзальный буфет, где закупали кульки горячих пирожков: с саго, с повидлом – по пять копеек, с ливером – по десять копеек за штуку; лакомились вкуснейшим мороженым – эскимо, сахарными трубочками, шоколадными батончиками с орехами...



Прежним – высоким! – темпом продолжались мои закупки книг в «Книжной лавке писателей» на Невском, в «Букинисте» на Литейном проспектах. Их ощутимый переизбыток переправлял железной дорогой («медленной скоростью») родителям в Брянск, на временное хранение; ставшие любимыми книги оставлял при себе, для повторного, со смакованием, проникновения в любимые тексты.

В число настольных книг в первую очередь попало собрание сочинений Анатоля Франса, глубокого энциклопедиста, тонкого ценителя прекрасного, великого мудреца. Читал-перечитывал «Преступление Сильвестра Бонара», набирался ума, восхищался главным героем книги, воплотившим в себе внутренний мир, философию автора. Его кредо – «*In angello cum libello*» («В уголке с книжкой») – увлекло меня, тогда только двадцатилетнего. Я представлял себе, как, войдя в солидные лета, откажусь от суеты мирской, как, уйдя от ее пагубного влияния, все свободное время буду проводить за чтением книг, наполнять и шлифовать свою эрудицию, буду жить в высоких эмпиреях прекрасного...

Идея эта засела занозой в моей голове, надолго стала для меня некоей абстрактной мечтой, которую, казалось, можно обмысливать до бесконечности на казавшемся длинным-длинным, легким и приятным жизненном пути. Думы за горами, а годы за плечами. Не успел оглянуться, как перешагнул рубикон шестидесяти лет, как жизнь моя стремительно завершила на седьмой десяток.

Лукавое время играет в минутки,
Не требуя крупных монет,
Глядишь – на счету его круглые сутки,
И месяц, и семьдесят лет¹⁸⁸.

Уже много лет моя домашняя, за три тысячи томов, библиотека, капитальную основу которой заложил в годы питерского студенчества, находится со мной, духовно украшает, облагораживает мою жизнь. Попутешествовав со мной по стране, пережив пару серьезных – с потерями – коллизий, она уютно расположилась в моем загородном доме под Киевом. Уйти от каждодневных забот жизни, как мечталось в романтические годы, у меня не получилось, мрачные реалии нынешнего бытия требуют каждодневной борьбы за минимально достойное существование. Но по давно установившемуся обычаю в часы досуга – по вечерам, по выходным дням – снимаю со стеллажа нужную книгу, удобно устраиваюсь в кресле и отдаюсь вдумчивому чтению.

Случается, какая-то ассоциация, какой-то неожиданный внутренний импульс увязывают читаемый текст с событиями давних шестидесятых годов, с сопутствовавшими мне, влиявшими на меня людьми, с любимым Ленинградом, с родным электротехническим институтом – ЛЭТИ. Мысли мои, вслед за этим, теряют свой порядок, уходят от книжного сюжета, начинают бродить в прошлом, забираются в зрительный, эмоциональный разделы памяти. Воспоминания о милой, незабываемой студенческой юности, невозвратной, навеки ушедшей – в картинках природы, в сюжетах, в дорогих лицах, – томят душу, сдавливают сердце. Нежная грусть переполняет меня.

Память, память, за собою позови
В те далекие промчавшиеся дни.
Ты друзей моих ушедших оживи,
А друзьям, живущим, молодость верни...¹⁸⁹

...Начало мая, только завершился парад в честь юбилейного, двадцатого, Дня Победы. Колонна танков, с защитными резиновыми «нашлепками» на траках, движется от Дворцовой площади, по невской набережной. С товарищами по группе, облокотившись на парапет, наблюдаю неспешный ладожский ледоход. Сухо, по пронзительно синему небу плывут пышные барашки облаков. Яркое солнце светит, но не греет – не может дать тепло воздуху, подавить ледяное дыхание Невы. За нашей спиной – прозрачный, малолюдный Летний сад, черные вертикали его ограды (они, словно струны чудесной арфы с картины художника-символиста Чюрлениса, создают гармоничный душевный настрой).

И выводит ветер фуги
на органах колоннад,
И бряцает, как на арфе,
на решетке Летний сад¹⁹⁰.

...Середина июня шестьдесят седьмого года. В небольшой аудитории старого корпуса номер два наша группа сдает экзамен по элементам цифровых вычислительных машин. В настезь распахнутое окно бьют пучки солнечных лучей, с улицы профессора Попова доносится беспорядочный, гулкий топот

кованных сапог – до пояса обнаженные курсанты недалекого Военного училища связи сдают свой экзамен по обязательному трехкилометровому кроссу вокруг Ботанического сада. За разгоряченными юнкерами, чуть улыбаясь, наблюдает наш молодой экзаменатор, Владимир Иванович Тимохин. Не знал я тогда, что с этим удивительным человеком на последующие два десятка лет судьба свяжет меня крепкими узами. Представить не мог себе, что, окончив институт, после небольшого перерыва, практически ежемесячно как аспирант буду приезжать к глубоко чтимому учителю, общаться с ним по проблемам научной работы, общих дел. Был Владимир Иванович человеком глубокого, нравственного ума, отличался чрезвычайной деликатностью в общении, чувством сострадания, умением вникнуть в чужую проблему, искренне помочь в ее разрешении. Качествами этими, организаторскими способностями он замечательно выделялся на высоких должностях секретаря парткома института, проректора по учебной работе, был уважаем коллегами, любим студентами, учениками, сослуживцами... Словно вчера расстался с ним – вижу его живое, мудрое лицо, темные глаза, до синевы выбритый подбородок, разделявшую его на две равные части глубокую вертикальную морщинку, восхищаюсь красивыми, мужественными манерами своего старшего друга...

Нет уже много лет на белом свете Владимира Ивановича, но он в памяти благодарных учеников, он среди плеяды богодарованных натур, которыми ныне гордятся – и будут гордиться! – сотрудники, студенты знаменитого вуза, ему от меня хорошее, теплое и нежное чувство любви и уважения.

...Только полгода имел частое общение с Евгением Александровичем Чернявским, руководителем моей дипломной работы, человеком обаятельным, умным, стремительным, открытым в общении со студентами. Отношения эти он строил не на принципах «простенького демократизма», а на высоком профессионализме, взыскательности, чувстве собственного достоинства, на собственном жизненном опыте. Указанные качества заместителя заведующего кафедрой вычислительной техники (правой руки самого Смолова!) в полной мере испытал на себе перед защитой дипломного проекта, когда из деканата поступило известие о перераспределении меня на военную службу в пустыню Казахстана. Тогда меня, ошеломленного этой новостью, чуть подвинувшегося рассудком, Евгений Александрович крепко встряхнул за плечи и, глядя пронзительно в мои глаза, потребовал взять себя в руки, быть настоящим мужчиной, не паниковать, бороться за свою удачу.

Диплом, с небольшими приключениями, я успешно защитил, в последовавшей двухлетней воинской службе много – как раз в деле вычислительной техники! – преуспел, а решающую, в критический для меня момент, поддержку выпускавшего меня в свет учителя запомнил на всю жизнь.

Не только цифирным наукам учили меня, моих сокурсников, легионы студентов наши прекрасные наставники. Примером своим, стильностью настоящих ленинградцев – интеллигентных, благородных, сдержанных, обаятельных, приветливых, отзывчивых граждан великого города – они нравственно воспитывали своих учеников, закладывали духовную основу нашей будущей инженерной деятельности, нашей (ответственной перед обществом!) взрослой жизни.



Цикл «ЖИЗНИ ДОСТОЙНЫЕ ГОДЫ»

Были бури, непогоды,
Да младые были годы!

Е. Баратынский

Как я в армии служил

В марте 1970 года дела государственной важности призвали меня, только окончившего Ленинградский электротехнический институт (ЛЭТИ), на берега Аральского моря для прохождения двухгодичной воинской службы, в звании лейтенанта-инженера.

Там в условиях песчано-глинистой пустыни на специально оборудованном испытательном полигоне разрабатывались методы определения типов летящих ракет потенциального противника. Долгое время огромные объемы информации обрабатывались по старинке – «вручную»; активизировать исследовательские работы могла только срочная автоматизация процессов приема и обработки данных.

По правительственному заданию ее в сжатые сроки выполнили специалисты Киевского производственного объединения «Электронмаш» (разгромлен перестройкой, агонизирует), которые разработали, изготовили и запустили в исследовательском центре воинской части специализированный электронно-вычислительный комплекс «Днепр-1».

Дебют

В глубоком каньоне на берегу обычно пустынного моря между двумя высокими мачтами подвешивалась на растяжках головка ракеты. Ее облучали мощной радиолокационной станцией, смонтированной на вершине крутого обрыва, – по форме отраженного сигнала определяли геометрию исследуемого объекта.

Первое время, после сдачи в эксплуатацию киевскими специалистами, вычислительный комплекс (уже подключенный к параболической антенне) работал в автономном режиме – в условиях реальных испытаний проверялась работоспособность его отдельных узлов, выявлялись и устранялись возможные неполадки.

К моему прибытию в воинскую часть выявилась «бьяка» в электронике: перья самописца, вычерчивавшие плавными линиями форму сигнала от боеголовки, в какой-то момент обработки результатов испытаний начинали судорожно метаться по бумаге.

Не зная броду, полез в воду. С самоуверенностью выпускника кафедры вычислительной техники ЛЭТИ пообещал руководству вычислительного центра навести порядок в доверенном мне оборудовании. Призвав на подмогу

аппарат алгебры логики (от профессора Болдырева) и теорию конечных автоматов (от профессора Барашенкова), принялся решать проблему.



После месяца работы головой и паяльником добился нужного результата. Момент истины наступил в очередном цикле исследовательских работ. Мне, полыхающему от радости рационализатору, офицеры центра доверили место за пультом, чтобы, по команде сверху, нажав кнопку «пуск», дал долгожданную работу застоявшемуся в безделье вычислительному комплексу.

Подполковник Болотин, отвечавший за работу исследовательского центра, по громкой связи объявляет часовую готовность для подготовки всех подразделений к работе. Затем от него проходит команда о десятиминутной готовности, к исходу которой руководитель работ начинает итоговый отсчет: «Десять, девять, восемь...».

Сердце мое учащенно стучит, под ложечкой посасывает, пальцы дрожат, во рту пересохло. Отсчет завершается: «...Три, два, один...», вместо решающего слова «пуск» слышу только его первую букву – и связь выключается. (Подполковник, как потом выяснилось, с выдачей команды начала работ выключил микрофон.)

С широко открытым ртом, недвижимый, смотрю на умолкший динамик, кнопку не нажимаю. Начальник вычислительного центра подполковник Александр Самойлович Вассерман (милейший и добрейший человек, настоящий душка!) бросается к телефону, звонит на командный пункт и выясняет, что испытания пошли. Торопливо объясняет, что молодой лейтенант Головцов, услышав только букву «п», и не подумал, что она означает команду «пуск»...

«Интересно, о чем подумал лейтенант Головцов, услышав букву "п"?» – рычит по громкой связи ироничный баритон Болотина.

Время залечило рану. На следующих испытаниях кнопку надавил вовремя. Система отработала, как говорят военные, штатно. Меня отправили в Киев для официального утверждения у разработчиков выполненной доработки, где заодно получил приглашение на работу после демобилизации.

Майор Нёма и его хозяйство

Территория воинской части (или – Аральск-6), небольшая по площади, включала в себя как чисто военные объекты, так и бытовые: два рядом стоящих пятиэтажных дома, гостиница-общежитие, клуб.

Военное поселение окружала колючая проволока, за которой начиналось место служебной деятельности подполковника Дмитренко, начальника противочумного отряда. Его подчиненные постоянно отлавливали сусликов,



Мои однополчане, офицеры воинской части, дислоцировавшейся на берегу Аральского моря и занимавшейся научно-исследовательскими работами по созданию средств противоракетной защиты рубежей великой страны – Союза Советских Социалистических Республик. Страны, которую они присягнули защищать душой и телом, доверенным им оружием (и присяге не изменили!); страны, которую высокопоставленные мерзавцы, также ей присягнувшие, сознательно (похлеще вражеского оружия!) разрушили и уничтожили, принеся страдания миллионам сограждан.

Горжусь тем, что с 1970 по 1972 год в звании лейтенанта-инженера вносил свою скромную лепту специалиста в великое дело обороны Отчизны. Помню поименно всех офицеров-сослуживцев, представленных на этом прекрасном снимке, в том числе командира части полковника Дерягина (*в центре*), начальника штаба подполковника Бесталантова (*слева от командира*), главного инженера подполковника Богачева (*он – справа*)...

Совесь, благородство и достоинство –
Вот оно, святое наше воинство!



Тыловую поддержку служивым офицерам обеспечивали их жены, делившие с мужьями все тяготы воинской службы, не терявшие бодрости духа и чувства юмора в жестких условиях песчано-глинистой пустыни.



Командир «точки» капитан Нёма – в полете над «конем», слева от которого – «козел».



После напряженных испытаний их участники могли покупаться в море, самом прозрачном, самом чистом в мире.



Зимой «солдатушки, браво ребята» рубили в Аральском море лед для кухонного ледника.

*Фотоснимки позаимствованы
у А. И. Нёма
(сайт aralsk-6.narod.ru)*

...Душиным июльским вечером 71-го года, когда на берегу Аральского моря (на «точке») завершилось испытание очередного «изделия», все участвовавшие в нем офицеры радиотехнического комплекса и вычислительного центра спустились с уступа каньона к морю – перекусить в солдатской столовой, отдохнуть. После ужина руководитель работ, подполковник из подмосковного военного НИИ, подсел в беседке-курилке к группе солдат и попросил у одного из них, перебивавшего струны гитары, разрешения сыграть на его инструменте.

Он дал восхищенным слушателям блестящий концерт русской песни, одна из которых винтом врезалась в мою память и стала песенным напоминанием о моей короткой офицерской молодости. Долгие годы помнил только отрывки песенного текста и лишь недавно полностью восстановил его для себя, узнал фамилии авторов.

За дальнею околицей

Слова Г. Акулова Музыка Н. Будашкина

За дальнею околицей, за молодыми вязами
Мы с милым, расставаяся, клялись

в любви своей.

И были три свидетеля – река голубоглазая,
Березонька пушистая да звонкий соловей,
И были три свидетеля – река голубоглазая,
Березонька пушистая да звонкий соловей.

Уехал милый надолго, пошел на бой
с врагами он,

Пришла зима холодная, мороз залютовал.
И стройная березонька поникла оголенная,
Замерзла речка синяя, соловушка пропал.
Промчались вьюги зимние, минули дни
суровые.

И все вокруг наполнилось веселою весной,
И стройная березонька листву надела

новую,

И все поет соловушка над синею рекой.

И стройная березонька листву надела

новую,

И все поет соловушка над синею рекой.

В скучные минуты...

Слова В. П. Аксенова Музыка народная,
 студенческая

В скучные минуты Бог создал институты,
И Адам одним студентом был.
Он ничего не делал, ухаживал за Евой.
И Бог его стипендии лишил.

У Адама драма – вызвали Адама
На разборку в Божий деканат.
И на Землю прямо выгнали Адама,
Так пошли студенты, говорят.

От Евы и Адама пошел народ упрямый,
Нигде не унывающий народ.
От сессии до сессии живут студенты
 весело,
А сессия всего два раза в год.

Это предрассудки – есть три раза в сутки
И билет в трамвае покупать.
А мы без предрассудков едим один раз
 в сутки,
А на остальное – наплевать.

Ночь мы прогуляем, день мы прохилиаем.
А теперь не знаем ни бум-бум.
Выпьем за гулявших, выпьем
 за хиливших,
Сессию сдававших наобум!

Эта песня прозвучала в офицерском клубе на берегу Аральского моря в исполнении вчерашних студентов, на два года ставших лейтенантами. В новогоднем представлении «Бывали дни веселые» мы, веселясь и ностальгируя, языком капустника растолковали кадровой военной аудитории ответственную и развеселую суть студенческой жизни.



Студент-«рецидивист»
рубит очередной «хвост».
Ботаем по фене.



Добрый и злой экзаменаторы.



Драма Шиллера «Разбойники» –
из-за болезни отца Моора
ее отменили.



Располагавшийся в нескольких километрах от Аральска военный городок, именованный «Чайка», был обустроен и обихожён. Проблемы быта не отвлекали от военной службы, в нем было все для достаточно комфортной жизни офицерских семей в непростых условиях резкоконтинентального климата (лютые, бесснежные зимы, адская летняя жара). И еще было в купальный сезон – изумительно чистое и прозрачное Аральское море, насыщавшее воздух парами йода.



Воинскую часть подкармливала не только собственная свиноферма, но и обширная бахча, располагавшаяся в устье Сыр-Дарьи. С конца августа балконы домов военного городка забивались арбузами (пять копеек за килограмм), залеживавшимися там до первых морозов.



Компактное проживание на ограниченном пространстве военного городка по-особому сплачивало его детское население, выделяло в нем группы и подгруппы друзей на всю оставшуюся жизнь.



Нынешний вид военного городка «Чайка» – одно из миллионов свидетельств горбачево-ельцинского погрома великой державы. На третьем этаже полуразобранного дома (справа) виднеется клочок квартиры, в котором я, лейтенант-инженер, жил в 1970–1972 гг.

А ведь можно было сохранить городок, сделать его, во благо коренных жителей, спутником города Аральска. Но Восток – дело тонкое.

запускали их в центрифугу, анализировали отсепарированных паразитов. Если выявлялись носители инфекции (такой случай был во время моей службы), ограждение военного городка опоясывали кольцом специального отряда; в части объявлялся карантин.

Воинская часть, при ее организации, находилась на берегу лагуны; к моему приезду море отступило больше чем на километр. На ее противоположном берегу находился испытательный полигон («точка»), хозяйство майора Нёмы – симпатичного, энергичного; с волнистыми волосами, с чуть выдвинутой челюстью, с походкой враскачку.

По утрам офицеры отправлялись на дальний объект на дежурном «Кунге» или «Урале». Двадцать километров пути по выбитой песчаной трассе скрашивали игрой в карты на вылет. Зимой, когда лагуна промерзала чуть не до дна, переезд к испытательному полигону по гладкому льду больше напоминал стремительный полет.

Рабочий день на «точке» полностью посвящался подготовке техники к очередным испытаниям: «наверху» проводилась профилактика радиолокатора, на вычислительном центре отлаживались программы, тестировались устройства; «внизу» проверяли на прочность канаты (японские, купленные за золото), надежность подъемных механизмов. Проблем с металлом и электроникой не было – их создавал личный состав, обеспечивавший испытательные работы.

Однажды на «точке» случилось чрезвычайное происшествие – у сержанта-буфетчика пропала дневная выручка. Буфет занимал небольшой отсек, перекрывавшийся в нерабочее время металлической решеткой; подозрение, волей-неволей, пало на продавца.

Выручил парня случай. Однажды после рабочего дня, устроившись на отдых под прилавком, он увидел, как из-за решетки выдвинулся изогнутый кусок провода, которым некто приоткрыл ящик стола с деньгами; затем (кончик инструмента был намазан клейкой эпоксидной смолой) над буфетчиком, банкнота за банкнотой, «поплыла» – как в небе облака – его выручка.

...Майор Нёма закрыл глаза на последовавшее проявление неуставных отношений.

Постоянную головную боль начальнику «точки» доставляли подчиненные ему молодые старшие лейтенанты. Не имея высшего военного образования (и не стремясь его получить), они могли дослужиться только до чина капитана. Заполнить свой досуг холостяков привычными для офицеров «вольными упражнениями» (спортом, рыбалкой, браконьерской охотой на сайгаков) было неинтересно – оставались традиционные виды мужских развлечений: выпивка (выдававшийся для профилактических работ спирт) и женщины («покоцанные» аральские мессалины).

Отсутствие перспективы вырваться из медвежьего угла поближе к благам цивилизации побуждало среднеобразованных лейтенантов добиваться досрочной демобилизации («комиссования») доступными, незамысловатыми приемами.

Валера Бондаренко – мрачный тип с посеревшим от постоянных запоев лицом – первым подал пример: перестал ходить на службу, залег в общежитии;

из похищенного охотничьего ружья устроил ночной салют. После гауптвахты вместо разжалования буяна окончательно «задвинули» на советско-китайскую границу.

Витя Карноза – обаятельный, с мягкой улыбкой, с квадратиком усов, с природным украинским юмором – попытался последовать примеру неудачливого сослуживца. Несколько дней, не просыхая, валял дурака; вызванный в штаб, явился в кабинет начальника штаба подполковника Селиверстова в домашних тапочках, сел без приглашения на стул и, заложив ногу за ногу, вкрадчиво сказал: «Внимательно слушаю вас, Николай Евграфович...».

Срочно вызвали майора Нёму для разговора втроем. После полученного «фитиля» старший лейтенант Карноза вышел из штаба очень серьезным человеком; дальше горя горел на службе и был беспорочен (и, кажется, взялся за учебу).

Ворошиловский стрелок

Вместе со мной проходил службу сокурсник, коренной ленинградец Юра Головин – великий молчун с постоянным выражением испуга на худощавом лице. Однажды зимним утром он появился в помещении штаба в сапогах, галифе, шинели и потертой кроличьей шапке (вместо форменной ушанки).

После этого небольшого происшествия кадровые воины стали посматривать на Юрия с некоторой иронией – дескать, «блаженный». Общий сарказм пожил недолго – до очередных стрельб из пистолета системы Макарова, которые регулярно устраивались для товарищей офицеров по плану боевой и политической подготовки.

Дождливым осенним днем лейтенант Головин, получив три патрона и пистолет, занял исходную для стрельбы позицию, в десяти метрах от мишени. Тщательно прицелился, надавил на спусковой крючок – тот не поддавался. Продолжая давить на него, Юрий обернулся за советом к опытным товарищам. Кадровые офицеры тут же ударили искаженными ужасом лицами в грязь, обхватив головы руками.

Пожав плечами, Юрий вернулся к линии стрельбы, вновь прицелился и добавил гашетку – все пули угодили в «десятку». Даже приблизиться к такому результату никто из служивых не смог. Авторитет ленинградского снайпера поднялся на приличную высоту; о «шапочном» происшествии все забыли.

По истечении срока службы Юра Головин вернулся в *Alma Mater*, где – по слухам – дослужился до звания доктора технических наук.

Романтическая история

Несмотря на привлечение к делу автоматизации электронно-вычислительного комплекса, обработка результатов полигонных испытаний еще долгое время производилась с помощью измерительной линейки и арифмометра, для

чего привлекали – на штатные должности – жен офицеров, использовали труд солдат.

Жена начальника вычислительной лаборатории капитана Кукушкина работала у него в прямом подчинении. Если за окном квартиры безжизненные солончаки и уходящая в сторону цивилизации железнодорожная колея, а на кухне, в спальне и на работе – надоевший до безумной ненависти солдафонистый муж, то можно понять душевный и телесный настрой женщины, только перешагнувшей рубеж бальзаковского возраста.

Сердечные метания техника-вычислителя завершились банальной интрижкой с прикрепленным к лаборатории солдатом. Трудно понять, как и где оформляли свои интимные отношения разновозрастные любовники, в жестких ограничениях воинской части, но страсть ломала преграды. О бурном романе жены Кукушкина знали все взрослые жители военного городка, кроме ее мужа.

Незримые рога над головой капитана увеличивались в размере до дня демобилизации удачливого соперника, когда кто-то раскрыл заслуженному офицеру глаза на печальные обстоятельства семейной жизни. Прибежав к контрольно-пропускному пункту, где демобилизованные воины рассаживались в автобус для отправки на вокзал, обманутый муж обнаружил за углом соседнего пакгауза нежно ворковавших – на прощание! – влюбленных. Расстроенный капитан исполнил супружеский долг: вlepил жене пощечину.

О, упоенье оккупанта, изыски деревенщины...
У поворота на Купавну бьют женщину¹¹².

Завязавший с армией Ромео встречным ударом посадил капитану фонарь под глазом, выразив тем самым, помимо чувств оскорбленного влюбленного, вековую неприязнь рядового состава к офицерскому. Затем вскочил в автобус – и был таков.

Микромайор Драбкин

Уроженец предместий города Бердичева Олег Захарович Драбкин по завершении срочной службы закончил офицерские курсы и получил звание младшего лейтенанта (на армейском сленге – микромайора).

Эпохальное событие – в сравнении с прежде однообразной и скучной жизнью малоимущего еврея – отмечал с размахом, регулярно «ныряя в стакан». После очередного «выхода в свет», опоздав на рейсовый автобус в часть, отправился домой своим ходом, выписывая вензеля.

В дороге, общей длиной почти в пять километров, скоро утомился; силы стали таять – пополз по-пластунски. Дополз до насыпи проходившей вдоль воинской части железнодорожной колеи Оренбург – Ташкент. Остаток сил потратил на то, чтобы вползти на нее – ухватился за рельс, подтянулся, застыл и погрузился в мертвецкий сон.

А он чуть-чуть не долетел, совсем немного,
Не дотянул он до посадочных огней¹¹³.

Покой прервал скорый московский поезд, подрубивший свежему офицеру пару младших пальцев правой руки и перспективы дальнейшего карьерного роста. По вызову политотдела срочно прибыли родители, оформили беспалому сыну очередной отпуск и увезли в родные места. Вернулся Олег Захарович через месяц с женой-тяжеловесом Розой, лет на десять его старше.

Как семейный человек, стал он очень моральным и рассудительным. Лишь иногда, стоя с коляской у окружавшей часть колючей проволоки, тоскливо вглядывался безнадежным взглядом загнанного битюга в сторону мест былых гусарских развлечений.

Первый концерт

Под новый, одна тысяча девятьсот семьдесят первый год захандрил заведующий клубом, старший лейтенант Яблочкин. Патрулируя по городу, он забрел в привокзальный ресторан, где выстрелом из табельного оружия в люстру разрядил накопившуюся грусть усталого сердца. Новогодний концерт, организация и проведение которого были прямой служебной обязанностью загулявшего офицера, оказался под угрозой срыва.

Активисты женсовета, знавшие меня как выпускника ЛЭТИ (Ленинградского эстрадно-танцевального института с легким электротехническим уклоном), попросили выручить. Вместе с коллегами-«двухгодичниками» Валентином Галалу (Таганрогский радиотехнический институт) и Яшей Прокофьевым (Киевский политехнический институт) написали сценарий представления-капустника, занялись репетициями.

Из вывешенной в вестибюле клуба громадной афиши обитатели военного городка узнали о выступлении мини-театра буффонады со спектаклем «Бывали дни веселые» в сопровождении ансамбля «Фантомасочки» (так мы, обеспечив солдат-исполнителей масками «мистер Икс», назвали их музыкальную группу).

К назначенному афишей времени зал был полным; опоздавшие зрители стояли вдоль стен. Под музыкальное вступление в качестве конферансье вышел на авансцену и объявил драму Фридриха Шиллера «Разбойники». Выдержав многозначительную паузу, начал представлять действующих лиц и исполнителей, увязывая – по очевидной аналогии – персонажей драмы с сидящими в зале гражданами.

Как взрыв снаряда, прозвучала первая пара: «Атаман разбойников – майор Завальный».

Интендант части, родом из Винницы. Уверенно и обстоятельно вел непростое дело снабжения, поставки продуктов питания для личного состава. Недалеко от части, к ужасу магометанского населения, открыл свиноферму, обеспечив тем самым регулярное поступление на солдатский стол мяса и сала.

Зрителям аналогия понравилась – отреагировали ехидным смехом и плотными аплодисментами. Не меньше понравилось следующее сочетание: «Первый любовник – старший лейтенант Загоруйко».

Секретарь комсомольской организации части, любимец женщин; нарцисс, тщательно следивший за внешностью; часто посещал городскую парикмахерскую, где ему делали маникюр прозрачным лаком.

Одним словом, похулиганил, по случаю драмы, вволю. Перебрал многих зрителей: были вторые разбойники и любовники, в «Танце маленьких лебедей» заявил членов женсовета; исполнителем «Танца с саблями» назначил недавно подкузьмившего меня подполковника Болотина; пообещал выступление камерного оркестра «малины» номер тринадцать города Аральска под управлением микромайора Драбкина...

Открывается занавес. На сцене в кресле-качалке сидит граф фон Моор (подполковник Вассерман). Голова его обвязана вафельным полотенцем, он раскачивается и громко стонет.

Трагически-звонящим голосом сообщая зрителям: «Замок графа фон Моора. С известием, что банда разбойников рубит лес, к нему приезжает сын». На сцену на трехколесном велосипеде выезжает лейтенант Галалу и надрывно кричит: «Отец! Отец! Разбойники! Дрова!»

Следует напитанный болью ответ отца Моора: «Я болен, сын мой». Снова кричит Валентин, и снова указывает на свою болезнь Вассерман; и так – несколько раз.

Разряжая явно патовую ситуацию, вновь появляюсь на авансцене и объявляю: «Дорогие зрители! Из-за болезни отца Моора спектакль отменяется».

Уверенное начало определило общий успех. Концерт мы провели на одном дыхании, без сучка и задоринки. Было много песен, розыгрышей, мини-атюр. С гиканьем и присвистом сыграли мюзикл «Отелло»:

А у Отелло в батальоне
Был Яша, старший лейтенант,
На горе бедной Дездемоне
Он был ужасный интриган.

Завершили программу ответами на якобы поступившие из зала письменные вопросы зрителей. В последней записке вопрос был поставлен ребром: «Замучила жажда, выпить хочется. Скажите, работает ли буфет и когда окончится ваш дурацкий концерт?» Дружно сами себе ответили: «Буфет работает, концерт окончен».

Зрители устроили овацию, председатель женсовета Царева басила на весь зал: «Молодцы, студенты!»

Спектакль получил высокую оценку со стороны политотдела, после чего группа мини-театра буффонады долго нежилась в сладостных лучах артистической славы.

Второй концерт

Спустя полгода после сделавшего нас знаменитыми концерта явил божескую милость командующий ракетным полигоном Капустин Яр генерал-полковник Вознюк – прибыл с инспекционным визитом в подчиненную ему воинскую часть на берегу Аральского моря.

В 1946 году возле небольшого поселка Капустин Яр (расположен в месте истока Ахтубы из Волги) решением правительства, усилиями министра вооружений Устинова и генерала Вознюка был создан полигон для проведения испытаний ракетного оружия.

В 1957 году, как утверждали мои сослуживцы, с полигона был запущен первый искусственный спутник Земли.

Со временем на территории Казахстана были устроены «точки-филиалы» полигона (Казанка, Эмба, Аральск) для отслеживания полетов испытываемых ракет, «приема» их в местах падения.

Командующий полигоном жил в домике, окруженном вишневым садом. В кафе военного городка, которое генерал назвал «Рідна хата», готовили борщ с чесночными пампушками, кулиш, галушки, вареники.

Однажды офицер, живший с семьей в общежитии, прикрепил к двери кафе «протестную» листовку: «...Нам не нужна "Родная хата", землянку б дали в три наката...». Поэта-протестанта разыскали и примерно наказали.



Вместе с генералом прилетела большая команда инспекторов, которые, рассеявшись по подразделениям части, гнули в бараний рог их начальников. Среди гостей выделялся старшина, ординарец и земляк генерала. «Дьяк, в приказах поседельй»⁶⁰, он находился в постоянном контакте с интендантом Завальным, заносившим ему копченые дары Аральского моря (жерех, усач), переработанную продукцию воинской свинофермы.

Не дремал политотдел. По приказу его начальника, подполковника Аристов, для высокого гостя был устроен концерт: хохмачи-студенты – в первом отделении, самодеятельность женсовета – во втором.

Приказ начальника – закон для подчиненного, но, приняв его к исполнению, не осознавал масштаба грядущей катастрофы; ее примерные размеры вырисовались после открытия занавеса. В первом ряду важно сидел генерал-полковник со свитой; зрители на сцену не смотрели – пожирали глазами высокого гостя.

Просевшим, потухшим голосом зачитал действующих лиц и исполнителей драмы «Разбойники». Никому не смешно. Произведение Шиллера, со второго захода, превращается в фарс. Наблюдаю, как генерал что-то шепчет на ухо адъютанту. Тот достает блокнот и записывает фамилии «исполнителей»-офицеров, которых фактически подставил, а не представил.

В программе была миниатюра, в которой мы прошлись по противнику технического прогресса капитану Кукушкину, обыграв его семейную коллизию. На канву ветхозаветного анекдота наложили общеизвестный факт, что регулярно получаемое, но не всегда используемое офицерами обмундирование их жены сплавляют «налево».

Были рассмотрены три варианта брачных отношений: по-американски, по-французски и по-русски.

Американец, спустя двадцать лет после начала супружеской жизни, просит жену сознаться, изменяла ли она ему. После долгих уговоров узнает, что изменила один раз, после чего появилась дома в новом форде.

Француз, через десять лет совместной жизни, выттал у жены факт внебрачной связи, после которой у нее появилась новая горжетка.

И, наконец, русский (по этому же поводу) через год супружества допросил жену. Та созналась в неверности, имевшей место тогда, когда – в месяц осенней демобилизации – из дома пропали новые юфтевые сапоги.

Ординарец все ускоренно записал – провал концерта был полным.

На следующий день забрел в библиотеку, где стал невольным свидетелем разбора полетов. «За что, – спрашивал офицеров части командующий ракетным полигоном, – она отдала ему юфтевые сапоги? За что?!» Товарищи по оружию безмолвствовали, а генерал с командирской прямоотой, крепким трехэтажным словом пояснил, за что именно.

Нет худа без добра. Главного инженера части постоянно волновала проблема эксплуатации вычислительного центра после завершения нашей двухгодичной службы, поэтому он, прямо или косвенно, намекал нам о желательности продлить ее срок до двадцати пяти лет.

После провала спектакля и данного ему гневного и решительного осуждения со стороны политотдела разговоры о дальнейшей службе прекратились.

Еще раз покрылась для меня ковром тюльпанов степь, еще раз подарило мне пляжный сезон изумрудно-чистое, насыщающее воздух йодом, богатое пресноводной рыбой Аральское море. Весной семьдесят второго года, демобилизовавшись, двинулся продолжать службу в Киевское производственное объединение «Электронмаш» – гордость советского компьютеростроения, в хозяйство его создателя, штатского «генерала» Незабитовского и штатского «полковника» Залесного.

Киев, пусконаладочное управление, участок номер шесть

Пролог (местами – нарочито вычурный)

На блистающих пейзажными красотами просторах Киева разбросаны островки непорученных временем строений, немых свидетелей некогда процветавших в их стенах техногенных цивилизаций – заводов, фабрик, научно-исследовательских институтов.

Сданы в утиль станки, забыты хитроумные технологические процессы, увяла отраслевая и фундаментальная наука, пресекались потоки людские у проходных.

Свершилось! Мертвые отпеты,
Живые прекратили плач,
Окровавленные ланцеты
Очистил утомленный врач¹¹⁴.

Высвободившаяся и нетленная недвижимость служит свежей породе джентльменов удачи, новым хозяевам жизни на их пиру валтасаровом: «Менетекел-фарес» – «подсчитано-взвешено-поделено».

Среди останков, руин (не физической – нравственно-социальной природы) былого научно-технического величия столярного града, своими монументальностью и протяженностью выделяются корпуса зданий за окружной дорогой, в старинном предместье Борщаговка.

Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль¹¹⁵.

Настенные надписи и пиктограммы, письменные источники, былины и предания позволяют идентифицировать выявленную культуру как корпоративное содружество инженеров многоумных и искусных городских ремесленников, занимавшихся выпуском вычислительных управляющих машин (в летописях – завод ВУМ).

Свидетельства еще здравствующих прямых участников и сотворителей достославных дел позволяют выстроить хронологическую цепочку событий.

...Полвека тому отступил ледник, разжались безжалостные клещи, подул вешние – свежие и теплые – ветры, настало время титанов.

Один из них, благомудрый академик Виктор Михайлович Глушков, страстными постулатами амнистированной науки «кибернетика» в стенах одноименного, им возглавляемого института провозвестил эру автоматизированных систем управления (АСУ).

Другой – муж седовласый и благомогущий Апполинарий Федорович Незабитовский (в былинах – «папа») – возглавил материализацию идей великого теоретика, обеспечил их, бестелесных, плотью электронно-вычислительной техники (в современном начертании – компьютеров).



Усердные дети своего времени, с присущими той поре продуманностью, обязательностью, организованностью взялись за дело, и вскорости появился завод преизрядно устроенный. В конце шестидесятых годов им были *urbi et orbi* («городу и миру») предъявлены первые овеществленные плоды тонкого интеллектуального замысла – вычислительные машины «Проминь», «Каштан», семейства «Мир», «Днепр».

Киев стал Меккой для взалкавших новой техники. На завод ВУМ двинулись колонны представителей космических отраслей, оборонных предприятий, академической науки, исследовательских институтов, медицинских учреждений, промышленности.

Как-то в начале семидесятых годов жарким июльским днем на завод заглянул премьер-министр Канады Пьер Эллиот Трюдо. Приняли его, как по обычаю мудрому надлежало, с великою честью и ласкою.

По заданию «папы» за ночь у парадного входа образовался милый канадскому глазу украинский пейзаж – бассейн (считай – «ставочек») и обязательная верба.

Высокого гостя встречали испотевавшие в протокольных пиджаках руководство, передовики предприятия. Премьер появился в светлых брюках, пестрой тенниске, элегантном кашне. Немного припоздал, поэтому в церемониале встречи оставили только обязательную «хлеб-соль».

Пьер Эллиот, знавший программу посещения, запротестовал на коренном языке своих сограждан: «А де пісня?»

Из резерва выдвинулись «дивчата» в «сорочках-вышиванках» и коронным надрывом погрузили заокеанского гостя в состояние неумного восторга: «Ой, у полі криниченька. Там холодна водиченька...».

Год за годом разрасталось поселение на окраине украинской столицы, изобиловало новой, все более современной продукцией, процветало и множились людьми.

«Папа» твердо держал штурвал громадного корабля, уверенно вел его среди волн житейских проблем, неизбежных зависти и соперничества. Работников, любезных чад своих, отмечал приличной, результатам труда сообразной зарплатой, обеспечивал жильем, дешевым и вкусным заводским питанием, отпуском в санаториях и домах отдыха.

Лодырей, болтунов бесполезных и пустозвонных тяжело ненавидел, изгонял. И радовались все причастные к успехам знаменитого завода. Казалось, что нет предела совершенству, что развитие будет постоянным, укрепляющим стабильность положения колосса.

Человек предполагает, а Господь располагает. За радостью пришло утешение и разорение, за взлетом – падение. Небесный свод разломился, земные веси оборвались: «*Лжемудрость безумия все уничтожает, не созидая ничего*»¹¹⁶. Цивилизация, просуществовавшая четверть века, исчезла в мутных водах потопа перестройки.



Посмотри, как быстро в жизни
Все забвеньє поглотает!
Блекнут славные преданья,
Блекнут подвиги героев¹²⁵.

...В союзе племен, составлявшем исчезнувшую цивилизацию, был передовой отряд, особое племя наладчиков и специалистов по разработкам систем управления. Оно имело невидную стоянку на третьем этаже принадлежавшего заводу-гиганту технического училища и носило длинное, по-канцелярски суховатое наименование: «Киевское специализированное пусконаладочное управление электронных вычислительных машин» (КСПНУ ЭВМ, или просто – «управление»).

Делами племени заправлял смелый и неукротимый вождь, широкоплечий и высокий атлет (внешне похожий на боксера Владимира Кличко) с энергично-размашистой походкой лидера – Виктор Олегович Залесный.

В начальный период эпохи автоматизации, когда качество обеспечивавших ее компьютеров было невысоким, требовались немалые усилия и сроки по доводке «до ума» капризной и объемной электроники на месте ее эксплуатации.



Поэтому вслед уходящим с завода немалых габаритов вычислительным машинам племенные старейшины отправляли обязательный «загон» лихих специалистов по наладке. Они на месте собирали технику, тестировали ее, находили дефекты скорой заводской сборки, устраняли слабые места. По укрощению непокорного изделия выкуривали с его владельцем «трубку мира», опорожняли меха с огненной – предназначавшейся для протирки контактов – водой, возвращались в главный вигвам с

актом безоговорочной капитуляции бывшего оппонента (так называемой «процентовой»), с указанием размера контрибуции.

Все дороги ведут в Рим. Счастливые обладатели отлаженных и заумных машин, как правило, вновь устремлялись в Киев обивать пороги управления, где, посыпая голову пеплом, громко зывали о помощи и о дальнейшем содействии. Они знали, что под ружьем у конунга Залесного находится полк гвардейцев, способных вдохнуть в бесстрастную электронику «машинный интеллект», математически и логически строго расписать предполагаемую к решению проблему (составить алгоритм), разработать на его основе программное обеспечение.

Они ведали, что славные бойцы интеллектуального фронта своими регулярными победами обратили заурядное пусконаладочное управление в элитную организацию научно-конструкторского толка, в которой за высокого полета разработкой следуют ее скорая компьютерная реализация и внедрение.

Полны чудес сказанья давно минувших дней
Про громкие деянья былых богатырей...¹¹⁸

Благоподатный случай ввел меня, двадцатипятилетнего отставного воина, в эту чудную боевую единицу с незвучным постороннему слуху, но ласкающим слух причастным к делам давних дней наименованием – «участок номер шесть»; дал радость человеческого общения в прекрасном коллективе единомышленников, с людьми, близкими по духу, по мировосприятию.

Мне вспомнились лица товарищей милых;
Куда вы девались, друзья?
Иные далеко, а те уж в могилах.
Рассеялась наша семья!

(А. Плещеев)

Хорошее начало полдела откачало

К исходу зимы семьдесят второго года, после двух календарных лет беспорочной службы, приказом министра обороны был отправлен в запас в звании старшего лейтенанта. Получив солидное выходное пособие, свободу и независимость от строго нормированной армейской жизни, а также проблему места проживания и работы, отправился в мать городов русских – Киев.

Образовавшийся к этому времени взаимно уважительный контакт со специалистами производственного объединения «Электронмаш», чью пионерскую вычислительную систему дорабатывал и обслуживал на ракетном полигоне в казахстанской степи, возбуждал оптимизм на укоренение в украинской столице.

Древний город словно вымер,
Странен мой приезд.
Над рекой своей Владимир
Поднял черный крест¹²⁰.

Прохладным апрельским утром с мешком морепродуктов в руке, уверенный в собственной профессиональной неотразимости, подтверждаемой желтым ромбиком выпускника ЛЭТИ на лоснящемся лацкане пиджака, смело перешагнул порог заводского отдела внедрения. Хозяева брали меня «за руки белые, садили за столы дубовые», вываливали на них отливавших золотом копченых лещей и жерехов. Скоро доставленное пиво облагородило дегустацию даров Аральского моря, превратило ее в идущий от сердца процесс, активизировало стремление принимающей стороны решить проблему трудоустройства гостя, не имевшего в городе ни кола ни двора.

К концу братской трапезы, когда Владимир Ильич Айзенберг («наш Ильич») приступил к отбору из рыбных останков пригодных для еще одних пивных посиделок частиц, когда было обсуждено и отвергнуто немало вариантов разрешения бытовой коллизии, прозвучала реплика Славы Наумова попросить меня на Залесном. Его письмо с просьбой разработать и изготовить электронный блок сопряжения двух вычислительных агрегатов давно раздражало руководителя отдела; неожиданное предложение коллеги давало возможность одним махом разрешить два вопроса – и невинность соблудности, и капитал приобрести.

Подхватив под микитки, поволокли меня заводчане в располагавшийся по соседству кабинет начальника управления, где представили как «гиганта мысли», способного (при условии приема – без оглядки на отсутствие прописки – на работу) реализовать залежавшийся проект. Залесный, славившийся умением молниеносно оценивать ситуацию и принимать единственно верное решение, затянулся огнестрельной кубинской сигаретой, «пробрил» меня острым карим взглядом и зачислил в штат.

Быстрый прием на работу самопровозглашенного кибернетического «мессии» уязвил главного инженера Альберта Самсоновича Оганесяна, прямой обязанностью которого было предварительное тестирование выбивавшихся из общего ряда специалистов. Вызвав меня для постановки боевой задачи, он, выправляя перекосяк в субординации, поинтересовался, как бы между прочим,

знанием книги «Всё об АСУ». (Последнюю согласную букву в названии произнес чуть протяжно – получился неплохой уринарный каламбурчик.)

Не учите рыбу плавать. В заметно гиперболлизированном ответе улыбчивому (и, забегая вперед, доброму и отзывчивому) начальнику указал на фундаментальность знаний, даваемых своим питомцам Ленинградским электротехническим институтом; скромно перечислил личные технические достижения за два года работы в армейском вычислительном центре.

Простим горячке юных лет
И юный жар, и юный бред⁷².

То был безумный день, или Женитьба Фигаро. В глазах зарябило, когда в кабинет вошла пышной красоты женщина многообещающего бальзаковского возраста. Почудилось мне, что библейская Магдалина, поправив прическу, сошла с полотна Тициана – та же верных пропорций, упругая, далекая от рыхлости, фигура, гордой посадки голова, подернутые влагой глаза; смущающие рассудок, сочные, яркие – помадой выделенные – губы и, как показало последующее общение, трезвый аналитический ум. Перфектная представительница самого монолитного этноса Раиса Самойловна Сахно, на то время исполнявшая обязанности начальника участка программистов, пришла взять в работы очередного новобранца, принять участие в обсуждении сути предстоящего конструкторского проекта.

Умягченный страшной силы женской красотой, Оганесян развернул на столе огромную блок-схему автоматизации учета конвейерного изготовления тракторов. Скорбно отметил, что теория не выдержала столкновения с очистительной практикой – стандартная электрическая печатная машинка, сопряженная с вычислительным комплексом, не успевает распечатывать плотный поток информации, сводит на нет результаты труда программистов. От меня требовалось заменить устаревшее оборудование на устройство скоростной печати, разработав для этого блок его стыковки с вычислительным комплексом «Днепр-1».

Через месяц с сумкой на шее и качественно пропаянным изделием в руке жар-птицей стелился над платформой в стремительном бреющем полете за двинувшимся в сторону Харьковского тракторного завода поездом. На излете зацепился за поручень последнего вагона, добрался до своего купе, свалился к ногам восходящей звезды отечественного программирования Александра Николаевича Побегая, дотлевавшего на костерке возмущения беспечностью новоявленного коллеги.

Неловкий старт побудил к высокой самодисциплине на последующей дистанции пробега, вызвав сильное старание к делу. Слишком высоки были ставки в затеянной игре – или грудь в крестах, или голова в кустах.

То лето харьковской одиссеи было необычайно сухим и жарким. В его канун на подлете к аэропорту разбился самолет АН-10. Погиб певец-имитатор Чистяков, журналист «Известий» Сазанова, ленинградские пионеры. В вычислительном центре тракторного завода ломались кондиционеры, отказывала электроника, выпал из строя приданный мне в подмогу Валентин Павлович Запольский. Старший товарищ запил мертвую, *«впал в неистовство, многие противности учинил»*²¹.

Технология пусконаладочных работ требовала обязательной протирки контактов спиртом-ректификатом, который бойкие наладчики – по правилу двойного налогообложения – умудрялись получать как в управлении, так и на месте проведения работ.

Валентин пошел еще дальше – драгоценную влагу не разбазаривал, палладиевые контакты чистил ластиком.

Первая попытка отправить нарезавшегося специалиста для оргвыводов домой ничего не дала – врученный ему билет он продал, на полученные средства продолжил вливание.

«Нас на конвульсии не возьмешь, товарищ!»¹⁷¹ – во второй попытке провожающие посадили тепленького пассажира в вагон, дождались отправления поезда. В нем Валентин отоспался, утром опамятовался уже далеко за Киевом – в Виннице, где и опохмелился.

Могу сказать: его я лично знал, –
Он образ жизни вел довольно шалый,
Но я его за то не осуждал...³²

В муках творчества, с регулярными вспышками истерической безнадежности, все лето парился над строптивым устройством, недоношенным плодом поспешного воображения: паял, переделывал, отлаживал, передумывал. С сентябрьской свежестью пришел чаемый успех. Программисты, получив быструю печать, утроили темп продвижения к финишу.

Появившееся свободное время с однодумцем Побегаем проводили в набегах на книготорговцев города, в прочесывании книжных базаров, в контактах с местными библиофилами. Брали немалую добычу, временами расходуя на нее последние командировочные средства.

Оставаясь на бобах, выходными днями сидели голодом в гостинице, прилежно вычитывая купленную литературу. В один из таких дней, когда у меня и у друга до предела свело животы, а в головах зазвенели бубенчики, заметили на балконе соседнего номера банку консервированных томатов, забытую выписавшимися постояльцами. Проход по карнизу, который совершил и который был невозможен в нормальном психическом состоянии, спас нас с Александром от надвигающейся дистрофии.

Когда застучала весенняя капля семьдесят третьего года, отлаженную систему запустили на контрольную проверку. Первые результаты показали невероятное количество тракторов, сходящих с конвейера. Казалось, электроника взбесилась, выдает желаемое за действительное.

Учинили совет в Филях. Работа автоматизированной системы была устроена так, что сведения о ходе сборки вводились в вычислительную машину через установленные на конвейере пульта, разработанные специалистами Харьковского научно-исследовательского института «Тяжпромавтоматика». Далее программы моих коллег обрабатывали полученную информацию, выдавали на печать контрольные распечатки.

Наталья Бездетная, руководитель нашей команды, отстаивала безупречность программного продукта. Иосиф Вайнблат, представитель института, расхваливал сверхнадежность пультов, выполненных – с учетом пролетарской психологии «обслуги» – из особо прочных материалов.

Призвали в качестве эксперта Александра Николаевича Побегая, чей добродетельный нрав позволял быть третейским судьей в неоднозначно трактуемой ситуации. Выпускник мехмата Киевского университета – широкий и выпуклый лоб, ум ясный и проницательный, быстро постигающий не всякому доступное, – долго и тщательно изучал контрольные распечатки, после чего «размазал» оппонентов по столу.

Вскрытие показало, что институтский механик Семен Кац, активно готовившийся к отъезду на землю обетованную, смонтировал клавиатуру в соответствии с грамматическими нормами иврита – числовые данные следовало вводить с учетом их прочитывания справа налево.

После перепаек все стало на свои места – система заработала исправно, оперативно, радуя своей правдивостью киевских и харьковских создателей. Но недолго дергалась старушка в матросских опытных руках. Несколько месяцев спустя мрачная реальность жизни сокрушила прочностную концепцию Вайнблата: составные элементы предварительно разобранных пультов, в том числе остродефицитные кабели, провода, оказались далеко за пределами завода, в приватном пользовании.

Товарищ! На работе ты хозяин, а не гость,
Идешь домой – возьми хотя бы гвоздь.

В Киев вернулся со щитом. Пару недель прогревал утомленное тело бойца в плотных лучах заслуженной славы – до перегрева, до солнечного удара, – пока прибывший из дальней и долгой командировки шеф, Виталий Дмитриевич Лаппа, не объявил о своем уходе. По этой причине он предложил руководству управления влить вино молодое в меха старые, назначив успешно выдержавшего конкурс выпускника ЛЭТИ на ставшую вакантной должность начальника участка.

Гавриил Дмитриевич Вертегел – руководитель службы кадров, твердокаменный отставной полковник – подготовил по этому поводу высочайший ордонанс, который и был подписан начальником управления в конце апреля семьдесят третьего года.

Когда былые дни я вижу сквозь туман,
Мне кажется всегда – то не мое былое,
А лишь прочитанный восторженный роман¹²¹.

Рачитель и Поэт

Достойная заработная плата была важной, но не решающей составляющей магнетической силы, скреплявшей корпорацию программистов с прозаическим именованием «шестой участок». Только начавший формироваться коллектив цементировали прежде всего возможность социальной и профессиональной самореализации его активистов, способствовавший тому психологический климат.

Территория участка была средой обитания, где высокая образованность и эрудиция его обитателей, занятость интереснейшим делом создали атмосферу общей открытости, доброжелательности, взаимной притягательности. Оценка

уровня сотрудника определялась не только математическими способностями, знанием языков программирования, но и языковой культурой, начитанностью, широтой знаний и кругом интересов.

Высокие качества большинства членов зарождавшейся общины не были комплексным проявлением беззаботного прекраснотворения и отвлеченного идеализма – они строились на плотной материальной основе. С увеличением числа выпускаемых заводом ВУМ вычислительных машин росло число заказов на разработку прикладного программного обеспечения, росли авторитет и значимость коллектива его создателей.

Давно это было, но память хранит моментальный слепок начального периода моего трудового пути – навсегда молодые лица коллег, их яркие лица, бойкую мимику, воспроизводит звуковой ряд тех сладких лет – гудящий, бурлящий человеческий муравейник в аудиторном зале на третьем этаже, в небольшом здании за окружной дорогой.

Первые три недели каждого месяца в управлении царил покой налаженного быта, после чего патриархальную тишь организации взрывала ураганная энергетика возвращавшихся с отхожих промыслов электронщиков. Появление на перронах железнодорожного вокзала их суетливых представителей было верным признаком приближения неодолимой стихии. С прибывавших московских поездов бегуны «снимали» (за рубль проводнику) использованные билеты, в виде приработка подшивали их к командировочному отчету.

Последняя неделя месяца, именовавшаяся «пересменкой», ломала настроенный на созидание уклад шестого участка. В это неспокойное время коридор фирмы походил на пульсирующую вулканическую лаву – сдавались акты выполненных работ, отчеты по командировкам, выписывались новые командировочные задания. Проводились всевозможные (таковы были терминология и правила игры эпохи!) мероприятия – собрания (партийное, профсоюзное, комсомольское), учеба (техническая, политическая, экономическая), сдавались экзамены и прочая, и прочая, и прочая.

Наиболее значительным признавалось ежеквартальное подведение итогов социалистического соревнования, победителю которого полагался денежный приз. Заветная сумма доставалась тем участникам состязания, которые проявляли прежде всего подобающее уважение к отчетным документам, содержали их в идеальном состоянии.

Над победными реляциями «хитрожо... математиков» (так именовали нас завистливые и неудачливые конкуренты), больше походившими на поэтизированные эссе, не раз до слез умилялись члены конкурсной комиссии.

Следующим, хотя и не таким частым источником пополнения казенных средств было премиальное поощрение победителей ежегодной спартакиады управления, очередной тур которой проходил во время массового сбора ее участников.

Благодаря усердию на все гораздого Сергея Михайловича Соколова, наладившего насыщенный тренировочный процесс, в спорте мы также первен-



ствовали. В обеденный перерыв часть сборной команды отрабатывала дебютные идеи под наблюдением шахматного виртуоза Побегая, остальных «коней» тренер выгонял в спортивный зал.



У Соколова, прославленного мастера сборки (марки, монеты, книги, открытки, прочие разности), всегда были в запасе пара-другая потоптанных кед, застиранных маек для забывчивых спортсменов, накапливались обмылки для обязательного душа после тренировок. Кстати, личную одежду глубокий педант донашивал до полного ее истощения, до разложения на атомарные ингредиенты. Особо запомнился выход шумливого душки Соколова на коммунистический субботник во френче и особого покроя галифе, видевшими, кажется, и сопки Маньчжурии, и позор русского оружия под Мукденом.

Высокий, худосочный, костистый и очень рачительный аскет контролировал потоки карманных денежных средств сотрудников, вел «черную» кассу взаимопомощи, закупал на всю наличность облигации трехпроцентного займа. «И был глубокий эконом»⁷², впадал в истерику; в крике доходил до фистулы (легкие – до таза!), видя бездумные, с его точки зрения, траты из «общака».

*Тонок и бледен, в лорнетку глядел,
Мало волос на макушке имел⁶.*

Все добываемые на общественном поприще деньги шли на коллективные выходы в рестораны (каждый раз – в другой!) по изначально составленному списку. За все время сделали полный круг прохода по городским ресторациям и даже вышли на второй заход.

В пересменки нередко тешили подуставших в трудах специалистов концертными балаганами, скоморошьими забавами. Выстроенный в любимом стиле капустника дебютный спектакль по случаю годовщины участка номер шесть собрал полный зал.

На сцене за столом сидела сводная делегация породненных иностранных фирм. Сережа Куркин, сосредоточенный, в темных очках, зачитал поздравление от пролетариев парижских пригородов: «Мосье, мадам! Шерше ля фам. Нотр Дам де Пари – я ”вжэ фини”».

За ним последовал пламенный профсоюзный привет представителя британских тред-юнионов из уст Аллы Кучеровой: «Ай лав ю, хау ду ю ду, бай-бай».

Многофункциональный Сергей Михайлович вышел на сцену в артистической блузе, почесал репу (Жванецкий отдыхает!), зычным голосом зачитал любимое и «самопальное»:

*Я увидел вас под кленом,
Вы увидели меня.
Стало все вокруг зеленым,
Даже лысина моя.*

Эврипидовским трагизмом даровитый лицедей выжал слезы жалости у благодарных зрителей, сорвал их длительные аплодисменты с криками «браво!». Вдохновленный высокой оценкой, поделился очень интимным:

*Облетели листья, в парке стало пусто,
До весны увяло половое чувство.*

С завершением всеобщего съезда уходил девятый вал кочующих наладчиков, жизнь программистов входила в привычное русло. В спорах делились местные командировки, составлялись графики использования машинного времени. Принимались потенциальные заказчики на разработки, велись недетские переговоры, протоколировались деловые совещания. Жизнь была крепкой струей.

Регулярно приезжал институтский друг – ленинградский кунак, сердцу моему любезный Валерий Николаевич Чихман. Студенческое приятиельствование – с тем же качеством отношений – естественным образом перешло в долгие, до солидных возрастных отметин деловые связи.

Валерий, выполнив обязательную выездную программу в заводском отделе внедрения, основательно устраивался на шестом участке. Выбрав время, с внешним безразличием заходил в приемную, где располагалась тревожившая его сердце Алена Вихляева. *«Любострастие в юности воздержанием умертвил»* – глядел, вздыхал и, ободрясь увиденным, уходил.

...сияя

Возвышенным спокойствием, она
Была чудесной прелестью полна³².

В это благостное время с подачи пропитанного даром рифмования Бориса Михайловича Ольшанецкого родилась и прижилась идея вечеров поэзии. Проводились они в сумерках, при свечах, на достойно оформленном столе. Каждый участник лирического коллоквиума читал домашнюю заготовку – любимое стихотворение. Завершал сходку презентацией своих произведений лично акын Ольшанецкий.

Вечера поэзии стали обязательной частью торжества поздравления женщин в день праздника Восьмого марта. В его канун неутомимый затейник выписывал командировку в Сухуми (благо, была такая возможность), возвращался с парой чемоданов мимоз, которые рассыпал небрежно на столах сотрудниц. Жизнь на Парнасе в состоянии полной боевой готовности к стихосложению (*«Служенье муз не терпит суеты»!*¹²²) требовала свежести ощущений, обязательной новизны интимных переживаний:

...был он смел

По части страсти и альковных дел³².

Естественная для творческой природы переменчивость настроения едва не сослужила участку плохую службу в чрезвычайно актуальном деле расширения производственных площадей.

Эту проблему решали прямым контактом с отделом нежилого фонда киевского горисполкома, где установили взятый «под договор» с «богатеньким» заказчиком вычислительный комплекс. В дневное время наши специалисты бесплатно обслуживали именитое учреждение, по вечерам ладили свои программы.

В один из таких вечеров вел отладку Боря. Романтик, пребывая в состоянии стихосложения для очередной Психеи, в некоторый момент почувствовав предательскую тягостность пониже желудка, отправился по нужде.

В туалете засиделся, размечтался – плотным ябмом пошла рифма. Со всем нехстати процесс версификации прервала уборщица, яростно заелозившая шваброй по кафелю. Возмущенный автор попросил даму покинуть мужское отхожее место до завершения процессов – творческого и дефекации.

Кощеевна отреагировала нулем внимания и фунтом презрения, что-то ляпнув, между прочим, про интеллигентов, вообще и в частности. «*Остана понесло*» – гордый творец прочитал долгий и гневный монолог о прекрасном в женщине, о достоинстве и деликатности, привел немало поэтических примеров.

Получи, фашист, гранату! Несколько дней спустя в управление пришла жалоба городских властей на недостойное поведение инженера Ольшанецкого. В соответствии с нормами служебной отписки нарушителя порядка, как изложили в ответе, наказали лишением премии. Правда, условно – был хорошим он парнем!

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино – печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильнее¹²³.

Ларина как символ эпохи

Замечательной особенностью пусконаладочного управления был даваемый им своим сотрудникам высокий статус пролетариев.

Такое роскошество стало возможным благодаря мудрой предусмотрительности отцов-основателей – при создании фирмы они использовали типовую штатно-финансовую структуру строительной организации, с приличными окладами и системой премирования.

Подтяжка к строительному делу выразилась в специфических наименованиях производственных подразделений («участок», «бригада»), в благорасположении власть предержащих к авангарду рабочего класса при представлении к правительственным наградам, в продвижениях в выборные органы. Кроме того, не было анкетных ограничений в пополнении рядов рабочего люда сметливыми представителями «нетитульной» национальности.

Если наладчиков электронных блоков можно было с некоторой натяжкой сопоставить с монтажниками блоков бетонных, то мыслителей и писателей программ можно было соотнести разве что с «вольными каменщиками»-франкмасонами.

Странное племя, мудреное племя
В нашем отечестве создало время⁶.

В начале семидесятых годов программирование было делом пионерским, профессиональные особенности почти экзотической специальности только устанавливались. Со временем оно, как субкультура, выработало свою этику, обрело свой лексикон, его служители получили строгую систематизацию (системный, прикладной программист, специалист по базам данным), но в первоначальном очертании они делились на «умных» и «усидчивых».

Первые ведали хитроумными процессами составления упорядоченной последовательности действий для компьютеров. Вторые получали от толкователей и сочинителей детализированные задания, переводили их в тексты, коды программ.

Была в высшей категории особая прослойка богодарованных специалистов, создававших изысканные программные модули, из набора которых – как из кирпичей! – монтировались программные композиции под заказ.

Талантливым мастером такой кладки был Геннадий Михайлович Романяк – самородок, великого трудолюбия личность. Поступив на работу, на первый взгляд, невидным специалистом, Гена через пару лет стал звездой первой величины в неформальной ассоциации системных программистов Советского Союза.

Ведущие организации страны, связанные с разработками вычислительных комплексов, привлекали мэтра Романяка в качестве основного консультанта, использовали его разработки. Авторитет нашего неспешного, вдумчивого, очень выдержанного коллеги долгое время был фирменной меткой участка номер шесть.

Весной семьдесят третьего года, получив сан начальника участка программистов, произнес перед сотрудниками вдохновенное апостольское слово. Оповестил о переводе программирования на строительную основу, о зияющих, подлежащих покорению вершинах. Одним словом, мели, Емеля, твоя неделя.

По завершении тронной речи пронизательная Алла Михайловна Ларина поинтересовалась, не возникнут ли на ухабистом пути научно-технического прогресса сбои в выделении достаточного количества местных командировок женской части коллектива.

В вопросе был резон. В рассматриваемый исторический период ватага программистов занимала одну, очень большую – на полсотни столов – комнату, атмосфера которой была постоянно насыщена плотным смогом нерабочих разговоров. Созидать, выполнять план и сопутствующие социалистические обязательства в подобном присутственном месте могли только люди стальной воли.

Было мало искусников, умевших отвлечься от шумной действительности, уйти в себя, нырнуть в творческую нирвану. Неспешный, почти интимный процесс зачатия и выхода в жизнь программного продукта требовал от его творца особой собранности, игры ума и воображения при отсутствии внешних раздражителей.

Тишины хочу, тишины...
Нервы, что ли, обожжены?¹²⁴

У Аллы Лариной, относившейся к сливкам специалистов, творческий процесс шел только в домашней обстановке, под истомную музыку и килограмм конфет «Белочка» на одно математическое изделие.

Такой стиль производственной деятельности активно поощрялся: умелица, отмеченная красным дипломом мехмата Киевского университета, имевшая за плечами незавершенную – по причинам личного свойства – аспирантуру академического института механики (прерогатива единиц!), с завидной досрочностью выкатывала «на гора» интеллектуальную продукцию.

Вместе с тем выходы сладкоежки «в народ» превращали деловое общение в «толковище», в театр одной актрисы, в котором Аллусик восхищала слушателей своей замечательной начитанностью и прекрасным литературным слогом – со смысловым объемом, выразительностью и точностью подачи материала.

Ее очень информативные, связные и яркие экспромты по сути своей представляли маленькие отточенные новеллы, которые, увы, из-за небрежного отношения автора к своему дару растворились в эфире. Правда, были попытки почитателей записывать произведения чтицы, но в суеде дел начатый конспект где-то затерялся.

Однажды поведала «девочкам», как, отдыхая на кавказском побережье Черного моря, купила у местных негодяев купальник-бикини. Окунувшись в нем на мелководье в морскую лазурь, она встала во весь рост и обнаружила, что черная краска расплылась по ее телу. (В халтурный лифчик в качестве уплотнителя производители натолкали куски газеты.) В устах рассказчицы южное происшествие получило свою образную оценку: «А оттуда – романы, романы...».

В другой выход на работу тема бюстгальтера повторилась в жалобах прима на собственную рассеянность. Во время примерки на толкучке в Беличах модных тогда сапог на «платформе» плут торговец выхватил из ее рук ридикюль и дал деру. Расстроенная потерей больших, превышавших стоимость невольной обновки, денег вернулась Алла домой. И только перед сном обнаружила пропажу в кошельке, который перед выходом на базар затолкала в самое надежное, многими женщинами используемое место хранения.

Когда подошла пора информатизации школьного образования, Алла Михайловна оказалась в авангарде благородного общественно-педагогического движения: чистыми руками и светлым душевным порывом разработала первый в Киеве учебный комплекс программ «Алгебра-6».

В ее же руки попала большая группа отцов города, которых высшим партийным решением обязали освоить компьютерную грамотность. На них наша дока обучающе-контролирующих программ опробовала систему проверки деловых качеств руководителя – способность находить оптимальные управленческие решения в реализации крупных городских проектов.

В результате компьютерного тестирования городские и районные лидеры получили заключение – «банкрот». Уходили гости, смущенно и чуть заискивающе прощаясь с Аллой Михайловной, всем своим видом проявляя невысказанную просьбу: «Пусть это останется между нами».

«О подвигах, о доблести, о славе...»

Кочевая командировочная жизнь сотрудников пусконаладочного управления с регулярной сменой среды обитания и общения, обилием новых и новых знакомств дала немало сюжетов, которые суммарно могли бы стать канвой не одного романа.

Наиболее бойкие из них – с изюминкой! – надолго оседали в архивах сказителей и слушателей, «бронзовели», превращаясь в каноническую основу изустной истории фирмы:

И живут с тех пор в народе
Песни, сказки и преданья¹²⁵.

Довелось и мне услышать немало смуток да баламуток, лукавая память обещала сохранить их, но на дороге жизни многое растеряла, хотя кое-что все же удержала.

Лошадь-алкоголик

Верховным носителем преданий и строгим исполнителем обычаев был Виктор Иванович Цвик, получивший по этому поводу народное звание «профессор». Был он милосерден, добр и обаятелен. Своей прятанной за роскошными усами гипнотической улыбкой смутил не одно женское сердце.

Впрочем, тревожил не только сердца, но и физиологию – в гармоническом ряду достоинств Виктора Ивановича наиболее значительной признавалась фаллическая составляющая, за что ее хозяин имел второе, ласкательное именование – «сперматозавр».

Мастер басенного жанра, певец сладкозвучный, Боян нашего времени сказы свои предварял длинной преамбулой, завершавшейся коронной фразой-прокладкой: «И представьте себе...», после которой, как взрыв, следовал яркий, аллегорический финал.

Боян же вещей,
если хотел кому песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу...¹²⁶

Впервые со сценическими приемами маэстро познакомился, слушая рассказ о его пребывании на металлургическом комбинате, где, профессионально знакомясь с состоянием производства, он оказался в зоне притяжения подъемного крана с электромагнитом. «И представьте себе, – патетически финишировал рассказчик, – кран вытащил (прорвав штанину!) из брючного кармана перочинный ножик, а из ботинок – гвозди».

В рассматриваемый исторический период в Москве существовал центр отдыха и досуга специалистов управления: пивной бар у Киевского вокзала (в народе – «Сайгон»), где электронщики и программисты коротали время в ожидании посадки на поезд, общались, освежались. В нем всегда можно было найти коллегу-нарочного для передачи в Киев документов или требующих скорого ремонта электронных модулей, получить обратную посылку.

В этом шалмане осенью семьдесят третьего года с «профессором» и двумя наладчиками-подельниками отмечали удачный приезд из Аральска – места моих недавних офицерских бдений, – где «подправили» было захандривший, до боли мне знакомый вычислительный комплекс.

Заведение только пережило оздоровляющую борьбу с рукотворным недоливом и уменьшением плотности базового напитка – на каждом столе была смонтирована дистанционно управляемая система выдачи пива клиенту. Официант получал за заказ деньги и передавал их диспетчеру, который – манипулируя переключателями – отливал строгую пол-литровую дозу в удаленный бокал.

Потеря быстрого дохода от хмельного бизнеса угнетала «половых». Раздраженные и злые, они бродили по залу. Один из них, пьяненький и худосочный, с зачесанной за растопыренные уши парой локонов, долго канючил у Виктора Ивановича стаканчик пива. «Профессор», уже давно почитавшийся персоналом заведения за неформального метрдотеля, поставил попрошайку на место: «Лысый! Пойди пописаи!»

Затем, что называется «в масть», дал сольный номер. Он поведал, как знойным июльским днем томился с подчиненными ему наладчиками в очереди за пивом в дальнем городе Новосибирске. Рядом, отгоняя хвостом надоедливых мух, потела лошадь, доставившая к ларьку сменную бочку драгоценной влаги.

Повинуясь безотчетному чувству жалости, Виктор Иванович – натура широкая и щедрая – протянул измученному животному свою первую кружку. Савраска, словно мощная помпа, в момент засосал ее содержимое. Скорость поглощения поразила специалистов по электронике, и они продолжили почин шефа.

Конь о четырех ногах спотыкается. После пятой кружки осовевший мерин уткнулся мордой в асфальт, распластав на нем разъехавшиеся ноги. Очередь в восторге зарыдала, забился в истерике возница.

Вечером, по дороге в аэропорт, таксист с восхищением в деталях рассказал пассажирам, как на Красном проспекте киевляне опоили лошадь. Узнав, что герои дела – его попутчики, от платы за проезд категорически отказался.

– И представьте себе, – элегантно закруглил «профессор», – через год вновь побывал в Новосибирске и узнал, что ставшая знаменитой лошадь, не приняв с утра кружку пива, за работу не бралась.

В пивном баре пролетел тихий ангел, за столом воцарилась тишина. Слушатели, чье хмельное сознание давно потеряло возможность критических оценок, загрузили о судьбе доброго животного. Добыть остродефицитное пиво в те времена можно было, да и то не всегда, только после долгого и утомительного стояния в очереди.



«...умеренность, отвага, справедливость, терпимость, благочестье, доброта, учтивость, мягкосердье, благородство...» Этот великого обаяния человек с благоприветливыми чертами лица, волевым, умным взглядом – **Апполинарий Федорович Незабитовский** (1918–1991 гг.), знаменитый организатор производства, фактический создатель производственного объединения «Электронмаш» и его многолетний руководитель.

Объединение было ведущим в СССР по выпуску вычислительной техники. Оно дало работу, благоустроенное жилье тысячам киевлян; дало им достойную зарплату, вкуснейшее заводское питание, прекрасный отдых на заводских базах отдыха, бесплатное лечение в заводской поликлинике.

Апполинарий Федорович был глубоко уважаем сотрудниками за простоту в общении, за доброту, за неиссякаемое трудолюбие, за справедливость (его любовно-ласково называли «папой»).

«След великих призывает нас к великому идти...»



На снимке 1981 года – **Виктор Олегович Залесный**, главный инженер Всесоюзного объединения «ЭВМсервис» (*он – справа*) активно наставляет коллегу из Орла. *«К предметам мудрости высокой все мысли их устремлены».*

Яркая, сильная, целеустремленная личность эпохи шестидесятых – семидесятых годов, когда тон жизни задавали люди «длинной воли». Глубокий профессионал, прекрасный организатор, видевший перспективу своего ответственного дела, умевший дать ему неостановимо-толковое движение. Создатель (в 1971 г.) Киевского специализированного пусконаладочного управления ЭВМ, его многолетний начальник и мой первый шеф, доньше мной глубоко уважаемый.



1982 год. ПО «Электронмаш», совещание проводит генеральный директор объединения Апполинарий Федорович Незабитовский (*он – слева*). Далее – генеральный директор ВПО «ЭВМсервис» Алексей Алексеевич Сладков – высоких принципов человек, прекрасный системный организатор, честный и несгибаемый, настоящий мужчина; далее – Николай Антонович Сторчак, в ту пору начальник пусконаладочного управления ЭВМ, скрупулезный в работе и добрый в общении.

*И многих тех, кто в эти ночи
Пытали думой мир иной,
Давным-давно закрылись очи,
Давным-давно их нет со мной.*



Снимок 1978 года. Спутники моей инженерной молодости, мои коллеги-программисты. В те благоуспешные годы они, сотрудники знаменитого участка № 6 Киевского СПНУ ЭВМ, сопровождали вычислительную технику ПО «Электронмаш» по всему Советскому Союзу, разрабатывали для ее пользователей, фактически на монопольных началах, прикладное программное обеспечение. И тому была великая перспектива – пока мутные воды потопа перестройки не уничтожили два мощнейших, самодостаточных предприятия.

Память

Слова Р. Рождественского

Музыка Г. Мовсеяна

Память, память, за собою позови
В те далекие промчавшиеся дни.
Ты друзей моих ушедших оживи,
А друзьям живущим молодость верни.

Припев:

Память, память, ты же можешь, ты должна
На мгновение эти стрелки повернуть.
Я хочу не просто вспомнить имена,
Я хочу своим друзьям в глаза взглянуть.
Память!

Посмотреть в глаза и глаз не отвести,
Уставать, шагать и снова уставать.
Дай мне волю до конца тебя вести,
Дай мне силы никого не забывать.

Припев:

Память, память, ты же можешь, ты должна
На мгновение эти стрелки повернуть.
Я хочу не просто вспомнить имена,
Я хочу своим друзьям в глаза взглянуть.
Память! Память! Память!



Снимок 1973 года, Одесский порт, у причала – корабль «Юрий Гагарин», радиоантенны которого обслуживали программы моих друзей-коллег, Сережи Куркина и Саши Побегая.



Снимок 1984 года. Они были первыми – Толя Нечипорук, Женя Серединин, Слава Наумов



Июнь 1972 года, горный Крым. Программисты КСПНУ ЭВМ на марше. Вторая в строю – организатор похода, Алла Кучерова.



Начало восьмидесятых годов – партийное собрание.



Весна 1976 года. Вместе с Толей Хоменко (*он – с лопатой наперевес*) я был в числе первостроителей базы отдыха «Родники», возведенной энтузиазмом и трудом сотрудников КСПНУ ЭВМ неподалеку от Богуслава, в прозрачном сосновом бору, на берегу Роси. После перестроечного погрома база, по известным схемам «прихватизации», перешла в частное пользование. *«Без ссылок на войну, на катаклизмы Солнца богатую страну разграбили до донца».* (Такую оценку происшедшему дал мой бывший киевский коллега, поэт Борис Ольшанецкий.)

Конец семидесятых годов. Мой друг, Боря Сидоренко, один из лучших электронщиков КСПНУ ЭВМ «*во вкусе умной старины*» ведет отладку мощного (по тем временам) вычислительного комплекса М-4030.

«Мой разум тверд. Крепка моя рука...»



Середина восьмидесятых годов. Наладчики ЭВМ, Толя Яременко и Алексей Мызин (*он – в очках*) – среди очаровашек детского дома (во время командировки в Ташкент).

В преснопамятном восьмьдесят шестом году Леша был в числе отважных специалистов, которые в смертельно опасных условиях Чернобыля обеспечивали надежную работу вычислительной техники. Погиб от переоблучения.





Лето 1982 года. Программисты расслабляются на фирменной базе отдыха «Родники».

Валера Белорусов – за аккордеоном, Сергей Соколов рассказывает Саше Побегая командировочные байки. «Принимает на грудь», пьет водку (пережиток прошлого, настоящего и будущего) Боря Межебовский – *«с каким живым очарованьем пьет обольстительный обман!»*



1974 год – время стремительного взлета Киевского производственного объединения «Электронмаш», когда наращивалась мощная производственная база, внедрялись передовые технологии, создавались кадры классных специалистов.

На снимке – сборщик вычислительных комплексов, Владимир Данилович Осипенко.

Помощь высших сил

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали.
В. Жуковский

В духе приведенной выдержки из классика развивались события на кафедре психологии Московского университета на исходе семьдесят седьмого года. Закрывшись в своей келье, комнате для лаборантов, кафедральные дивы гадали о судьбы предначертаниях. На листе ватмана чертили круг, делили его на секторы, вписывали в них весь российский алфавит – по паре одинаковых букв в противоположащих, симметричных друг другу секторах. Точно над центром сложной геометрической композиции удерживали маятник – подвязанное к нитке золотое кольцо. Гадалка, обращаясь к высшим силам, сообщала существо просьбы, просила пособить в решении актуальной проблемы.

В случае благорасположения вездомной инстанции маятник приходил в движение, перемещая плоскость колебания от одного к другому сектору. Из букв составлялись слова, из слов – предложения и, в итоге, ответ на поступивший запрос.

В соседней комнате, в так называемом машинном зале, приводила в лад неподатливую вычислительную машину «Мир-2» бригада Толика Яременко. Электроника капризничала, отказывалась работать. Нервничал недавно принятый на работу напарник. Его жена, раздраженная длительными отлучками супруга, требовала уволиться, грозила репрессиями.

Анатолия, человека быстрого полета мысли, в возникшей критической ситуации осенило – по его просьбе мастерицы белой магии обратились в оккультный департамент с просьбой указать наименования дефектных плат. Служба чудес не подвела – маятник, поколебавшись немного, указал наименования не годных к использованию изделий. После такого откровения успешное завершение работы для Анатолия стало делом техники.

Но, как впоследствии утверждали фанатичные адепты рукотворных таинств, было еще одно чудо: свыше была передана дополнительная информация для неопытного наладчика – имя соседа по лестничной площадке.

Не верь коню в поле, а жене на воле. Бросив дела, ревнивец улетел в Киев, где на корню пресек попытку семейного бунта.

Две стыковки

Во второй половине лета семьдесят пятого года на дальней орбите стыковались космические станции «Союз» и «Аполлон».

В это же время в Перми, в одной из его центральных гостиниц состыковались две бригады пусконаладочного управления, работавшие в разных

организациях города. Представители третьего и четвертого участков, по предварительному соглашению бригадиров Степанова и Сидоренко, встретились, чтобы достойно отметить завершение советско-американского эксперимента.

Русское вливание не терпит отставания – между первой и второй перебивкой небольшой. После бодрого вступления состоялся серьезный и обстоятельный обмен мнениями о многом, важном и близком. Пришли навеянные грустью воспоминания и размышления. Третий тост «за милых дам» (тостующий попутно отметил, что женщины делятся на дам и не дам) вызвал долгую череду рассказов о романтических командировочных похождениях, с последствиями и без последствий.

Тема эта разбередила раны, поэтому после пятой стопки в душах участников сходки поселилась абстрактная печаль, а после шестой – черная свирепая тоска.

Где пьют, там и поют. Сделав седьмой подход, мастер по влажному делу Боря Мошкин принял вес на грудь, после чего исполнил, связно и музыкально, песнь томления. В лапшу пьяный Алик Кибальниченко «сбацал» цыганочку с выходом.

Через полчаса два страстных меломана – Степанов и Мошкин, – ухватив один другого за грудки, возобновили старинный спор о сопоставимости творчеств Генделя и Баха. Сидя за столом, бросив голову на руки, рыдал Кибальниченко. Удобно устроившись в креслах, приглашенные администрацией гостиницы мильтоны с восхищением досматривали по телевизору успешную космическую стыковку.

Позже, когда служивые люди уехали ни с кем, а Мошкин и Степанов перешли к выяснению степени взаимного уважения, загостившиеся Борис Иванович Сидоренко с сохранившими стойкость товарищами понесли тело Алика Кибальниченко к месту временного проживания – в ведомственную гостиницу на окраине города.

За время долгого и тернистого пути много намучились, роняли неудобный груз на жесткую дорогу, но святой долг мужской взаимовыручки исполнили.

Утром спавших беспокойным сном носильщиков поднял на ноги рев смертельно раненного зверя. Посреди комнаты в одних трусах стоял на коленях Алик. Обхватив ладонями лицо, он качался «взад-вперед», разрывался в рыданиях.

Выплеснув горе, успокоился, затих, опустил безнадежно руки и с драматическим надрывом прохрипел: «Мальчики! Я, кажется, ослеп». Онемевшие от ужаса земляки увидели, что к покрытым запекшейся кровью бровям мученика – следствие неаккуратной доставки тела! – прилипла обильная помидорная кожура, прошедшая скорый обратный путь из желудка через пищевод наружу.

Благолюбивый Борис Иванович подошел неслышно к убитому горем другу, возложил на его голову лучащуюся позитивной энергией ладонь. На некоторое время воцарилась тишина, затем, словно принесенная издали ветром, зазвучала негромкая и благодатная музыка, зазвенели колокольцы.

Застывшая сукровица с вежд слепца опала, он прозрел и, не веря своему исцелению, припал в похмельно-горячечном восторге к стопам благодетеля.

...через малое время исправился, пришел в покаяние и познание истины и пребывал в великом благоговении, что многие кротости и смиренности его дивились²¹.

База «Родники»

В середине семидесятых годов двадцатого века пусконаладочное управление, в основном за счет строительных усилий своих сотрудников, возвело на берегу Роси прекрасную базу отдыха «Родники». Сотня обустроенных финских домиков в прозрачном сосновом бору у села Дыбенцы стали местом летнего отдохновения временно свободных от исполнения обязанностей специалистов. На ней они залечивали раны, восстанавливали душевные и телесные силы в успокаивающей тиши лесов, в бодрящих водах быстрой реки, в кругу семьи, друзей и подруг.

С начала своего существования небольшой санаторный посад, в сотне километров от Киева, приобрел особую притягательность; борьба за двухнедельные путевки в него начиналась еще зимой, при распределении отпусков на очередной год. Многие предпочитали уютный и достаточно комфортный отдых в привычной, близкой душе обстановке лесостепных пейзажей, хотя было доступным в те годы отпускное времяпрепровождение на крымском или кавказском побережье.



За базой отдыха тянулись обширные лесные массивы, в которых, благодаря особому составу почв, требуемому сочетанию хвойных и лиственных деревьев, количеству выпавших осадков, поднимались россыпи грибов – белых, польских, рыжиков, подберезовиков, подосиновиков, маслят, сыроежек, груздей, моховиков.

Задолго до рассвета невидимая пружина выбрасывала в далекие чащи авангард любителей «тихой» охоты, которые, избегая соседства непереносимых конкурентов, рассыпались по заветным местам. По возвращении удачливые участники вылазки демонстрировали свою добычу или, с трудом скрывая «белую» зависть, переживали успехи более проворных соперников.

Игорь Гнеденко – частый победитель грибных гонок – познакомил меня с редким и очень вкусным, похожим на большой язык, печеночным грибом, но не смог убедить отведать, по его словам, съедобного гриба-зонтичника.

Однажды, возвращаясь с солидными трофеями из дальнего грабового леса, прошли с сыном Сергеем в обязательном победном марше мимо павильона-столовой. Сын гордо нес перед собой боровик под килограмм весом.

Через несколько минут, прервав завтрак, толпа отдыхающих стремительно, в полном молчании полетела в лес. Впереди, подгоняемый возмущенной супругой, бежал директор базы, отставной старшина Пронин, в сопровождении сынов и невесток.

Случалось ли вам собирать грибы
В лесу, где тропинки протоптаны лешим?
Где кони тумана встают на дыбы
В проемах полян и зеленых пропелшин?¹²⁸

Богатая рыбой Рось намертво приковывала к себе любителей старинного забавления, увлекала магией рыбной ловли новичков. Прохладными рассветами, по росе десятки рыбаков расходились по заранее прикормленным местам, на несколько часов переходили в состояние скрытого экстаза единения души с природой.

Рыбный промысел велся многими приемами, не ограничивался обычной удочкой. Вне конкуренции был мой добрый и надежный приятель Леня Кириенко – мастер спорта по академической гребле, прежде член сборной Украины. Бесстрашный атлет нырял в речные глубины у плотины, бил из ружья притаившихся в ямах сомов, к восторгу сидевших на берегу детей.

Виктор Иванович Цвик («профессор» Цвик), универсальные знания которого захватывали и рыбалку, обучил меня очень непростой ловле голавля на «перетяжку». Так именовалась пара спиннингов, соединенных единой лесой с поводком посередине – на нем в качестве наживки болталась стрекоза.

С «профессором» располагались друг напротив друга, по разные стороны узкой, покрытой валунами реки. Синхронно с направлявшим процесс учителем вращали, туда-сюда, катушки, имитируя полет стрекозы над водой. Потерявший бдительность голавль выскакивал из воды, бил хвостом приманку, которую Виктор Иванович тут же сбрасывал на воду. Рыба хватала поверженную добычу, «профессор» подсекал и вытаскивал на берег очередного красавца с черной спиной и серебристыми боками.

Впоследствии, просматривая сочинения страстного любителя ужения рыбы Аксакова, сопережил с автором потрясение по случаю сорвавшейся с крючка рыбы, сопоставив его с собственными ощущениями в подобной ситуации:

«Забыл стариков запрещение не трогать руками за лесу – Леса порвалась, головль перметнулся и в воду».

По базарным дням наиболее хозяйственные представители женской части отдыхающих с первыми петухами выбирались рейсовым автобусом в районный центр Богуслав. Ехали закупить дешевых ягод и фруктов, пополнить запасы продуктов, освежиться в общении с продавцами – с быстрыми междометиями и яркими эпитетами.

Летом, особенно к его исходу, заезжий люд мог подивиться роскошеству торговых рядов базара, обилию и доступности даров полей, огородов и садов, молочных продуктов, рыбы и мяса. Здесь можно было насладиться, переходя

от торговки к торговке, предваряющими попку пробам сала – мягкого, тающего во рту, с ароматной (только соломой обожженной!) шкуркой.

Была неповторимая прелесть в видах маленьких украинских городков, где за внешним порядком, аккуратностью и ухоженностью стояла житейская надежность положения их граждан – спокойная, налаженная жизнь, обеспеченность работой, возможность дать толк и ход потомству.

Провинция в те благоуспешные годы процветала, население ее множилося. Никто и помыслить не мог об ее оскудении и стремительном сокращении числа жителей, о бегстве трудоспособного люда – с целью выживания – в набухающую от перенаселения столицу-мегаполис.

В оздоравливающей, запахом смолы напоенной атмосфере леса особо хорошо шли спортивные развлечения. Одни играли в бадминтон, волейбол, настольный теннис, шахматы. Другие отдавали предпочтение «литрболу», старинной народной забаве – «метанию галушек». В азартных играх по-взрослому расслаблялись вырвавшиеся на профсоюзный отдых мужики.

Первопоселенцы помнят, как однажды нравственно искалеченный многомесячными командировками инженер-электронщик допоздна, до пустого стакана заигрался в преферанс в компании друзей.

Того не ведая, в тусклом свете освещавшей рекреационную зону ртутной лампы сбился с пути, забрел в чужой домик, где (как он впоследствии объяснял супруге) переспал в обнимку с пустовавшей односпальной койкой.

Оказавшееся на пути шатуна помещение занимала одинокая дама, представлявшая администрацию завода ВУМ. Пробудившись под утро, возмутилась непрошеному – хуже татарина – гостю и изгнала его (так она комментировала происшествие любопытствующим).

*Спит Розита и не чувствует,
Что на ней матрос ночует.
Но пробудится Розита¹²⁹
И прогонит паразита¹²⁹.*

Жена объяснениям шалунишки не поверила, скандал в лесах гремел до отъезда беспокойной пары. Наладчик вернулся на работу с расширенной нервной системой.

Вечерами, после обязательной дневной программы отдыха – лес, рыбалка, купание, гуляние, – население базы собиралось у своих домиков. Шло неторопливое общение, наносились визиты, дети объединялись в игровые группы. Запасливые хозяйки варили варенье, консервировали грибы. Директор Пронин приступал к обязательной, очень его увлекавшей вечерней проповеди по громкоговорителю – «бубукал» о нарушении правил купания, пожарной безопасности, санитарии, призывая к порядку и аккуратности.

Фирменную маркировку базе «Родники» придавали устраиваемые непревзойденным кулинаром Нилой Соколовой лукулловы пиры, где вкусовая гармония яств удовлетворяла капризы самого взыскательного гурмана.

В приходившийся на середину июля день рождения, под который умелица подгадывала путевку, на праздничный стол выставлялись, в частности, кровавая

колбаса по-княжески, колбаса домашняя, паштет из гусиной печени, фаршированная и заливная рыба, особого приготовления салтисон, пирог клюквенный.

Перед открытием сезона, в конце мая, было принято приводить базу отдыха в по-военному образцовый порядок. Первой приезжала команда Володи Осипенко – от участка ремонта электронных узлов, пару недель налаживали радиоточки, бытовую технику.

В последнюю пятницу месяца после обеда автобусом переправлялся коллектив участка номер шесть, который до полуночи бесшабашно отдыхал, а следующим утром снимал похмельную усталость напряженным трудом.

В один из таких приездов нас встречал Боря Шубинский. Уже имея путевку на первый «заезд», он продлил удовольствие – загодя приехал с сыном и жил с ним в палатке, на лужайке за ручьем.

В лесу раздавался кларнет тракториста. Возмущенный затянувшимся дождем, Боря «костерил» небесную канцелярию за испорченный отдых. Изменение одной буквы в строке Пушкина точно отразило увиденную картину: «*Боря мглою небо кроет*».

Борис Иосифович, натура кипучая и безусловная, отставной солдат, занимал видное положение в системе гражданской обороны управления. Во время полномасштабных учений возглавлял службу охраны общественного порядка, что подтверждала нарукавная повязка с сокращенной надписью: «ООП».

Умилвшись увиденным, к оппортунисту подошел Миша Ходарковский и со смыслом пожал руку. (ООП на языке политической аббревиатуры означает – Организация освобождения Палестины.)

Из-за непогоды долго не могли разжечь костер. Выручил бывший с нами инженер по технике безопасности, отставной полковник Иван Андреевич Крамаренко, проявивший сметливость в стиле хитроумных запорожских козаков (те варили кулиш в деревянных котелках, предварительно помещая в них раскаленные докрасна камни).

Опытный воин положил в тлеющий костер массивный булыжник, метнул в него издали бутылку с соляркой («коктейль Молотова»). Над окрестностями повалили клубы дыма, как от подбитого танка.

После взятия Берлина капитан Крамаренко с группой истосковавшихся по изысканной женской ласке однополчан «двинули» на джипе на Париж. Перед въездом в город наткнулись на предусмотрительно выставленный комендантской службой патруль, который разворачивал всех рвавшихся во французскую столицу бравых русских.

Компания расположилась на высокой и широкой дамбе, насыпанной над заключенным в трубу ручьем. Сидели на нескольких длинных бревнах. Погода наладилась, ветер разогнал тучи, светила луна. Угли удались – в их жару шашлыки из свиного ошейка быстро дозревали.

Дружно рыдали Алла Кучерова и Люда Авраменко: «*Ты у меня одна, словно в степи сосна...*». Когда прозвучало роковое – «*Можешь совсем уйти, только свети, свети*», краем глаза зафиксировал согревшую сердце картину.

Со стороны базы по склону в нашу сторону перемещались, поддерживая

друг друга с трогательной заботливостью ненормативных любовников, Олег Михайлов (начальник планово-экономического отдела, гарант стабильности премиального фонда управления) и Марик Кругляк (программист, специалист по компьютерной обработке аэрокосмических изображений).

Подвинулся, уступая место приближавшейся паре, затем отвлекся на задачу шампуров с готовой продукцией. Хотел было вручить шашлыки гулякам, но не обнаружил их – горизонт был чист.

Через некоторое время услышал шорох, сопение. Обернувшись, обнаружил рядом с собой две мужские фигуры. Внимательно присмотревшись, понял, что Олег и Марик в конце концов добрались до цели. Событьльники, с ног до головы покрытые толстым и плотным слоем глины, сидели тихо, лица их сквозь грязевые маски изливали благостность и наступившую трезвость.

Дошел смысл происшествия. По дороге ходоки сбились с курса, промахнулись и скатилась в ручей, долго выбирались вверх по рыхлой от прошедшего дождя насыпи. В растекавшихся от костра жарких потоках воздуха глина на частях тела друзей затвердевала, превращая их в керамические элементы будущей садово-парковой скульптурной композиции.

Возглавивший спасательную операцию Дима Понировский быстренько принес пару ведер воды. Страдальцев обмыли, прогрели внутренним компрессом, просушили и накормили. Посиделки удались чрезмерно, но на субботник вышли не все.

Много лет спустя дела привели меня в эти края, в места, неподалеку от которых некогда размещалась наша знаменитая база отдыха. Стоя на опушке выходящего на крутой берег леса, припомнил тот особого комизма случай, ту пульсирующую боль в животе, которую испытал, дергаясь – вместе с другими участниками гуляния – в истерическом хохоте у догорающего костра.

Был май, в воздухе гудели хрущи, внизу – среди красного гранита скал – бурлила неумная Рось, река особой значимости и загадочности.

С Росью связано формирование славяно-русской народности, зарождение государственности. Здесь издревле размещался главный культурный центр Русской земли, название которой возникло не без связи с названием этой быстрой реки.

Рось стала естественной границей Киевской Руси, левый берег которой государственный Ярослав Мудрый обустроил «острожками», городами (Корсунь, Богуслав, Юрьев – ныне Белая Церковь – был назван христианским именем великого князя). В них он подселил к коренным жителям Поросья («порошанам») приведенных из удачного похода пленных поляков.

Киевские князья продолжили эту практику – приводя к покорности очередных воинственных степняков (печенегов, торков, берендеев), они давали им «города и вежи» по течению Роси для несения пограничной службы. Эта смесь «племен, наречий, состояний», эти отдаленные предшественники приднепровских козаков (или – черкасов) были основной силой, сдерживающей атаки неукротимого врага – половцев. Их, увы, использовали князья в ослабляющих Русь внутренних междоусобицах-разборках.

Был жестоким ход истории. Как пишет историк Соловьев, форсировав Днепр у южных границ Руси, монголы прошли «облавой» от Поросья до Киева. Надолго (до появления литовцев, затем – польских магнатов) запустели эти края, но законы генетики сохранили след тюркоязычных предков в потомках, в «карих очах, черных бровах» жителей современной Украины.

Фам фаталь

Любит наш брат потешить свое "ego" кажущимся знанием природы женщины, ее психологии, логики поступков, тонкостей чувствования. Не обошла и меня эта мужская страстишка. Много накопила память в своих закромах сведений, наблюдений, оценок – полушутливых, полусерьезных, но всегда почти-тельных – касательно теории и практики женского вопроса.

Как учит теория «либидо» Зигмунда Фрейда, возрастные пробуждения мужской чувственности вызывают непрерывные выбросы энергии продолжения рода человеческого, порождают всепоглощающую магму восторга мужчины перед обожаемой женщиной. Взаимная пылкость, первая и искренняя, не всегда образует брачную пару, но оставляет рыцарю на память, на всю оставшуюся жизнь, сравнительные воспоминания о единственной и неповторимой:

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими¹³⁰.

Как утверждает суровая практика, с переходом женщины в следующий за молодостью возрастной период встречная активность партнера заметно снижается – яркую поэзию отношений сменяет строгая проза, аналитическая беллетристика. Не одну полосу препятствий, выстроенных взыскательной мужской требовательностью, доводится преодолевать женщине на пути к интимной успешности.

У женщины в глазах с годами меркнет пламя.
Ложится на виски слепой узор морщин;
Скрывают женщины свой возраст, но с годами
Все толще слой румян, все строже взгляд мужчин¹³¹.

Как свидетельствует многовековой опыт, мужчины превращаются в скептиков и циников, когда заходит речь о женских возможностях на ниве общественной, служебной, научной деятельности – большинство представителей сильного пола допускают эффективность пола слабого только в решении проблем быта, в делах семьи.

Смотрите-ка, за что мы ценим жен?
Зачем нужны их красота и грация?
Лишь для того, чтоб умножалась нация³².

Женский ум лучше всяких дум. Полтора десятка лет проработал в большом научно-производственном коллективе и могу засвидетельствовать, что имевшие численное преимущество «дщери Евины» в тонком и деликатном ремесле программирования ни в чем не уступали «сынам Адамовым». Были они точны и аккуратны в простейших процедурах программирования и подготовки текстов, проявляли высокий уровень знаний в решении сложных системных задач.

«Синих чулков» не водилось, женщины-специалисты неизменно оставались прежде всего представительницами нежного пола, с им присущими достоинствами и особой силы оружием – слабостями.

Эмма Ивановна Пинская к непростой дисциплине программирования приступила в начале семидесятых годов, на заре эпохи автоматизации, когда нехватка специалистов побуждала *«людей длинной воли»*⁷⁶ реализовывать данный природой потенциал в только формировавшейся отрасли знаний, порой резко переквалифицируясь.

Отважная леди совершила особой крутизны взлет в сферу высоких технологий с изысканных равнин моделирования верхней женской одежды. На коренную профессию постоянно указывало совершенство линий туалетов новообращенной, которые она собственноручно проектировала и шила, а также неукоснительное соблюдение в новой специальности золотого правила: «Семь раз отмерь, один раз отрежь».

Вкус в подборе нарядов дополняла элегантностью манер, а бесспорные математические способности сочетала с редкой для дамского сословия сдержанностью в речах, чем высоко поднимала свою умственную планку в глазах мужчин.

Она имела ум математический,
Держалась величаво до жеманности.
Шутила редко, но всегда аттически...³²

Выдающимися внешними данными не обладала, но была *«чертовски мила»*¹⁷¹. Умела подать себя окружающим. Длинный коридор управления превращался в подиум, когда по нему шествовала топ-модель от участка номер шесть, – нервничали женщины, пресекалось дыхание у теснившихся вдоль стен мужчин.

Научение Эммы новой профессии вел лично мэтр Паранский, яркий представитель романтического крыла теории и практики программирования. С энтузиазмом взялся за дело, поставив целью показать эффективность своей методики быстрой подготовки специалистов.

Рассеянный мыслитель, он часто отвлекался от уроков, надолго уходил в себя, возвращаясь со свежими идеями и замыслами. Их затем реализовывала самобытная ученица в рамках договора с московским научно-исследовательским институтом гигиены детей и подростков. Заведующий лабораторией этого учреждения, холостой и видный Валерий Кобеляцкий, высоко ценил произведения мастерицы, обожал ее – равно как и достойно замыкавший классический и равносторонний треугольник супруг по имени Эмик.

Ведь ежели любовник неженатый,
То меньше грех и меньше риск расплаты³².

Долгое время солидные и платежеспособные московские организации – закрытые оборонные предприятия (так называемые почтовые ящики), ведущие институты, крупные заводы – были потребителями программной продукции. Их денежные вливания в казну управления не только давали нескучную зарплату исполнителям заказов, но позволяли также содержать элитную часть специалистов, занятых перспективными разработками.

Постоянной компонентой такого резерва, золотовалютным запасом участка номер шесть со временем стали титаны и профессиональные математики Ходарковский и Побегай. Отвлекаясь от суеты сиюминутных проблем, герои переводили в машинные коды драгоценные россыпи фундаментальных находок, служили генетическим фондом принципиальных постулатов программирования.

Компанию им составлял многоопытный, рассужий и добропамятный Леонид Исаакович Пальма. Обладатель благозачной внешности (пышная борода, вдохновенно-вздохмаченная шевелюра, аристократическая тонзура на макушке) признавался великим докой в искусстве интеллектуальной начинки компьютеров. Многими их языками владел, немало толковых записей оставил на скрижалях завета. Отличался внешней сдержанностью и осторожностью в принятии решений; иногда ярился, но быстро остывал. Был афористичен, ревниво охранял свое достоинство в глазах окружающих. Не отказывался от житейских утех. Под настроение и заработок мог посетить ресторан «Прага», что на Арбате, выкушать хрустящего рябчика в соусе белой калины в сочетании с бутылочкой божественного «Божоле».

Он был законченным, отменным
От головы до пяток джентльменом³².

Уважаемый патриарх вел большую селекционную работу, выискивая в стремительно разрастающейся среде пользователей вычислительной техникой не просто жаждущих автоматизации и надежных в платежах, но и отвечавших его предпочтениям и характеру сибарита. В результате такого искательства учинил союз с филиалом Ленинградского физико-технического института, располагавшегося в благословенном городе Сухуми. Последовали годы тяжкого труда – в холодные погоды программы ладились в Киеве, в курортный сезон трудящиеся перелетали к морю.

Избыток командировочных средств позволил выстроить систему посещения черноморского побережья всеми того заслуживающими сотрудниками участка. Заработал дополнительный механизм поощрений, пресекались досужие и завистливые домыслы, утвердилась особая благостность отношений в коллективе.

К моменту открытия кавказской кампании Эмма Ивановна, несмотря на увольнение первого учителя, успешно завершила договорные обязательства со столичным институтом, получила аттестатскую похвалу, приобрела солидный авторитет. Сам главный инженер и ценитель изящного Альберт Самсонович Оганесян находил время в тиши кабинета поворковать с милоликой наядой об актуальных концепциях и перспективах информатизации общества.

При подобных обстоятельствах перемена климата, перемещение «с *миллого севера в сторону южную*»¹³⁴ было естественным карьерным шагом на пути

быстро прогрессирующего специалиста. Правда, попасть в команду разработчиков для броска на юг было непросто – в верхних слоях программистского сообщества шла жесткая борьба за каждое свободное место; зубр Пальма не допускал легкомыслия в затеянном деле.

«Фам фаталь» двинулась вне очереди, по-женски основательно взялась за командора. Грех сладок, а человек падок. Леонид, обычно относившийся к коллегам-женщинам с ироничной снисходительностью, пытался сопротивляться, но тонкая лесть и многозначительные намеки роковой Эммы смяли нестройные защитные построения:

И каждое движенье, каждый взгляд –
Залог неописуемых услад³².

Сдерживающий мужской скептицизм испарился, вакансия открылась, договорились о совместном вылете в абхазскую столицу для ознакомления с фронтом работ.

Смотрины не удались. Уже в аэропорту убытия Борисполе под воздействием силы тяжести набитого нарядами баула спутницы с глаз обходительного кавалера спала пелена абстрактных надежд. Самолюбие его было окончательно уязвлено сделанным в аэропорту прибытия открытием, что основной весовой составляющей ноши был модернизированный чугунный утюг.

Оценив проявившуюся перспективу служить вспомогательной оснасткой на деловом пути коварной соблазнительницы, Леня ударил по тормозам. Знакомя ее на объекте посещения с проблемами автоматизации, многократно усложнил содержание и предельно затуманил смысл технического задания.

В добавление к этому Эмме Ивановне, натуре тонкой, требующей аккуратного и обстоятельного обожания, пришлось не по душе свирепо-жадные взгляды и кипящая страсть в комплиментах кавказских джигитов. В итоге, по сочетанию производственных и личных причин отказалась от заманчивого варианта, по возвращении из командировки предпочла ему выверенное личным опытом московское направление.

Ее дружеские отношения с Леонидом Исааковичем стали еще более деликатными и устойчивыми:

Ведь вредно только страсти состоянье
Для нежной дружбы. Повторяю вновь,
Что женщина как друг всего вернее,
Лишь не ищи любовной связи с нею³².

Мой друг Пономарев

В тот год казахская весна припозднилась – весь март лежал нетронутым снеговой наст в солончаках; дольше обычного, до конца апреля, дул упругий, злой «бискунак», занесший песком и пылью стартовый комплекс у озера Балхаш. Лишь в первой декаде мая, когда распустились дикие тюльпаны (невысо-

кие, пышные, с колкими лепестками), состоялось испытание изделия – крылатая ракета, оставляя в вечернем небе огненный след, взлетела на заданную высоту, перешла в горизонтальный полет и в мгновение ока исчезла за горизонтом.

За коротким, необычайно красочным зрелищем ракетного пуска наблюдали три киевлянки, молодые, одна другой симпатичней – Алла Кучерова, Люда Авраменко, Вера Усачева. Чувство заслуженной гордости наполняло интеллектуальное трио – их уму, их труду был обязан появлением на свет пакет программ, позволявший вычислительному комплексу (тоже из Киева!) перерабатывать огромный поток телеметрических данных с борта испытываемой ракеты, давать скорую оценку функционирования ее бортовых систем.



Успех отметили. Вера, от имени киевской группы, украсила по-мужски скудный закусками стол особого засола черными груздочками, секрет приготовления которых (с непременно предварительным вымачиванием!) при переезде в Киев привезла из глубин России. Люда посекала на притягательные порции сало и «подчеревину» родительского приготовления.

Слава Пономарев – представитель генерального заказчика-изготовителя, конструкторского бюро «Факел» (что в подмосковных Химках), – для начала провозгласил традиционную аллилуйю: «За любовь и удачу!» Миша Кудинов – земляк моего отца (деревня Осколково Брянской области), ведущий специалист опытно-конструкторского бюро при Московском энергетическом институте,

произнес коронный тост (или антитост?!) ракетчиков: «Против тех, кто всегда прав!» Рязанские ребята Гена Туманов и Виктор Зинин из радиотехнического института продолжили праздник обязательным рыцарским: «За милых женщин!»

Когда компания, переключившись на песни, потеряла бдительность, Алла, от рождения страдавшая комплексом «чистого стола», моментально смахнула с тарелок чуть тронутую закуску, опорожнила – приняв за воду драгоценную влагу, – стаканы, перемыла всю посуду.

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой¹³³.

Описанные события происходили в начале восьмидесятых годов, когда для решения важнейшей оборонной задачи, по предложению Военно-промышленной комиссии (ВПК) включенной в постановление правительства, устроился альянс-симбиоз четырех организаций Советского Союза (кстати, некоторые из его участников впоследствии были удостоены Государственной премии).

Ключевой фигурой, организатором и вдохновителем успешного союза был удивительный и неповторимый Владислав Иванович Пономарев. Его энергии, целеустремленности, преданности инженерному делу создания новых ракетных систем было обаяно быстрое развитие средств автоматизации их испытаний (на земле и в воздухе).

Его редкие качества организатора и координатора обеспечили создание мощной интеллектуальной группировки; его высокие человеческие достоинства – удивительная доброта, чувство юмора, бескорыстие, щедрость, обязательность, выдержанность, сердечность, умение слушать и понимать – сделали из разностильных участников научно-технического прорыва команду единомышленников, бесконфликтную и исполнительную.

Появившись в конце семидесятых годов в Киевском объединении «Электронмаш», где заказывал партию компьютеров, Слава забрел в наши палестины на третьем этаже технического училища, где очаровал женщин своей неповторимой улыбкой, а руководство шестого участка (меня, работавшего тогда в Болгарии, замещал Сережа Куркин) – перспективной разработкой и неограниченными финансовыми возможностями.

После подписания – на многие лета! – наиважнейшего в истории нашей фирмы контракта Химки и берега озера Балхаш стали местами паломничества для специалистов пусконаладочного управления. В конструкторском бюро академика (небожителя!) Грушина они, по мере разработок и накопления компьютерных программ, проводили обработку результатов наземных («стендовых») испытаний; на казахстанском полигоне, на его шестой площадке («шестерке») все повторялось в итоговых летных испытаниях.

Заботливый Пономарев в условиях острого дефицита гостиничных мест обеспечил обязательное поселение всех командированных гостей в пансионате «Маяк», на берегу Химкинского водохранилища. Со временем силами молодых специалистов устроил русскую баню в подвале общежития, где асы программирования и электроники выгоняли березовыми и дубовыми вениками шлаки, попавшие в их тела после непростых и утомительных пусконаладочных работ.

Во благо развития научно-технической кооперации Владислав Иванович, как руководитель особой значимости лаборатории, убедил руководство в необходимости при проведении профилактических работ заменить спирт-ректификат на пшеничный, обязательный для протирки оптики.

Пшеничный спирт стал фирменной меткой в долголетних договорных и дружеских отношениях с командармом Пономаревым, вытеснив из наших застольных производственных посиделок оригинальные водку и коньяк.

Однажды в скором поезде № 2 «Москва–Киев» на отрезке пути до станции Брянск Славик на практике убедил в достоинствах коронного напитка (мягкость и регулируемая крепость!) артиста Московского театра сатиры Козела. Встречая друга на перроне, убедился в его твердом ходе и прозрачности мысли, тогда как заслуженного лицедея из вагона вывели под локотки киевские товарищи по артистическому цеху.

На летные испытания ракет его участники вылетали из подмосковного военного аэродрома преимущественно весной, на рассвете (иногда залетали

в Киев забрать оборудование). Непредсказуемая степная погода не раз сдвигала, порой надолго, время старта. Долгое бездействие, усиленные профилактические работы, требовавшие протирки контактов электронных устройств и деликатной оптики, истощали казенные запасы. Предприимчивый Леша Мызин выправил положение: собрал простой, но надежный перегонный аппарат, из покупаемого в «Военторге» сахара выгонял – в два прохода – прекрасный напиток.

Мызина – замечательного (от Бога!) специалиста, безотказного и надежного человека, гитариста и преферансиста – высмотрел в коридорах пусконаладочного управления прозорливый Пономарев, после чего, за солидные отступные фирме, включил в состав своей группировки.

Однажды его – длинного, худого, «в блюдечках-очках спасательных кругов»¹⁷², взлохмаченного, в джинсах и кедах – остановил полигонный генерал и потребовал предъявить паспорт. Алексей с трудом вытащил четверо сложенный документ из тугого заднего кармана.

Взбешенный «женераль» вызвал Пономарева для объяснений: почему на секретный объект попала подозрительная личность. Слава сказал – как отрезал, что от этой личности зависит успех предстоящих работ.

Добрый десяток лет – до приснопамятной перестройки – коллектив киевских программистов, имевший всесоюзного резонанса звучание под именем «участок номер шесть», успешно работал с предприятиями оборонно-промышленного комплекса (Министерств авиационной промышленности, среднего машиностроения). Сотрудничество это, под зонтиком мощнейшего объединения «Электронмаш», лишний раз подчеркивало значимость Киева как кибернетического центра, научного и производственного, страны. Оно питало творческий рост математиков, программистов, специалистов по электронике, давало им уверенность – профессиональную и бытовую – в будущем.

Тесное взаимодействие с оборонными организациями, помимо решения ставившихся задач, дало возможность за счет стабильного финансирования выполнить ряд унифицированных разработок более широкого использования для нужд Киева. В частности, первые опыты компьютеризации школ, государственных учреждений, относящиеся к началу восьмидесятых годов, выполнялись на программных средствах, разработанных шестым участком за счет ведомства Пономарева; им же были оплачены и технические средства для компьютерных классов.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя...²⁰

Замечательным человеком, рыцарем без страха и упрека был мой друг Пономарев, лучший из лучших представителей особой корпорации тружеников закрытых предприятий – мужественных и благородных людей дальнего ума, высоких принципов, живших по совести, имевших твердое представление о чести и достоинстве, верой и правдой служивших Отечеству.

Ему они отдавали свой труд, здоровье и тогда, когда правители страны – пара холуев! – разваливали оборонный комплекс, прекращали важнейшие

работы, снимали с защиты рубежей новейшие системы вооружений (когда, идя навстречу пожеланиям американского госдепартамента, списали с государственного баланса инженерное чудо – передвижной ракетный комплекс «Ока-3», только разработанный в Рязани).

До последнего вздоха продолжал служить Отечеству Владислав Иванович Пономарев, в возникшей критической ситуации полигонных испытаний принявший ответственное решение, стоившее ему жизни.

Он ушел, но остался *«среди святых воспоминаний»*¹³⁹, связывающих меня с дорогим прошлым, с изумительными людьми, которых нет на этом свете, но которые живут в моем сердце. Постоянно думаю о дорогом Славике, не могу простить себе, что в скорбном октябре 1992 года не приехал в Химки, чтобы сказать другу последнее «С Богом!».

На древе человеческого высоком
Ты лучшим был его листом,
Воспитанным его чистейшим соком,
Развит чистейшим солнечным лучом¹³⁴.

Владимир Иванович Кононов

Душным июльским вечером семьдесят девятого года посетители киевского гидропарка могли наблюдать сюжет, достойный кисти Айвазовского.

Мчавшийся по днепровской протоке прогулочный катер, с лыжником на буксире, крутым виражом выписывал спасительную параболу, уходя от лобового столкновения с выплывавшей из Десёнки баржей.

Красоту исполненного маневра омрачила невнимательность любителя воднолыжных забав, нарушившего инструкцию, которая обязывала его в критической ситуации сделать рывок к берегу и бросить буксировочный трос. Под истерические выкрики и отчаянную жестикующую пассажира катера азартный спортсмен вычертил поперечный бурун перед носом не замеченной им посуды и лег на обратный курс.



Продемонстрировав красивым финишем немеркнущие достоинства настоящего гусара, подполковник запаса Кононов – кандидат технических наук, специалист в области качества аэрофотосистем – гордым нептуном вышел из речных вод.

Полуобморочное состояние оцепеневшего от ужаса рулевого сделала для куражистого гонщика водную прогулку первой и последней, но не омрачила торжества победы – выгнулась грудь, втянулся живот, сверкали восторгом глаза.

Позабыло сердце, позабыло
Многое, что некогда любило!
Только тех, кого уж больше нет,
Сохранился незабвенный след¹³⁵.

Старший друг моей души, Владимир Иванович Кононов, относился к чрезвычайно тонкой прослойке граждан, сочетавших основательные научные знания, широту и глубину эрудиции с достоинствами чисто человеческими – активной добротой, отзывчивостью, уважительностью и деликатностью в отношениях. Производил изумительное впечатление гармоничного человека, без позерства и комплексов, высокого душевного благородства и тонкой интеллектуальности. Был истым интеллигентом, солью земли, квинтэссенцией рода человеческого.

Получил блестящее техническое образование в Академии имени Жуковского, куда поступил в начале пятидесятых годов.

Теорию вероятностей и математическую статистику преподавала знаменитая Елена Венцель. По ее учебникам училось (и учится!) не одно поколение студентов.

На одной из лекций, которую прилежно конспектировал курсант Кононов, уважаемый преподаватель со словами: «А эту формулу мы похерим!» перечеркнула мелом на доске неудачное математическое выражение.

Слушатели дружно хихикнули. Лектор бесстрастно пояснила, что согласная буква «х» в русской азбуке именуется как «хер». По этой причине слово «похерить» означает «перечеркнуть крест-накрест».

«А в каком смысле вы поняли мои слова?» – обратилась Венцель к аудитории.

К завершению воинской службы Владимир Иванович был известным специалистом, автором нескольких десятков публикаций, имел немало учеников, готовил к изданию книгу. Стечение обстоятельств, приведшее в артель программистов только набравшего авторитета ученого, предоставило ему прекрасную возможность быстрой экспериментальной проверки разработанных математических методов.

В подмогу ему была придана элитная боевая единица, лучший боевой слон когорты программистов Надежда Семеновна Пионтковская. Индивидуалист по натуре и воспитанию (дочь академических родителей), Надин привыкла к самостоятельным решениям, к коллективному творчеству испытывала неприязнь.

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень⁷².

Была аккуратной, щепетильной до мелочности, что шло на пользу делу – разработки ее были безукоризненны, с первой подачи принимались заказчиками под гипнотически твердым взглядом «стальной леди».

К мужчинам высокая, кареглазая красавица относилась с опаской, по половому признаку их не воспринимала – оценивала только профессиональные достоинства. Увлекалась рыбалкой, прилично играла в настольный теннис.

Она настолько нравственной была
И к слову искушенья непреклонной,
Что ангела-хранителя могла
Освободить от службы гарнизонной³².

Дуэт работал слаженно, но чувствительность и тонкую политичность Владимира Ивановича, в итоге, подмял беспощадный ригоризм напарницы. Пару развели – с мягкой и рассудительной Леной Романенко проблем не было.

Между высокими достоинствами и извинительными слабостями чтимого коллеги располагался ряд его симпатичных качеств – в первую очередь неумное стремление ни в чем не отставать от более молодых сотрудников.

После удачной «вылазки» на водных лыжах наступил черед лыж горных. Толя Тындик, фанатичный поклонник престижного вида спорта, ранней весной затащил на карпатскую гору новопроизведенного слаломиста. Бесстрашный ассистент Грибанов, в линиях трико, на лыжах с разболтанными креплениями, продемонстрировал технику скоростного спуска.

Молодцеватый Владимир Иванович – в элегантно экипировке! – встал на фирменные лыжи, неосторожно повернулся и с винтообразным переломом большой берцовой кости был переправлен в киевский окружной госпиталь.

В больничной палате, во время посещений недвижимого страдальца, выслушал от него немало интересных сообщений, аналитических докладов, проникновенных монологов. Узнал, в частности, о нюансах Брусиловского прорыва в Первую мировую войну, об истории создания и составе знаменитых духов «Шанель № 5», услышал редкие факты из истории Киева начала века и многое другое. Любил поизяществовать в речах друг наш ситный.

Было в его характере особо умилявшее меня свойство, присущее людям большого ума и доброго сердца, – умение искренне радоваться чужой удаче, по-детски страстное желание (оно буквально полыхало за линзами его окуляров!) получить похвалу за доброе дело, своевременную подсказку или помощь.

Проявление этого достоинства в полной мере ощутил в первые дни нашего знакомства, когда был им представлен Георгию Львовичу Гимельфарбу по случаю низкого темпа и слабого качества подготовки диссертационной работы. Встреча эта дала мне высокоумного научного руководителя, вылепившего из меня кандидата технических наук.

Все позитивные эпитеты, щедро мной израсходованные на Владимира Ивановича, могут быть – с усилением! – приложены к его младшему другу, которого он нежно-уважительно называл «Гарик». До сих пор ярким пятном стоит перед глазами лицо организатора встречи, лучащееся восторгом от им сотворенного чуда и немим призывом ко мне разделить обожание выдающейся личности.

Ученый мирового уровня (мнение специалистов!), пионер методов компьютерной обработки изображений, универсальный математик. Тонкий знаток и ценитель литературы, искусства, театра, русской культуры. Великий эрудит, bibliофил, владелец роскошной библиотеки.

Кто помнит особенности эпохи, тот знает, насколько трудно было выстроить в Киеве капитальное сооружение. Выполненные Георгием Львовичем разработки тюменские нефтяники оценили «лимитами»

и «фондами», благодаря которым институт кибернетики возвел монументальный учебный центр (правда, без мемориальной доски «первопричине»).

«Гаснут во времени, тонут в пространстве» события, лица, жанровые эпизоды беспокойной молодости. Разлетелись по миру, исчезли из поля зрения многие соучастники давних событий, славных дел. Ломка жизненных устоев, беспорядочная суета выживания нарушили налаженные связи, приятельские отношения. Сожалею глубоко, что в последние годы редко виделся с духовно близким мне человеком, что лишил себя бездумно радости общения с ним.

Одна из последних встреч состоялась теплым майским днем, неподалеку от Крещатика, за гостиницей «Москва», где галантный супруг Кононов покупал любимой Тамиле букетик фиалок. Сцена эта была красивой и романтической, как и отношения милой пары, счастливо длившиеся более двух десятков лет.

Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была ему наследством,
А он ее со всеми разделил¹³⁶.

Чудотворец Грибанов

Демократической особенностью организационно-производственного устройства шестого участка была возможность без верховного планирования и целевых указаний формировать тематику и направление работ. Свобода выбора пробуждала пылливость, возбуждала интеллект у предприимчивых специалистов, понуждала их к поиску достойный партнеров.

К таковым в первую очередь относились предприятия военно-промышленного комплекса, договорные отношения с которыми предполагали длительность и постоянство, обеспечивались практически неограниченным финансированием. В этом Клондайке открыл и начал разрабатывать его богатейший прииск – предприятие «Почтовый ящик Г-4149» – мастер глубинного бурения легендарный Олег Николаевич Грибанов.

Освоенное им учреждение занимало ведущее место в техническом оснащении и автоматизации космических исследований Советского Союза, имело в своем распоряжении оборудованные громадными палубными антеннами корабли экспедиционного флота. Плавающие центры выходили в Атлантику для обеспечения связи с пилотируемыми космическими аппаратами, когда те оказывались вне зоны радиовидимости наземных центров (в Крыму, в Сибири, на Камчатке).

На одно из этих суден – «Космонавт Юрий Гагарин» – в конце семьдесят второго года был командирован Олег для передачи в эксплуатацию офицерскому составу электронно-вычислительного комплекса «Днепр-1».

Впрочем, Олег Николаевич не был пионером заграничных командировок в нашем коллективе. Таковым являлся Толя Хоменко, побывавший на Кубе в октябре шестьдесят второго года, где он обслуживал ракетный комплекс.

На шестом участке обслуживал – очень ответственно и качественно – технологический вычислительный комплекс, вместе со всегда милой Аллой Чайкой и «фанатом» киевского «Динамо» Володей Искрой.

Прекрасное знание материальной части позволило Олегу Николаевичу успешно выполнить задание, а внешние достоинства – молчаливость, скромность, несуетливость – вызвали особый пиетет со стороны общавшихся с ним членов экипажа.

Уважительность переросла в почитание, после того как в экстремальных ситуациях дальнего плавания киевскому специалисту пришлось принять решения и совершить поступки, оцененные наблюдателями как чудо и подвиг.

В том первом испытательном выходе на океанические просторы случилась беда – из-за длительного ожидания старта ракеты-носителя на корабле иссякли запасы спирта, предназначенные для протирки контактов электронных систем. По этой причине к выходу космической станции на околоземную орбиту представители промышленности, младший офицерский состав были глубоко поражены вирусом безверия и апатии.

Обратились к предусмотрительному Олегу. Увы, истоцились и его закрома, но хладнокровный посланец украинской земли дал слово отчаявшейся депутации что-то придумать.

«С млада был крепок в слове»²¹ – обещаниями не разбрасывался, затеянное дело всегда доводил до успешного финиша. У камбуза приметил загруженные на борт в африканском порту контейнеры с ананасами, подгнившими и забродившими. Кому гнило, а нам мило. Из подручных средств вдумчивый рационализатор смонтировал агрегат с испарителем, змеевиком и отстойником, в течение нескольких дней перегнал духмяную брагу в высококачественный самогон.

Корабельные системы заработали в штатном режиме, рабочая атмосфера стала феерически праздничной. Олежка – человек щедрый, отзывчивый на человеческую боль – всех приходящих к нему утешал, слабеющим силы придавал, в печальных высекал веселье.

Стала великой слава спасителя, весть о сотворенном чуде перелетела над волнами на другие корабли экспедиционного флота. Чудотворцем восхищались, его слово зазвучало пунктом корабельного устава – как не подлежащее обсуждению решение высшей инстанции.

Талантами от всех он отличался
И гордо голову носил;
А это уваженье вызывало –
А с уваженьем дружба возникала³².

Следующим громким поступком Олега было полное подавление, подчинение и публичное унижение представителя особого отдела. Молодой и очень паскудный старший лейтенант («старлей»), как вампир, пил кровь у членов экипажа. Следил за идеологической зрелостью поднадзорных, контролировал их речи и поступки, соблюдение норм нравственности. Тирана внутренне проклинали, презирали и боялись все, но только не Олег Николаевич.

По завершении обслуживания космического полета корабль зашел в Монтевидео пополнить запасы продовольствия и горючего. Во время выгула

«на поводке» особиста по знойной уругвайской столице томимый жаждой Олег оторвался от основной группы и направился к замеченному им пивному бару.

На пути его стал поводырь и стальным голосом объявил, что посещение значных мест запрещено инструкцией. Лицемер, кстати, во время спиртового кризиса тайно посещал Олега, искал его дружбы. Дружба дружбой, а спецслужба спецслужбой – видя непокорство штатского анархиста, пообещал ему безусловный служака отправить наверх рапорт о проступке.

Слаб человек, а во хмелю карьеры
Себялюбив становится порой,
И сердце покрывается корой³².

В ответ миролюбивый Олег произнес знаменитую филиппику, в котором перлы московского жаргона изящно оттенил киевским фрикативным «г». Фрагменты ее дошли до наших дней, превратились в афоризмы. Первым делом любимец экипажа отметил необходимость уважать опыт и возраст: «Не бурей на старших, сынок, и не мумукай! Учти, когда твой ванька-встанька был с горосину, я уже встречался с женщинами по-хорошему».

Расписав детально местоположение неразумного выдумщика в подлунном мире, завершающим аккордом растер его в космическую пыль: «Ты, говорят, в академию собираешься поступать, а я по жизни уже их пару окончил, читать и грамотно писать умею. Когда вернемся в Москву, такую "телегу" на тебя накачу, что мало не покажется, – забудешь навсегда и про академию, и про загранкомандировки».

В тот день неустрашимый Грибанов расслабился основательно и до последнего песа. И пока он наслаждался холодным пенным напитком, его покой и безопасность у дверей питейного заведения охраняло недремлющее «государево око».

А ведь был детина ряжий,
Рослый человек...¹³⁷

Москва высоко оценила ответственность, выверенность поступков, исполнительскую дисциплину Олега Николаевича – качества очень ценимые в оборонном ведомстве, где нарушение планов работ подчас смерти подобно. По завершении атлантической одиссеи пусконаладочному управлению, в лице его авангардного представителя, был предложен долгосрочный пакт участия в ряде разделов космической тематики.

Овеянный солеными ветрами победы, флибустьер Грибанов твердо стал на московскую землю. В закрытом ведомстве занял место неформального управителя денежных потоков в сторону Киева и обратного перемещения разработок в столицу, ко взаимной пользе и удовольствию сторон.

Привлек к серьезному делу целеустремленного, талантливого Женю Серединина, вместе укомплектовали мощную команду специалистов по стыковкам (комплексированию) электронных узлов.

Однажды, в канун сдачи межведомственной комиссии части «блока имитации борта» (аббревиатура – «БИМБО»), вытолненного киевлянами в рамках темы «Марс-79», жестокий грипп свалил Евгения.

Исцелителем выступил чудодей Грибанов. Как давно свободный от брачных уз, он редко жил в гостиницах, обустроившись у очередной поклонницы. Женщинам нравился синеглазый молчун, его качества настоящего мужчины (в том числе физического свойства), открытость души и кошелька увлекала их.

Был «мудрый, яко змий», Олег Николаевич, «многих женщин любил, но ни одна им не владела» – дело было превыше всего. Перевез друга Серединина на очередной подмосковный бивуак, весь вечер со своей «мучачей» выглаживали раскаленным утюгом ступни бедолаги.

Поставленный к утру на ноги, класный специалист Серединин с блеском провел испытания.

Два друга – метель да вьюга – были в числе отечественных зачинателей ныне обыденного дела: компьютерных сетей. За безвозмездно полученные вычислительные услуги городские власти выделили первопроходцам запущенный подвал, который те осушили от канализационных вод, отремонтировали, насытили техникой.

«Sapienti sat! – Специалист поймет!» В сентябре 1969 года, в одной из лабораторий Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе два стационарных компьютера, соединенных друг с другом пятиметровым кабелем, впервые в мире успешно обменялись данными.

Через двадцать с небольшим лет появилась глобальная компьютерная сеть Интернет с шестьюстами миллионами пользователей.

В начале восьмидесятых годов Серединин, Грибанов со товарищи по выделенной телефонной линии передали от своего киевского компьютера на компьютер в подмосковном городе Химки (конструкторское бюро «Факел») разработанный специалистами участка пакет программ обработки телеметрической информации, поступающей с бортов испытываемых крылатых ракет.

Post scriptum. В конце девяностых годов увидел ударивший по сердцу телевизионный сюжет – догнивающие на корабельном кладбище, неподалеку от бывшего порта притиски Одессы, корабли «Космонавт Юрий Гагарин», «Космонавт Владимир Комаров», «Академик Сергей Королев».

Прощай, молодость!

Конец пусконаладочному управлению пришелся в аккурат на начало перестройки. В суете реакции на актуальный партийный призыв отраслевое чиновничество затеяло «перестановку мебели» – нашу фирму поначалу задвинули в неприметную организацию, затем перевели в новое ведомство. Все делалось в точном повторе бестолковости, бессмысленности, безответственности действий пастырей «великого перелома».

Все, что делает дурак,
Все он делает не так:
Начинает не с начала,
А кончает, как попало¹³⁸.

В межведомственных разборках были уничтожены результаты полутора десятка лет работы, раздроблена компактная и энергичная организация – фактически «служба скорой помощи» стабильно увеличивающемуся корпусу пользователей вычислительной техникой.

Ломать – не строить. Задуматься, вникнуть в суть проблемы, оценить истинную значимость попавшего под абстрактные манипуляции предприятия твердолобые клерки не удосужились.

Все мы упертые, пока к стене не припертые. Понадобилось несколько месяцев сбоев и сумбура, чтобы стала очевидной пагуба совершенной ломки отлаженного механизма. Попытка дать задний ход ситуации не поправила – лучшие составляющие четко действовавшей машины разлетелись.

Понадобилось несколько лет наблюдений за судорогами «обновляемой» страны, чтобы уразуметь – нет задекларированного псевдореформаторами движения вперед и вверх, есть неудержимое падение в пропасть.

Стало понятно, что государство, как институция, разрушается, утратило контроль за быстро ухудшающейся ситуацией, сняло с себя ответственность перед согражданами, что потери материальной базы страны, ее производственного потенциала невосполнимы.

Дошло до затуманенного обещаниями сознания, что привыкшие к манифестам и директивам партийные проповедники – при всей благостности намерений – не имеют четкого плана действий, бродят в потемках, действуют наобум; не побеспокоились о контроле промежуточных результатов, о возможности своевременных корректирующих действий, об оперативном отказе от ошибочных решений.

Остаток иллюзий уничтожила Беловежская сходка. Тщательно спланированная, кровавыми мозолями многих поколений выстроенная, годами отшлифованная система кооперации бывших советских республик расслоилась. Лишенный почвы внешних связей, обвалился киевский гигант компьютеростроения, надолго угасла набравшая было силы индустрия разработок программного обеспечения.

Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана...⁷²

В перечне понесенных утрат особо чувствительна, особо угнетает потеря значительных научно-производственных наработок, накопленных нашим братством специалистов. Саднит душу от ощущения итоговой бессмысленности долгого и интересного, радостного и напряженного пути, прерванного и испакощенного на взлете. Жалость запоздалая корит за собственную растерянность, ею вызванные безразличие и апатию, неспособность возобновить и продолжить дело всей жизни в условиях бандитского капитализма.

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей.
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней⁷².

Презираю неумных, жалких и пустозвонных затейщиков перестройки, растоптавших и предавших свой народ. Неистребимо отвращение к тем из них,

кто разбогател на людском горе, допустил к разграблению общенационального богатства продавших дьяволу душу личностей.

До последних дней жизни хранил уважение к моим современникам, спутникам юности и молодости, жившим «сквозь время» – независимо от давления подгнившей государственной системы, от всех ее негативных качеств, – работавших, созидавших, оставивших потомкам к началу перестроечной разрухи достойное материальное и духовное наследство.

Прощайте, сладкие годы! Прощай, давно ушедшая, полузабытая молодость!

Хороша страна Болгария

На исходе семидесятых годов ушедшего века, в благословенную пору моей инженерной молодости выпала мне удача в течение трех лет пожить и поработать в красивой и доброй стране – Болгарии.

Долгое пребывание за рубежом, не всякому доступное в помянутые годы, дало не только выгоду материальную (за достойное – с друзьями-коллегами – исполнение важного задания), но и пользу образовательную: добавил себе профессиональных и научных знаний; значительно расширил круг знакомств интересными, самобытными людьми; изучил – в меру сил и возможностей – историю страны пребывания, нравы и обычаи ее благожелательного и гостеприимного народа; приобрел навыки самозащиты, выживания в непростой, минному полю подобной, среде соотечественников.

Торговый представитель Дьяков

В августе 1977 года как руководитель группы советских специалистов прибыл в Софию, где, подчинившись представителю Министерства приборостроения Николаю Григорьевичу Карпенкову, «вкупе и влюбе» с ним приступил к исполнению межправительственного соглашения о создании технического центра по обслуживанию отечественной компьютерной техники, тогда объемной, дорогой и дефицитной.

Худощавый, почти щуплый, шумливый и энергичный, Николай Григорьевич в свои «под пятьдесят» издала выглядел шустрым подростком; бурное прошлое выдавали фиолетовые прожилки на кончике носа – к его лучшим страницам он не раз возвращался в застольных «гусарских баладах». Очень походил на актера Олега Анофриева (рассказывал мне, как, уступая просьбам экзальтированных поклонниц кинозвезды, не смущаясь, раздавал им автографы).

По характеру добрый и хлебосольный, он являл собой типичного представителя московского чиновничества министерского уровня – системного, в совершенстве владевшего неписаными законами внутривнутрино-менклатурных отношений; проницательного и многовариантного, умевшего – предвосхищая! – вовремя переосмысливать и перестраиваться.

София, расположившаяся у подножия национальной любимицы – горы Витоша, утопала в зелени обширных парков, представлявших собой прозрачные, душистые дубравы – ухоженные, всегда чистые. Восхищал уютный и красивый, желтой брусчаткой вымощенный центр, ласкало глаз гармоничное сочетание его скверов, памятников, зданий различного стиля и эпох, образующих единый ансамбль старого города.

Радовали теплые погоды – жаркое болгарское лето, умягчаясь к исходу августа, продолжалось в сентябре; захватывало своим дивным повтором – «бабьим летом» – большую часть октября. В эту пору городской рынок («пазар»), овощные магазины («плодове и зеленчуци»), уличные лотки-развалы изобиловали дешевыми овощами и фруктами, которые в несметных количествах закупались горожанами, консервировались и укладывались в обязательных для каждого дома и каждой квартиры подвальных кладовках («мазе»).

В выставленных на тротуары жаровнях пекли каштаны, сочные и сладкие перцы («чушки»); в закусочных («гостилницах») за умеренную плату можно было угоститься рюмкой сливовой ракии, закусив ее помидорами с тертой брынзой («шопский» салат), выкушать вываренные в виноградном уксусе потрошки ягнят (суп «чорба»), испеченные на решетках мангалов ароматные, пропитанные чесноком и перцем котлетки («тюфтета» и «кебабчета»).

Настроение было прекрасным; жизнь казалась полнокровной и удивительной; ближайшее будущее виделось ясным и надежным.

Вездесущий Карпенков скоро добыл решение городских властей о выделении нам этажа в институтском корпусе, расположенном в окраинном квартале «Дервеница». Перепланировали и облагородили служебные помещения, завезли приличную мебель, обустроили комнату для переговоров, склад запасных частей, учебный класс. Особое внимание уделили оснащению кухни – всегда заполненный разносолами холодильник, с бутылкой-другой ледяной водки, стал надежным гарантом успеха предконтрактных переговоров с представителями болгарских организаций.

Подтянулись – молодец к молодцу! – специалисты из Киева, Москвы, Северодонецка, Львова; заселились с семьями в снятых через бюро обслуживания дипломатического корпуса (БОДК) квартирах.

Пошла-поехала работа. Большая часть поднадзорных вычислительных комплексов размещалась в Софии, что гарантировало оперативность и качество их обслуживания. Самый дальний – и наиболее ценимый! – компьютерный объект располагался в Варне, в кораблестроительном институте; более семи сотен километров пути – по горам и долам, к прославленным пляжам – преодолевали на служебных автомобилях.

Запомнился рывок к морю в бархатный сезон, после завершения традиционной выставки-ярмарки в Пловдиве, на которой представляли продукцию киевского объединения «Электронмаш».

Выехали поздно и поспешно, только с одной бутылкой виноградной («гроздовой») ракии; закуску добыли неподалеку от древней болгарской столицы, в руинах стоящего города Плиска – в залитом дождем поле, под вспышки молний, закатав брюки, выбрал несколько пакетов помидоров.

Та курортная поездка аукнулась мне необходимостью доказывать дома чистоту своих помыслов, после того как службист Карпенков доложил по инстанции молодой и гиперактивной жене Валентине, под каблуком которой трепетал с наслаждением не один год, о том, что в числе участников санкционированного им турне была очаровательная, но уже незамужняя Галина Лясота.

Фоновый шум, созданный скучающими женами сотрудников технического центра, ограниченных в общении, без свежих и «клубничных» новостей представлял известную опасность, ибо достойный моральный облик в непростых, зовущих к его искажению условиях зарубежья давал нашим специалистам дополнительный балл к общей оценке заграничного труда, становился решающим фактором – при отсутствии профессиональных претензий – для продления командировки на очередной год.

Однако даже беспорочного поведения, при деловых успехах, было недостаточно для увеличения срока службы, если у представителей промышленности возникали сложности в отношениях с работниками внешнеторговых организаций, решавших вопросы коммерческих связей с иностранными партнерами, обеспечивавших исполнение заключенных ими контрактов.

Они («белая кость»), обязательно имевшие за плечами Академию внешней торговли, составляли основу торгового представительства; им подчинялись, от них зависели специалисты («черная кость»); отношения между этими разнородными слоями советских граждан определялись неписаным правилом: «Всякий сверчок знай свой шесток».

Этому мудрому предостережению не внял, когда осенью 1978 года (замеченный как велеречивый трибун!) необдуманно принял предложение поработать в составе партийного бюро торгпредства и, после отчетно-выборного собрания, был избран заместителем его партийного секретаря. Нонсенс этот потряс даже выдавших виды зубров заграничной работы – в наиважнейшем выборном органе, в который ради карьерного ускорения рвался всякий честолюбивый негоциант, оказался и занял видный пост бог весть кто.

Представитель внешнеторгового объединения, во власти которого находилась наша команда инженеров, выговорил Карпенкову за недосмотр; тот загрузил, в общении со мной потерял прежнюю простоту, стал официально сух и несколько суетлив – с глазами «враслопырку».

Стали мне – парвеню, мозолившему начальственные глаза, – два рукодельника плести лапти в незатейливых традициях бюрократического вышивания: за два-три месяца перевешали на меня всех собак, затем отштамповали подневольное общественное мнение о переизбытке администрации в небольшом трудовом коллективе и, как следствие, сформировали вывод о необходимости упразднить мою должность.

Даже если – как исключенье –
вас растаптывает толпа,
В человеческом назначении
девяносто процентов добра¹⁴⁰.

Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела. Постоянные контакты в партийном бюро с торговым представителем СССР в Болгарии Валентином

Александровичем Дьяковым дали мне неожиданный повод стать на короткую ногу с этим замечательным человеком, воспользоваться его заслуженно доброжелательным отношением ко мне для самозащиты.

Валентин Александрович Дьяков родился в 1925 году на Тамбовщине. В 1943 году был призван в Советскую Армию, воевал командиром минометного расчета, командиром отделения связи, был ранен; в числе его боевых наград – знаменитый солдатский орден Славы. После войны он окончил Московский институт народного хозяйства имени Плеханова. Шесть лет подряд избирался секретарем парткома института, затем был избран секретарем Москворецкого райкома партии.

В 1962 году Валентин Александрович стал заведующим Отделом административных органов Бюро ЦК КПСС по РСФСР, а через год – в возрасте тридцати восьми лет! – был выдвинут на должность заместителя Председателя Совета Министров РСФСР. Летом 1978 года он был назначен торговым представителем СССР в Болгарии.

Рослый, статный и представительный, сдержанный и уверенный в себе, этот государственный человек с первых минут общения, публичного или частного, заставлял смотреть на себя – в прямом и переносном смысле, снизу вверх. Лицо Валентина Александровича имело неизменную мету – мягкую улыбку в сочетании с необычайно симпатичным прищуром глаз, которые ярко и очень точно передавали внешнюю привлекательность и внутреннюю суть этого неординарного человека, его глубинный ум и пронизательную мудрость, доброту, деликатность и отзывчивость.



Высокому положению вопреки, благодаря большому сердцу, природному обаянию и истинной интеллигентности был он открыт, прост и справедлив в отношениях с людьми; поражал глубиной специальных знаний, общей эрудицией; говорил на прекрасном – тургеневского строя – русском языке, чистом и вкусном, как родниковая вода, изобиловавшим старинного чекана этикетными фразами (“не сочтите за труд”, “не откажите в любезности”, “окажите милость”...).

Однажды он посетовал секретарю партийного бюро, как много дорогого рабочего времени отнимает у него писание текстов обязательных докладов, с которыми ему (второму, после посла, официальному лицу) приходится регулярно выступать перед массовой аудиторией – советской и болгарской. Товарищ по партии отреагировал предложением взять в помощь, неофициальным «писателем», своего заместителя, шустрого киевлянина, бойкое перо которого обслужило успешно не одно партийное собрание (хвастаясь, невольно перешел к собственному представлению в третьем лице).

После деликатной и обстоятельной аудиенции у торгпреда обрел статус составителя его речей, совмещая новую, на общественных началах, должность с основной работой в техническом центре. При необходимости уединялись

с Валентином Александровичем в примыкавшей к его кабинету комнате отдыха; он надиктовывал основную мысль предстоящего выступления, обрисовывал его канву; от меня требовалось расширить исходный материал от лапидарных идей до заданного размера текста, сделать его конструктивным, мыслимым (без «воды») и убедительным.

Из всех писанных мною речей наибольшей «популярностью» пользовались тексты, «выпекавшиеся» к очередному партийному собранию, в которых обязательно анализировались недостатки отдельных товарищей, присутствовала товарищеская критика в их адрес. Последнее – немаловажное для служебного досья! – обстоятельство выработало милую традицию, согласно которой представители высшего эшелона торговцев, почувствовав в своих делах «слабинку», забредали перед собранием ко мне «на огонек» и, как бы невзначай, интересовались, не поминаются ли их фамилии в докладе; в случае негативного звучания просили – ласковые и доброжелательные! – приглушить его громкость.

Со временем Валентин Александрович стал поручать мне сочинение строгой конфиденциальности (но не секретных!) личных писем «наверх». Одно из них, заместителю министра внешней торговли Юрию Леонидовичу Брежневу, касательно вводимой в эксплуатацию паромной переправы Варна – Ильичевск, долго не выписывалось набело; несколько раз заходил к торгпреду с очередным вариантом послания, получал замечания, после чего возвращался в небольшую комнатку (специально – как «спичрайтеру»! – мне выделенную) для очередной переделки текста.

Когда, выполнив последнюю коррекцию, резво спускался в приемную, обронил на лестничной площадке папку с документами; чересчур резко наклонившись за рассыпавшимися листками, услышал треск рвущихся нитей – мои брюки (из японского материала, но болгарского пошива) расползли по всем швам и превратились в сходящиеся у пояса полосы ткани.

Закрывшись у себя в кабинетике, соединил швы выпрямленными скрепками и – в металлизированных штанах – успешно сдал Валентину Александровичу исполненный заказ.

Мои обскуранты-руководители до последнего ловили рыбку в мутной воде ими затеянной интриги, упорно не замечая успехов ставшего на крыло, но им подчиненного, молодого сокола (иронизирую!); к исходу второго года пребывания в Болгарии документов в Москву на продление срока моей командировки не отправили.

Но оно состоялось – после звонка торгпреда в Москву, министру приборостроения Шкабардне. Утерявшему от позитивного решения министра дар речи Карпенкову коллеги из Москвы с большим служебным удовольствием разъяснили волю высшего руководства: аннулирована, в случае дальнейшего упорствования, может быть только его должность министерского представителя.

Николай Григорьевич еще некоторое время смотрел на меня медведем, но меч в ножны вложил. Поработали мы с ним, вновь ставшим милосердным, остаток командировочного срока во взаимопонимании и согласии, расстались добрыми приятелями; позже не раз встречались.

По истечении третьего года моей болгарской эпопеи торгпред предложил вновь продлить ее, но – «...*дым Отечества нам сладок и приятен*»⁶⁷ – мне очень захотелось домой. На прощание Валентин Александрович в знак благодарности за доброе сотрудничество выправил мне в посольстве пакет документов для заведомо успешного поступления в Академию внешней торговли, переговорив предварительно с ее руководством.

Закруглив дела в Болгарии, я прибыл на место будущей учебы, сидел с полчаса в приемной ректора, ожидая обязательного предварительного собеседования, но – загрустил и вернулся в Киев, к любимой инженерной работе.

Post scriptum. По возвращении в Киев я еще несколько лет поддерживал хорошие отношения с Валентином Александровичем телефонным общением, пока оно естественно-жизненным образом не оборвалось. Но позитивное, два года длившееся воздействие на меня благоточивого торгпреда Дьякова не иссякло и по сей день. Оно особо остро выявилось, в моих внутренних суждениях, в формировании моей философии, в те дни, когда колокол демократии зазвонил над нашей страной, когда властвующие звонари один за другим усердно и бездумно ее рушили.

Думается мне, что мы с Валентином Александровичем в то роковое время были бесконтактными единомышленниками, что мы одинаково, синхронно друг с другом воспринимали и оценивали рукотворный бедлам, воцарившийся в нашей общей стране на стыке восьмидесятых–девяностых годов.

И трудно мне только представить меру душевных переживаний, которые испытал отважный воин Отечественной войны (завершивший ее взятием крепости Кенигсберг!), наблюдая, как предавались боевые подвиги и победа солдат-освободителей; как стремительно демонтировалось послевоенное устройство Европы, выстроенное с учетом гарантированной безопасности главной страны-победительницы; как освободившееся из-под ее контроля европейское пространство незамедлительно превращалось (вплоть до российских границ) в военный форпост западных свободолюбцев, озабоченных «правами человека» и содержанием недр в недавно великой державе.

И не хватает мне воображения, чтобы оценить силу возмущения бывшего крестьянского паренька, стальной волей и природной одаренностью достигшего степени государственного мужа и в этом высоком качестве увидевшего уничтожение и разграбление социальной и экономической базы страны, в создание и утверждение которой он – и сотни тысяч ему подобных граждан, созидателей и защитников! – положили великий труд, пролили пот и кровь, отдали свои жизни.

И не раз и не два я, неизлечимый идеалист, задавался вопросами: «Почему государственная система, стремившаяся тщательно, выверенно, по принципу высокого профессионализма и безукоризненных нравственных качеств подбирать и расставлять в своей структуре хозяйственные и чисто руководящие кадры, допустила на вершину власти случайных, пустопорожних людей, не помнящих родства иванов? Почему на их месте не оказались люди, подобные Валентину Александровичу Дьякову?» Я ставлю перед собой эти, отнюдь не риторические, вопросы и не нахожу на них удовлетворительного ответа.

Post post scriptum. Если на очередной, с моим участием, дружеской пирушке подбирается состав любителей русской песни, я обязательно иницирую коллективное пение одной из них, очень мне дорогой:

Не уезжай ты, мой голубчик,
Печальна жизнь мне без тебя...

Этот прелестный городской романс много лет назад, в неформальной обстановке горного пансионата в Пиринском крае, я исполнял застольным дуэтом с торговым представителем СССР в Народной Республике Болгарии; эта старинная, из девятнадцатого века родом песня навсегда осталась в моей душе памятным знаком об изумительном, некогда близком мне человеке – Валентине Александровиче Дьякове.

О выгоде знания иностранного языка

Из всего числа познавательных удовольствий, испытанных мною в Народной Республике Болгарии, наименее приятным, растянувшимся на долгих три года был увлекательный процесс непрерывного изучения и обиходного применения болгарского языка.

Его теоретическую основу нам – личному составу технического центра Министерства приборостроения (и за его средства) – преподавала дочь русских эмигрантов, до выхода на пенсию работавшая в столичном университете; курс обучения запомнился качественными, методически цельными лекциями, сопровождавшимися экскурсами в прошлое страны, рассказами о народных традициях, об особенностях быта и культуры этнических меньшинств: турок, цыган, помаков (омусульманенных болгар), гагаузов.

Правда, закрепить знания и приобрести практические навыки разговорной речи удалось только тем из нас, кто силой характера сумел преодолеть искушение продолжать общение с местными жителями на русском языке, которым те более или менее хорошо владели (уж не говоря о том, что наши «другари» и «другарки», с которыми нас объединяли профессиональные интересы, прекрасно говорили по-русски).

Для меня, любителя использовать всякий повод для расширения и углубления познаний, отказаться от редкой возможности получить скорое и твердое знание иностранного языка было недопустимо, неразумно. Так полагал и мой коллега – программист Миша Вознюк, с которым после завершения подготовительных курсов на состязательных принципах стали общаться с болгарями на их языке.

Жизнь подтвердила, что «знание – сила», что свободное владение языком страны пребывания имеет не только интеллектуальную прелесть, но может дать и ощутимую материальную выгоду. В этом убедился осенью 1979 года, когда прибывшие в Софию ответственные представители нашего министерства – Сан Саныч Спица и Борис Николаевич Соленов – долго и безуспешно уговаривали болгарских партнеров приобрести партию вычислительной техники по, как они утверждали, очень разумной цене.

Встреча стартовала «на площадке» хозяев, во внешнеторговом объединении «Изотимпекс»; там меня, сопровождавшего гостей, не знали – посчитали также «залетной птицей». Поначалу мирное согласование, позиция за позицией, стоимости каждого изделия после нескольких часов естественных споров и благожелательных уступок неожиданно сменилось настоящей дуэлью между нашими переговорщиками и откровенно прозападным оппонентом.

Повысив голос до фистулы, он заявил, что, во-первых, все цены на изделия завышены, что, во-вторых, выгодней – хоть и за звонкую монету – купить более надежную американскую технику. Эмоциональную вспышку подчиненного погасила руководитель болгарской делегации: на родном языке, очень бегло и резко, одернувшая спорщика – на доллары нечего рассчитывать, нужно выторговывать более низкую цену (в так называемых «клиринговых рублях») у «руснаков».

Москвичи, по причине незнания болгарского не понявшие сути реплики, но возмущившиеся неуважительным к себе отношением, дружно поднялись и покинули переговоры. Пока они, приводя нервы в порядок, курили в скверике, перевел им содержание очень значимых фраз, раскрывших реальные возможности покупателя, показавших отсутствие у него варианта, альтернативного нашему.

Начальник департамента вышла расстроенная, с пакетом сувениров. Извинившись за недоразумение, она согласилась на тайм-аут для спокойного обдумывания данных болгарской стороне предложений.

На следующий день в нашем техническом центре – свежий и очень протокольный – встречал делегацию «Изотимпекса». Принимая галантно плащ у ее главы, рассыпался мелким бисером: на уверенном болгарском витиевато и пространно поприветствовал гостей, сделал тонкий и обширный комплимент в адрес единственной среди них дамы. Та смутилась невероятно; когда к ней вернулись естественный цвет лица и дар речи, произнесла невнятно: «Не знала...».

Контракт был подписан на условиях Министерства приборостроения.

О правилах хорошего поведения

Вечером субботнего дня октября 1977 года – после завершения субботника на строящейся Плевенской панораме – служебный автобус с утомленными сотрудниками торгового представительства взял курс на Софию. Более других расслабленный прощальным ужином на свежем воздухе, энергичный коллектив нашего, только созданного технического центра, продолжая застолье, монотонным многоголосием грянул:

«А запрягай-ка, тятка, лошадь,
Да серую, лохматую...».

Молодо – зелено. Пропели (точнее прокричали) – самозабвенно, с гиканьем и подсвистом – несколько «забойных» песен, прежде чем заметили ужас и осуждение на вытянувшихся лицах в меру подогретых, но без-

молвствовавших соотечественников, усмотревших в публичной раскованности свежих заграничных специалистов нарушение правил поведения советских граждан за рубежом.

Словно по безмолвной команде невидимого дирижера, наша неистовая капелла оборвала пение – вмиг протрезвев, помрачнела и каждым своим членом приступила к перебору возможных неприятностей, которые сулила выразительная мимика законопослушных зрителей.

Действительно, песенный спецрейс не остался без кулуарного обсуждения, но им порожденное общественное мнение должной карающей силы не набрало. Неделью-другую побродило оно пугающим – в пересудах и преувеличениях – привидением по коридорам торгпредства и сошло на нет, оставив несостоявшимся жертвам на память о себе легкий испуг и твердое убеждение, что в малознакомой среде сограждан вести себя следует трезво и сдержанно, без излишнего проявления эмоций.

На первых порах удивлялся, наивный, и возмущался (только – про себя) тому, с какой страстью мои пассионарные соплеменники, исполняя ритуал нравственного воспламенения (чаще – за глаза, реже – на массовых сходках), рвут на части, заклевывают собрата, оказавшегося в неприятном положении.

Позже, когда простоту душевную в оценках сменила близкая к сарказму ирония, согласился с незыблемостью первобытного принципа стадного поведения: «В стаю попал – лай не лай, а хвостом виляй»; определил для себя как доказанную теорему, что для дисциплинированного члена глубоко эшелонированного зарубежного коллектива удар судьбы-злодейки по соседу означает – на подсознательном уровне – очередное уменьшение вероятности оказаться на его месте, вызывает у счастливицы приступ упоительного восторга. Ибо для находящихся за тысячу верст его коллег-соотечественников («перебиравших копытами» от нетерпения) вакансия на рабочее место при торгпредстве образовывалась не только по истечении установленного срока командировки ее хозяина, но и досрочно возникала в случае его «подзалета».

Жанр адюльтера – разнообразный по форме бытового представления – в тисках заграничных ограничений был уделом редких смельчаков; «забава» эта решившихся на нее экстремалов привлекала скорее не чувственными удовольствиями, а возможностью впрыснуть в кровь хорошую дозу адреналина – от хождения по лезвию бритвы.

Как-то в представительство внешнеторговой организации, занимавшейся экспортом оборудования для пищевой промышленности, нагрянуло московское начальство. Хозяина офиса на месте не оказалось – отлучился по неотложным делам, оставив неосторожно секретарю контактный телефон.

Руководитель делегации, набрав предложенный ему номер, услышал на другом конце провода женский голос, произнесший приветливо и воркующе: «Моля!» («моля» – в болгарском языке универсальное слово, имеющее десяток значений: «алло», «да», «повторите», «извините»...).

Учуяв карьерную перспективу, заезжие коммерсанты попытались было вывести неосторожного коллегу на чистую воду (выводили дня два), но тот от всех атак отбил. Более того, его жена подвела черту

под опасным расследованием, заявив, что критический отрезок времени ее супруг провел с ней.

Что и говорить – хороший левак укрепляет брак!

Под наибольшей угрозой попасть «в историю» ходили сотрудники, по долгу службы пользовавшиеся служебными автомобилями – дорожно-транспортное происшествие означало не только выяснение отношений с местной милицией (обычно лояльной к «руснакам»), но и параллельный разговор «повзрослому» в стенах торгпредства.

В этом жанре приключений особо прославился неугомонный Николай Григорьевич Карпенков, на третьем году службы по окончании курсов вождения получивший в пользование белоснежную «шестерку». Природа не дала ему требуемой координации движений, поэтому за рулем наш шеф был дерзок и чрезвычайно опасен. Однажды, бросив баранку, рванулся закрывать открывшуюся на вираже дверь; сидевший рядом Боря Сидоренко, взяв управление в свои руки, избежал столкновения со встречным грузовиком.

Момент истины наступил душным августовским вечером на окраине Софии, где на пути непредсказуемого авто оказалась безвинная жертва – новенькие, только купленные (еще без номерных знаков) «Жигули» аналогичной модели, управляемые столичным жителем. Пытался болгарский гражданин уйти от судьбы: рванулся было в одну сторону, затем – в другую; дал задний ход, но без успеха – протаранив помеху слева, Николай Григорьевич пробил забор и успокоился в своем бывшем автомобиле во дворе частного дома.

Обе машины эксперты признали не подлежащими восстановлению, потерпевшему болгарину страховая компания вернула полную стоимость покупки, наш автомобиль списали. Карпенкова же, по причине планового отъезда на родину и умелого административного маневрирования, надвинувшиеся дисциплинарные проблемы не затронули.

Самое неприятное в автодорожных эксцессах было то, что даже в случае полной невиновности нашим водителям доводилось проходить чистилище коллективного обсуждения, подпадать под незаслуженные «оргвыводы».

В такую ситуацию, как кур в ощип, попал наш специалист, гренадерских габаритов Николай Михайлович Лакуша, когда по дороге в аэропорт его машину «поцеловала в зад» (каламбур!) болгарская стюардесса: перед перекрестком запутавшаяся в педали газа босоножка дала ее легковушке неожиданное ускорение. (Симпатичная нарушительница, не желая объясняться с автоинспекцией, была готова на любые формы оперативной компенсации ущерба, но стоек был советский специалист Лакуша.)

В юности, будучи рекрутом, он служил при маршале Якубовском, командовавшем Киевским военным округом. Однажды, запирая на ночь сейф, маршал не заметил второго ключа, торчащего из внутреннего, небольших размеров отсека и мешавшего закрыть наружную дверцу.

Военачальник, в сравнении с которым масштабный Лакуша смотрелся невзрачным парнишкой, подавил неподатливую дверцу плечом и, согнув внутренний ключ, закрыл сейф.

Открыть его следующим утром маршал не смог; заподозрив божество, он вызвал особистов, которые, первым делом, допросили не-

причастного, но подозреваемого Николая; только вскрытый автогеном сейф объяснил природу происшествия и избавил от неприятностей молодого воина (потерявшего, в итоге, немыслимое количество нервных клеток и значительную часть прически).

Из этой же серии приключений трагикомически завершилось происшествие с белорусским специалистом, представлявшим в Болгарии интересы Минского завода вычислительной техники. В центре города он чуть тронул бампером своей машины (марки «ГАЗ-69») притормозивший перед ним «мерседес». Водитель иномарки, не почувствовав контакта, продолжил путь, наш же, потеряв голову, «пришвартовался» к тротуару и отправился убедить в собственной невинности постового милиционера (ничего, кстати, не заметившего), регулировавшего движение из высокой стеклянной будки.

Нашел парень приключение на свою голову. Карабкаясь к регулировщику по крутой лесенке, оступился, упал; очнулся – гипс на сломанной ноге и повязка на пробитой голове, в которые его обрядили врачи столичной клиники, – и море проблем.

Во время очередной – в воскресный день – футбольной тренировки подвернул ногу юрист торгпредства Игорь Изюмов. Подранка усадили в мой «Москвич», и мы (в одних трусах и кедах) помчались в больницу. На бульваре Христо Ботева, остановившись на красный сигнал светофора, повернул голову вправо и обнаружил в притормозившей рядом «Волге» заместителя торгового представителя Трушина, с нескрываемым ужасом рассматривавшего голых (как ему виделось) советских граждан.

Немая сцена длилась мгновение. Мы разъехались, предоставив своему начальнику возможность вырисовывать в воображении сцены оргиастических увеселений, в которых проводят время его сотрудники.

Утром Игоря, зашедшего в кабинет Трушина с папкой документов, встретил рев разъяренного льва – посыпались обещания всевозможных наказаний, в том числе высылки в двадцать четыре часа. Когда шум стих, рациональный юрист разъяснил шефу, что виденная им сцена была не нудистским представлением или выездкой эксгибиционистов, а глубоко гуманной акцией оперативной помощи пострадавшему товарищу.

Виктор Сергеевич Трушин – внешне суровый и бурливый, но в глубине души мягкий и сердечный человек – пробурчал, больше для вида, пару заключительных критических фраз и успокоился.

На том инцидент был «исперчен» (в терминологии В. В. Маяковского).

Вениамин Александров

По установившейся традиции каждый год, в конце июля, на стадионе имени Василя Левского проводилась спартакиада советского – многочисленного, рассеянного по всей стране – землячества, центральным событием которой была финальная встреча наиболее тренированных и азартных любителей футбола, победителей предварительных турниров.

Дважды довелось мне вместе с партнерами по техническому центру в составе команды торгового представительства отбегать, по два тайма, на прекрасном газоне главного стадиона Болгарии. Оба раза нашими соперниками были лихие ребята из Запорожья, работавшие по контракту на Кремиковском металлургическом комбинате. Первый для меня матч наша команда проиграла, во втором – добилась успеха, во многом благодаря нашему тренеру Вениамину Вениаминовичу Александрову.

Спортивные болельщики, чей стаж начинается не позже середины шестидесятых годов, помнят, каким массовым энтузиазмом в нашей стране сопровождались первые победы хоккейной сборной на Олимпиаде 1964 года в Инсбруке, на последующих чемпионатах мира; помнят знаменитую связку тренеров Аркадия Чернышева и Анатолия Тарасова; помнят знаменитые тройки нападающих: братья Майоровы – Старшинов, Локтев – Альметов – Александров.

Нетрудно представить мои удивление и волнение, когда, оказавшись случайно на тренировке болгарских хоккеистов, увидел знакомое по телевизионным трансляциям лицо прославленного спортсмена, помню, как дрожали коленки и срывался голос, когда, набравшись храбрости, знакомился с ним.



Веня (или – Вен Веныч; очень скоро мы перешли на «ты») оказался дружелюбным, общительным человеком. Рассказал мне, что после завершения игровой карьеры некоторое время работал с юношеским составом родного ЦСКА, затем во второй половине семидесятых годов приехал тренировать сборную команду Болгарии.

Вместе с семьей снимал квартиру в центре, на бульваре маршала Толбухина.

Жена Светлана учительствовала в посольской школе (к ней «первокашкой» попал мой сын Сережа). Третьим, восторженно-обожаемым членом семьи была маленькая (и очень реактивная!) дочурка Наташа; сын Игорь учился в Московском институте военных переводчиков. (Отец шутил: «Слепых через дорогу переводить».)

Хоккейные тренировки проводились на открытой – под парусиновым навесом – ледовой площадке, на стадионе «Червено знаме»; по соседству с ней, после работы и по выходным дням, набирал игровой практики, проводил турнирные и товарищеские встречи наш любительский футбольный коллектив. Завершив дневные занятия с подопечными (сборная Болгарии как раз готовилась к переходным – из группы «С» в группу «В» – играм со сборной Китая), к нам стал захаживать Вен Веныч – понаблюдать футбольную суматоху соотечественников, потолковать о жизни. Постепенно, выдавая советы и рекомендации, он втянулся в параллельный тренировочный процесс, превратился – на общественных началах – в нашего наставника.

После нескольких месяцев тренировок выровнял и усилил у разношерстных и разновозрастных подопечных уровень физической подготовки; приучил

к жесткости в борьбе за мяч, в столкновениях с противником; привил начала чемпионского характера.

Перед решающим матчем года провели двухдневные (в выходные дни) сборы в Кюстендиле – команда партийно-хозяйственного актива этого окружного года уже много лет была надежным спарринг-партнером команды торгпредства.

Товарищеский матч – в полуденное время, в несусветную жару – мы проиграли. Хозяева, чтобы как-то подсластить горькую пилюлю неудачи, вывезли нас в безбрежный сад и дали каждому гостю возможность «для дома, для семьи» собрать по ящичку знаменитой кюстендильской черешни.

Вечером в горном санатории перед заходом в турецкую баню провели на баскетбольной площадке новую игру в формате «два на два». В нашей паре незаменимым стопером стоял Веня – профессионально принимая на бедро соперников, не давая им забить ни одного гола; реванш оказался более чем убедительным.

За одного битого двух небитых дают. В финальном матче спартакиады 1979 года футбольная команда торгпредства переиграла прежде непобедимых запорожцев с минимальным счетом. До сих пор «надуваю щеки», когда вспоминаю единственный гол, забитый мною в том незабываемом матче (на поле, на котором месяцем раньше знаменитый Леонид Буряк – тому очевидец! – забил, с углового удара, победный гол в ворота команды «Левски–Спартак»).

В общении с мудро-спокойным Веньчем открыл для себя (а затем с максимальной общественной пользой использовал) его редкий дар устного рассказа, каждый экземпляр которого он очень качественно «вылепливал» из событий своей удивительно интересной жизни. Каждое слово его искрометных экспромтов играло; в единственно верный смысловой ряд выстраивались фразы излагаемых историй – в них были своеобразный колорит, тонкий юмор, легкая самоирония, которые усиливало бесстрастное лицо рассказчика.

В составе сборной Болгарии по хоккею выступали братья-близнецы, которых звали Ленин и Сталин (в такой экзотической форме проявили пролетарский интернационализм родители новорожденных в значимом для них 1953 году).

Во время очередного отборочного матча первенства мира, проводившегося в Париже, Ленин сбежал – ушел в эмиграцию. Находившиеся при команде представители органов отловили «невозвращенца» в каком-то злачном заведении, затащили в гостиницу и стали зверски избивать. Чтобы предотвратить смертоубийство, Веня прикрыв лежащего бездыханным парня своим телом, плотно обхватив его руками (тронуть тренера чекисты не решились).

По роду своей общественно-партийной работы мне доводилось часто бывать в пограничном – с Грецией и Югославией – Благоевградском округе, с которым у советского торгпредства были давние, особо дружеские отношения. Объездил самые отдаленные уголки этого дивной красоты горного края; выступал перед его жителями, организовывал – вместе с радушными хозяевами –

тематические выставки, семинары, празднование общих для наших народов памятных дат.

К слову, в год моего приезда в Болгарию в Благоевграде проводился песенный фестиваль «Ален Мак», на котором композитор Ян Френкель был провозглашен почетным жителем города.

Не раз привозил в город именитых гостей-соотечественников. Однажды, договорившись предварительно с председателем окружного общества «Знание», добрейшим Иосифом Кочевым, приехал со спортивной знаменитостью – Вениамином Александровым.



За два часа непринужденного общения с переполнившимися зал слушателями Вен Веньч покорила и обаяла их своими устными мемуарами. Слушавший его Петр Галчин, заведующий отделом окружкома партии, попросил продлить пребывание интересного гостя на Благоевградской земле, дать ему возможность высказаться перед более широкой аудиторией.

Просьбу уважил – и получился праздник доброго человеческого общения, с долгими душевными беседами, с выступлениями – специально для гостей! – самодеятельных фольклорных коллективов, с шумными застольями, с прекрасным отдыхом и осмотром местных достопримечательностей.

Побывали в самом маленьком и самом винодельческом городке страны Мелнике (всего четыреста жителей!); в вырытой в меловой горе пещере из громадных бочек («от матки») дегустировали вино «Старый Мелник», закусывая его прохладной, чуть влажной брынзой («овче сирене»); страсть заядлого рыбака Веня утолил ловлей озерной форели в ближайшем водоеме. (Не хватило времени на планировавшийся визит в город Петрич – к знаменитой целительнице-предсказательнице бабе Ванге.)

После Болгарии долгое время поддерживал приятельские отношения с притягательным Александровым, бывал в его московской квартире, на Калининском проспекте, знакомился с его громадной коллекцией призов и наград. В начале окаянных девяностых в кутерьме всеобщей ломки житейского уклада, человеческих отношений связи наши оборвались.

Когда первые ужасы ельцинского погрома прошли, попытался вернуть давнюю дружбу, но – по собственному легкомыслию и недосмотру – оказалась утерянной старая записная книжка. И однажды, услышав от телевизионного комментатора о проведении в Москве хоккейного турнира-мемориала памяти Вениамина Александрова, осознал, что наша дружба не вернется никогда.

Когда воротимся мы в Портленд,
Нас примет родина в объятья,
Но только в Портленд воротиться
Нам не придется никогда!¹⁷³

Рослый, осанистый, безмерно обаятельный **Валентин Александрович Дьяков**, торговый представитель СССР в НР Болгарии, и его заместитель, **Эдуард Васильевич Романовский**; снимок 1979 года.

Три года довелось мне поработать в Болгарии, и два из них я был внештатным составителем речей мудрейшего из мудрейших, замечательного аналитика-профессионала Дьякова.

Уже много лет саднит мое сердце мысль – почему в конце восьмидесятых годов, в «минуты роковые» моей Отчизны вне принятия ответственных решений оказались сотни сотен патриотов и государственников, подобных Валентину Александровичу Дьякову?!



Первый секретарь ЦК Компартии Болгарии Тодор Живков высоко ценил торгпреда СССР Валентина Александровича Дьякова, много сделавшего для развития внешнеторговых отношений двух братских стран.

Снимок 1980 года, Пловдивская ярмарка. Изумительный прищур Валентина Александровича – физиономическое свидетельство глубины его ума, его порядочности, его истой интеллигентности.

Есть русская интеллигенция. Вы думали – нет? Есть!
Не масса индифферентная, а совесть страны и честь.



Летом 1978 года было торжественно открыто вновь выстроенное здание торгпредства СССР в Болгарии.



Футбольные матчи с болгарскими друзьями были основной формой спортивного досуга специалистов торгпредства СССР, любительскую команду которых на общественных началах тренировал Вениамин Вениаминович Александров.

Ревизор

Жарким июнем 1979 года Паша Скачков, второй секретарь посольства, шепнул мне на ухо, что в наш технический центр вот-вот (как снег на голову!) свалится необычный ревизор – начальник особого отдела Министерства приборостроения.

С Павлом Рафаиловичем (так именовал нового приятеля при третьих лицах) сошлись накоротко в ноябре 1977 года, когда советское посольство готовилось к масштабному приему по случаю юбилейной годовщины Октябрьской революции. Тогда жены сотрудников торгпредства (это был мой участок ответственности) были мобилизованы на лепку пельменей, которые – в сочетании с монопольной «Столичной» – должны были, в очередной раз, указать дуайену и ему подведомственному дипкорпусу на незыблемость отечественной политики на Балканах.

По своим дипломатическим обязанностям Паша курировал вопросы науки и техники, одновременно учась в заочной аспирантуре Киевского института электросварки имени Е. О. Патона. Его научный руководитель, профессор Лебедев, часто приезжал в Софию в компании со своим сотрудником и подопечным – Валерием Щербицким; сестра последнего после окончания Киевского медицинского института вышла замуж за болгарина, сменила гражданство.

И от доброго отца бывает худая овца. Сын первого лица Украины был не дурак выпить. Пагуба эта на гостеприимной болгарской земле без надлежащего контроля в любой момент могла перерасти в беспробудное пьянство; по этой причине секретарь посольства, бросив все дела, неотступно сопровождал важных гостей.

Отношения с Пашей Скачковым укрепила кооперация наших усилий и возможностей в писании обязательных для диссертанта статей в болгарских научно-технических журналах, куда мой соавтор был вхож, как медный грош. Точный перевод и шлифовку печатного материала производил доцент Софийского электротехнического института Гоча Гочев – питомец моего ленинградского научного наставника Владимира Ивановича Тимохина; благодаря Гоче рукописи принимались редколлегией с первой подачи.

Доверительность отношений с секретарем посольства позволила мне – в опасной ситуации приезда представителя органов – загодя получить не подлежащие разглашению сведения, осознать опасность предстоящей «разборки», основательно подготовиться к ней. От него узнал, что повод к выяснению отношений подал наш бывший сотрудник, специалист из Северодонецка, два года «ходивший на ножах» с Карпенковым. «Поножовщина» кончилась тем, что Николай Григорьевич не продлил оппоненту командировку на третий год; тот по возвращении домой ответил недругу перенасыщенным компроматом письмом («телегой») на имя нашего министра.

Паша основательно проинструктировал меня о правилах поведения в неизбежном диалоге: больше слушать, чем говорить; отвечая на двусмысленные вопросы, переводить разговор на общие темы; быть сдержанным и аккуратным в характеристиках. Касательно щекотливой, но немаловажной проблемы оказа-

ния гостеприимства нежданному гостю (коньяк с деликатесами или кофе с печеньем) порекомендовал действовать согласно развитию событий – беспроblemному или малоутешительному.

Красному яблочку червоточинка не в укор. Николай Григорьевич, узнав о грядущих осложнениях, поначалу упал духом; затем укрепился в мужестве – «разогнал» всех специалистов по командировкам, сам отправился в другой конец Болгарии, оставив меня (с секретарем техцентра) за старшего в гарнизоне, со всей полнотой полномочий и мерой ответственности.

Должность секретаря-машинистки, в условиях естественной безработицы среди жен советских специалистов, была для них желанной целью. Получали они ее, только выстояв в долгой очереди или «по звонку».

Первой бойкое место в нашем техническом центре заняла Генриетта Тохиян, жена представителя Всесоюзного агентства по авторским правам – роскошных форм, рыхловатая женщина, с переизбытком явно не используемой мужем чувственности; обожала пикантные беседы с более молодыми сотрудниками.

Пришедшая ей на смену Людмила Леонидовна, чей муж служил представителем ВАО «Интурист», была, наоборот, почти пуританка – строга, выдержана в одежде и разговорах; правда, уже после отъезда нравственной пары на родину узнал, что брак их был фиктивным, заключенным, ко взаимной выгоде, на период заграничной командировки (в которые холостых и незамужних не выпускали).

Затем пришла Лена Щамолина, вторая половина секретаря посольства по делам культуры – молодая, очень контактная, бесшабашная и речистая москвичка («Лесбиянство хуже пьянства», «Прямой наводкой по ж... сковородкой», «Болтун у телефона – находка для шпиона»). Во время гастролей ансамбля «Бони-Эм» в Москве, бросив все дела, Лена улетела в Первопрестольную, где прорвалась на выступление любимой группы.

В рассматриваемый (очень критический!) период должность секретаря занимала кандидат технических наук Нина Павловна Поезд, чей муж (также «остепененный») трудился в одном из софийских институтов. (Как-то она рассказала мне историю о том, как ее супруг – еще в Союзе, – возвращаясь из командировки, прислал на работу телеграмму: «Вылетаю самолетом. Поезд».)

Очень вдумчивая, Нина Павловна предложила следующую схему приема дознавателя: готовятся оба варианта угощения; услышав мой сигнал, она вносит либо строго официальный набор (по как бы случайному хлопку ладонями), либо (по выразительному покашливанию) – «закусить и выпить».

Когда московский гость – сухопарый, желчный, с пронзительным взглядом – повел меня в кабинет на допрос, Нина Павловна подтащила к «комнате пыток» сервировочную тележку с двумя не пустыми подносами на ней и замерла перед дверью в напряженной стойке пойнтера.

Мой разговор с представителем спецслужб не заладился с первых минут: он мне про Фому, я в ответ – про Ярему; он мне про прегрешения Карпенкова, в ответ – про невиданные агитационно-пропагандистские успехи, которых по

партийной линии достиг в работе с болгарскими трудящимися. И все же медленно, но уверенно жесткость общения со мной набрала силы; после наводящих, внешне безобидных вопросов заплечных дел мастер потребовал подтвердить факт запрещенной покупки товара за доллары, совершенной супругой моего шефа (за этот грех жены Карпенкову грозила отправка в отечество в двадцать четыре часа).

Разволновавшись, чекист налил в стакан воду, попытался выпить ее, но поперхнулся и зычно закашлялся. В сей же момент распахнулась дверь – любезная и бессловесная Нина Павловна, строго исполняя ею разработанную схему, вошла в комнату и поставила перед разгоряченным следователем поднос с успокоительным: бутылку коньяка марки «Поморие», разнообразные мясные заедки, тоник (дескать, молодая наша примите безгневно!); затем, сделав неуверенно нечто похожее на реверанс, развернулась и удалилась.

Официальное лицо побагровело, затем побелело, поднялось и навсегда исчезло (без последствий). Употребляя терминологию Карпенкова, трудовое знамя коллектива технического центра оказалось на высоте и в сухости.

Последний год

Год восьмидесятый, последний в моей болгарской экспедиции, запомнился особыми, начальным и конечным, маркерами: январь – всеобщим возбуждением по случаю состоявшегося ввода советских войск в Афганистан; июль – громом поразившим известием о смерти Владимира Высоцкого, которое привез из Москвы мой сменщик.

Выборочная память на «острые» события проявилась у меня в давнем (студенческом, целинном) августе шестьдесят восьмого года, когда в штабе студенческих строительных отрядов узнал из радиосообщения о наших танках на улицах Праги (кстати, в тот же день умер хоккейный защитник Виктор Блинов, славившийся мощнейшим броском).

Переплетение схожих военно-политических событий ощутил, в несколько неожиданных проявлениях, на себе. Над моей квартирой жила семья чешского специалиста, обычно хоть и сухо, здоровавшегося со мной; после афганского «взрыва» братславянин стал демонстративно отворачиваться.

В начале весны во время финального матча чемпионата мира по хоккею СССР – Чехословакия после каждой забитой чехами шайбы соседи сверху дружно били ногами по полу с такой силой, что в моей квартире раскачивалась люстра. После финального свистка, возвестившего победу советской сборной, выстучал притихшим болельщикам шваброй по потолку азбукой Морзе ненормативным



диалектом – большой привет (не для декодировки и перевода – для собственной разрядки).

В это же время познакомился с корреспондентом телепрограммы «Время» в Болгарии Германом Седовым. Солидный, очень интересный человек, участник Отечественной войны, он с молодой женой и двойняшками, Катей и Гошей (ровесниками моего сына Сережи), жили на третьем этаже дома, в одном подъезде с посольством небольшого азиатского государства. Однажды Гоша, выйдя на балкон, окропил – без задней мысли – поднятый флаг дружественной страны. Поскольку унижение державного достоинства наблюдали посольские работники, старшему Седову пришлось улаживать возникший дипломатический конфликт. Позже его перевели на работу в Афганистан, откуда он долгое время вел прекрасные – острые и содержательные – телевизионные репортажи.

В мае Болгарию крепко потрянуло. Землетрясения были заурядным явлением местного быта, но в тот раз удар стихии был близок к разрушительному.



Боря Сидоренко, живший на пятнадцатом этаже дома в квартале «Младость-1», рассказывал, что от качка вместе с водой из ванны на пол выплеснуло его жену Ларису (в прошлом – профессиональную пловчиху).

Сотрудники аппарата торгпредства, жившие в ему принадлежащем доме на улице Гагарина, вместе с домочадцами, в неглиже (был поздний вечер), спешно – как и все жители города – выбежали во двор, где ожидали успокоения природы. Какой-то шутник, наблюдая общую взволнованность, решил поддать жару: объявил о том, что в три часа ночи, как сообщили по радио, стихия ударит еще сильнее.

К назначенному времени советские граждане, вытащив все носильные вещи и продукты питания (в квартирах осталась одна мебель), сидели на баулах и ждали светопредставления, но не дождались. (Весельчака-провокаатора скоро вычислили и отправили на родину.)

В разгар лета приехал заместитель министра приборостроения Кавалеров улаживать конфликт в его любимом детище – советско-болгарском институте «Интерпрограмма», специализировавшемся на разработках программного обеспечения для автоматизированных систем управления.

С Гением Ивановичем меня увязывала общая альма-матер: Ленинградский электротехнический институт (ЛЭТИ), в котором замминистра учился в начале пятидесятых годов (вместе с легендарным Владимиром Борисовичем Смолковым, вместе с моим старшим другом – обаятельным Германом Васильевичем Беляевым, идеологом автоматизации макетных испытаний судов в Ленинградском ЦНИИ имени академика Крылова).

Полусекретной целью визита Кавалерова были переговоры с болгарскими партнерами о поставках с местных складов запасных частей для американ-

ских суперкомпьютеров, закупленных для обслуживания предстоящей Московской Олимпиады. В связи с афганскими событиями американцы и дружественные им западноевропейцы объявили бойкот спортивному событию. Конгресс, вдобавок, наложил запрет на поставку средств электроники и комплектации к ним. Без надлежащего резерва ремонтных комплектов компьютерному обслуживанию Игр грозили серьезные проблемы.

Контракт с болгарскими был подписан – меня назначили экспедитором, отвечавшим за переправку ценного груза в Москву. Вместе с надежным Юрой Федосовым под покровом темноты вывезли в технический центр дюжину коробок с запчастями; затем, загрузив ими купе вагона «СВ», отправился в дорогу дальнюю.

Особых проблем на границах не было: как всегда, доброжелательны были болгарские «гранычари» и «мытнычари»; служивые румыны, досматривавшие пассажиров голодными глазами, конфисковали подозрительные – с точки зрения санитарии и гигиены – мясные продукты; строги, точны и беспристрастны были наши ребята. В Москве меня позабыли встретить; час просидел на перроне, пока примчались очень озабоченные и деловые министерские чиновники.

Интеллигентнейший Кавалеров сдержал данное мне тет-а-тет обещание ускорить получение квартиры в Киеве, которую, как очередник, ждал уже много лет. По его распоряжению – за успешное выполнение задания министра – необходимые денежные средства (тогда они назывались «лимитами на капитальное строительство») были переведены в Киевский горисполком. Прекрасная трехкомнатная квартира стала доброй памятной меткой об обязательном человеке и незабываемых днях болгарской одиссеи.

Народный целитель

Где-то в середине семьдесят восьмого года в одном из своих писем – чувствительном, с озабоченностью чужой бедой – доброласковая мама передала мне просьбу своей хорошей знакомой: разыскать в Болгарии народного лекаря, излечивавшего (так утверждала отечественная медицинская телепередача) страшную, считающуюся неизлечимой болезнь Паркинсона, которой заболел ее муж.

Навел справки – выяснил, что действительно нужный мне целитель травами («билками») проживает в селе Шипка, расположенном у подножья одноименной горы; на ее знаменитый – с мемориальным комплексом – перевал, который героически защищали от турецких атак русские воины-освободители, не раз вывозил на экскурсии приезжавших в технический центр гостей.

Во исполнение поставленной задачи во время очередной командировки изогнул автомобильный маршрут в сторону предгорного Пазарджика;



за ним по дороге, рассекавшей уходящие за горизонт душистые поля цветущей лаванды, поднялся к главной достопримечательности села – православной церкви, выстроенной в память шипкинского противостояния. На другую достопримечательность – дом, где проживает знаменитый лекарь, мне указали местные жители, к нему вела дорога от храма.

Хозяин дома, Никола Николов (возрастом – под семьдесят) радушно принял меня и моих спутников. Его жена, тетушка («лельо») София, накрыла во дворе стол – лучи солнца, с трудом пробивавшиеся сквозь кроны деревьев, бликами бегали по лицам собеседников, спелые груши падали в тарелки с сахаристыми четвертинками помидоров, опрокидывали рюмки («чаши») с ракией, пока «бай Кольо» рассказывал предысторию своего занятия целительством.

Лечение травами, очень распространенное в Болгарии, издавна практиковалось и передавалось по наследству в роду хозяйки дома. В начале столетия ее дед открыл состав трав (с главенствующей ролью ягод ядовитой белладонны), излечивавший, при строгом соблюдении очень сложной методики применения, болезнь Паркинсона. О сделанном открытии узнали в итальянском королевском доме, чья представительница страдала этим тяжелым недугом, после чего болгарский пастух превратился в придворного врача. «Бай Кольо» с гордостью продемонстрировал монаршью грамоту его предтече, которую тот получил после излечения высокородной пациентки.

Мой заказ добрый человек принял, но чудодейственное средство, чье непростое приготовление занимало немало времени, передал мне только через несколько недель, во время моего очередного приезда. Принять от меня надлежащую оплату чудный эскулап отказался, согласившись, после долгих уговоров, на небольшую сумму, покрывавшую понесенные им затраты.

Весть о возможностях «открытого» мною феномена просочилась в среду сотрудников торгпредства, дошла до Москвы. После этого визиты к моим новым – мягкосердным, ставшим очень близкими – знакомым (по многочисленным, в том числе из высших правительственных сфер, просьбам) приобрели регулярный характер. Денежную нетребовательность «бай Кольо» в расчетах приходилось компенсировать под видом сувениров очень нужными в быту подарками прикладного характера.

Уже после отъезда на родину долгое время поддерживал отношения со славной парой; их письма, добрые, чуть наивные, хранятся в моем архиве. Затем, после ухода из жизни тетушки Софии, взаимосвязь (увы!) как-то незаметно прекратилась.

Этот долгий и красивый сюжет их болгарской эпопеи запомнился мне в деталях прежде всего потому, что в нем, «как солнце в малой капле вод», отразилась присущая простым болгарам искренняя симпатия к моим соотечественникам. Служебные дела, общественная работа позволили мне за три года вдоль и поперек объездить Болгарию, и везде, во всех «городах и весях» ощущал в общении с людьми душевное тепло, приязнь и уважительность.

Много раз бывал в Пловдиве, где прогуливался по узким улочкам его живописных старых кварталов; собственноручно вместе с профессиональными сборщиками обрывал лепестки роз на плантациях под Казанлыком; выгребался

в самом солнечном (только три дождливых дня в году!) городе страны – Санданском; от Золотых Песков до Солнечного Берега просмотрел – купаясь и загорая – все Черноморское побережье; гулял на склонах Родопских гор (осталась память – пушистое родопское одеяло); общался с жителями самого остроумного города – Габрово; любовался необыкновенностью Рильского монастыря...

Но, как капля дегтя в бочке меда, остался в памяти из той поры образец чувствования иного рода. Случилось так, что после успешного – за обильным яствами столом переговоров – подписания контракта о поставке вычислительного комплекса сложной конфигурации одному софийскому институту его полномочный представитель, размягченный качеством приема, пригласил меня к себе домой.

Приглашением воспользовался – побывал в гостях у сухопарого и длинного научного работника, посидел за большим овальным столом, на который хозяева выставили бутылку сухого белого вина и отварную, порезанную на ломтики скумбрию. Более часа пили вино маленькими глоточками, закусывая крошечными рыбными дольками, и вели – больше устами хозяина – застольную беседу.



Начав с проблем микроэлектроники, он по мере уменьшения объема влаги в бутылке незаметно перешел к сопоставлению бытовых благ «здесь» (в Болгарии) и «там» (на Западе). Позабыв о государственной принадлежности гостя, распалившийся оратор списал слабый уровень жизни в своем отечестве на восточных соседей, объявил о единственном спасительном варианте: повороте к неважным братьям-славянам задом, а к атлантической цивилизации – передом.

Хозяйка к кофе умело перевела общение на текущие светские сплетни: о выступлении стареющей звезды эстрады Лили Ивановой дуэтом с ее малолетним любовником; о неудачах семейной жизни Людмилы Живковой с первой ракеткой болгарского тенниса Славковым; о нетрадиционной сексуальной ориентации певца Димитрова... На этой веселенькой нотке завершили общение, но осадок в моей душе остался.

Монолог болгарского диссидента вспомнился мне в начале девяностых годов, когда по телевидению увидел выступления его последователей, требовавших снести памятник советскому воину-освободителю, установленный – под собирательным именем Алеша – на высокой горе под Пловдивом.

По случаю наблюдаемого шабаша я вспомнил о десятках тысячах русских мужиков в солдатской форме, отдавших жизни за свободу и независимость Болгарии; перебрал в памяти эпизоды торжеств – с прославлением героев Шипки и Плевны, с проявлением доброжелательности к их потомкам! – по случаю столетия освобождения Болгарии от Османского ига, которые наблюдал в марте 1978 года; сопоставил демократический шум с бескорыстной помо-

пью, оказанной моей страной Болгарии в послевоенном обустройстве, в развитии промышленности, энергетики, транспорта...

Не могу не привести выдержку из незаконченных воспоминаний Валентина Александровича Дьякова, завершившего работу торгпредом СССР в Болгарии в 1990 году, умершего 2 марта 2001 года, в свой семьдесят шестой день рождения. Рукопись отца любезно передал мне его сын, Андрей Валентинович. В ней – боль сердца человека, очень много сделавшего для подъема экономики некогда по-особому близкой «руснакам» страны и увидевшего отвратительный постперестроечный ритуал обгаживания собственного прошлого «по-болгарски».

Вот что записал Валентин Александрович незадолго до своей кончины: *«Двенадцать лет пришлось поработать в этой прекрасной стране. Перед отъездом Президиум общества Болгаро-Советской дружбы наградил торгпреда «Золотым значком» с горстью земли с Шипки. Этот символ вручили мне Йола Драгойчева, Петко Георганов, Начо Папазов. Все трое – борцы-антифашисты. Все они сидели в застенках гестапо, чудом избежали смертной казни. Они настоящие «братушки». Проститься с Тодором Живковым было невозможно. После домашнего ареста его перевели в тюрьму. «Новые болгары» знали, что у него шел процесс отслоения сетчатки глаза. Он руководил страной почти 35 лет. И, поверьте, никто так много не сделал для ее развития.*

Моего лучшего друга Андрея Карловича Луканова – министра внешней торговли и заместителя председателя правительства четыре года назад убили. Он руководил болгаро-русским концерном «Газ, нефть». Его взрослые дети попросили убежище у нас. Судьбы людские. Их дедушка, Карло Луканов, эмигрировал в Россию в 1923 году, спасаясь от расправы фашистов. Он был шесть лет после войны 1941–1945 годов первым послом НРБ в СССР.

Но и этого мало. Тело легендарного Георгия Димитрова вынесли из Мавзолея. В бальзамировании его принимал участие профессор института им. Плеханова Борис Николаевич Хомутов. Мавзолей построили советские строители. Сперва в Мавзолее открыли общественную уборную. Потом снесли. Сами болгары его не смогли разобрать. Мавзолей взорвали турецкие специалисты...».

Подвел черту историческим напоминаниям (их можно продолжать и продолжать!) философическим заключением, что государственная политика – это еще не голос народа; что историческая память сильнее не соответствующим ей делам державных чиновников.

Светлым, содержательным разделом моей биографии стали три года жизни в прекрасной Болгарии.

Подарок судьбы

Когда на суд безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса былого, –
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.

У. Шекспир

Под вечер, возбужденный суетой ушедшего дня, он вернулся домой; поставил машину в гараж, прошел в библиотеку, удобно – вытянув, до хруста в суставах, ноги – устроился в кресле.

Был май, за окном в лучах заходящего солнца мерцал цветущий сад, звучал птичий концерт, но очередное обновление природы, его милые детали не вызвали у него, как в прежние годы, радости и подъема чувств. Депрессия – весенняя, возрастная, от наблюдаемых мерзостей жизни – липкой паутиной оплела душу, непреодолимой силой сдавила сердце.

Слились все лица, все обиды
В одно лицо, в одно пятно¹⁴¹.

Рассудок пытался вернуть душевное равновесие, но неприятные, жесткие и тяжелые мысли порыв этот оборвали – заполнили голову в мстительном самоуничтожении, с перебором собственных недостатков и слабостей, без добрых самооценок и подходящих самооправданий.

Он судорожно, словно пытаясь сбросить мрачное настроение, тряхнул головой, вскочил с кресла, несколько раз прошелся по комнате; подошел к стеллажам, снял с полки «исцеляющий бальзам» – том Бунина; неспешно, чуть рассеянно перелистывая книгу, остановился на отделенной закладкой странице. Чудесный, давно не читанный рассказ «Грамматика любви», с прелестными (в старинных речевых оборотах) суждениями о природе женского обаяния, увлек его:

«...Любовь не есть простая эпизода в нашей жизни... Разум наш противоречит сердцу и не убеждает оно... Женщину мы обожаем за то, что она властвует над нами мечтой идеальной... Тщеславие выбирает, истинная любовь не выбирает...»

Он всмотрелся в закладку – то был старый железнодорожный билет «Киев – София», два десятка лет тому оказавшийся под рукой, когда потребовалось отметить в книге местоположение текста, по смыслу близкого его душевному настрою; теперь эта пожелтевшая полоска бумаги вернула его в дорогое прошлое: «*О память сердца, ты милей рассудка памяти печальной*»¹⁴⁴.

Горькая хандра, гран за граном, растворилась в потоке остро-сладких воспоминаний. Волнение иной природы – нежное и теплое – согрело сердце, дало ему новый, более частый ритм.

Он вспомнил далекий чужеземный город, в котором удивительным стечением обстоятельств оказался вместе с очаровательной, неординарной женщиной. Неспешно перебрал в памяти – в образах, звуках, ощущениях –

мельчайшие детали нескольких дней нечаянного счастья, когда они – вдали от забот и суеты, от злой молвы – были полностью и безраздельно предоставлены друг другу.

Независимости, уединенности (обеспеченной свободной квартирой молодого друга), возможности насладиться нюансами душевной и пряностью телесной близости, они – взрослые, семейные люди – радовались, как юные влюбленные.

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые!¹⁴²

Их жадно тянуло к новым местам и новым впечатлениям. Воздух свободы пьянил, словно сливовая ракия, которой они – в жаркий июльский день – согревались на горе Витоша, заедая крепкий напиток ароматными, испеченными на углях «тюфтетам» и «кебабчетами». Казалось, они попали в сказку, в волшебный город, где творятся чудеса и исполняются заветные желания, где невозможное становится возможным, где глубже и острее чувствуется взаимная близость, *«не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием...»*¹⁴¹.

Затерявшись в толпе чужих людей, без оглядки на время, они подолгу, увлеченно беседуя, гуляли по красавцу городу, по его старинному центру, по паркам и скверам, допоздна засиживались в уличных кафе; наслаждались один другим и грустили в предчувствии неизбежного завершения светлого праздника.

События эти происходили после полутора десятка лет его – начавшейся скоропалительным браком в студенческие годы – семейной жизни, когда стала беспощадно очевидна бессмысленность ее продолжения.

«При вступлении в брак нужно ставить себе вопрос: полагаешь ли ты, что до старости сможешь хорошо беседовать с этой женщиной? Все остальное в браке преходяще...»

(Фридрих Ницше)

Крепок наш брат задним умом! Скоро проявившиеся различия (кроме сходной горячности) в характерах, во взглядах на жизнь, в подходе к основополагающим принципам супружеских отношений – к коим он относил взаимное уважение, умение прощать и уступать – превратили их с женой в недругов.

Общение с нею стало для него боями местного значения, с редкими эпизодами перемирия, которые – после нескольких дней искусственно-доброжелательных отношений – завершались очередным скандалом.

Он чувствовал, что в этих никчемных и бессмысленных выяснениях отношений он теряет человеческое достоинство; что издержки его импульсивного характера подавляют здравый смысл; что его слабости, в другой ситуации протительные, перерастают в личные недостатки.

Все это надоело ему до тошноты, возбуждало дрожь неодолимого отвращения (прежде всего к самому себе); только дети долго удерживали его от

ухода, но пар в котле брачного сожительства был перегрет до критически опасной отметки – взрыв и распад семьи стали неизбежными.

Я признаю с великим сожаленьем,
Испорчен род людской – да, это так:
Единым порожденные стремленьем,
Не ладят меж собой любовь и брак³².

Идеал женщины – в мечтах способного к мышлению и надежде мужчины. «Идеал – отдаленный прогноз, воспринимаемый интуитивно», – в терминологии Льва Гумилева; идеал – цель, к которой можно и должно стремиться, но которую, по определению, невозможно достичь.

Когда он, на естественном излете своей семейной жизни, впервые увидел ее – красивую, высокую, стройную, элегантную, разумную, то, почувствовав приближение к мысленному образцу совершенства женского, ощутил душевное и сердечное смущение, за которым, как взрыв, последовали встречное тяготение и проявление взаимной симпатии.

Когда ласковым днем бабьего лета она – восхитительная блондинка в тонком, плотно облегавшем фигуру белом свитере – обвила свои руки вокруг его шеи и впервые поцеловала, словно электрический разряд пронзил его тело, вызвав великий восторг и нежное очарование.

Как правая и левая рука,
Твоя душа моей душе близка¹⁴³.

Он не просто любил – боготворил ее. Она – страстная и впечатлительная – отвечала ему тем же, чувствами своими убеждая, что нет ничего более прекрасного в мире, чем женская любовь, бескорыстная и самоотверженная.

Все, вплоть до мелочей, нравилось ему в ней: изящно-правильные черты лица, вдумчивые глаза, волнующий тембр голоса, умение со вкусом одеваться, следить за собой... Его завораживали ее женственность, деликатность, пронзительный ум, умение выдержанно и достойно держать себя в критических ситуациях.

Сходство в суждениях, в интеллектуальных запросах объединяло их; никогда он не слышал от нее назидательных речей – с мудростью дипломата воспринимала и представляла его недостатки как близкие к ним достоинства; в трудные для него минуты жизни находила нужные целительные слова, одним своим присутствием снимала с него нервное перенапряжение – словом, она была прекрасной женщиной и замечательным товарищем.

Казалось, сама судьба предназначила их друг для друга...

Он приоткрыл глаза, медленно выходя из сомнамбулического погружения в прошлое, в его лучшую «эпизоду». Память, ей известным механизмом защиты психики, перекрыла переход к следующему – с горечью перемешанному – слою воспоминаний, где долгие годы зыбкого и конспиративного счастья; где безуспешное – по житейской ситуации невозможное – взаимное стремление узаконить отношения; где вынужденное – тяжелое и болезненное – завершение чудного романа.

«Счастье с несчастьем смешалось – ничего не осталось», – так полагал он долгое время. Теперь, растревоженный видениями давней любви, пересекшей его жизненный путь, он мысленно благодарил судьбу за роскошный, истинно царский подарок, за предоставленную ею возможность тонкого духовного слияния с женщиной обаятельной прелести.

Мягкая грусть и нежная благодарность наполнили его душу, вернулись покой и доброе настроение. Он подошел к окну, открыл форточку, выглянул в сад. В наступивших сумерках смутно белели выкрашенные известью деревья; в небе чуть светил молодой, после недавней Пасхи родившийся, месяц; в вишеннике, томясь любовью, рыдали изумительными трелями соловьи – жизнь продолжалась.

Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас – через сотни
Разъединяющих лет.

(Марина Цветаева)

Мои друзья – мое богатство

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя все, меняя нас!

А. Пушкин

I

В минуты ностальгической грусти, когда я, поддавшись настроению, перебираю свой фотографический архив, один снимок большого формата, сделанный в выходной день июня семьдесят третьего года на берегу Киевского моря, надолго задерживает мое внимание.



Он – фотопортрет весны моей жизни. На нем, во всей красе молодости и с минимумом текстиля на телах, представлены мои коллеги, специалисты по электронике и программированию, возлежащие и восседающие на пляжном песке в живописных и прелестных позах. Над ними, месяц тому назначенный их лидером, возвышаюсь в статуарной горделивости «Аполлона Полведерского» – не то мальчик, не то муж, интересный и бледный, худой, но спортивный. (Мой свет! Было мне в ту пору только двадцать шесть лет!)

Начало семидесятых годов – время «бури и натиска» в отечественной отрасли разработки, выпуска и внедрения электронных вычислительных машин, ныне обыденно именуемых компьютерами (ставшими инструментами, так же обыденного, сетевого общения людей).

В ту пору нам, молодым и энергичным инженерным и математическим интеллектуалам, привелось быть, что называется, на острие этого бурного процесса – вычислительная техника, выпускавшаяся монопольным гигантом, Киевским производственным объединением «Электронмаш», требовала обязательного наполнения прикладными программами, которые – под заказ – «сочинялись» нашей компактной, мощной, мобильной командой специалистов пусконаладочного управления электронных вычислительных машин. Мы наслаждались ощутимыми результатами своего творческого труда, накапливали и обобщали приобретенные знания и опыт для последующих – более скорых в разработке и более эффективных в реализации – пакетов программ.

Мы были самодостаточны. Работа наша состояла не просто из кабинетного томления над заданной задачей и игрой ума в ее компьютерном разрешении, но и из обязательного практического внедрения каждого математического изделия у его покупателей (имя которым было – легион). Вырученные за результативный труд деньги обеспечивали нам приличную заработную плату, давали прогрессирующей фирме средства на приобретение – бесплатного для сотрудников! – жилья (вне очереди и недорого можно было купить кооперативную квартиру), на содержание собственными силами выстроенной базы отдыха, на оплату санаторных, курортных путевок...

Был высокообразован основной состав исполнителей высокоумных проектов, выделялся общей эрудицией, начитанностью. Частые командировки использовались его представителями не только для выполнения производственных заданий, но и для поднятия уровня интеллекта, расширения кругозора, круга общения, для изучения природных, культурных достопримечательностей мест пребывания.

Досуг наш был массовым, веселым, беззаботным, разнообразным; в нем были остроумные капустники, вечера поэзии, грибные «десанты», выезды «на шашлыки» – с футболом, катанием на водных лыжах, рыбалкой...

Дело, которым мы занимались, имело свой исток. Его начало и движение обеспечили мощнейший научно-технический потенциал государства, сила ума и труд граждан. В числе ярких личностей, давших в начале шестидесятых годов стремительный взлет Киевскому заводу вычислительных управляющих машин (ВУМ), был удивительный и неповторимый Алексей Алексеевич Сладков. Как руководитель отдела внедрения завода, он разумно-предусмотрительно вошел в прямой контакт с академиком Сергеем Павловичем Королевым и предложил ему автоматизировать обработку результатов испытаний ракетных двигателей (два часа испытаний требовали последующих двух месяцев их ручной обработки) с помощью вычислительных комплексов «Днепр», выпуск которых только наладил завод.

Экзотическое по тем временам предложение было принято, время обработки громадных объемов данных сократилось до нескольких часов, а Главный Конструктор Космонавтики, как чрезвычайно заинтересованное лицо, своим непререкаемым авторитетом и безграничным влиянием внес весомую лепту в превращение завода ВУМ в научно-производственного колосса – объединение «Электронмаш».

Описанное выше было некогда в моей жизни. Его давно поглотил вихрь времени, загадочного, непознанного, человеку враждебного, стремительного и неудержимого. События и персонажи, визуальные образы и ощущения тех далеких лет застыли недвижимо в тускнеющих архивных залежах моего прошлого, с каждым днем все более и более объемного. И только жгучая тоска сдавливает временами сердце – почему так быстро и куда ушли мои годы?

Между пальцами года
Просочились, вот беда.
Между пальцами года – кап-кап¹⁹⁴.

II

Ноне в жизни моей сумерки, но еще не вечер; есть еще порох в пороховницах и ягоды в ягодицах. Время *«рукой беспощадною»* поправило внешность, привело философское уразумение жизни в соответствие с реалиями быта, нажитым опытом, характером и интеллектом – *«дышу иным, иным томлюсь»*.

Уничтожение прежнего уклада жизни выработало стойкие иронию и презрение к нынешним общественным отношениям – к цинизму власть предержащих, всех мастей и калибров, к *«его препохабию капиталу»*, к обслуживающим их средствам массовой информации. Соприкосновение с этой «надстройкой», подавляющей и оглупляющей породивший ее «базис» – народ, решительно избегаю; в вынужденных, случайных контактах с ее «элементами» руководствуюсь прежде всего принципом личной независимости, чувством собственного достоинства.

Живу *«в себе самом»*, в своем обширном, глубоком внутреннем мире. В нем – культура, традиции предков, отечественная и всеобщая история, философия, искусство, великая русская литература, лучшие образцы мировой прозы и поэзии; в нем – пульсация моего разума, осмысление прошлого и нынешнего, стремление проникнуть в суть вещей, докопаться до истока проблем; в него допускаю только духовно, нравственно близких мне людей, друзей, приятелей, добрых знакомых, прочим нет места в нем – могут наследить.

Во всем мне хочется дойти
до самой сути.
В работе, в поисках пути,
в сердечной смуте.
До сущности протекших дней,
до их причины.
До оснований, до корней,
до сердцевины¹⁹⁵.

Постоянная, интенсивная интеллектуальная нагрузка освежает и насыщает дух, сообщает телу заряд физической бодрости, позволяет меньше обращать внимание на все ускоряющийся бег времени в завершающей части жизненного пути. Мои писательские опыты, коим с упоением предаюсь в свободное от работы время (*«Кондуктору, пишущему стихи, живется лучше, чем*

стихотворцу, не служащему в кондукторах», – А. П. Чехов), не просто сладко щекочут авторское самолюбие, но и дают желанные независимость от нетерпимой опеки, значимость, востребованность, дают возможность достойно жить – не доживать.

Для меня – все в прошлом. Из материала давно минувших дней, из примеров жизни сопутствовавших мне замечательных людей формирую свою педагогику о прелести человеческих отношений, в которых – примат духовного над материальным, основа которых – сердечность, искренность, честность, чистоплотность, деликатность, равноправие, товарищество, взаимопомощь...

Продолжение перечня этих высоких определений волей-неволей выводит меня на старое, тусклое фото, с которого начал этот сказ, на представленных на нем счастливых и беззаботных супругов Оганесян. Глава семейства, контактный и доброжелательный Альберт Самсонович, в те поры был главным инженером пусконаладочного управления, жена его, Наташа (байкал обаяния, везувий энергии, по отцу – понтийская гречанка, по матери – кубанская казачка), служила в нашем «летучем отряде» программистов-экстремалов, официально именовавшемся «участок номер шесть».

Родовое гнездо крепко спаянной семейной пары располагалось в прежде благословенном (ныне – стрелянном-перестрелянном!) городе Сухуми, где в большом, поставленном на сваи доме проживали Наташины родители. К дому этому много лет не зарастала *«народная тропа»* из города Киева, ибо долгосрочные договорные отношения с сухумским филиалом ленинградского института физики сделали командировочные выезды сотрудников шестого участка на южный курорт – даже при отсутствии требуемой производственной необходимости – ценнейшей формой поощрения ударников коммунистического труда и победителей социалистического соревнования.

Указанная рукотворная благодать исчезла, *«утопая в сиянье голубого дня»*, с уничтожением пусконаладочного управления, совершившегося с первыми конвульсиями бездарной перестройки. В последовавшей далее реализации пункта заокеанского сценария – «Великом дерибане» великой страны – бóльшая часть прежнего личного состава выжила и, не потеряв лица, сохранила духовный микроклимат прежней жизни; кто-то бесповоротно сломался; минимум минимум вышедших в тираж специалистов преуспел.

Оборвались мои связи с большей частью коллег, возобновлению их долгое время мешали суета «выкарабкивания», занятость, беспечная забывчивость, но с приближением к устью дней своих в какой-то момент времени ощутил острую потребность в частом общении с интеллектуальными единомышленниками, с теми, с кем водил хлеб-соль в благоуспешные годы моей молодости. Первым делом вспомнил о милой чете Оганесян, разыскал в старой записной книжке номер их домашнего телефона и – после почти двух десятков лет молчания! – удивил их неожиданным-негаданным звонком.



Мы договорились о встрече, и жарким июльским «послеобеда» группа экс-сотрудников участка номер шесть (помимо меня – Алла Кучерова, Люда Авраменко) в сопровождении моей жены Маши шумно ворвалась в квартиру бывшего главного инженера пусконаладочного управления и была там радушно принята.

III

Беседа шумная, острот не перечсть.

М. Лермонтов

– Этот маленький бокал, но с большим чувством... – так после прелюдии «охов», «ахов» и вздохов торжественно открыл застолье чувствительный, веле-речивый и бездонный Альберт Самсонович; затем вдруг осекся, обвел замерших слушателей ласкающим, покрывающимся туманом воспоминаний взором и... задумался.

Возможно, растроганный неожиданным свиданием с непосредственными свидетелями его успешной молодости, он вспомнил себя молодым специалистом Кировоканского института автоматики; вспомнил, как в середине шестидесятых годов, с помощью будущих друзей-соратников Сладкова, Залесного, с согласия великого генерального директора Незабитовского, он расправил крылья на Киевском заводе вычислительных управляющих машин; вспомнил, каким ловким и стройным, изящным и обходительным он был тогда.

Или, быть может, он погрузился в более ранние разделы памяти, увидел там себя бойким и кудрявым выпускником сухумской мужской школы, прибывшим в начале пятидесятых годов в Москву с фанерным чемоданчиком на навесном замочке и золотой медалью в нем; увидел себя студентом энергетического института (знаменитого МЭИ).

За окнами двухкомнатной «хрущевки» шелестели густолиственные клены, гремел скоростной трамвай, с высоты второго этажа хорошо слышался ненормативный галдеж «школяров» во дворе, а над столом, безмолвно ностальгируя, возвышался Самсоныч, и проникавшие в комнату солнечные лучики, отражаясь от гладкой макушки его головы, множились, искрились в стеклярусе люстры...

– Алинька! – аккуратно вернула мужа в настоящее Наташа. – Ты, кажется, что-то хотел сказать.

– Ах, да! – встрепенулся Алинька. – Этот маленький бокал, но с большим чувством я поднимаю за наших милых женщин!

Вся честная компания, уже подогретая восторгом встречи, «махнула» по первой («гусары» – стоя), и под радостный речитатив Наташи («Ой, девочки, как давно мы виделись!», «Саша! Какой ты молодец, что собрал нас вместе!») гости, мурлыча от наслаждения, взяли за горячие, с пылу с жару хачапури.

Когда было покончено с первой порцией ароматных, наполненных расплавленной брынзой слоев, когда моя Марусенька до мельчайших деталей вы-

пытала у хозяйки рецепт приготовления ее фирменного блюда, наш тамада, объявив, что «между первой и второй – пуля не должна пролететь», вновь наполнил рюмки и начал второй тост:

– Этот маленький бокал...

– Алик! Это уже было! – прервала его Наташа.

– Разве? – удивился Алик. – В таком случае для вас, милые женщины, исполняю песню. – Он откашлялся и негромко, с легким надрывом, с хрипотцой запел: – Эта женщина! Увижу и робею. Потому-то, понимаешь, не гляжу. Ах, ни кукушкам, ни ромашкам я не верю и к цыганкам, понимаешь, не хожу...

После второй стопки нефальсифицированной водки, под общий рефрен «а помните?!» воспоминания потекли бурно и стремительно, как вода в горной речке. Опережая, перебивая друг друга, две подруги – порыв метели и вьюги, – Кучерова и Авраменко, зашпешили с подробностями былых «Голубых огоньков», «Клубов веселых и находчивых», которые на неограниченные профсоюзные средства мы проводили в залах кафе «Русь». («Не трусъ, посети “Русь”», – писал жадный до поэтики Боря Ольшанецкий в громадных анонсах-афишах, обещая попутно выступление камерного оркестра главной районной «малины», соло «на бандаже» ее попечителя, раздачу «пряников и слонов»...) Припомнили «боевые подруги» мои длинные, до мелочей расписанные сценарии развлекательных вечеров, мое стихотворчество: *«До спазм в груди, нитья в колене, когда в душе моей развал, твой экстерьер, твой торс в кримплене меня опять разволновал...»*

– А помните наши вечера поэзии, которые организовывала Наташенька Оганесян? – сдвинула следующий пласт воспоминаний Людмила. – Помните, как мы убирали, украшали самую большую комнату участка, как приносили домашние разносолы, выпечку, как сидели допоздна при свечах, пили хорошее вино, кофе, читали стихи?!

– Такое не забывается! – с грустью в голосе и во взгляде сказала Наташа. – «Боже! Какими мы были наивными, как же мы молоды были тогда!..» Конечно, помню... Помню в деталях все наши поэтические собрания, помню прелесть нашего общения, помню, между прочим, как на одно из них ответственная и бескорыстная Авраменко в громадном бауле притащила из дому кофейный сервиз «Мадонна»... – Наташа на мгновение задумалась, наморщила лоб и, глядя с выразительной симпатией на Машу, явно для нее, стала напевно декламировать: – Мы любим дом, где любят нас. Пускай он сыр, пускай он душен. Но лишь бы теплое радушье цвело в окне хозяйских глаз...¹⁹⁶

По завершении декламации минуту-другую полетал тихий ангел. Его сменил Альберт Самсонович, неизменно стремительный и худощавый. Он резво вскочил, разлил нефальсифицированный коньяк по рюмкам и объявил:

– Предлагаю тост, свежий и оригинальный... Этот маленький бокал, но с большим...

– Маленький бокал и большое чувство уже были! – застонала Наташа. – Были, голубь ты мой сизокрылый!

– Что ты говоришь?! – округлил глаза сизокрылый. – А песня была? – Узнав, что песня уже отзвучала, хозяин дома особо не огорчился, сделал значительным лицо и, совмещая тонировку голоса с акцентом кавказца, повел

рассказ: – Давным-давно в горах Кавказа в высокой каменной башне жила красивая и гордая царица Тамара. Время от времени с наступлением вечера единственное окно на вершине этой башни раскрывалось, и каждый настоящий мужчина получал возможность, взобравшись по наружной стене в келью царицы, провести с ней ночь в любовных наслаждениях. Многие джигиты, смелые и горячие, решались на рискованное скалолазание, но срывались и падали в пропасть. Лишь только ловкий красавец Ваню сумел однажды добраться до заветной цели, даже было перекинул ногу через подоконник, предвкушая скорые ласки. Но... царица грубо оттолкнула его, и он полетел к бранным останкам товарищей по несчастью, выкрикнув напоследок: «За что?!» «За компанию!» – ответила отлетавшему Ваню жестокая Тамара. – Самсоныч замолчал, выдержал требуемую паузу и эффектно завершил: – Так вот! Я предлагаю тост – за нашу компанию!

Пошло-поехало. Чувствительная Кучерова пожалела горемыку Ваню и осудила коварство грузинской царицы. Я робко предположил, что Тамара возненавидела мужчин из-за нетрадиционной сексуальной ориентации мужа Юрия – внука Юрия Долгорукого и сына Андрея Боголюбского (это исторический факт!), обделявшего ее интимным вниманием, интриговавшего против нее.

После моей справки выпили за вечную и «натуральную» любовь между мужчиной и женщиной. Затем, окончательно расслабленная и раскрепощенная, Людмила выступила с пламенной речью о настоящих мужчинах, которым дватри десятка лет назад переводу не было. В подтверждение своего тезиса она очень крепко обняла и страстно обцеловала бывшего главного инженера, назвала его игриво Альбертиком. Тот зарделся от привалившего счастья, замахал руками и в сладостном изнеможении опустился на стул.

На десерт подостывшей и подуставшей компании был подан кофе по-турецки – в «жезвочках», приготовленный на мелком раскаленном песке. Аромат пенящегося плотного напитка навел компанию на воспоминания о кофейнях вдоль сухумской набережной, о знаменитом мастере его приготовления, Акопе; вспомнили непередаваемую атмосферу городского базара, продавщицу Надю, у которой наши сотрудники в семидесятых–восьмидесятых годах покупали аджику, ткемали, киндзу, тархун... Слово за слово, подошли к теме войны в этом благодарованном крае, непосредственно и очень болезненно задевшей семью Оганесян.

– В середине июля девяносто второго года, – повела рассказ Наташа, – я приехала к родителям, думала провести месяц с ними, отметить (во второй половине августа) день рождения отца, затем с младшим сыном Юрой улететь в Киев. В роковое четырнадцатое августа, утром отец уехал за город, на буровую (он работал в геологоразведочной партии), а в полдень в город вошли грузинские танки, загрохотала канонада, засвистели-зацокали пули, загорелись дома, повалили клубы дыма... Весь день мы с мамой не находили себе места, беспокоились за папу; лишь поздно вечером, он, целый и невредимый, добрался домой... Абхазские подразделения отступили в Гудауту, за ними потянулись толпы беженцев с нехитрым скарбом, малых детей несли на руках, немощных стариков – на носилках. Пришлие грузины взяли власть в свои руки (на их сторону перешли местные грузины-менгрелы), началось повальное мародер-

ство, погром опустевших домов; установили комендантский час, город с его наступлением стал напоминать призрак – поваленные троллейбусные столбы, оборванные провода, битые кирпич и стекло, запах гари, тьма крошечная и мертвая тишина (даже собаки не гавкали)...

Воспоминания о тех неординарных, страшных днях разволновали Наташу. Она приподняла голову, удерживая выступившие в уголках глаз капельки-росинки, достала сигареты, закурила, продолжая в перерывах между затяжками описание своего хождения по мукам.

Две недели, от рассвета и до заката, провела она тогда в бурлящей массе бывших курортников, гостей города, пробивавшихся к коменданту морского порта за разрешением на отплытие на попутных судах, штурмовавших их у причалов. Десять часов вместе с подростком-сыном просидела она – в полуобморочном состоянии! – под палящим солнцем на металлической палубе небольшого сухогруза, тревожно всматриваясь в горизонт (несколько дней назад грузинский военный катер расстрелял в открытом море «Комету» – теплоход на подводных крыльях). И наконец, высадившись в Сочи, она двое суток охотилась за парой билетов на киевский поезд, пока удача не улыбнулась ей.

– Что я еще хочу добавить, родные мои?! – подытожила Наташа. – После погрома августа девяносто второго года мы ежемесячно высылали маме и папе продуктовые посылки. Позже, когда власть (в конце сентября девяносто третьего года) вернули абхазы, когда наладилась связь и появилась возможность стабильного общения с родителями, мы узнали, что жили они впроголодь, что ни одна наша посылка до них не дошла. Алик, приехавший к ним в начале ноября, увидел их измученными, осунувшимися, психически истерзанными; он увидел начавший разрушаться дом, покрытый мхом двор... – Наташа замолчала, потерла лоб, подбирая нужные, значимые слова. – Ветшающий родительский дом словно встряхнул меня. Я поклялась – буду асфальт грызть, но не дам упасть семье. Отбросив щепетильность, бывшие предрассудки, мы с Аликом занялись торговлей с рук – набранными на оптовых базах продуктами питания, «тряпками», безделушками. На первых порах стеснялись видевших нас за этим занятием старых друзей, знакомых, затем – перестали, освоились, заматерели. Постепенно выбрались из безденежья, наладили безбедный быт, стали более основательно помогать родителям (пока они были живы); хорошо трудоустроился старший сын, вырос, стал к делу младший, женился, осчастливил нас внучкой... Сейчас у нас добрая, интересная работа, доставляющая нам удовольствие, дающая возможность независимой жизни... Но самое главное – то, что, выживая, борясь за каждую трудовую копейку, мы не изменили нашим принципам жизни, человеческих отношений, самоуважению. Нам не стыдно перед нашей совестью, перед детьми, будущими потомками.

Наташины речи падали на давно подготовленную, кислую почву. Каждый из присутствующих гостей также прошел свой крестный путь выживания в разрухе, всеобщем бедламе начала девяностых годов. Каждый из нас пережил потерю работы, любимого профессионального занятия, сердечную тоску за будущее детей и близких, чувства унижения, подавленности, незащитности, ощутил ужас и брезгливость от наблюдаемых грабежа и насилия, вершившихся новыми хозяевами жизни всех уровней – от наивысших государственных чи-

нов до бригад ракетиров... Напоминание – вскользь, косвенное – о тех черных днях жизни, даже много лет спустя, угнетало, портило настроение.

Раздался выстрел. Самсоныч, разряжая возникшую тягостную паузу, с шиком, для «полировки», открыл шампанское и приготовился к любезному резюме в честь «милых дам». Но я осадил его, поднялся и объявил:

– Предлагаю выпить за нашу прекрасную молодость в прекрасной стране: большой, сильной, надежной, высококультурной, сложной и неоднозначной. Мой тост – за ту атмосферу справедливости, порядочности, в которой мы жили, которая определяла человеческие отношения в обществе. Я пью за наше прошлое, в котором бескорыстие подразумевалось само собою, в котором считалось неблагоприятно заботиться о собственном благополучии, цинично пренебрегая общенародным благом, в котором трудолюбие и ум (а не скоропалительное богатство!) определяли общественный вес человека, его престиж... Я пью за нас с вами, инженерный подвид «шестидесятников», за тех, кто, состарившись, не опустился, не утонул безнадежно в тине пошлого мещанского приспособления к новым «понятиям» человеческих отношений, сохранил твердость принципов, честность, порядочность, непримиримость к любой гнусности... Мы жили достойно, осмысленно, трудились не покладая рук, видели результаты своего интеллектуального труда в открытых и закрытых научно-исследовательских институтах, больницах, школах, на заводах, на испытательных полигонах. Мы не были иждивенцами, «ковали» свою долю национального продукта – для себя, для детей и внуков. История – это сумма неустанного труда, подвигов, ошибок живших в ней людей. И мы достойно в этой истории делали свое дело. Не наша вина (наша трагедия!), что пара соперничавших политиканов-временщиков, позабыв Бога, не спрашивая мнения народа, отдала великую державу на поток и разграбление... – Я умолк на мгновение, перевел дух, сменил направленность и тональность выступления. – Мой тост также – за ваше здоровье, дорогие друзья, и за нашу дружбу!

Моя горячая речь добавила пылу-жару угасающему общению, продлила его чуть сумбурным, но искренним, взволнованным обсуждением причин и следствий слома нашего житейского уклада. Простились мы с гостеприимными хозяевами поздним вечером – все безмерно счастливые, довольные, взяв друг с друга слово повторять такие встречи, расширить их состав. Расходились с нестройным, разноголосым пением: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...».

IV

Прошли лета, и всюду льются слезы...
Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...
Как хороши, как свежи ныне розы
Воспоминаний о минувшем дне!

И. Северянин

Еще долго по дороге домой и дома мой мозг, возбужденный финальной тематикой только закончившейся сходки, продолжал интенсивно «работать» над безразличными мне вопросами недавнего прошлого.

«Молодость прекрасна сама по себе», – размышлял я. Но отличительной особенностью этой прекрасной поры жизни для меня, моих сверстников было то, что она совпала со временем «оттепели», начавшейся в конце пятидесятых годов. Общество раскрепостилось, принципы справедливости, равенства, бывшие идеологической основой государственной системы, «заиграли» большей открытостью, ясностью. Власть сократила цензурное давление, диктаторскую бесцеремонность. Меньше стало лицемерия, больше – искренности, уважительности в отношениях «верхов» с «низами».

Мысли мои прыгали, вертелись в голове, сбивались с основной линии суждения, вновь на нее возвращались; были они, по обыкновению, фрагментарными, всякий раз – с переработкой и добавлением новых нюансов, свежих мотивов. Размышления о дивных годах молодости, выделение в их содержании этического стержня давно стали моим любимым занятием; частые погружения в них делали меня в глазах окружающих «задумчивым», «рассеянным».

«Кажется, Кант говорил, что “природа сделала страдание стимулом к деятельности человека, неизбежно толкающим его к лучшему”, и, кажется, Аверинцев полагал, что “чересчур обезболенная жизнь лишена значительности”, – перепрыгнул я на новую веточку размышлений. – Для моего поколения уровень указанных «нормативов» (в сравнении с предшествующими десятилетиями) стал умеренно-терпимым, толкающим толковых, энергичных, целеустремленных юниоров в учебу, в производство, в науку, в культуру... В нас воспитывали продуктивный, созидательный характер, приучали умом, хорошей профессией, достойным трудом добиваться материальных благ, высоких должностей, чинов, званий... Деньги, в конце концов, были эквивалентом таланта, трудолюбия, а не ловкости...».

Эта, как мне показалось, глубокая с привлечением классиков сентенция мне понравилась, но она притомила меня. Похвалив себя, я дал отдых голове, откинулся на спинку кресла сиденья «полночного троллейбуса», в котором мы с женой двигались в сторону дома, осмотрелся. На кабине водителя висел революционный плакат – отпечатанная на нем «женщина в белом», пронзая пространство экстатическим взглядом карих глаз, обещала упечь бандитов в тюрьмы и дать волю демократии. (Эту «агитку» я уже не раз видел в коммунальном транспорте города; видя ее в очередной раз, вспоминал Владимира Даля: *«Нет страсти неистовее безумной любви, но и она гаснет со временем: напротив, властолюбие, обратившись в страсть, растет с годами».*)

Рядом, обсасывая друг друга и общую флягу пива, мычала от страсти пара разнополых отроков (он – разогретый трением, худотелый и прыщавый, она – также половозрелая, в опадающих с таза штанах и с потным пупком)... На очередной остановке в троллейбус впорхнула юная бизнес-леди с мобильником в руке. Прижав его плечом к уху, не понижая громкости очень интимного телефонного разговора, она вытащила из ридикюля полтинник и без комментариев отдала его мне для передачи водителю. За талоном – по причине малолюдности и собственной покладистости – прогулялся через весь салон троллейбуса, за что заслужил от деликатной красавицы одобряющий кивок головой.

«И не было экономического тупика четверть века тому, – глядя рассеянно в темное окно троллейбуса, начал я перебирать вновь найденную нить движения мысли. – Были косность, консерватизм верховного руководства, рассылавшего вагоны валюты перспективным «демократиям», искусственно выращенным, непредсказуемым «единоверцам». Не хватило системного мышления, воли, диалектики престарелым управителям, чтобы пустить на переоборудование, развитие державы хлынувший на нее золотой ливень нефтедолларов, чтобы, оставив за ней недра, сырьевые ресурсы, стратегические производства, науку, образование, здравоохранение, разумно поделиться остальными сферами народного хозяйства со сметливыми и энергичными согражданами – так, как это сделали в неизменно коммунистическом Китае».

«Если бы да кабы во рту выросли грибы, то был бы то не рот, а целый огород» – этой шутливой поговоркой мама не раз одергивала мои безмерные детские фантазии. Ее повторяю с сожалением и грустной иронией всякий раз, когда, перейдя к сослагательному наклонению, пытаюсь представить экономический, научно-технический, социальный прогресс, которого достигла бы моя страна, пойдя она по мудрому восточному пути развития. Повторил и в этот раз.

«К истории следует относиться с высоким почтением, не модифицируя и не терзая ее, – продолжил я свое внутреннее философствование. – Карамзин говорил, что *”история, в некотором смысле, есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего”*. Помимо откровенной подтасовки фактов, передергивания, более изощренной формой искажения прошлого является однобокая интерпретация его событий для сиюминутных политических целей. Таковой является извлечение на общее осуждение мрачных, малоприятных эпизодов советского прошлого, которые – в большей или меньшей степени – уже были обнародованы и публично осуждены в начале шестидесятых годов. Выпячиванием недавнего исторического «черного» без сочетания его с «белым» современные фарисеи косвенным образом обосновывают ныне сложившиеся – их стараниями! – глубоко несправедливые общественные отношения, оправдывают приведший к этому развал и ограбление Советского Союза с последовавшими гибелью, страданиями сотен тысяч людей. Моральное право на укоры прошлому нынешние власти и их служки имели бы лишь в том случае, если бы за время их «хозяйствования» вольная экономика сделала серьезный шаг вперед, дала развитие новым технологиям, новому производству, подняла сельское хозяйство, гарантировала трудоспособным гражданам работу... Не морально разглагольствовать о «проклятом прошлом» людям, воспользовавшимся всеми социальными преимуществами уничтоженной системы общественных отношений на всех этапах своего жизненного пути...»

Ход моих мыслей прервал шум и гам в небольшом сквере, через который, выбравшись из троллейбуса, завершая долгий путь к дому, шли мы с Марусенькой. «Метелились» две группы бомжей – кричали мужчины, визжали женщины-«синеглазки», возмущались на балконах сонные жители. Из нечленораздельных выкриков бойцов уловил, что шла ночная «стрелка», «разборка по понятиям» за право пользоваться мусоросборниками соседнего двора и всей

округи. Давно оккупировавшие этот ареал бомжи-ветераны в борьбе за выживание явно проигрывали пришлой команде молодых, очень агрессивных пригородных босяков и медленно отступали под их напором, через арку дома, на улицу, в неизвестность.

«Вот один из образчиков общественного переустройства, – хмыкнул я про себя. – Пруд можно прудить из подобных «достижений». «Не истины хочу, но правды». А правда состоит в том, что в результате глубоко аморального – с насилием, кровью, жульничеством! – передела общенародной собственности, ставшей следствием беловежского «беспредела», ее большая часть оказалась в руках небольшой – наглой, жестокой, беспринципной, небесталанной! – группы людей. В этом глубоко ранжированном классе нуворишей видное место отделено совсем не бедствующему подклассу политиков, депутатов всех уровней. Его обслуживает подразделение чиновников, жадных, беспринципных, коррумпированных, безразличных к судьбам государства, его граждан, озабоченных более всего размерами «снимаемых» взяток. Народ для новоявленной «элиты» являет некую абстрактную субстанцию, материализующуюся в электорат во время очередного призыва к избирательным урнам. С ним она общается, его наставляет, учит посредством прежде всего телевидения – сервильного и одностороннего. Его комментаторы, ведущие, обозреватели – артистичны в представлении себя все видевшими, все знающими, категоричными и саркастичными носителями истины в последней инстанции (особо выделяется неукротимой борзостью их юная поросль – «мальчики с грязными попками», – могущие небрежно, походя лягнуть неведомое им, но дорогое согражданам прошлое)...».

Возня с капризным квартирным замком оторвала меня от бичевания пороков государственной жизни, переключила гнев на осуждение «качества» китайско-турецких метизов. Перед сном удобно устроился в постели под включенным бра, и пока Марусенька скорехонько досматривала ухваченную концовку дежурного телесериала, с раскрытым томиком в руках занялся общением с безгранично любимым Чеховым. В бессловесном диалоге мы сделали сравнительный анализ этических категорий – «богатство» и «правда».

«Богатство никогда не было базовой ценностью в русской культуре, – открыл я обсуждение. – Оно всегда рассматривалось как некое пограничное состояние человека: «богатство – вода, пришла и ушла», «в аду не быть, богатства не нажить»... На первом месте в ряду житейских ценностей всегда была «правда»: «не в силе Бог, а в правде», «без правды жить легче, да помирать тяжело»... Богатство стоит на лицемерии, обмане; правда – на полном согласии слова и дела. В конечное торжество правды, как цели человеческого бытия, верит человек униженный, оскорбленный, обделенный...».

Антон Павлович укрепил меня в моих убеждениях: *«Каким бы неуклюжим зверем ни казался мужик, идя за своею сохою, и как бы он ни дурманил себя водкой... он верит, что главное на земле – правда и что спасенье его и всего народа в одной лишь правде, и потому больше всего на свете любит справедливость».*

Общение с обожаемым Учителем продолжалось еще некоторое время. Мысли мои минута за минутой слабели, теряли ясность выражения, превращаясь в дремотные грезы. Грань между бодрствованием и сном стерлась, я уснул.

Мне приснилось мое детство – чистое, ясное, искреннее. В нем были синее-синее небо, белый-белый снег, искрящийся мириадами отраженных солнечных лучиков. (Таким снег бывает в начале весны, когда после легкой оттепели приступ жестокого мороза превращает его в гигантское скопление кристалликов.) В нем была высокая-высокая, вся покрытая белым инеем береза, росшая через дорогу от нашего уманского домика. В нем были мой парк «Софиевка», плантация молодых елочек на парковом склоне, зеркалом отливающая гора на Дубинке, с которой – на санках, на жестянках, просто на ногах – слетала кричащая, визжащая детская лавина.

Я увидел себя, семилетнего, уткнувшимся в колени мамы и горько-горько рыдающим – слободские пацаны сломали в парке мои санки, натравили на меня собаку, которая изодрала в клочья мою шапку, продырявила мои штаны. Я увидел маму, ее наполненные слезами сопереживания глаза; я ощутил ее теплую ладонь, глядящую мою вихрастую макушку...

Ко мне – увь, только во сне! – вернулись мгновения счастья.

Дружище Арчибальд

В нежные щенячьи лета мой четвероногий воспитанник Арчибальд (накоротко – Арчик), подстрекаемый возрастным зудом миропознания, ушел самовольно со двора и попал под рейсовый автобус.

Искусство костоправа, интенсивная терапия вернули неудачливого путешественника к активной собачьей жизни. Раны зажили, заросли эластичной, блестящей, густой и волнистой шерстью светло-бурого окраса. Арчи повзрослел, возмужал, превратился в видного, гибкого и стройного пса с заметными брызгами аристократизма в крови от далеких родовитых предков. Фирменной меткой его экстерьера стали роскошные бакенбарды, спускавшиеся от кончиков бровей вдоль носа, сливавшиеся в элегантную бородку-эспаньолку.



Пережитое в детстве потрясение сделало его ортодоксальным домоседом, надежным защитником рубежей моего приусадебного участка, моим усердным телохранителем в совместных выходах за пределы двора: в сельский магазин, на почту, в гости, на пленэр. Любил Арчик дальние вылазки за грибами с переходом к лесу через дымящийся рассветным туманом луг; обожал плавание со мной наперегонки по мелкой, коварно-быстрой речушке; впадал в неистовство, когда, рыская по мелкоколесью, выгонял на меня зайца, когда, твякая жиденьким тенорком, пытался (смешной!) догнать его.

Достигнув половозрелого возраста, Арчик подружился с соседкой Дюкой, великого ума собакой, также жившей на вольном содержании, отличав-

шейся прекрасным воспитанием, высоко ценившейся местными пастухами за умение точно управлять коровьим стадом на общественном выгоне. Созданный альянс дал кооперацию охранному делу, усилил качество надзора за сразу двумя дворами и, самое важное, удерживал Арчика от дальних забегов в период неизбежных собачьих свадеб.

В эти тревожные дни он надолго, до полного истощения, зависал на старшей подружке, преграждая горячему кобелиному братству доступ к ее телу. Правда, острота мировосприятия в некоторое время слегка тускнела, но это была допустимая системная погрешность, не понижавшая достойного уровня караульной службы.

Однажды в разгар очередного собачьего фестиваля в мой двор вломился обитавший неподалеку молодой широкогрудый пес гигантских размеров – настоящий Шварценеггер! Сорвавшийся с цепи дерзкий девственник, с полубезумными глазами метавшийся по селу в поисках первого сексуального опыта, посягнул – не беря во внимание Арчика! – на Дюку.

«И была между ними брань великая и слово недоброе...» – рычащий клубок собачьих тел покатился по двору, полетела шерсть, полилась кровь. Увесистой палкой разделил неуступчивых соперников, разбежавшихся смертельными, люто ненавидящими друг друга врагами.

Несколько дней Арчик зализывал боевые раны, приходил в себя и обдумывал план мести, которая (отцы иезуиты отдыхают!), темпераментная и изысканная, стала регулярной мизансценой нашего с ним времяпрепровождения.

...Погожее утро выходного дня. Повизгивая от радости, Арчик встречает меня на крыльце, бежит к воротам, изгибая голову в мою сторону, счастливыми глазами умоляет ускорить шаг – впереди праздник!

Открываю калитку, лохматый метеор летит в конец улицы, трубой вздернутый хвост балансирует перегрузки. Мощный спурт сменяется резким торможением, с филигранной точностью Арчик приземляется у логова презираемого врага – дырки в низу подгнившего забора, которую тот (неистовый!) постоянно выгрызает, выбивает, пытаясь достать прохожих.

Апофеоз свидания: за забором, просунув пасть в дыру, беснуется экстатический терминатор, с улицы, приблизив свой нос с точностью до миллиметра к носу врага (но не касаясь его!), ведет фронтальное наступление аккуратно-предусмотрительный Арчик. Он заливается трагическим лаем, скалит клыки, рычит, хрипит, захлебывается от возмущения, косит взглядом на меня, оценивая производимое впечатление.

После трех-четырех минут атаки Арчик резко обрывает представление, отступает чуть в сторону, изящно-циничным движением поднимает заднюю лапу и совершает ритуальное «пи-пи» перед поверженным и униженным оппонентом, бьющимся в пыли в предынфарктном состоянии. Подмочив его репутацию, дружок мой сердечный, посвежевший и заметно помолодевший, взбодренный впрыснутым в кровь адреналином, гордо откинув назад голову, покидает место встречи.

Некоторое время спустя возвращаемся домой. Вновь изнемогает в истерике, пытаясь вывернуться из ошейника, жалкий и презренный противник. Не дрогнув ни одним мускулом на своей преувеличенно серьезной морде, свобод-

ный и самодостаточный Арчик ленивой, небрежной поступью победителя дефилирует к своему обустроенному жилью мимо прикованного к цепи раба – дубины стоеросовой!

...Краток собачий век. Как-то незаметно Арчик перешел экватор своей жизни, приобрел еще большую положительность и внушительность. Не успел он насладиться всеми преимуществами достигнутого им стабильного, авторитетного положения, как подобралась гадкая старость. После ухода из жизни Дюки стал ее вдовый спутник жизни угрюмо-покойным, задумчивым, внешне безучастным к прежде радовавшему его налаженному дворовому быту.

Когда годы Арчибальда стали заметно значительными, когда возрастная депрессия тонкой пленкой безразличия обволокла его глаза, во двор была приведена миниатюрная, очень симпатичная девица по кличке Шпонька. Ласкала, нежила она престарелого друга, тот пытался ответить ей взаимностью, но масштабная разница в годах и габаритах не позволила им по-настоящему сблизиться – он не познал ее.

Правда, было подупавшая гарнизонная служба наладилась, обрела новые особенности. Теперь, запеленговав своим необычайно острым слухом дальние шумы, юная прелестница начинала «звонить», как маленький колокольчик, поднимая на контрольную проверку патриарха. Тот, кряхтя и посапывая, поднимался, погавкивая, двигался за беспокойной Шпонькой к забору разобраться в обстановке.

Как-то теплым весенним вечером, после утомившей меня обрезки сада я устроился отдохнуть на низкой скамеечке. Арчик тут же уткнулся мордой в мои колени, стал всматриваться в меня ласкающим, благовеющим взглядом. Почудилось мне, что в сумерках умирающего дня мой верный лепорелло внутренним голосом, неспешно и неслышно, рассуждает о нас двоих – о том, что жизнь простой собаки коротка и тяжела, выбор небольшой: либо бродяжничать, либо сидеть на цепи; что ему выпала редкая удача: жить вольным псом, обрести человека-друга и отблагодарить его верным исполнением собачьего долга; что *«счастья нет, а есть покой и воля»*...

Наступившая ночь была шумная, беспокойная. Свистел ветер в каминной трубе, стучали в окно ветки абрикосового дерева, сердце мое было не на месте.

Утром, терзаемый мрачными предчувствиями, я вышел во двор – Арчика нигде не было. Во второй – и последний! – раз он, почувствовав приближение смерти, верный обычаем предков, самовольно ушел от меня, чтобы в далеком уединении очень интимно проститься с жизнью.

Та весна была ранней и активной: пробовали в поле голос жаворонки, кружили в синем небе пары только прилетевших аистов, плакали сладкими слезами березы – но всего этого дружище Арчибальд уже не слышал и не видел.

Мишкины истории

Как-то жарким июльским днем по длинному коридору ателье индпошива обуви прохаживался сумрачный и задумчивый Мишка Буяло – молодой человек четырех лет, щупленький, с острым подбородком, лукаво сжатыми губами, умным и ясным взглядом. Размышления о слабом выторге в минувшие выходные дни морщили его детское чело.

В свои нежные лета был он видным знаком ручного изготовления обуви и ее розничной реализации. Жизнь под одной крышей с любимым дедом, профессиональным обувщиком с тридцатилетним стажем, регулярное участие в семейных производственных совещаниях и планерках насытили Мишку великого объема знаниями. Он твердо усвоил, что такое моделирование обуви, крой, пошив и затяжка, что такое подгонка колодок. Грамоте и арифметике ребенок учился на обувных каталогах и прейскурантах.

Все проблемы падения качества изготавливаемой в ателье продукции, спроса на нее, которые переживал и решал дед, Михаил также принимал близко к сердцу, не отстранялся от их разрешения. Вот и в этот раз, побродив недолго по коридору, он решительно вошел в сапожный цех, стал в позу оратора, упер кулаки в боки и, стреляя карими глазками по сотрудникам, «толкнул» зажигательную речь.

– Это безобразие! – выкрикнул он, и народ вздрогнул. – Знаете ли вы, что сейчас «не сезон», что на Троещинском рынке китайской обуви хоть завались, а мы сидим без почина? Работать надо лучше и качество давать высокое.

Мишка сказал – как отрезал. Затем круто развернулся и, заложив руки за спину, отправился к деду в кладовую решать очередные производственные задачи. Пристыженный народ ахнул, удвоил усердие и выправил положение.

Следующая встреча трудового коллектива с конкретным пацаном случилась через два года, когда он, готовясь в первый школьный класс, проходил обязательное медицинское освидетельствование. Тогда неудачная прививка негативно повлияла на Мишкино здоровье – он подпух, ослабел, у него резко подскочила температура.

Клан Стеценко ударил в набат, предпринял энергичные медикаментозные меры и поставил общего любимца на ноги. Вскоре после выздоровления, оставшись без материнского присмотра (мама-врач была «на сутках»), Михаил, в сопровождении деда, вновь прибыл на фирму. Осмотрев все помещения, оценив одобрительно невялый производственный процесс, он забрел ко мне в комнату, сел на стул около моего стола и стал заинтересованно наблюдать за мной.

– Ну что, мой юный друг! – открыл я общение. – Расскажи, как ты встряхнул патриархальное спокойствие семейного быта и озаботил светил отечественной медицины. Поведай мне, дружище, как все это произошло.



– Укол неправильный сделали, – мгновенно отреагировал Мишка. – И вакцина была какая-то несвежая.

– И как же это проявилось? – продолжил я любопытствовать. – Что пережил ты, голубь сизокрылый?

– Вначале было небольшое животоболение, – начал перечислять Мишка, – потом пресеклось дыхание, и я чуть-чуть потерял сознание.

Изящная и информативная словесная конструкция от маломерного гражданина умилила меня, и я, чтобы ничего не упустить из услышанного, записал маленький речевой шедевр в блокнот. Далее каждому входившему в комнату сотруднику я пересказывал Мишкину трагедию и цитировал его крылатую фразу. Юный герой сидел на стуле, болтал ногами, купался в лучах славы, не забывая при этом фиксировать участников его восхваления.

Когда поток посетителей иссяк, Мишка незаметно для меня куда-то исчез. Я было подумал, что с его печальным эпизодом уже ознакомился весь личный состав, но ошибся. Послышался нарастающий шум частых, скользящих шагов, и в комнату, деликатно подгоняемая Мишкой, влетела Людмила Владимировна Рудькова (для сотрудников – Ляля).

– Времени нет! – выпалила она. – Ну-ка, зачитайте, что там Мишка рассказал.

Я в очередной раз воспроизвел популярную речь, Ляля зацокала от восторга языком и побежала кроить и рубить кожу. Мишка, удовлетворенный стопроцентным охватом слушателей, побрел к деду на склад – «закрывать месяц».

Таня

В дни отрочества моего – воинственного и бескомпромиссного – в качестве средства бесконтактного выяснения и корректировки межмальчишеских отношений использовал механизм полного игнорирования очередного оппонента. Педагогические возможности такой психологической экзекуции оценил еще в раннем детстве (жили мы тогда в Верхнячке), когда по воле отца соучаствовал в бойкоте братца-первоклассника, пропустившего уроки и давшего тому невероятное (но правдивое!) объяснение – оставленный им на крыльце без присмотра портфель наша хитроумная дворняга спрятала в конуре.

Приемы тихой войны были любы моему подростковому характеру обидчивого, импульсивного эгоцентриста, оценивавшего себя как верховного носителя истины, а несогласных со мной – как инакомыслящих отступников. Приемы эти так увлекли меня, что однажды, не задумываясь, применил их по отношению к... маме.

Случилось это в одна тысяча девятьсот шестьдесят первом году, в тусклом, прохладном дне весеннего солнцеворота и завершения третьей учебной четверти, когда из подъезда нашего, недавно заселенного дома на Агрономической улице выбежал отец, растерянный и с пухлыми авоськами в руках. Не замечая меня, возвращавшегося из школы, он сбежал в старейший шелкович-

ный сад, взлетел на опушку дендропарка и, потоптавшись на месте, через глухие заросли Грековой балки взял курс на родильный дом.

Причину отцовской суетливости понял после того, как соседка по этажу и мамина подруга, Ольга Михайловна Пальтова, поздравила меня с рождением сестрички. Новость эта прозвучала громом среди ясного неба, ибо ничего не знал о маминой, за ее естественной полнотой прятанной, беременности. Теперь же, когда все счастливо разрешилось и разъяснилось, на меня, вместо радости, накатило возмущение поведением родителей – почему скрыли, не известили, не согласовали?!

Впрочем, предъявить претензии отцу, из чувства самосохранения, не решился. Тем более что несколько дней маминого отсутствия он водил нас с братом в центральный городской ресторан, где сорил деньгами, предоставляя чадам своим волю в выборе блюд, преимущественно деликатесов и сладостей.

Отыгрался на маме. Когда она, вместе с крохой Таней вернулась домой, я обдал ее ледяным взглядом и, не отвечая на приветствия и расспросы, с высоко задраным носом «вышел вон». Некоторое время стойко выдерживал характер, мама, обидевшись, отвечала встречным безразличием. После недельного бойкота перегорел, умягчился и всем своим видом стал выказывать желание прекратить игру в молчанку, не решаясь – гордыней обуянный! – первым сделать шаг к примирению. Сделал это в день полета Гагарина: примчавшись домой, очень естественным образом, позабыв об обструкции, выплеснул на домочадцев последние новости полета и приземления первого в мире космонавта.

Далее, стремясь загладить вину перед мамой, активно и с инициативой помогал ей в уходе за сестренкой: в ущерб своим походам на стадион сторожил младенческий сон во дворе, в низкой посадке коляске; бегал на молочную кухню, за покупками; сопровождал маму с малышкой на контрольные обследования в детскую поликлинику, на домашний прием к знаменитому уманскому акушеру Билинкису (кстати, в свое время давшего и мне ход в белый свет).

Лапушка Таня, подрастая, все более и более оформлялась во внутрисемейных отношениях семейным идолом, почитаемым и обожаемым. Идолопоклонство совмещалось с кормлением маленького божка в детской комнате, оно требовало от родителей известной сметливости, терпения, поиска новых ритуальных форм. В процессе поклонения сидевшая на высоком стульчике малышка, заложив за щеки порцию манной каши, с интересом следила за взрослыми, ожидая от них чего-то необычного, эксцентричного, что могло бы заставить ее, в качестве поощрения исполнителей, проглотить еду. Очень энергично и с фантазией выступал отец – высоко подпрыгивал, канканировал, падал на колени и ползал по полу, рычал, пищал, декламировал со свирепым выражением лица: «Пришла коза рогатая за малыши ребятами...». Некоторое время его антраша, артикуляция и жестикация имели успех, но скоро дочурка откровенно заскучала, празднично глядя в пространство, с округленными глазками и надутыми, как у хомячка, щеками.

Преуспела мама, вычислившая, методом проб и ошибок, что аппетит к любимице приходит в процессе совместного просмотра и изучения «Книги о вкусной и здоровой пище», выпущенной товарищем Микояном в начале пятидесятых годов. Это кулинарное наставление позволило ей, день за днем, успеш-

но выкормить «маленькую хозяйку большого дома», оно, потрепанное и разрисованное, без нескольких листов сохранилось до наших дней как дорогой артефакт нашего чудного детства втроем.

Гораздо больше проблем питания беспокоило родителей слабое здоровье дочки, ее частые простуды. Возможно, тому причиной были поздняя мамина беременность и тяжелые роды, совершившиеся с помощью кесарева сечения. Возможно, в том был какой-то знак судьбы, ее указание на будущие физические страдания девочки... Кто знает, кто знает... Во всяком случае, родители делали все, чтобы уже в детстве подавить Танины проблемы со здоровьем. И когда весной шестьдесят третьего года под Одессой случилась локальная вспышка холеры, мама предусмотрительно увезла дочку в Москву, к своим родным, дяде Шуре и тете Кате (там, кстати, Таню окрестили в храме на Преображенке).

Следующей осенью завершился уманский период жизни нашей семьи, переехавшей на родину отца, поселившейся в поселке селекционной опытной станции, под Брянском. Тане перемена места жительства не понравилась, и в начале зимы, оставшись без маминого надзора на детской площадке, она отправилась в обратный путь, на свою родину, в Умань. Пока мама, потеряв голову, металась по поселку, путешественница успела выйти в покрытые снегом поля, где была остановлена случайными прохожими и возвращена домой.

К тому времени я уже учился в институте и пребывал в состоянии жуткой тоски по только оставленному школьному детству, по ушедшим в прошлое одноклассникам, скучал по домашнему быту, по любимой сестренке. Пообщаться с ней подольше и без спешки смог только в пору своих первых летних каникул, которые мне сократила обязательная для начинающего студента летняя трудовая практика. Дома появился в конце июля и, не отряхнув дорожную пыль, помчался в детский садик.

Там был «мертвый час». По моей просьбе нянюшка разбудила Таню и вывела, еще полусонную, в раздевалку, усадила на стульчик у ее шкафчика. Уже натягивая коричневые нитяные чулочки, Танюша полностью отошла ото сна и, узнав меня, заплакала.

– Где ты был? Почему так долго ехал? – запричитала она негромко и отчаянно. – Я так ждала тебя!

Меня захлестнули теплое волнение, нежность и любовь (предтеча моих будущих отцовских чувствований к моим будущим детям), к горлу подкатил комок – я подхватил сестренку на руки и скоро-скоро пошел домой.

...Все это – в грустных, смутных воспоминаниях, все это – присказка, сказка – впереди...

Не могу вспомнить, в каком эпизоде Таниного детства впервые прозвучал уверенный намек на ее силу воли, целеустремленность, на природный дар «бороться и искать, найти и не сдаваться», на умение постоять за себя. Как рассказывала мама, сильный характер дочери она впервые узрела и учуяла в маленькой жанровой сценке, в которой четырехлетняя Таня разметала игрушки нагрубившего ей сверстника, после чего, выставив в его сторону ладошки с изогнутыми, как коготки, кончиками пальцев, твердо заявила: «А теперь, Алешенька, попробуй тронуть меня!»

В школьные годы, начиная с первого класса, Таня самостоятельно решала

все учебные проблемы, оставив родителям минимум формальных воспитательных забот и возможность радоваться успехам дочери. Решительность, врожденное честолюбие и зарождающееся самоуважение побуждали ее только к первенству в учебе, в нравившихся ей делах и затеях. Так, увлекшись вязанием, она скоро стала мастерицей-рукодельницей, обвязывавшей себя и маму свитерами, носками, шапочками. Следуя семейной традиции, сызмальства много читала, развивала эрудицию, формируя в себе натуру филологического склада. Уже к восьмому классу определилась со своей будущей профессией и заранее уведомила родителей о намерении, по примеру старших братьев, выбраться в Ленинград и поступить в университет, на факультет романо-германской филологии. В подтверждение серьезности своих намерений перевелась из поселковой школы в славную сильными учителями школу городскую, стала дополнительно самообразовываться.



Мне, в ту пору начинающему инженеру, часто, по возвращении из командировок в Киев, заезжавшему домой, доводилось не раз менторским тоном отговаривать сестру от ее, как я полагал, благого намерения. Убеждал ее, что поступить на элитарный факультет знаменитого вуза, при неизменно заоблачном конкурсе на него, невозможно, что успеха в первую очередь добиваются «позвоночные» абитуриенты. Татьяна слушала мои пылкие аргументы с деликатным почтением младшей сестры, но оставалась при своем особом мнении и четко выписанном плане действий. Согласно его первым двум пунктам она, получив почти отличный аттестат, наработала требуемый трудовой стаж, который – как обязательное предварительно условие – позволил ей поступить на подготовительный факультет чаемого вуза. Далее, добавив себе знаний, попала в разряд непотопляемых абитуриентов и, достойно сдав вступительные экзамены, осуществила первую в жизни мечту.

Почти семь лет отзанималась Таня в главном университетском корпусе, выходящем торцом к Неве, глядящем своими окнами на ее противоположный берег – на здание Адмиралтейства, на Медного всадника, на Исаакиевский собор... Эти рукотворные пейзажи, особая культурная атмосфера города сделали ее за время учебы патриотом Ленинграда, ленинградкой по духу, возбудили острое желание утвердиться в этом дивном городе. Защитив диплом, она недолго поработала по распределению учителем немецкого языка в заштатном городке Ленинградской области и во второй половине восьмидесятых годов вернулась в любимый город для окончательного в нем укоренения.

На идеальное воплощение второй по счету мечты сестре понадобилось почти полтора десятка лет. Его результатом, уже в начале нового века, стал приватный Татьянин центр обучения иностранным языкам, дислоцированный в центральной части Питера, и уютная, ухоженная, со вкусом обставленная квартира на Таврической улице. Процесс реализации задуманного потребовал от невысокой, щупленькой экс-провинциалки неустанного труда и напряжения интеллекта, сообразительности и хитроумия, искусства предвосхищать, умения

позитивно для себя реагировать на опасность (от завистников, от одноклеточных ракетиров), таланта результативно проходить эшелонированные построения сребролюбивого чиновничества.



Все это время, отделенный от места судьбоносных событий тысячью верст и собственными заботами выживания, был только безучастным, слабо осведомленным свидетелем сестринских усилий. (Тем более что Таня, не любившая говорить о своих проблемах, на время их обострения прерывала родственные контакты до изменения ситуации к лучшему.) Когда же дым бытовых и деловых баталий рассеялся и обнаружилась основательно-надежная житейская диспозиция победительницы, я поразился содеянным ею, восхитившись более всего тем, что благосостояние свое сестра выстроила не по убойным правилам бандитского капитализма, а на мощи собственного умственного капитала.

«Откуда, – терялся я в догадках, – пришла к этой внешне слабой, более на девочку похожей женщине железная воля и отвага, дар быстрых решений? Кто дал ее светлой головке редкую интуицию и пронизательность? От кого, из какого колена материнского или отцовского рода передались ей коммерческая жилка, организационные способности, мастерство системного мышления?» И чем больше я обмысливал Танин характер и результаты его воздействия на ее судьбу, тем больше гордости, на уважении замешанной, испытывал за всегда для меня маленькую сестру, давшую блеск и значимость нашей фамилии, ставшую старшим братьям примером для подражания.

Увы, не все сложилось в Таниной жизни так, как того ей хотелось, была у медали ее успеха своя оборотная, совсем не радостная сторона. В круговороте борьбы за самоутверждение не довелось ей устроить личную жизнь, стать мамой. «Слишком высоко подняли братья мужскую планку, не нашелся еще мужчина такого уровня,» – то ли шутя, то ли серьезно объясняла сестра свою семейную неустроенность.

Но – самое страшное! – не дала ей судьба в полной мере вкусить плоды победы, раскрепоститься после нее, ощутить прелесть только наладившейся жизни, в полной мере отдаться любимому делу. Вдруг появились быстрая утомляемость, слабость, нарушилось дыхание – какой-то неведомый недуг стал точить Танино тело, терзать ее сознание.

Обозначила судьба Тане новый рубеж – на этот раз обороны от коварной и, как вскоре выяснилось, чрезвычайно редкой болезни. Вновь пришлось ей собирать силу воли в кулак, держать в узде нервы, крепиться, не давать слабину на людях. Потянулись дни и месяцы хождений по поликлиникам, лечений в стационарах с частыми консультациями у специалистов, долго и безуспешно пытавшихся выработать методику лечения малоизученной хвори.

В это тяжкое время физической и психологической опорой Тане стал брат Виктор, принявший в свое сердце ее боль, сделавший все возможное

Издатель этой книги – мой брат, Виктор Леонтьевич Головцов. Выпускник Ленинградского электротехнического института (ЛЭТИ), кандидат физико-математических наук, заместитель директора отделения Петербургского института ядерной физики (ПИЯФ), участник экспериментов на Большом адронном коллайдере в Европейском центре ядерных исследований (ЦЕРН), в Женеве.



Мой племянник, известный финансист-аналитик, Александр Викторович Головцов, стал первым читателем и оценщиком моей только вышедшей книги. Скупой на ласки, он тем не менее одобрил первый литературный опыт дяди.



Екатерина Александровна и Елизавета Александровна Головцовы.

*«Мы быстры и наготове,
Мы остры.
В каждом жесте,
в каждом взгляде,
в каждом слове! –
Две сестры!»*





*«Опять весна. Знакомый круг
Замкнут – который раз...»*

Апрель 2008 года. Автор книги со своими любимицами-внучками, двоюродными сестрами, двумя Аннами... *«на шее»*.

*«Когда-нибудь, прелестное создание,
Я стану для тебя воспоминаньем».*



«Обаянье поэзии детства...»

Маленькая Аня – говорливая, энергичная, веселая – со своими старшими подружками и наставницами, славными девчужками, Ирой и Юлей.

Лето 2007 года.

«У девчонок – тоже женское сердце».

и невозможное для спасения нашей общей любимицы. Бросая институтские дела, смещая важнейшие зарубежные командировки, он бегал по клиникам, искал и находил дефицитные лекарства, консультировался с лечащими врачами и, как самый близкий Тане человек, давал или не давал согласия на реализацию ответственных лечебных решений. И, сверх всего, контролировал работу Таниной фирмы, которая, несмотря на долгое отсутствие ее владелицы, функционировала как раз и навсегда отлаженный часовой механизм.

Поначалу я слабо представлял всю тяжесть и сложность положения сестры, и лишь после перенесенной ею второй операции, когда брат раскрыл мне реальное положение вещей, пережил резкий душевный удар, потрясение, близкое к нервному срыву. И все же – я не верил в худшее, надеялся, что вновь сработает сила воли сестры, что характер ее переборет болезнь, что ей еще жить и жить... И когда она решилась на третью, по ее мнению спасительную, операцию, я до последнего продолжал верить в благополучный исход. Но... не судилось мне больше видеть Танечку живой.

...В моей киевской квартире, на рабочем столе, уже много дней стоит обрамленный красивым паспорту фотоснимок Тани, сделанный незадолго до ее кончины. С него сестра внимательно и очень грустно смотрит на меня, но я – отчаянно пытаюсь! – не могу ответить ей встречным взглядом. Стараюсь, но не могу посмотреть ей в глаза, ибо в глазах ее – великая мука, которую она стоически переносила последние годы своей жизни, ибо во взгляде ее с фотографической бумаги – уже обращение в другой, нематериальный мир, нам, на земле живущим, пока еще неведомый, нами трудно воспринимаемый.

Тысячи ножей терзают мое сердце, слезы застилают глаза...

Я отвожу глаза и вспоминаю жаркий июльский полдень далекого, полузабытого шестьдесят пятого года в близком брянском пригороде. Я вновь вижу и слышу свою любимую четырехлетнюю сестричку, которая, обхватив ручонками мою шею, уткнувшись головкой в мою грудь, горько-горько плачет и укоряет меня за поздний приезд.

Как выполоть из памяти печаль,
Как письма тоски стереть в мозгу?²⁰³

Киев, 28 октября 2008 г.

Не могу молчать!

Так называется статья Л. Н. Толстого (1908), призывавшая правительство прекратить смертные казни, которые в то время (при министерстве Столыпина) в огромном числе производились над участниками аграрных беспорядков.

Волнуют душу добрые и нежные чувствования к давно ушедшим годам молодости – невозвратным и неповторимо прекрасным, начавшимся на исходе бурных шестидесятых годов и завершившимся в «*минуты роковые*»¹¹⁷ вакханалии горбачевских реформ.

Чем дальше уйду во времени от того мрачного рубежа смены веков, чем больше наблюдаю и ощущаю мерзостей жизни, тем дороже и ближе становятся спокойные, именованные «застойными» семидесятые годы. И не потому, что на них припала моя молодость, а прежде всего благодаря особой атмосфере общественной жизни, напитанной ионами дружелюбия, уважительности, надежности.

Как бы ни пытались ритуально лягнуть недавнюю отечественную историю новые хозяева жизни, забывчивые представители второй древнейшей профессии, сервильные обыватели, перечеркнуть бесспорные социальные достижения, которые ощутило мое поколение, невозможно.

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит¹⁴⁵.

Бросание камней в былое государственное устройство – это проявление неуважения к соотечественникам, жившим в те сложные, но благоуспешные годы, ковавшим национальный продукт, строившим жилье, двигавшим аппараты в космос, производившим общественные блага на пользу грядущим поколениям.

Плевки в прошлое от людей, знавших благополучие в охаиваемые годы, висят в воздухе, как не по адресу отправленные, в связи со сменой адресатом места прописки. Адресат, он же основа прежней Системы – верхушка партийной номенклатуры и государственная бюрократия, чьей главной собственностью были связанные с привилегиями должности, – успешно конвертировал их в невиданных размеров собственность частную.

Операцию эту новые хозяева жизни провели с присущими вышколаченной элите жадностью, продуманностью и византийским забалтыванием народа в ходе его оболванивания и ограбления.

...я право не шучу.
Я (как чужое солнце ни сверкает!)
Зажгу своей теории свечу³².

Система, родившаяся в кровавой бане небеспричинно вспыхнувшей революции, заложила в свою основу мощной притягательности стержень – принцип социальной справедливости. Движение к его предельно идеальному воплощению четверть века сопровождалось конвейерным уничтожением казавшихся подозрительными попутчиков; ценность отдельно взятой человеческой жизни была нулевой, по сравнению с предполагавшимся светлым будущим.

Коммунистическая идея – несколько абстрактная и не до конца понятная в предложенном Системой варианте – тем не менее казалась законопослушному народу столь убедительной и универсально гуманной, что следовать ей считалось самоочевидным, а сопротивляться – глупостью или преступлением.

Сочетание воодушевлявшей людей идеологии с ее силовым сопровождением обеспечило баланс государственных и общественных интересов, увязало достоинства личности с достижениями страны, заложило в граждан запас вза-

имной толерантности, исключило расовую и национальную рознь, сделало реальной «дружбу народов», дало исторически недолгую жизнь общности «советский народ».

Время, естественная эволюция, серьезные системные потрясения до возможного предела ослабили механизм насилия – более весомыми стали выглядеть социальные успехи. Заговорили о необходимости подправить малоэффективную экономику, о природной заинтересованности индивида в результатах труда и им соответствующих заработках.

Возможность во благо народа реформирования Системы давала мощная материальная и интеллектуальная база, огромные природные ресурсы, трудолюбие народа. Тому препятствовала бездарность тогдашнего руководства страны.

После 1973 года на страну обрушился «золотой дождь». В результате двух резких скачков мировых цен на нефть Советский Союз заработал (как утверждает академик Арбатов) в сумме около четверти триллиона долларов. Невероятные деньги, за которые можно было и достойную оборону страны обеспечить, и содержательно ее обустроить!

Выросшим в тени вождя, и потому напрочь лишенным конструктивной инициативы, партийным бонзам выход за рамки марксистской доктрины казался святотатством, сама мысль о введении элементов частного предпринимательства вызывала реакцию отторжения. (Вопреки утверждению творца идеологии, что «марксизм не догма, а руководство к действию».)

Маразм афганской авантюры ускорил принципиальные кадровые перемены в высших эшелонах власти – консервативных геронтократов сменила свежая поросль партийных активистов.

Я раньше ненавидел и любил,
Теперь умею только издеваться³².

Гора родила мышь. Последний генеральный секретарь, великий говорун и мастер художественного свиста Михаил Горбачев (в народе – Михаил Грязный) под лозунгом «Революция продолжается» открыл шлюзы перестройки и в пять лет промотал наследство.

Искусство Михаила Сергеевича рассказывать сказки отмечено в 2004 году премией Грэмми в категории «Альбом для детей в разговорном жанре» за диск «Петя и Волк», который состарившийся реформатор записал в компании Билла Клинтона и Софи Лорен.

Страна заплатила кровью миллионов людей за право быть процветающей и сильной. В калькуляцию этих расходов входят жертвы массовых репрессий сталинского режима, жизни героев страшной войны за независимость и территориальную целостность страны. В ней – результаты великого труда сограждан, в том числе и рабского, в «архипелаге ГУЛАГ».

«Пепел Клааса стучит в мое сердце»¹⁴⁶. Нормы морали должны были учесть предоставленный историей счет. Высокая нравственность предполагала, что достижения и наработки предков обязаны перейти к благодарным потом-

кам для пользования, развития и очередной передачи в наследование новым поколениям.

А что до Правды – то сия наука
Из моды вышла как... стрела из лука³².

*«Благими намерениями дорога в ад вымощена»*¹⁶¹. Кооперативы, малые предприятия быстро иссякли в производстве товаров, развитии новых производств, скатились, большей частью, к посредническим услугам между государственной, быстро вымываемой казной, и получателями средств. Заработал механизм «крышевания», «откатов», комиссионных, где первую скрипку заиграли бойкие представители партийно-государственных структур.

Усиливавшие турецкую, китайскую экономику «челноки»-торговцы подверглись массовой бомбардировке начавших формироваться из дворовой шпаны и узколобых бездельников рэкетиров.

Их поначалу нестройные бригадные построения со временем качественно усилились – за счет очистивших ряды громил «стрелок», «разборок по понятиям» – и влились в откалиброванные колонны мафиозных формирований. Стали они, наряду со стриженными братками классических криминальных структур, неформальной опорой нового социально-экономического строя.

У нашего молодца нет забавам конца. Бесхарактерный, очень семейный подкаблучник и борец с алкоголем «фомкой» природной самоуверенности и ограниченности только подломил великую страну. Ее уничтожение завершил, отправив попутно в политическое небытие бывшего покровителя, «партайгеноссе» Ельцин.

Нам, как аппендицит,
пудаляли стыд¹⁴⁷.

Величайшей нахрапистости личность, циник и беззастенчивый демагог. В гроссбухе последующих деяний отечественного герострата в разделе «дебет» – кровь безвинных жертв вспыхнувших конфликтов, невероятного разгула преступности; в нем – миллионы искалеченных судеб, нищета и несправие, унижение моих сверстников; там – останки и руины.

В разделе «кредит» – баснословные состояния ничтожной части населения, в том числе клана взявшего власть потрошителя.

Селекционер из Нижнего Тагила С. Иванов вывел новый сорт хрена, который назвал именем первого президента Российской Федерации, однако новинка не была официально зарегистрирована в ботанической номенклатуре под именем "artorocia elciniana"¹⁴⁸.

Ничего не создал – только разрушил. Став на ноги, после немощной контрреформации августа девяносто первого года, в дебрях Беловежской Пуши с парой ассистентов провел вивисекцию государственного тела, расчленил его на разномерные составляющие, перекалечил народ.

Стыд и горечь вызывает кровавое воскресенье и понедельник октября 1993 года, когда был расстрелян Верховный Совет, когда рос-

*сияне «мочили» россиян, когда господин президент одарил звездами Героев России генералов, умывших его власть кровью сограждан.
Позорная страница новейшей российской истории!*

По злой воле одного человека исчезло главное, что все великие мыслители прошлого – от Никколо Макиавелли до Иммануила Канта – считали главной гарантией мира: наличие баланса сил. Американские Штаты из ведущей страны современного мира превратились в господствующую на планете державу. Россия (о ней – моей Отчизне – веду речь) по валовому продукту на душу населения откатилась во вторую сотню стран.

По-прежнему коммунистический Китай без ломки державных устоев, кровопускания народу – за счет стратегии постепенной либерализации – перестроил на суперэффективный лад свою экономику. Ее невероятный, совершившийся в два десятилетия рост назван величайшей трансформацией века (сорок миллиардов долларов ежегодных иностранных инвестиций, свободные экономические зоны, скупка передовых технологий, лидерство на товарном рынке США, предсказание скорого первенства в мировой экономике).

Академик Сахаров, почитавшийся соотечественниками за почти блаженного, считал, что СССР и США сыграли вничью, выступал за мировое правительство с двумя гарантами.

Настороженно относился к личности Ельцина, был автором проекта конституции под названием «Соединенные Штаты Евразии», которая включала все республики в единую систему демократического государства.

Под хоругвями крестового похода за демократию, под сурдинку усыпляющих народ разносов «советской империи», «тоталитаризма» зашумел передел собственности – альфа и омега любой «болтологии» о свободе, о плюрализме, о равноправии.

Права человека, о которых постоянно талдычили заокеанские соавторы перестройки и которые обеспечиваются прежде всего частной собственностью и сознательной хозяйственной деятельностью их обладателей, в результате кровавых внутренних боен и нечистоплотных махинаций, стали доступными «минимуму минимуму» населения.

Его большинству осталось неотъемлемое право на биологическое выживание.

А ныне все умы в тумане,
Мораль на нас наводит сон,
Порок любезен...⁷²

Нравственный прицел, отрегулированный исчезнувшей Системой на конечную цель «Человек человеку – друг, товарищ и брат», оказался непоправимо сбитым. В отношениях индивидов определяющим стало понятие «Человек человеку – волк» с сопутствующими «разводками», «кидалово», уничтожением и поеданием слабейших.

Туго закрученные «отцом народов» гайки державной машины, даже после его ухода, долго держали в узде ее контрольно-исполнительный

номенклатурный механизм. Существовали жесткие правила игры, некий моральный барьер, переступить который без тяжелых для себя последствий государственный чиновник не мог.

В начале девяностых шумливые и духовитые ветры демократии сорвали резьбу, воцарились вседозволенность, анархия, возможность по-пирать все, что угодно.

Жадная и беспринципная часть верхушки Системы пустилась во все тяжкие.

Аппаратный клир, иерархи спецслужб, комсомольские секретари, бывшие в момент «великого взрыва» распорядителями кредитов, рутинными банковскими операциями перевели себя в разряд состоятельных людей; серьезные госслужащие сели в кресла руководителей концернов, банков, «самодельных» фондов. «Крестные отцы», кое-как отмыв от крови добытую наличность в постирушках ваучеризации и приватизации, стали степенными магнатами. *«Из Савла обратились в Павла»¹⁶².*

На руинах несовершенного, лидерами страны искаженного социализма возникло мрачное здание развращенного капитализма. Под бурные аплодисменты либеральной клаки, под теоретическим прикрытием аксиом «мальчиша-плохиша» возник, как метко припечатал Генри Киссинджер, *«...гибрид черного рынка, безудержной спекуляции, откровенной преступности, госкапитализма и доминирования олигархов».*

О Россия, как отмечал Бердяев, *«покорная, женственная»!* Доколе?!

У ней, родимой, требы многи;
Бедна по милости воров!
В ней пышны барские чертоги,
Но жалки избы мужиков¹⁴⁹.

Общество расслоилось, разделилось на две стремительно разбегающиеся галактики. В одной – мир блаженствующих крезов, в другой – юдоль печали народа. Ходят, правда, разговоры о формирующейся между ними планетарной цивилизации, стыдливо именуемой кабинетными теоретиками «средним классом». Подобные оптические иллюзии возникли, видимо, от регулярных наблюдений буйства деловой жизни столицы, где обращается львиная доля капиталов и кладется немало голов рвущихся к грабительскому обогащению личностей.

При этом не учитывается, что средний московский обитатель – это далеко не полуничий житель провинции; что громадное экономическое пространство, скукожившееся, как древний город-государство Рим, в небольшом регионе, свидетельствует о критическом перекосе государственного механизма.

В столице шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России, –
Там вековая тишина¹⁵⁰.

Малых размеров, но великой плотности «черная дыра» втягивает в себя с силой невообразимой все, представляющее достаточный финансовый интерес. Ее ядро – олигархи, «ум, честь и совесть» эпохи.

Начинали они не с медной копейки, «крутыми» стали не по праву наследования, кладов не находили. Взяли готовое, наработанное всем народом; за бесценок прикарманили то, что не создавали.

От трудов праведных не наживешь палат каменных. На нефти, газе, электричестве, приватизации сырьевой промышленности подняли свои быстрые миллиарды, вместо природной ренты (практики, применяемой во всем мире) платят смешные налоги.

В развитие новых технологий, наукоемких производств средств не вкладывают – необходимые для прокачки нефти машины и механизмы проще купить на стороне. Все поступающие доходные потоки заворачивают в «зазеркалье».

В начале пятидесятих годов двадцатого века в Южной Корее, предпринимавшей экстраординарные меры по выходу из критической социально-экономической ситуации, действовал запрет на вывоз валюты за рубеж. Все капиталы работали на «корейское чудо».

Только через десять лет реформ выезжающим из страны гражданам было разрешено брать с собой на личные нужды не более пятиста долларов.

Совесть нации, ее президент-трудоголик Пак Чжон Хи (совет-ская пропаганда, кстати, именовала его «диктатором»), после смерти не оставил дочери – к сведению господина Ельцина и пана Кучмы! – ни гроша.

Вывод денег в оффшорные зоны или покупка футбольного клуба за 230 миллионов долларов не могли присниться даже самому богатому корейцу.

Скоропалительные нувориши – это не веками вкоренявшаяся в родную почву аристократия (типа британской), олицетворяющая силу, энергию и богатство нации. Разбогатевшие парвеню оборвали корни с породившей их почвой, безразличны к судьбам народа страны проживания.

Кукушка воробью пробила темя
За то, что он ее кормил все время¹⁵¹.

Не «на пальцах» – на математических моделях! – академик Владимир Захаров показал, что господствующий класс заинтересован в уменьшении численности населения страны. Демографическая проблема для него – желанная константа в формуле упорядочения народонаселения подконтрольной территории и переведения его остатка в состав челяди. С выведенным за скобки державной алгебры человеческим фактором быстрый научно-технический прогресс может дать заказчику идеальное решение.

По расчетам американского футуролога Брейна, через четверть века роботы с внешностью гуманоидов вытеснят человека с большинства рабочих мест, через столетия человек станет безработным.

В результате психической депрессии "homo sapiens" может на четвереньки стать, речь забыть, впасть в детство.

Время работает на *homo novus* – население страны неумолимо сокращается. В России самая короткая среди цивилизованных стран продолжительность жизни мужчин и сверхсмертность мужчин рабочих возрастов. Современному российскому мужчине – 34 года, женщине – 40 лет. Мужская смертность в 4 раза (читай «Известия»!) превышает женскую. Потери здоровых мужчин сопоставимы с потерями СССР в Отечественной войне.

Но те, кому дается власть и сила,
О жертвах сокрушаться не хотят.
И кровь не насыщает их гордыню,
Как влага Аравийскую пустыню³².

Процесс этот начался на кругах ада начала девяностых с сопровождающими спиралевидное падение безработицей, плохим питанием, напряжением и страхом, болезненной – снижающей рождаемость и длительность жизни – неуверенностью в будущем. Он набирает темп за счет помолодевших пьянства, наркомании. Ему способствуют незатухающие вооруженные конфликты, разгул уголовщины, терроризм.

Здравоохранение – фактор национальной безопасности, гражданских прав и свобод – разделилось на две совершенно неравноценные части: для бедных и богатых. В первой не хватает всего, чего может не хватать (денег, медикаментов, времени и внимания к больному). Во второй – всего с избытком (мрамора, дорогого оборудования, приторной любезности).

Советская фармацевтическая промышленность, при всех ее недостатках и слабостях, была нацелена на предотвращение и ликвидацию болезней, на минимизацию стоимости лекарств. Ныне рябит в глазах от обилия не всякому доступных отечественных и импортных лекарственных средств, по десятку на каждую болезнь и немочь, выработанных на принципах капиталистического подхода к делу.

Его суть профессионально и четко обрисовал доктор Матиас Рат в газете «Нью-Йорк Таймс»: *«В основе фармацевтической промышленности лежит "бизнес на болезнях". Его базисом является выдача патентов на новые синтетические лекарственные препараты, которые лечат не болезнь, а ее симптомы. ... это инвестиционная промышленность, в основе которой лежит продолжение болезни»*.

А теперь, «Маврикиевна, усекай!»! Только обеспечив собственными силами достойный уровень жизни, может Россия считать равноправным партнерство с благоденствующими соседями, может думать о своем участии в их политических, экономических объединениях, не забывая при этом о крепости «ядерного щита» вокруг своих, притягательных для чужого глаза природных ресурсов.

Еще в восемнадцатом столетии священник Томас Мальтус объяснил бедственное положение нищих слоев населения «абсолютным избытком людей», действием «естественного закона народонаселения», согласно которому рост средств существования значительно отстает от роста народонаселения.

В наши просвещенные времена средневековые идеи живут в среде успешных стран (так называемого золотого миллиарда), обеспокоенных

безопасностью и гарантированным прокормом сограждан. Исходя из этих стратегических интересов они строят свои отношения с нуждающимися иноплеменниками, ведут с ними потешные межгосударственные забавы, дипломатические ¹⁶³игры по правилам кнута и пряника – «овому талант, овому два» .

С рухнувшими, потом и кровью окропленными социальными устоями исчезла охранительная роль государства. Его непобедимый, пропитанный коррупцией бюрократический аппарат («семья крапивное») слился в экстазе единения с крупным капиталом.

Кто девушку ужинает, тот ее и танцует. Трудно различить, где кончается государство и начинается бизнес, и наоборот. Министры-капиталисты, по сути дела, служат топ-менеджерами у крупных компаний, у фактически управляющих страной транснациональных корпораций.

Элита и их обслуга, гламурные государственные чины, жирные коты-парламентарии настолько потеряли способность адекватно оценивать ситуацию, что даже не задумываются о производимом их действиями эффекте. Их кичливо выставляемая напоказ красивая жизнь вызывает, как пир во время чумы, чувства брезгливости и отвращения. Их запредельные интересы с интересами народа (точнее – электората) если и пересекаются, то где-то в неевклидовом пространстве. Зубы сводит от наблюдений борьбы слуг народных, активистов партий и парламентских блоков за святое дело социальной справедливости.

Мутит от их фальшивого, характерного для всякой показухи ореола значительности и залиvistых речевых оборотов, призванных брать на испуг и туманить мозги, создавать видимость некоей высшей деятельности, доступной лишь избранным, посвященным.

Богатство пучит, убожество плющит. Подавляющее большинство российского населения, прошедшее чистилище разрухи и государственного «кидка», выживает в иной, параллельной реальности.

В ней иной ритм жизни, другие проблемы и житейские ребусы. В ней основная забота – найти (что трудно!) и не потерять (что легко!) работу. В деле этом возраст – как некогда пятый пункт в анкете, как приговор с последующей отсидкой (точнее, растительным доживанием) на анемичную пенсию.

Что же ты, Русь нерадивая,
Вьюгам бросаешь детей?
Ласка твоя прозорливая
Сгинула где без вестей?¹⁵²

Кормильцы народные – заводы, фабрики, институты – пребывают, большей частью, в коматозном состоянии, за бесценнок выкуплены или дрейфуют в мутных водах аренды (с «заносом» денежных «откатов» в кабинеты их директоров).

Высвободившиеся трудовые ресурсы, в том числе прошедшие беспощадный конкурсный отсев инженерно-технический состав, научные сотрудники освоили места на рынках, в подземных переходах, у бровок дорог, где куют семейную копейку под бдительным контролем ментов (шакалов позорных!).

Удачливые выжили, неудачливые пополнили кочевья бомжей, жестко распределивших между собой по зоологическим нормам приматов мусорные ареалы.

Дети, отряхая прах убеждений и воззрений ностальгирующих «предков», рвутся к красивой жизни. Им в помощь – варварское телевидение с героическими киллерами, притягательным развратом, помоечными ток-шоу. Им в тягость – школа, где свой стайный беспредел и беспомощные, нищенствующие педагоги.

Предполагающее приличный родительский достаток университетское (институтов давно нет!) образование дается не всякому. Редких финансово не состоятельных счастливых на пути к диплому, помимо официальных взносов, ждут гневно запрещенные, но строго отрежиссированные платежи за вступительные экзамены, зачеты, курсовые работы, «рубку хвостов», за каждый «чих».

Сопливых пацанов из городской и сельской бедноты, чьи семьи не в состоянии откупиться от призыва, ждет исполнение воинского долга. А способным здраво рассуждать родителям остается размышлять, ради кого принимают присягу их дети – ради Родины или ради режима управляющих страной ненавистных плутократов и коррумпированных бюрократов?!

Об оскудении и упадке отечественной науки не говорит только ленивый. Фактически разрушена отраслевая наука, которая в основном отвечала за создание наукоемкого продукта. Утечка умов за рубеж достигла невиданных масштабов.

Первым в мире студентом, который в 1951 году в Московском физико-техническом институте стал обучаться специальности «вычислительная техника», был Борис Бабаян.

Он – ключевой разработчик суперкомпьютеров семейства «Эльбрус», которые стоят на вооружении Российской армии, обеспечив ей независимость от иностранных поставщиков.

В 2004 году Борис Бабаян, директор института микропроцессорных систем Российской академии наук, был приглашен директором по архитектуре в подразделении программных решений в знаменитую американскую компанию «Интел». С ним ушел крупный научный коллектив.

Беспощадная эксплуатация истощает недра страны, сохраняется долгая «наркотическая зависимость» экономики от сырьевых ресурсов.

«За державу обидно»¹⁶⁴. Нефтяные реки, газовые потоки уходят за границу, во вред будущему государству, в ущерб нашим потомкам.

Накапливающиеся нефтедоллары не трансформируются, в требуемом масштабе, в интенсивное развитие новых технологий. Их ведущее звено, имеющие непростую предысторию компьютерные технологии, не суммируются властью в единую стратегическую силу, развиваются разрозненно и спонтанно.

В Индии, мировом лидере информатизации, на фабриках прикладного программного обеспечения исполняются заказы, поступающие со всех концов земли. Доходы от этого вида научно-производственной деятельности (так называемого офшорного программирования) составляют существенную долю поступлений в казну страны.

Сорванную розу ветке не вернуть,
Мигом миновавшим снова не вздохнуть¹⁵³.

Не терпит сослагательных наклонений история. Можно только предположить, каких экономических успехов достигла бы великая страна, избери она мудрый восточный путь развития. К сожалению, не нашлось ни умного и честного благоустроителя, ни демиурга.

Соединить достоинства социализма с материальными преимуществами капитализма не удалось. Вместо взлета в эмпиреи благополучия страна оглушительно упала в пропасть.

До точки замерзания упала мера социальной ответственности государства перед народом; больше стало лицемерия, цинизма, в душах людей залегли отчаяние и безысходность – день да ночь, сутки прочь. Нарастает отчуждение граждан от власти, которая рассматривается больше как некая отвлеченная сила, удерживающая от погружения державного тела в полный хаос.

Как посравнить да посмотреть
Век нынешний и век минувший⁶⁷.

Перенасыщенным желчью монологом защищаю дорогие сердцу годы молодости от очередной, на этот раз «черной», мифологизации недавней истории, от выкриков современных критиканов: «Распни!», от по-хамски презрительных определений («совдепия», «совок», «советская зараза»). В нем – отвращение к незначительной, но до истерики яррой части граждан-демократов, немало сделавших для уничтожения прежде привычных идеалов, высмеявших и оплевавших все, что дает народу самоуважение: великую историю страны, ее заслуги перед миром, ее культуру. Ими (в том числе «задорными» эстрадными шутами) вдалбливается мысль, что хуже России страны нет, высмеивается чувство патриотизма.

Для них недавнее прошлое – это, в первую голову, «застойные» годы, на которые они списывают последовавшие вселенского масштаба ограбление и оболванивание народа.

Для меня и, уверен, для многих моих спутников юности и молодости это был период накопления знаний и культурного багажа, время интеллектуального, профессионального, творческого роста.

Был скуден быт, были незаслуженно дефицитны товары и услуги, были давящие и жесткие ограничения, но жизнь была безопасной и надежной – в детстве, в молодости, в старости.

С детства никем не запуган, свободен,
Выберешь дело, к которому годен,
Хочешь – останешься век мужиком,
Сможешь – под небо взовьешься орлом!¹⁵⁴

Была перекормленная льготами и блатом верхушка партийно-государственной пирамиды, но были и сотни тысяч порядочных, честных комсомольцев и коммунистов, искренне и принципиально следовавших нормам справедливости и морали, создававших ауру надежды и веры в более достойную жизнь.

Адвокатское выступление рассерженного интеллигента критично, но – увы! – неконструктивно. Нет сил и желания выстроить свои инвективы в строгой гегелевской упорядоченности – «тезис, антитезис, синтез». Прожитая жизнь превратила меня в почти нигилиста с постиндустриальным уклоном – *«Всего посмотрелся я в суетные дни мои: праведник гибнет в праведности своей; нечестивый живет долго в нечестии своем»*¹¹.

Светом в окошке мерцает совершившаяся на исходе века смена власти на земле предков. Так уж карта легла, что не на кого «глаз положить», кроме как на Владимира Владимировича, «президента надежд», вынужденного и продолжать, и ревизовать тенденции предыдущего правления, начавшего собирать остатки погрома девяностых годов.

Глянешь направо – там «болото», породившее олигархическую систему, стимулировавшее растаскивание национальных богатств; обратишь взгляд налево – там шум и гам, жажда быстрых и популярных, но совершенно невыполнимых в эпоху «Руины» решений.

Появилась зыбкая надежда, что – производящий впечатление умного и честного человека – энергичный лидер державы изменит ситуацию, создаст условия для экономического прогресса на принципах равенства и справедливости для потерявшего терпение и веру народа.

Вынесет все – и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только жить в эту пору прекрасную
Уж не придется ни мне, ни тебе¹⁵⁵.

Завещанные отчичами культура, нравственный уклад выстроены на убеждении, что справедливой может быть собственность, созданная своим трудом, что морально-нравственные ценности выше материальных благ.

*«Человек рожден для счастья, как птица для полета»*¹⁶⁵. Подавляющему большинству соотечественников для счастья не нужны ни богатство («хочешь быть богат, отдай душу в ад»), ни уважение со стороны государства (по Ф. И. Тютчеву – *«Лишь жить в себе самом умей»*), ни высокое положение в обществе. Главное для них – то простое, человеческое, естественное, что есть в их жизни, а не в государстве.

Им важны в первую очередь честное и добросовестное жизнеустройство, спокойный и налаженный быт. Они хотят жить без потрясений и революционной лихорадки, заботиться о давших им жизнь родителях, ставить на ноги продолжающих их жизнь детей, беспокоиться о собственной душе, дорожить друзьями и близкими людьми.

Творенья Божьи – они желают толково распорядиться своим кратким земным сроком в гуманной, праведной, чистоплотной общественной системе.

История свидетельствует – постепенный рост разума и духа человека неостановим. Поэтому неостановимо и движение к нравственности, справедливости.

«Но все-таки... все-таки впереди – огни!»
(В. Г. Короленко)

Киев, май 2003 г.

Пять лет спустя

О моем Отечестве – России

Пять лет минуло с той поры, когда я, гневным пером русского интеллигента, выписывал собственную оценку событию, которое Владимир Владимирович Путин назвал «величайшей геополитической катастрофой двадцатого века».

За истекшее время позитивно сдвинулись мои акценты в восприятии сегодняшней российской действительности: умалилась несколько критическая составляющая и – самое главное! – спала душевная боль за унижение Отчизны, добавилось гордости за нее, поднявшуюся с колен, воспрявшую, благодаря прежде всего интеллекту, железной воле, титаническому труду президента-восстановителя и его команды – энергичных, мыслящих, патриотически настроенных, преимущественно питерского происхождения, молодых людей, взявших на себя ответственность за будущее страны. Их организаторские способности, помноженные на взлет мировых цен на нефть и газ, дали России неуклонный экономический рост и финансовую стабильность, их принципы и стиль государственных действий и публичного поведения позволили преодолеть упадок нравственного престижа власти, ставшего сухим остатком эпохи поруливших страной ельциноидов.

Пару лет ушло на слом великой державы. И два президентских срока понадобились только на то, чтобы остановить, казалось, неудержимое падение России в пропасть небытия и дать ей последовательный подъем. За восемь лет конструктивного управления были созидательно затронуты все основополагающие узлы государственного механизма, покончено с сепаратизмом, приведена в чувство нищая и спивающаяся армия, выстроена вертикаль власти, разработан фундаментальный план стратегического развития страны на обозримое будущее.

Укрепив государственную монополию на добычу и поставку природного газа, построив в шеренгу налоговой дисциплины нефтяных и прочих сырьевых олигархов, акул бизнеса, «вся президентская рать» обеспечила резкое и стабильное увеличение золотовалютных запасов державной казны, утвердила финансовые гарантии реализации перспективных социально-экономических проектов.

Сверхважнейший из них – безотлагательное уменьшение нефтегазовой стимуляции экономики, категорический переход на развитие и промышленное внедрение инновационных технологий, пока еще мало влияющих на темпы и объемы экономического роста (в том числе по причине исхода за рубеж отечественного интеллекта, рублем обделенного).

Впереди – дальнейшее укрепление безопасности страны, резкое усиление качества и мощи ее обороноспособности. Этого требует вторая кампания холодной войны, которую под стягами миролюбия и свободы личности (в том числе с использованием технологий «цветных» революций) открыли страны Североатлантического альянса, ведомые носителями демократических ценностей, наглыми и бесцеремонными янки, твердящими о правах человека, а думающими о фантастических богатствах недр российской глубинки.

Завоевание сырьевых ресурсов – альфа и омега внешней политики американцев. Ради них в восьмидесятих годах они поддержали режим Саддама Хусейна в войне с Ираном. И ради богатых нефтью недр Месопотамии оккупировали Ирак в начале нового века, уничтожили одиозного диктатора.

Ради гарантированного контроля своего трансбалканского трубопровода, спроектированного для переброски каспийской нефти в албанский порт (и далее танкерами – в США), они поддержали сепаратизм осевших в Сербии албанцев и, словно волкодав со стаей подгавкивающих ему тузиков, вместе с союзниками растерзали ее, слишком пророссийскую, вырвали у нее историческое сердце – Косово. Далее создали в косовском крае крупнейшую военную базу «Бондстил» (этакое Гуантанамо в Европе) и, как завершение зачистки подконтрольной территории, тем же составом признали так называемое государство «Косово». (Буйная ретивость, которую в американских разбоях проявляют «младонатоvcы» и жаждущие членства в альянсе, заставляет вспомнить сценку из жизни Наполеона I – в 1806 году дворец Тюильри осаждали немецкие князьки, один из которых имел обычай часами выстаивать за спиной играющего в карты императора и время от времени ловить поцелуями его руку.)

В свое время затейщики перестройки усердным и «бескорыстным» раболепием тогдашнего министра иностранных дел товарища Шеварднадзе стремительно – по лекалам заокеанских покровителей! – перекроили послевоенную карту Европы, вывели в авральном порядке и «безвозмездно» из ее центральной части советские войска. При этом как-то «подзабыли» закрепить полноценным договором устное обещание западных стран ликвидировать блок НАТО в параллель с прекращением существования блока стран Варшавского договора. Ныне неожиданное и нежеланное для Запада возрождение великой державы стало для него раздражающим фактором. Североатлантический альянс – не благотворительная, не культурно-просветительская организация; его совокупный военный бюджет, многократно превосходящий военный бюджет России, теперь идет на создание вокруг ее границ цепи военных баз, на антироссийское стимулирование новых союзников. Посему защита рубежей Отечества, как учит его история, – превыше всего.

«Планов громадь» грядущего социально-экономического обустройства России впечатляет, но червь тревожности точит мою душу. Трудно мне преодолеть безгливость и презрение к безнравственным принципам капиталистических общественно-экономических отношений, поднявшихся на постсоветском пространстве на волне экспроприации общенародной собственности. Не могу без возмущения наблюдать демонстративную кичливость так называемых новых «хозяев жизни», бессовестно жирующих на фоне низкого достатка большей части населения страны. Видятся мне особо циничными жанровые картинки из жизни приматов, в которых, к примеру, юный миллиардер, завладевший норильскими копами и никелевым комбинатом – на костях десятков тысяч репрессированных сограждан покоящимися, – с размахом, игриво и очень скандально развлекается на средиземноморском курорте.

Нет у современных российских нуворишей, космополитичных по своей капиталистической сути, искренней привязанности к родной земле, ибо определяется она, прежде всего, местоположением их сырьевых скважин, рудников, недвижимости *et cetera*, которые в теплые и более комфортные страны не перенести.

Капитализм по-русски, обеспечив государству внушительные макроэкономические показатели, дал ему и чудовищный разрыв между богатыми и бедными, создал катастрофический для его будущего перекос в имущественном положении населения, при котором суммарное состояние сотни отечественных миллиардеров сопоставимо с материальным достоянием оставшейся части их сограждан. Все «схвачено-прихвачено» крупным капиталом, монополизированы им все привлекательные сферы бизнес-деятельности, без права проникновения в ее глубины новых пассионарных сограждан, предпринимательства жаждущих. Средний и малый бизнес, теоретически являющийся основой полнокровной системы капиталистического хозяйствования, пребывает в неизменно зачаточном состоянии.

«У ней, родимой, требы многи...» Ее, матушку Россию, только обильным и стабильным оборотом частного сверхкапитала не поднять. Ей – необозримой, природными ресурсами и человеческими талантами богатой – не вернуть своего былого величия без наполнения государственных пространств обильным и жизнедеятельным народонаселением, созидательным трудом занятым. Не вернуть ей вековой силы и культурно-нравственной неповторимости без воссоздания социальной ткани общества – среды скромных, честных тружеников, без возрождения истинной, еще не забытой, демократии человеческих отношений: с равными для всех правами на счастливое детство, образование, работу (в том числе частное предпринимательство, прежде отвергавшееся), жилье, отдых, здравоохранение, пенсионное обеспечение. (Чтобы юные пары не на корысти, а на взаимном влечении строили семьи и, уверенные в социальной поддержке государства, умножались потомством, «*аки кедры ливанские*».)

«*In media virtus*» («добродетель – посредине»). В стартовавшей амбициозной программе социально-экономического переустройства России ее толковые, прагматичные лидеры должны найти оптимум в сочетании капиталистической и социалистической систем хозяйствования. Необходимо закрепить и усовершенствовать схему социального рыночного хозяйства – такого устройства экономики, в котором государство, контролируя недра, сырье, энергетику, железнодорожный транспорт, стратегические отрасли промышленности, защищая отечественного производителя, стимулируя науку, здравоохранение и образование, перетряхивая бюрократию и подавляя коррупцию, укрепляя правопорядок, берет на себя функции обеспечения экономической активности граждан и поддержки рыночной стабильности. И вместе с тем колоссальные, в том числе негосударственные, инвестиции должны пойти на создание новых и новых рабочих мест, на интенсивное развитие отдаленных регионов, на доступное жилье, на функционирование надежной системы социального обеспечения населения...

И – наиглавнейшее! – должны укрепиться, ветрами западной «демократии» расшатанные устои нравственности и справедливости, которые суть

натуры русского человека, людей русской культуры, русского мира; должна возродиться нравственная норма, которая тянула людей к культуре и знаниям.

«Забьли русские люди воду своих сосудов и начали лакомо поповаться от чужих возмущенных вод». Страшным зловредием инфицировала Россию впущенная в нее «мораль» западного образа жизни, испакостившая души и судьбы тысяч людей и поныне калечащая слабые рассудком умы малолетних граждан. Выстроенная на этой «морали» демократия по-западному утверждает имущим право ворочать бесчестно нажитым капиталом, а прочим дает право беспредельной «свободы слова» и воли в поступках, одним – узаконивает право передавать по наследству баснословные состояния, другим предоставляет право оставлять после себя детям хроническую бедность.

Истинная (без западной упаковки) демократия – это не по-иезуитски лицемерное оформление власти олигархов. Она, по своему определению, означает «народовластие» и предполагает подчинение меньшинства большинству; она означает равные права и равную ответственность для всех ее пользователей, предполагает созидательный – во общее благо! – коллективизм, а не эгоистический индивидуализм.

Россия – традиционно одухотворенная страна – всегда жила искренним следованием заветам предков, жила не для плоти, не для удовлетворения материальных инстинктов. Так и будет жить она – «своим умком, своим домком», своей великой культурой, облагораживающей и развивающей культуры ее народов, своим изумительным языком, своими литературой и совершенством перевода чужестранных литератур, своим книгопечатанием, своим искусством, своими традициями...

И надеждою маюсь
(полный тайных тревог),
что хоть малую малость
я России помог.

Пусть она позабудет
про меня без труда,
только пусть она будет,
навсегда, навсегда¹⁹⁷.

О моей Родине – Украине

Впервые чувство родины, сильнейшую привязанность и неодолимую тягу к ней я испытал в неполных восемнадцать лет, в период своего абитуриентства. Оформив по приезду в Ленинград документы в Гидрометеорологический институт (хотел стать океанологом), я, через две недели передумав, в темпе вальса перенес их в приемную комиссию электротехнического института. Оттуда с направлением на вселение помчался в общежитие на Муринском проспекте, где, усевшись на обитый дерматином диван, стал терпеливо дожидаться куда-то отлучившегося коменданта.

За окнами медленно умирал последний день июля – уже отошло время белых ночей, и серые, печальные сумерки накрывали город. Вокруг меня царил уютная тишина. Нарушая ее, за полуоткрытой дверью ближней комнаты кто-то монотонно зубрил геометрические теоремы, на кухне мерно били по раковине капли воды из-под крана, во дворе чирикали воробьи...

И в этот миг черная, свирепая тоска вползла в мою душу. Казалось, будто чьи-то непрошеные ладони – до боли, до слез – сжали мое сердце, заставили его учащенно затрепетать. Чувство одиночества, покинутости, безысходности вдруг охватило меня. Неудержимо захотелось домой, к дорогим местам, к родителям и друзьям, потянуло назад – в упорхнувшее уманское детство.

...Через месяц, уже как ленинградский студент, на несколько прощальных дней вернулся в свой родной город. По моей просьбе киевский таксомотор (роскошный ЗИМ!) остановился у второго входа в институтский поселок, и я, в купленных в универмаге северной столицы брюках-клевш, с шегольским, серого цвета чемоданом в руках, ступил на Агрономическую улицу. Ступил – и остановился.

Нестерпимо палило солнце. В небесной синеве металась стремительные ласточки, в выжженной траве стрекотали кузнечики, пестрели многоцветием делянки кафедры ботаники. Со старых груш, росших по краю громадного яблоневого сада, падали на асфальт перезрелые плоды, разбрызгивая по сторонам терпкую и невкусную мякоть. Вдали, за маленьким домиком с колодцем во дворе, виднелся жилой трехэтажный дом, где меня очень ждали.

Предельно взволнованный, я оглянулся по сторонам и, убедившись, что меня никто не видит, в искренне-сентиментальном порыве стал на колени и поцеловал землю моей малой родины – мой любимой Умани.

Среди стерни и незабудок
Не нами выбрана стезя,
И родина – есть предрассудок,
Который победить нельзя¹⁹⁸.

Вся жизнь моя, за вычетом времени студенчества и армейской службы, связана с Украиной. Здесь родился и вырос, здесь прошла моя инженерная зрелость, в государстве Украина живу по сей день. Ей, моей Родине, ее прекрасной земле и замечательным людям посвящена большая часть моей книги воспоминаний.

Украинские язык и традиции, начав с пеленок напитывать меня своим дивным нектаром, к детству и отрочеству утвердились как твердые и неизменные константы моего внутреннего мира. Этому, помимо мальчишеского межэтнического общения, способствовали и благодарные мамини рассказы о стартовом периоде ее жизни в селе Верхнячка, в течение которого новые, добрые и гостеприимные подруги передали ей безукоризненный, украинским женщинам присущий, стиль домоводства, научили ее кулинарному мастерству.

Уже обстоятельными молодыми людьми в частых встречах с украинскими корнями друзьями-ленинградцами мы вместе, очень вдумчиво и доброжелательно, сопоставляли менталитет и образ жизни русского и украинского человека, вычисляли меру их безусловного сходства и малозаметного отличия. Мы еди-

нодушно сходились во мнении, что Киев, мать городов русских, уступая Ленинграду в строгой красоте и величии, превосходит его обаянием старины и неповторимым уютом парков, скверов и садов, что среднестатистических киевлян и ленинградцев роднят чуткость и отзывчивость, в отличие от очень рациональных, башковитых, «слезам не верящих» москвичей.

Интенсивное книголюбие дало мне солидные исторические познания, позволило усвоить суть многовековой близости двух народов (плюс третьего – белорусского), изначально составившихся из слияния древнеславянских племен с пришлой «русью», до сих пор загадочной, до конца не изученной, оставившей подчинившимся им народам свое имя (отсюда – «Киевская Русь») и растворившейся в них.

Из умных книг определил, что этнос «русские» в современном звучании стал составлять еще в двенадцатом веке, после перемещения по инициативе Андрея Боголюбского центра государственного союза Рюриковичей из Киева во Владимир (позже – в Москву) и перемешивания мигрировавшего славянского люда с коренным финно-угорским населением. Формирование этого этноса длилось более двух веков, в течение которых новопоселенцы именовались по названиям мест расселения (москвиты, тверичи, рязанцы, смоляне...), и только на Куликовское поле, в 1380 году, пошли «русские». И еще через столетие, в 1480 году, после стояния на реке Угре и окончательного избавления от татаро-монгольского ига государство «Русь» (именовавшееся иноземцами по ее стольному граду «Московией») стало постепенно переименовываться в «Россию».

Братья-славяне, что в те давние времена племенного расслоения остались в лесостепном Приднепровье, мешая свою кровь с кровью инородцев – воинственных кочевников, татар-крымчаков, турок, литовцев, поляков, – со временем переформировались в «чернобровый и кареглазый» этнос, много веков также именовавшимся «русские». (Еще Богдан Хмельницкий говорил о своем намерении положить свою жизнь за «народ русский», а следующий гетман, Иван Виговский, оформляя федеративное устройство украинских земель в составе Речи Посполитой, именовал их «Русским княжеством».) Территория, на которой обитал этот народ, прежде бывшая под Киевской Русью, вслед за разгромом последней татаро-монголами была захвачена стремительно возвысившейся Литвой, затем отошла к Польше. Земли эти, в отличие от северной Великой Руси, стали называться Малой Русью (позже – Малой Россией или Малороссией).

Кстати, определение «Малая» отнюдь не указывает на малость или незначительность характеризуемого объекта, в данном конкретном случае оно употребляется в смысле «коренной». К примеру, в таком значении изначальные польские земли в верхнем и нижнем течении Вислы назывались Малой Польшей.

А наименование этноса «украинцы», возникло, по мнению большинства историков, как отображение окраинного («украинного») местоположения определяемого им народа по отношению к его прежнему географическому и политическому центру, переместившемуся в финно-угорские края. В подобном смысле сама Великороссия на этапе ее ста-

новления называлась, по отношению к ее исторической родине, Залеской Украиной. (На уважительное отношение мигрантов к родине указывает и дублирование ими названий родных городов в Волго-Окском междуречье: Галич, Перемышль, Холм, Звенигород, Переяслав-Залеский...)

Разные среды обитания и условия жизни наложили свой отпечаток на формирование черт характера «северян» и «южан». Охранительная роль лесов и формирующегося централизованного государства сказалась на преимущественной обстоятельности, уравновешенности, прямолинейности «новых русских». Украинскому народу привелось жить, что называется, «на семи ветрах» и без государственной защиты; доводилось ему, в условиях постоянной угрозы нападения и насилия, рассчитывать только на свои силы, на свои сметливость, хитроумие, осторожность, на своих отчаянно смелых «козаков». Обращаюсь по вышеуказанному поводу ко Льву Николаевичу Гумилеву: *«Этот этнос проявил невероятный героизм, ибо он вернул заброшенную землю – вывел ее из запустения, сохранил культурную доминанту и саблей добыл политическую свободу. Даже включившись в состав государства Московского, украинцы обрели в нем экологическую нишу, заняв должности от чиновников и офицеров до канцлера (Безбородко) и мужа царицы (Разумовский), так как общность, унаследованная от Древней Руси – книжная культура и византийское православие, – не мешала северным и южным русским жить в симбиозе...»* (В качестве интереснейшей справки о силе южнорусского просветительского влияния на северную Русь в период Петровских реформ могу добавить, что *«еще в 1754 году императрица Елизавета приказывала Святейшему Синоду, чтобы он представлял в архиереи и архимандриты не одних малороссиян, но и природных великороссиян»*.)

Возвращаюсь из прошлого в сегодняшний день и с позиций человека двух дружественных культур, с высот своего житейского опыта, составившегося в результате естественно-благожелательного общения с коренным, прежде всего сельским, людом, утверждаю, что взаимопроникновение наших культур настолько глубоко, что украинцы и русские чувствуют психологическую потребность друг в друге.

Мои исторические убеждения, моя точка зрения о непоколебимости двуэтнического союза в условиях независимого государства Украины решительно не совпадают с постулатами так называемой «языковой политики», выстроенной державными новаторами на категорическом, беспрекословном признании ими только моноэтнической страны, граждане которой есть и должны быть только «украинцы». (Синонима термину «гражданин Украины» нет, в отличие от многонациональной России, в которой словом «россиянин» идентифицируются все ее граждане, в том числе и числящие себя русскими.)

Главным заданием этой «языковой политики» есть выведение из обихода русского языка, мешающего, по мнению доктринеров, утверждению и развитию украинского языка и литературы, украинскому книгоизданию. Сделать это одним указом или универсалом они не в силах (не запретишь же солнцу сиять, выдав на то распоряжение!), посему державные мужи пытаются пресечь русскую культуру на корню – закрыли повсеместно русскоязычные школы, а краткий курс русского языка и литературы перевели в разряд иностранных.

Практически лишили юную поросль граждан Украины доступа к культурному кладезю, к русскоязычным шедеврам мировой поэзии и прозы, духовно ущемляют будущее державы.

«Прости их, Господи, ибо не ведают, что творят!» Впрочем – ведают. Попытки умалить, свести на нет русскоязычную составляющую в общегосударственном социально-культурном реестре отнюдь не свидетельствуют о непонимании бюрократической верхушкой ущербности такого подхода для уверенного, гармоничного развития реально двуязычной страны, усердие организаторов языковой «чистки» больше говорит о дальних управляющих нитях, о немалой силе их подергивания.

Эти же связи с кукловодами определяют и антироссийский курс, которым, «шляхом» в НАТО, натужно дернулась «удалая» птица-тройка нынешней украинской внешней политики. Уже придворные социологи (прикормленные и «неподкупные») делают свои, обреченные на предварительно заданный процент, замеры общественного мнения и с апломбом сытых лакеев заявляют об «иррациональном русофильстве» тех граждан Украины (а таких – подавляющее большинство), которые против порчи отношений с Россией.

В этой межгосударственной игре, затеянной «завзятыми державными людьми», умную, тонкую, взвешенную дипломатию подменяет публичная задиристость и вселенская обидчивость; при этом задавшим прозападный пеленг штурманам и в голову не приходит, что главное в мировой политике – не намерения, а потенциал, что могучая держава не станет за счет своих нефтегазовых ресурсов финансировать бездумным пилигримам «шляховые» расходы на их карабкание в агрессивный военно-политический блок.

Не дано взявшим власть очередным толстосумам уразуметь, что народу, пропастью от них отделенному, противны межгосударственные контры, ибо ценит народ в первую очередь то доброе, человеческое, естественное, что есть в его жизни, а не в государстве, к нему безразличному. Не может один народ быть причиной бед другого народа. Никакими пропагандистскими рычагами не разделить, не столкнуть лбами русских и украинцев, имеющих не только общий этнический и культурно-нравственный корень, но и связанных между собой схожим «хождением по мукам». Ни Родина, ни Отечество не унижали своих сынов и дочерей крепостным правом, изматывающей капиталистической эксплуатацией, не репрессировали и не убивали чад своих, не гноили их в «архипелаге ГУЛАГ», не морили голодом. Все это делало «государство – самое холодное из всех холодных чудовищ» (определение Фридриха Ницше). На этой последней сентенции ставлю жирную, закрывающую в моем писании межнациональную тему точку.

В целом процесс становления и торжества бандитского капитализма в Украине в точности повторил российский сценарий этого действия, но с меньшим масштабом и с не таким мощным размахом. Не та в Украине география и не тот промышленно-финансовый ресурс был на момент «великого перелома», не те объемы сырьевых ресурсов хранят ее земные недра, не так куражисты были ее высокопоставленные лихоимцы, не так убийственно вели себя всех мастей грабители, не так изощренны и изобретательны были разнокалиберные аферисты (Киев – не Москва).

С началом нового столетия внешнее сходство процессов государственной деградации закончилось. Россияне избрали своим лидером за них болеющего президента-трудоголика, давшего им к концу своей президентской работы свет в конце тоннеля. Наш украинский «батько», Данилыч, ставший за десятилетнее «керування» ярким символом государственного беззакония и коррупции, было попытался в чем-то повторить российскую схему передачи власти, но просчитался. Вспыхнула «Великая Оранжевая революция», показавшаяся многим наивным наблюдателям только стихийным, «неподготовленным» и демократичным проявлением народного недовольства.

«На майдані біля церкви революція іде! Хай, чабан, усі гукнули, за отамана буде...» «Отаман», как скоро выяснилось, оказался совсем никудышным. Щедро им розданные поверившим в него людям обещания на поверку оказались обыкновенной «разводкой» и «кидалово» на державном уровне, а долго тянувшиеся митинги, выступления вождей демократии только разрядили отрицательное перенапряжение народа, на некоторое время убаюкали его. (*A propos!* Слово «майданить», если посмотреть словарь Даля, означает «мошенничать, промышлять игрой».)

Слезы умиления разъедают глаза мои (ерничаю!), когда вновь и вновь перечитываю программу «Десять шагов навстречу людям», предложенную в предвыборном запале будущим третьим президентом. Ее генеральным пунктом стоит обещание каждый год создавать миллион рабочих мест и за пять лет демократически открытого «керівництва» закрыть раз и навсегда проблему безработицы. Следующие разделы этого, ставшего библиографической редкостью, аполога еще более многообещающие, яркие и увлекательные – и все *«слова, слова, слова...»*.

По итогам стояния на майдане плодородные земли в твердые крестьянские руки не переданы и в интенсивный севооборот не запущены; фабрики и заводы не восстановлены и трудовому народу не возвращены; бандиты в тюрьмы не посажены. Переоборудовать страну по образцу коммунистического Китая или социалистической Норвегии не удалось – бал по-прежнему правят олигархи и чиновники-мультимиллионеры.

Легла свинцом на душу телевизионная сценка – сидящий в своей резиденции гарант по голубому экрану наблюдает за оформлением продажи «Криворожстали» индийскому гостю, тихо радуется и с ленивой грацией аплодирует. («Время, вперед!» – под таким лозунгом наши отцы и деды сооружали для будущих поколений металлургические гиганты в довоенные годы, восстанавливали их в послевоенное время. В страшном сне не могло присниться им, патриотам-созидателям, что таким чудовищным образом распорядятся их наследством неблагодарные, бездушные потомки. «O tempora! O mores! – O времена! O нравы!»)

Основной сценической интригой общественно-политической буффонады в последние годы является партийное противостояние центрально-восточных и центрально-западных денег («Война Алой и Белой Розы»). Эта борьба за очередной передел остатков государственного имущества и перераспределение сфер капиталистического влияния ведется по всем правилам боевого искусства,

со своей стратегией и тактикой, атаками и отступлениями, подкупам и перебежчиками, кулачным мордобитием в стенах парламента и рукоприкладством на совещании у президента.

«Бело-голубые» ныне отдыхают в оппозиции, а все еще высокий рейтинг стальной эмансипэ, взявшей – в канун очередных президентских выборов! – в свои нехилые ручонки исполнительную власть, побудил ее бывшего генерального друга по «оранжевому» движению к превентивному подавлению опасной экс-соратницы.

«Каков, с божьей помощью, оборот!» Два высших должностных лица страны стали общаться и бодаться преимущественно эпистолярно, назначать на одно и то же хлебное место своих людей, отменять решения друг друга через услужливые суды; генеральная прокуратура заелась с милицией, иностранными делами заправляет их министр, по поводу и без повода «огрызающийся» в сторону нелюбимой им России...

Цинизм пронизывает жизнь общества – цинизм на цинизме сидит и цинизмом погоняет. На нем выстроены отношения «верхов» с «низами», им пропитаны кабинеты ответственных чиновников, он лучится с телевизионных экранов, он – в текстах агитационных плакатов во время очередных выборов-перевыборов. Брось, к примеру, клич о срочной отмене всеобщей воинской повинности – и победитель получает приз: парламентское большинство и министерские кресла. Организуй регулярную поставку продуктовых наборов пенсионерам – и ты становишься мэром столицы.

Цинизм – в сочетании внешней благости и «народничества» высокопоставленного «деятеля» и его подноготной сути, посконной и кондовой. Он – в полярном несоответствии деклараций и реального положения вещей, в градации расценок на все деяния, связанные с бюрократическим истеблишментом и людьми государевыми: за поступление в высшее учебное заведение, за внимательно-заботливое лечение, за постановку на кормление на сытную государственную должность... Цинизм – это тертые-перетертые живчики-адвокаты, знающие таксу у берущего взятки судьбы, который так и *«...зрит на правых и виновных, не ведая ни жалости и гнева»*; это завравшийся министр, который так и не предъявил журналистам диплом о высшем и заокеанском юридическом образовании. Цинизмом пахивают и регулярные державные мероприятия по искоренению коррупции – страдают от них в первую очередь простые граждане и деловые люди, вынужденные доплачивать мздоимцам за временно вредные условия их труда, за форс-мажорные обстоятельства в их договорных отношениях с клиентурой...

Останавливаю и успокаиваю мою разбежавшуюся и разнервничавшуюся музу «гнева и печали» и в качестве финальной реплики с грустью превеликой отмечаю то, что более всего огорчает мой разум: не видно пока на нашем житейском горизонте яркой и уверенной личности, нравственной и ответственной, умной и системной, способной остановить увядание молодой державы, дать ей поступательно-уверенное движение вперед.

Остается одно – надеяться и верить. *«Надежда – цвет желанья, вера – плод убежденности»*, – о них, двуединых, говорил в своем знаменитом выступлении на стотысячном митинге в ноябре шестьдесят третьего года Мартин Лютер

Кинг, повторяя перед каждой своей сильной и нравственно-логической посылкой слова: «**У меня есть мечта...**». Их хочу употребить и я, представляя будущее моей Родины.

У меня есть мечта, что Господь пошлет Украине, природой счастливой и народом одаренной, соответствующего этому народу лидера (украинского Путина), который наведет для начала элементарный порядок в государстве и резко двинет его по пути как экономического, так и социального прогресса, обеспечит ему, нейтральному и гордому, высокий пиетет со стороны мирового сообщества.

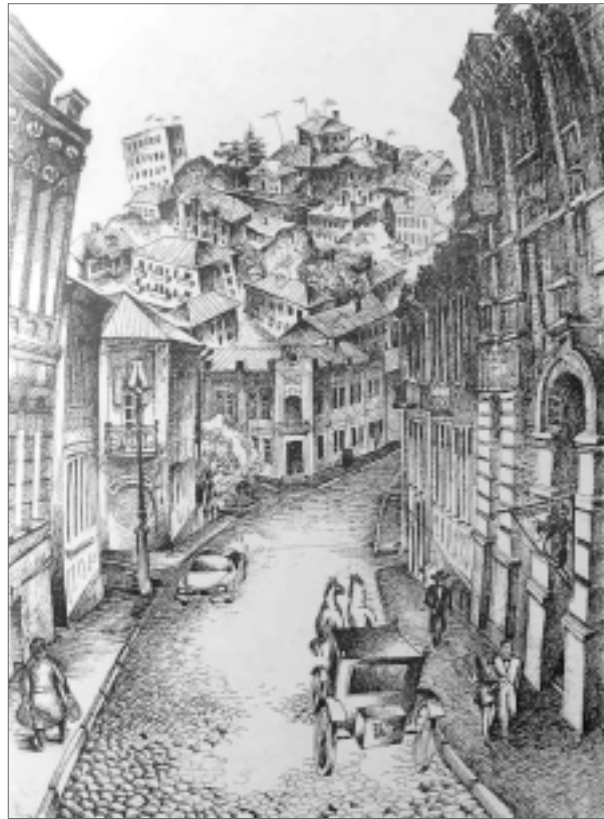
У меня есть мечта, что восторжествуют здравый смысл и историческая справедливость, что вновь откроются в требуемом количестве русскоязычные школы, что русские культура и язык, как всегда было, останутся верными спутниками и союзниками культуры и языка украинского народа.

У меня есть мечта, что страна серьезно займется своим будущим – молодежью; что каждый вступающий в жизнь гражданин будет обеспечен доступным и высококачественным образованием, работой, жильем, что молодые семьи будут гарантированно стимулироваться казной к большему и большему числу детей.

У меня есть мечта, что будут рационально сочетаться государственный и частный секторы экономики, что возродившийся отечественный производитель будет находиться под защитой твердого (не гибкого!) законодательства, что станет на ноги наука, что поля заколосятся хлебами (не коттеджами!), что восстановится правопорядок, что спадет нахрапистость бюрократии...

О многом могу я помечтать, и поэтому, как говорил Овидий, «*Dum spiro, spero*» («Пока дышу, надеюсь»).

Киев, май 2008 г.



*Моему Учителю Василию Васильевичу Романченко
посвящаю*

Цикл «АБРИСЫ ИСТОРИИ»

Снова я, раздумья полный,
В книгу прошлого гляжу.
А. Плещеев

Город моего детства — Умань

Время – деспот беспощадный и неумолимый, сокращая финишный отрезок жизненного пути, побуждает к исполнению давнего замысла: в форме новеллы-эссе совместить детские воспоминания с фактами давней истории моей родины, чудного украинского городка, где родился и вырос.

Возможно, взыскательный критик отметит избыток цитат из классиков исторической науки, но могу сказать в оправдание, что вносил их в текст, как драгоценные находки, свидетельствующие о звучности города в украинском прошлом, как знак глубокого почтения к дорогим сердцу местам, уважения к окружавшим меня сверстникам, близким людям – вечным спутникам моей памяти.

Впрочем, если труд мой найдет читателя, структурированный по разделам текст даст ему возможность выборочного чтения, соответствующего предпочтениям и отношению к близкому и дальнему прошлому.

Абрис истории – пролог

Человек должен ощущать себя внутри веков и тысячелетий. Это совершенно необходимо, без этого человеческий ум стремительно разрушается.

С. Аверинцев

На полпути между Киевом и Одессой, среди сухих дубрав и плодородных полей, мелких речушек и богатых рыбой прудов («ставков») расположился небольшой приветливый и уютный город Умань.

Названием этот старинный центр одноименной, некогда окраинной украинской земли обязан, видимо, речке Уманке (в летописи – Умы), ныне полувысохшей, едва приметной, в оны дни – полноводной.

«...Сирко, выйдя на лодках из Запорожья с большим войском, проплыл вверх по Бугу до города Уманя, против Уманя выгребся на сушу, прибрал к себе много войска, разгромил татарские улусы и открыл войну на Виговского»²⁵.

Так, в августе 1659 года в разгар вспыхнувшей (после смерти Богдана Хмельницкого) внутренней смуты наказной гетман – уманский полковник Иван

Беспалый в реляции московскому царю Алексею Михайловичу Тишайшему докладывал о действиях знаменитого кошевого атамана.

Умань может гордиться тесной исторической связью с великим украинцем, славные образ и дела которого выписаны историком запорожского козачества Д. И. Яворницким: «Иван Дмитриевич Сирко... представлял собой колоссальную личность во все время исторического существования Запорожья. ...И свои и чужие, и друзья и недруги – все одинаково отзывались о Сирке, как о человеке замечательных военных дарований. ...Татары называли Сирка Урус-Шайтаном, т. е. русским чертом, а татарки-матери пугали его именем своих детей».

Историк С. М. Соловьев называет Сирка «великим полевым воином»¹².

Писанная история города Умани ведет отсчет от первого его упоминания в судовом документе 1616 года. Хотя можно предположить его более раннее возникновение: уманскими лесами весной 1596 года Северин Наливайко с отрядом повстанцев и мирными жителями уходили от войска Жолкевского в сторону, в сторону Белой Церкви – на соединение с восставшими реестровыми козаками²⁶.

Неписанные, более ранние разделы истории города скрыты в текстах родословной владельца этого края – Великого Княжества Литовского, быстро вознесшегося и стремительно упавшего.

Могучий князь Ольгерд столетие спустя после уничтожения в 1240 году Киева татаро-монголами вытеснил их с обширных пространств между Днепром-Славутой и Черным морем. Его племянник Витовт завоевания закрепил, оказал поддержку отколовшемуся от ордынцев роду Гиреев – основателям Крымского ханства; четыре десятка лет обеспечивал своей властью достаточно мирное – очень хрупкое! – сожителство мусульманской общины с северными соседями.

Кстати, названием полуостров, издревле именовавшийся Тавридой, обязан осевшим на нем кочевникам: «Крым» означает «крепость», «укрепление».

Кончина князя, падение тысячелетней Византии под натиском турок-османов в 1453 году и последовавшее покорение ими Крыма эти отношения резко изменили. Крымчаки, ставшие вассалами Великой Порты, быстро выбили ослабевшую Литву с ее южных окраин, взяли под контроль широкую, доходившую до Уманщины, приморскую полосу степной территории, названной Диким Полем.

Более двух столетий жестокие и ненасытные крымские татары терзали, грабили, опустошали украинскую землю, уводя временами за раз десятки тысяч полону («ясыря») «неверных» христиан для поставки на турецкие невольничьи рынки.

Пришла беда – открывай ворота. Воинственные степняки были бедой первой. Второй, в роковом для литовского государства 1385 году, дал ход династической Кревской унией сын Ольгерда, князь Ягайло, за корону и руку прекрасной Ядвиги «сдавший» свои владения Польше.

Через почти два столетия бездетный король Сигизмунд II Август, упреждая пресечение литовской династии и возможный разрыв сомнительной прочности союза, Люблинской унией 1569 года сделал его бесповоротным, еще больше обрезал владения своей исторической родины передачей Польше земель Киевщины, Вольни, Брацлавщины, Подляшья.

Симбиоз местной и впитавшей древнерусскую культуру, склонявшейся к православию литовской народностей навсегда исчез. Его сменила безжалостная колонизация благословенных земель польскими магнатами, проводившими ее в форме передачи своих необъятных владений в аренду (вместе с передачей арендатору права распоряжаться жизнью и смертью бесправных, обкладываемых непосильными налогами «хлопов»). Ужасы татарских набегов померкли перед кошмарами панского правления.

В 1609 году специальная комиссия Речи Посполитой, осмотрев «пустыню Умань», описала ее природные границы, зарегистрировала существовавшие населенные пункты. Украинские земли, что граничили с Диким Полем – вплоть до Белой Церкви – и не были собственностью феодалов, польская шляхта считала пустынными.

Согласно сеймовому постановлению эти земли, позже уже официально названные Уманщиной, были подарены польским правительством в вотчинное владение брацлавскому старосте Валентию Калиновскому. Тот попытался дать городу (то ли им основанному, то ли уже существующему) имя Калининград, но прижилось название Умань.

Муза истории, таинственно-мудрая Клио, с младых лет очаровавшая меня, с возрастом сделала своим стойким поклонником, вычертила итоговый круг интересов к малоизвестным, ставшим доступными страницам прошлого земли, где родился, где прошло детство золотое.

Они влекут и волнуют трагизмом выписанных на них текстов. История – не регулярно, в угоду циничной политике выправляемая мифология. Она – строгая, точная, беспристрастная – свидетельствует об океане крови и слез, напитавших украинскую землю, о безмерных страданиях поколений ее обитателей, о благородстве и низости, жестокости и милосердии ее заметных участников.

Она учит ценить себя без прикрас, чтить незримо создавших ее простых людей, побуждает на примерах добрых и печальных уроков прошлого задумываться о настоящем и будущем.

Она насыщает, усиливает интеллект вникающих в ее суть почитателей, дает им волнующее чувство сопричастности с деяниями предков, возможность ощутить пряный, неповторимый аромат седой старины.

Абрис истории – первый

Тексты немногочисленных корректно-беспристрастных трудов по украинской истории дают крупинцы ценных сведений о родине – уманской земле,

раскрепощают воображение для образно-зрительной реконструкции картин ее давнего прошлого.

Пересекающий Уманищину, вытоптаный нековаными татарскими конями «Черный шлях», по которому нагайки необузданных степняков гонят в страшное рабство тьму-тьмущую людей – «простой, неживой, нековарный народ», как оценивали его угнетатели.

Связаны сыромятными ремнями назад руки у пленников, сквозь них продеты длинные шесты, на шеи накинута веревка, концы которых по несколько штук сходятся в руках у гарцующих всадников.

Если не поспеет козацкая помощь, адовы муки ждут бедолаг. Добьют изуверы в пути ослабевших; мальчиков омусульмят – обрежут крайнюю плоть – и отдадут в корпус янычар; на старых и немощных будут тренироваться в стрельбе из лука татарчата; молодых женщин разберут по гаремам; взрослых невольников кастрируют, поставят клейма, закутуют в кандалы и отправят на непосильный труд или на галеры («каторги»).

Из года в год «вынимали» татары население окраинных земель (собственно – «Украины»), но они не пустели, заселялись естественным притоком с севера. Много было привлекательного в этой медом и млеком текущей земле. Говорили, что здесь даже нет смысла и сеять каждый год – посея раз, а затем пашня будет обсеменяться.

Люди приходили от неволи, от рабской работы, от преследований, смешивались со старым населением, сливались с ним в один здоровый, сильный и энергичный украинский народ. Его особой закалки представители принимали на себя удары необузданной Степи, прикрывая земли старого заселения, обустроивали жизнь – с саблей и «рушницей» выходили на пашню, запруживали балки и байраки, устраивали мельницы («млыны») на речушках, растили сады.

Садок вишневий коло хати,
Хрущі над вишнями гудуть,
Плугатарі з плугами йдуть.
Співають, ідучи, дівчата,
А матері вечерять ждуть³⁰.

Посягательств новоявленных польских хозяев на независимый уклад вольные поселенцы не допускали – самые решительные уходили еще дальше, на Низ, в Запорожскую Сечь, где со временем, кстати, сформировался и Уманский «куринь».

Паны не предпринимали, до поры до времени, никаких наступательных действий против, как они полагали, самозванцев на их законных территориях. Поощряли их оборонительную функцию пограничников, привязывали к земле большим сроком льгот («слобод») – долгосрочным, до пятидесяти лет, освобождением от всяких повинностей.

Можно предположить, что этот заманчивый стимул, давший рост городским поселениям в воеводстве Киевском и Брацлавском, дал рождение и развитие городу Умани, в котором в 1629 году насчитывалось 1067 дворов («дымов»).

В его центральной части селились ремесленники и торговцы («мещане»), предместья занимали хлеборобы. Город, как и прочие магнатские земли, выкупался на длительный срок бойкими арендаторами, получавшими безграничные возможности драть три шкуры с поступившего в их подчинение населения. Известно, что в 1638 году Умань находилась под контролем некоего купца из Гданьска.

В тот межевой для украинской истории год чрезвычайным напряжением сил польские власти прервали серию буйных козацких восстаний. (Тарас Бульба, кстати, выписан с активного их участника, корсунского полковника Федоровича Тараса, по кличке Трясило.) На десять лет воцарилась зловещая, предгрозовая тишина, нарушенная весной 1648 года страшной силы взрывом восстания Богдана Хмельницкого. Польша *«в пыли и крови упала под ноги козакам»*, – прокомментировала это звучное событие английская газета "Merckure Anglos".

В июле того же года перешедший на сторону инсургентов реестровый полковник Иван Ганжа штурмом взял Умань. Год спустя после краткого примирения враждующих сторон положение города официализировалось – он стал центром одного из шестнадцати полков, на которые были разделены попавшие в королевский указ козаки. (Каждый полк означал край с полковым городом и сотенными городами и селами.) Уманский полк занимал междуречье Горного Тикича и Южного Буга; под началом полковника Иосифа Глуха находилось четырнадцать территориальных сотен (около трех тысяч человек личного состава). В центральной, обрывистой части города была выстроена крепость, более двух десятков лет бывшая неприступной для врагов.

«О судьбе первого уманского полковника имеются две версии. По первой, он погиб у реки Пилявца в год начала восстания (в 1967 году там установили памятную стелу); по второй, современной, – полковник вновь переметнулся к ляхам за полученные шляхетское состояние и офицерский чин»³¹.

С Уманью связана попытка Мартына Калиновского отравить Богдана Хмельницкого в несчастном для того 1651 году, когда эпидемия чумы, голодомор, измена союзных татар привели к поражению украинского войска под Берестечком от возобновивших боевые действия поляков.

Калиновский, огнем и мечом восстанавливавший право короны и магнатов на утерянные земли, взял временно под контроль Умань, организовал свой полк. Поручил его полковнику Бублику известить козацкого лидера. Бублик весной 1652 года занялся неосторожной вербовкой соучастников в Чигирине, но был схвачен и казнен.

Богдан Хмельницкий прибыл в Умань, соединил обезглавленный полк со своим войском, во главе которого его сын Тимофей, с неизменным татарским сопровождением, отправился в Молдавию сватать дочь тамошнего господаря. Престарелый Калиновский, имевший свои виды на юную прелестницу Александрина, по просьбе отца невесты предпринял попытку не допустить брачной церемонии, что привело к потере главнокомандующим («напольным гетманом») головы в урочище Батог и паническому бегству остатков регулярного («кварцяного») войска. (Погиб и сын несчастного, Самуэль.)

Небольшое историко-орфографическое отступление. В тексте использую более раннего происхождения слово «козак», подчеркивая тем самым своеобразие и особую колоритность этой военно-сословной части украинского сообщества, ее определенные отличия от «казаков» российских. Термин «козаки» устоялся в семнадцатом веке – до этого использовались архаичный «бродники», на Заднепровье – «севрюки», на Днепре – «черкасы».

Козаки или, может, козаки?

Я не силен, признаться, в орфографии,

Вопрос об удареньях – пустяки;

Лишь тактика нужна и география!³²

Боевое содружество украинцев с татарами было жестокой необходимостью, безальтернативным вариантом достижения успеха. Православная Москва, к которой не раз обращался за поддержкой Хмельницкий, была скована унижительно-вынужденным договором с поляками 1634 года (Поляновский мир), по которому признала границы Речи Посполитой на ее условиях, как невольный союзник обязана была выступить на стороне поляков в войне с повстанцами.

Крымским татарам, раздраженным многолетней задержкой выплаты королевской казной откупа за прекращение набегов на польские земли, альянс с козаками позволял компенсировать денежные долги военной добычей и пленными. За богатых получали приличный выкуп (тот же Калиновский, Потоцкий после поражения под Корсунем), несостоятельных продавали. Кроме того, при случае нарушали договоренность не трогать украинское население – распускали загоны, брали премиальный «ясырь» тысячами христианских душ.

Они предавали доверчивых союзников-украинцев, как только терпевшие поражение ляхи обещали рассчитаться с накопившимся долгом. В 1653 году совместную с украинцами Жванецкую победу превратили в поражение, изменив им окончательно; за отход от казаков получили от Речи Посполитой, кроме обещанных денежных выплат, право сорок дней грабить и полонить Украину.

«О, какое горе! – восклицает летописец. – Какой плач, какое стенание! Язык не может выразить ужаса этих дней: растление девиц, посрамление супругов, лишение имущества, голодная смерть, стыд неволи и цепей».

«Напрасно Хмельницкий, – пишет Н. И. Костомаров, – умолял хана не покидать его; напрасно уговаривал мурз просить за него... Но хан был глух к его мольбам... Хмельницкий узнал, что поляки и татары заключили такой договор на погибель Украины. Он не мог противиться и действовать сам против поляков... У него оставалась одна надежда на московского царя»³³.

Вопрос вопросов украинской истории – Переяславская рада в январе 1654 года, переход козацкой Украины в подданство царя. Решаясь на этот шаг, Хмельницкий руководствовался требованиями момента (пан или пропал!), видя в царе прежде всего покровителя, а не властителя.

В итоге уже после объединительной церемонии каждый ее участник остался при своих устремлениях и надеждах. Москва смотрела на присоединение

Украины, положенной к ее ногам козацким лидером, как на продолжение соби- рания Русской земли. Богдан Зиновий Хмельницкий надеялся, что Россия, оттеснив Польшу, даст его краю возможность автономно-самобытного разви- тия под монаршей рукой.

«Не того мне хотелось и не так тому делу быть»³⁴, – сказал однажды, заплакав, Хмельницкий. Трудно было понять вождю Украины, что союз с Рос- сией не мог быть таким же условным, легко расторгимым, как с Крымом.

Во-первых, из-за исторически сложившихся особенностей развития Мос- ковского государства, твердо и неумолимо расширявшегося, наращивавшего силу своих военно-политических мышц. Во-вторых, в силу того, что между коренной – Малой Русью и ее производной, более поздней – Великой Русью существовали связующие нити племенного родства, исторических традиций и общей религии, союз их естественным образом превращался в однород- ный сплав, вернуть который к прежним исходным частям было чрезвычайно трудно.

И посему все критические стрелы, выпущенные за истекшие столетия язвительно-неблагодарными потомками в адрес великого сородича, свидетель- ствуют о поверхностном знании «стрелками» украинской истории этого перио- да, непонимании ее глубоко трагической сути.

Каждый мнит себя стратегом,
Видя бой со стороны³⁵.

При всех неоднозначных оценках нюансов происшедшего объединения оно дало украинскому делу солидный перевес над польско-татарскими силами. Последовало объявление Москвой войны Польше, в ответ на которое в начале весны 1654 года карательный корпус Потоцкого-Чарнецкого двинулся на Умань. По дороге экзекуторы вырезали до последнего жителя Немиров, взяли неболь- шие крепости Синицы, Ягубец, Христиновку.

«Польный гетман подступил к Умани, где находились Богун и Глух. Расположившись в хуторах, польный гетман посылал к Богуну увещание вступить с ним в переговоры; но Богун не отвечал ему. Хотел было польный гетман выманить козаков ночью на вылазку в поле, но ему не удалось перехитрить Богуна. Поляки отошли от Умани, разорили и со- жгли несколько русских поселений и ушли. Так кончилась эта весенняя прогулка их»³³.

Трудно оценить состояние психики, представить образ жизни человека той давней поры в условиях постоянной – от рождения до последнего часа – смертельной опасности, регулярно-обыденного насилия, унижения, подавле- ния, нечеловеческих мук.

Нам новый век узреть не суждено,
Но вы, вкушая радость мирозданья, –
Поймете ль вы, что было так темно,
Так мерзостно людей существованье³².

Но жизнь, даже в условиях бесконечных войн, массового истребления населения продолжалась. Восстание Хмельницкого вернуло народу былую

атмосферу свободы, в которой быстро залечивались страшные раны, налаживался быт, неизбежным дополнением которого оставались опасность и борьба.

Летом 1654 года в Умани, по дороге в Киев побывал антиохийский патриарх Макарий. Его сын Павел оставил интересные, драгоценные для потомков описания деталей путешествия.

Путешественников поразила кипучая жизнедеятельность края – обилие местечек («базаров»), поправляемые и перестраиваемые после погромов церкви, в которых прекрасно выписанные местными иконописцами образа, стройное церковное пение; странноприимные дома («шпитали») для бедняков и сирот; взаимопомощь, забота о сирых и убогих.

...в толпах народа, которые повсюду выбегали навстречу патриарху, замечалось несоответствие в смысле малого процента взрослых мужчин. Но зато обилие детей, красивых белоголовых мальчиков изумляло путешественников... в доме каждого человека по десяти и более детей...

Павел всюду отмечает «материальное благосостояние, идущее рука об руку с крайней простотой жизненных потребностей и обстановки: множество домашней птицы и животных, особенно свиней, огромные и разнообразные посева, сады и огороды, рыбные пруды и мельницы с толчеями...».

«Мы заметили возбуждающую наше удивление прекрасную черту, – говорит Павел. – Все они, за исключением немногих, даже большинство их жен и детей, умеют читать и знают порядок церковных служб и церковные напевы; кроме того, священники обучают сирот и не оставляют их шататься по улицам невеждами; после освобождения люди предались с большей страстью учению, чтению и церковному пению»³⁴.

Мирные, пасторальной прелести картинки быта скоро сменились последовательностью картин уничтожения. В конце 1654 – начале 1655 года поляки повторили карательную экспедицию с новыми союзниками – татарами.

«10-го января (20-го н. ст.) соединенное войско поляков и татар подошло к Умани, где, как слышали они, заперлись полковники, ушедшие так смело от Брацлава. Город Умань был в то время обнесен тремя высокими валами и тремя сухими рвами. Кроме двенадцати тысяч козак, там были вооруженные хлопты и мещане... до тридцати тысяч народа... Богун приказал полить валы водой, и покрытые льдом они светились как стекло при утреннем солнце. На другой день, в полдень, назначили опять генеральный штурм. Сначала Потоцкий отправил вперед коронного обозного Чарнецкого с милостивым универсалом, приглашавших русских сдать и принести покорность Речи Посполитой. «Но уманцы, – говорит современник, – пушечной стрельбой показали нам свое повиновение». Тогда коронный гетман ходил на город и приказал пустить туда гранаты, но ему не удалось произвести пожар. Козаки покрывали крыши домов мокрыми кожами и холстами, да и вообще время было влажное. Союзники, под выстрелами осажденных, овладели первым валом, вступили в ров, но Богун нечаянно сделал вылазку и обратил в бегство огромную толпу врагов»³³.

Известие о том, что из Белой Церкви на помощь осажденным вышел Хмельницкий, вынудило нападавших снять осаду и двинуться навстречу козацкому войску. У небольшого городка Охматов в конце января, в лютый мороз состоялась пятичасовая ночная битва с ничейным для сторон исходом. После нее несколько месяцев, до самой Пасхи, татарские отряды («чамбулы») волнами накатывались на южноукраинские земли, пустошили их.

Оставив защищенную крепостью Умань, Богун метался по краю – бил людей, отбивал пленных. И все же результаты совершившегося насилия ужасны даже по меркам тех времен – в полон было угнано более двухсот тысяч человек, убито около десяти тысяч младенцев (так утверждают современные авторы)³¹.

Зажурилась Україна, що ніде прожити:
Витоптала орда кіньми маленькі діти.
Ой, маленьких витоптала, великих забрала,
Назад руки постягала, під хана погнала²⁵.

В начале уманской кампании коронный гетман, узнав, что Богун не присягнул царю, через посредника предложил ему гетманство над козаками, дворянское достоинство и любое староство в Украине. *«Но Богун Москвы только боялся, а поляков давно уже ненавидел»*³³ – самый яркий соратник Хмельницкого оставался верным своему гетману до его смерти в 1657 году. Десять лет спустя, в начале 1664 года, в составе польской карательной экспедиции, действовавшей на Левобережье, был Иван Богун. Во время осады Глухова открылось, что он передавал секретные сведения горожанам, договорился с гетманом Брюховецким о совместных действиях против ляхов. После военного суда, состоявшегося под Новгород-Северским, охранитель Умани полковник Богун был расстрелян.

Несколько месяцев спустя после казни, переправившись на правый берег Днепра, Стефан Чарнецкий исполнил следующий акт мести.

«Тогда вышел он в Суботово, бывшее имение Богдана Хмельницкого, где некогда сам содержался в плену, взятый покойным гетманом Богданом на Желтоводской битве. Вероятно, воспоминание бывшего унижения усилило в нем злобу к покойному врагу польской нации. Он приказал выкопать из могилы в церкви гроб Богдана Хмельницкого и разметать прах его на поругание псам»³³. (Так же надругались над останками Тимофея Хмельницкого, чья могила находилась рядом с отцовской.)

Абрис истории – второй

Четверть века активно участвовала Умань в бурных перипетиях украинской истории третьей четверти семнадцатого века, пока в трагическом 1674 году не обратилась в прах под страшной силы ударом турецких войск, приведенных Петром Дорофеевичем Дорошенко.

Имя его деда, Михаила Дорошенко, нередко звучит в сопровождающих щедрое и демократическое украинское застолье песнопениях:

Попереду, попереду Дорошенко
Веде своє військо, військо запорізьке хорошенько...
А позаду, а позаду Сагайдачний,
Що проміняв жінку на тютюн, та люльку,
необачний.

Старинная песня дает внимательному любителю старины крупицы интересных сведений о взаимосвязи и взаимоотношениях вольных запорожских козаков с козаками штатными («реестровыми»), находившимися на королевской службе; о совместных боевых делах двух видных персонажей украинской истории. В смутное московское время (1604–1613) вместе ходили они на Москву в составе войск Лжедмитрия (Первого и Второго); побывали в заволжских местах, доходили до Вологды.

В 1618 году они успешно помогли Владиславу IV в принципиальном территориальном споре с москвитями; в процессе его разрешения до основания порушили пограничные города Елец и Ливны.

По собственной инициативе не раз бывали за морем, атаковали – преимущественно победно – турецкие города, чем небезосновательно раздражали боявшихся турецкой реакции поляков. По морю ходили на «чайках», пересекая его обычно по прямой («навпростець»), иногда двигаясь вдоль побережья. В одном таком каботажном переходе, в 1619 году, взяли город Варну.

Була Варна здавна славна
Славніш Варни козаки²⁵.

Небольшое историческое отвлечение. Козаки, обычно не очень ограничивавшие себя в потреблении «оковытой», в морских походах строго соблюдали «сухой закон» – его нарушителей выбрасывали за борт.

Эра выдержанного и политичного гетмана Сагайдачного была временем лояльных козацко-польских отношений. Он избегал эксцессов, контролировал зачисленных на королевскую службу козаков, ввел деление им управляемой Украины на полки. Блестящей победой над турками под Хотиним в 1621 году спас поляков от неминуемого разгрома. Умер от полученных ран в 1622 году.

Дорошенко пережил боевого товарища на шесть лет – в 1628 году сложил свою буйную голову под стенами Бахчисарая, нерасчетливо ввязавшись в династический спор двух Гиреев.

Его внук, Петр Дорошенко, на подмостках сцены украинской истории появился в год восстания Хмельницкого, в войске которого служил прилуцким полковником. Как уже черкасский полковник, на стороне польской ориентации гетмана Ивана Виговского участвовал в его почти двухлетней схватке с промосковски настроенным полтавским полковником Мартыном Пушкарем. Итогом этой – фактически гражданской! – войны стали гибель почти пятидесяти тысяч жителей Украины и доставленная в 1659 году Виговскому на копье голова неудачливого соперника.

Доборолась Україна
До самого краю.
Гірше ляха свої діти
Її розпинають³⁰.

На авансцену исторической драмы Дорошенко передвинулся в эпоху «Руины», ведущей отсчет с 1663 года, когда, после «Черной рады» в Нежине, с Ивана Брюховецкого выстроился ряд московских гетманов-наместников; когда король Казимир личным примером укрепил крестовый поход за возврат Польше украинских земель, завершившийся по Андрусовскому (1667 года) миру их разделом – Левобережье с Киевом (Сегобочная Украина, или Гетманщина) досталась России, Правобережье (Тогобочная Украина) осталась за Речью Посполитой.

Пиком противостояния держав-соперниц был 1664 год, насыщенный значительными событиями, многочисленными – с переменным успехом для участников – стычками и сражениями. Весь этот год Умань находилась в фактической блокаде, была отрезана от регулярных московских и гетманских войск.

«...Да будет, однако, известно вам, великому государю, что для обороны людей, в особенности же крепких городов, следует выслать ратных людей в Брацлав, Умань и Калник и другие подданные города, чтобы не пришел откуда-нибудь неприятель и не завладел твоими великими городами. Дан из Уманя, 13 марта, 1664 года»²⁵.

Так ведущий военный эксперт эпохи Иван Сирко излагал царю свои предложения по укреплению обороны южноукраинских земель. После удачного похода на турецкий город Тягин (ныне – Бендеры) он отдыхал в Умани перед марш-броском на помощь бывшему гетману Виговскому, затеявшему интригу с переизбранием поставленного поляками гетмана Тетери. Не дождавшись помощи от кошевого атамана, заговорщики неудачно штурмовали Белую Церковь, после чего Виговский – автор Гадячского договора 1658 года, по которому Украина должна была стать Русским княжеством в составе Речи Посполитой, сенатор – был расстрелян без суда и следствия.

Изоляция Умани привела к острой нехватке продовольствия – оккупанты перекрыли доступ к полям, вызвав тем голод среди населения.

«Тетеря, взяв половину татар у Чарнецкого, пошел к Уманю и Днестру, чтобы воспрепятствовать жителям уманского и брацлавского полков собрать хлеб в поле за то, что они поддались московскому царю»²⁵.

Ратники московского гарнизона, поставленного в Умани еще в 1659 году, после избрания гетманом Юрия Хмельницкого, продавали населению скудное довольствие, бежали на родину.

Отчаянная попытка московского воеводы Косагова исполнить царский приказ прорваться к Умани не удалась. На полпути столкнулся с поляками, потерпел у Канева поражение, после которого отправился в Белгород выискивать и возвращать сбежавших (в том числе из Умани) дезертиров. О сложившейся в городе ситуации доложил ответственному за дела малороссийские князю Григорию Ромодановскому:

«...А запорожские, государь, козаки с кошевым Сашком Туровцом и твои великого государя русские ратные люди моего полка с майором Свиныным вошли в Умань и в целости стоят в Умане. А войско запорожское, что при Сашке, и козаки, что при гетмане в заднепровских городах, и мещане и чернь все ожидают ратных московских людей и калмыков на помощь»²⁵.

Только, как можно предположить, после временной смены политической власти в городе гетманским войскам удалось прорвать осаду Умани, восстановить статус кво.

«...на выручку гетман Брюховецкий послал двух полковников, Андрея Богомаза и Ивана Чепеля, с двумя пушками и двумя бочками пороху... прибыв в Умань, нашли, однако, город свободным от врагов... те бежали. Жители Уманя сдали город пришедшим полковникам и последние освободили запорожцев и московских людей из тюрьмы, где они сидели, закованные в кандалы. Освободив Умань, Богомаз и Чепель ушли далее против поляков»²⁵.

В начале 1665 года в Умани полковником стал Иван Сербин, бывший до этого полковником в Брацлаве. Навел в городе порядок, отбил нападавших поляков, выступил в поход – взял Бабаны, Косеновку, Кисляк, Торговицу, захваченную поляками после ухода из нее Сирка.

«Много боев имел он тогда с поляками и враждебными козаками, много взял врагов в плен и с торжеством вернулся в Умань. Успехи Сербина пробудили дух посольства в соседних городках, только что покорившихся полякам»²⁵.

Сербин командовал полком несколько месяцев – погиб в бою, о чем в сопроводительном письме извещал царя гетман Брюховецкий, отправляя в Москву сына не изменившего присяге полковника.

После разгрома и бегства Тетери, после смерти мучителя Украины Чарнецкого, после ухода в охваченную внутренними смутами Польшу ее экспедиционного корпуса Умань стала стартовой площадкой для очередного претендента на высвободившуюся булаву – на этот раз опиравшегося на татар.

«Так, в это время выступил на сцену новый противник Москвы, полковник Степан Опара. Июня 1665 года с двумя полками заднепровских козаков он подступил к Уманю, взял его в свои руки, запугав жителей города именем татар, и всех бывших в нем еще с прошлого года ратных московских людей с майором Михайлом Свиныным в плен побрал и под караул отдал, а иных и вовсе побил»²⁵.

В Умани, в полном соответствии с требованиями церемониала, Опара был избран гетманом, вместе с обязательным набором козацких старшин (генеральный писарь, генеральный судья). Дальше не заладилось – очень скоро на неласковом приеме у татарских мурз под Богуславом Опара был обвинен в интригах против союзных тем поляков. Неудачника оковали, его ватаге предложили гетманом Петра Дорошенко.

«Все сотники и атаманы Опариной ватаги признали его своим вождем, присягнули польскому королю в верности и послушании, а хану крымскому в союзе. Дорошенко тогда же присягнули перед всеми, что будет добывать Левобережную Украину, хотя бы пришлось тамошних козаков всех татарам отдать»³³.

На десять лет стал Петр Дорофеевич Дорошенко ключевым игроком военно-политической жизни Украины. Маневрируя между Польшей и Россией, отработывал схему перехода под покровительство турецкого султана, чтобы, став его вассалом, подобно Крымскому ханству, Молдавии получить статус удельного владетеля всей Украины.

Максимально использовал недалёковидность и эгоизм московской политики, общественный взрыв по случаю раздела Украины в 1667 году. Летом 1668 года, когда авторитет первопрестольной скатился до нуля, совершил принципиальный выпад на неподвластное Левобережье, где после долгих разбирательств с Брюховецким (уже изменившим царю и проведшим свои успешные сепаратные переговоры с султаном) отдал его на растерзание козакам. Протестовавшего епископа Мефодия, кума погибшего, отправил в Уманский монастырь, откуда тот сбежал в Киев, к воеводе Шереметьеву.

Недолго пробыл Дорошенко объединителем обеих сторон Днепра. Дошли до гетмана слухи о неверности жены, к тому же большой любительницы выпить. Оставив на Левобережье наказным («исполняющим обязанности») гетманом полковника Черниговского полка Демьяна Многогрешного, он вернулся наводить семейный порядок в Чигирин.

Некоторое время спустя, после прихода на Северщину войск московского воеводы Ромодановского, Многогрешный перешел на сторону Москвы, продолжив линию ее гетманов – за ним последовали Самойлович, Мазепа...

Гетманы на Тогобочной Украине в те годы произрастали, как грибы после дождя (кстати, «гетман» – производное слово от немецкого «гауптман», то есть – начальник, капитан). Очередного из них, своего генерального писаря Суховеенко, запорожцы, бывшие на ножах с Дорошенко, определили в гетманы в 1668 году. Через год под Уманью козацкая рада, посчитав избрание Суховеенко незаконным, «выкрикнула» в гетманы уманского полковника Михаила Ханенко.

Дорошенко пытался воспрепятствовать этому избранию. Подойдя к Умани, он взял город под свой контроль. В присутствии горожан из рук турецкого посла получил знаки гетманского отличия. Уманчане попросили Петра Дорофеевича встретиться у него, в Чигирине, с Ханенко, полюбовно разрешить конфликт.

Встреча не состоялась, а противостояние двух гетманов переросло в открытую войну, после того как в 1670 году Польша утвердила в высокой должности более сговорчивого уманского полковника. Обязательным принесением присяги на верность короне Ханенко, вместе с Сирко и козаками, в 1671 году в местечке Ильинцы, под Уманью, закрепили свой союз с королем, обещавшим более не посягать на старинные козацкие вольности.

Год противоборства непримиримых врагов завершился поражением Ханенко под Ладыжиным и объявлением Турцией войны Польше. 25 мая 1672 года падишах во главе трехсоттысячной армии перешел Дунай вместе с присоединившимся к нему войском Дорошенко и взял после недельной осады считавшийся неприступным Каменец. Магометане обратили костелы в мечети, иконами выстлали дороги, достойных внимания женщин и девиц отправили в гаремы, мальчиков обрезали и переправили за море.

«В то же время Крымская орда ворвалась по всем трем шляхам и проникла в такие местности, которые до тех пор были недоступны для татар. Дорошенко стоял на Украине с ханом и рассылал универсалы о покорности султану»³³.

Польша заключила с Турцией самый унижительный за свою историю Бучацкий договор: обязалась по нему ежегодно платить дань победителю и передать ей Подолию, а козакам, с Дорошенко во главе, – оставшуюся часть Правобережной Украины в ее давних пределах. Султан одарил нового вассала Дорошенко золотым халатом, пообещав в дальнейшем прибрать к рукам и передать ему же в управление Левобережье.

«Недалеко от Умани хан со своими ордами отправился в Крым, а Дорошенко остановился в Кристиновке. Этот город перед турецким приходом держался Ханенка, который прежде был уманским полковником и, по всему видно, родом был из Умани – по крайней мере семья его там оставалась. Ныне полковником там от своей руки Ханенко поставил Белогруда. Услышавши, что Дорошенко в Кристиновке, уманцы собрались на раду и рассудили, что теперь Дорошенко страшен и надобно ему кланяться. Духовные и миряне повезли ему в гостинец, как выражается летописец, «скоромного и постного провеянта» и разных напитков. Дорошенко ласково принял предлагаемые гостинцы, но похулил уманцев за то, что поддались Ханенку и ляхам...

В заключение он пригласил депутатов на обед, дружелюбно простился с ними и отправился в Чигирин, а через полторы недели потребовал из Умани к себе некоторых знатных козаков и приказал их – кого повесить, а кого расстрелять, а Ханенкову жену прислать в Чигирин. Но в Умани были запорожцы, преданные Ханенку... Они ушли в Белую Церковь и увлекли за собой многих уманцев, опасавшихся расправы от Дорошенка»³³.

Отказ Польши в пользу Турции и ее вассала от Правобережной Украины развязал руки России, подвинул ее на активные действия по возврату недавно утраченных территорий. Усиленное давление на Дорошенко дало результаты – один за другим от него отошли приведенные ранее к покорности города, а в 1673 году отложились Умань.

«По рассказам летописца Величка, в понедельник на Пасху был обед, устроенный братством в Воскресенской церкви. Там были многие значные жители и начальные люди компанейцев и серденят, посланных Дорошенко в Умань. Во всем городе тогда много пили ради праздника

Господня. Когда полковники – компанейский Силич и серденятский Жеребило – возвращались верхом с пира, пьяницы на улице стали задирать их бранными словами, а когда те стали отмахиваться канчуками, бросились на них с дрючками. Жеребило ускакал из города с конными компанейцами, а Силич с пешими серденятами, запершись в каком-то доме, отстреливался от уманцев, пока, наконец, уманцы взяли его со всеми серденятами и всех перебили. Кгрозденко, поставленный от Дорошенка полковником, убежал к своему гетману, а уманцы выбрали полковником Яворского, прежнего войскового товарища, и послали к Ханенко объявить, что хотят быть под его regimentом.

Так Ханенко начал открытую войну с Дорошенко»³³.

В боевых делах гетман Ханенко, действовавший фактически без поддержки «генерального заказчика» – поляков, не преуспел. После поражения от объединенного войска Дорошенко и татар в марте 1674 года передал знаки гетманского достоинства Самойловичу, объявленному гетманом обеих сторон Днепра, а сам вернулся в должность уманского полковника.

Вскоре, получив царское позволение, уманский полк перебрався на левый берег Днепра, расселился на территории Полтавского полка. Михаил Ханенко осел на Черниговщине, в Козельце, где жил до конца дней своих.

Слухи «о жестокостях бусурман над христианскими жителями»³³ отвращали народ от Дорошенко, вынуждали его в отношениях с Россией и Польшей маневрировать переговорами, намеками и обещаниями. Послов к королю с предложением союза перехватили турки, заставив Петра Дорофеевича давать малоубедительные оправдания.

Москва, стремясь закрепить скромные успехи, отправила на правобережье Ромодановского и Самойловича, сумевших возвратить под царскую власть ряд городов, дойти до Умани. Летом 1674 года Турция ответила повторным высадом – ее войско перешло Днестр и после пяти приступов взяло Ладыжин. Изложение дальнейших событий, связанных с Уманью, у историков разнятся. С. М. Соловьев достаточно кратко сообщает о двух турецких нападениях на Умань.

«Из-под Ладыжина турки двинулись под Умань. Уманцы сдались; турки, оставя заложу в их городе, двинулись далее по киевской дороге; но уманцы, раздраженные насилиями турецкого гарнизона, перерезали его и заперлись в городе. Визирь и хан, услышав об этом, возвратились и взорвали Умань подкопом»¹².

Н. И. Костомаров, выписками из летописей Величко, в деталях живописует долгий штурм города, после того как любимец султана Мустафа-паша разбил стан своему войску у стен уманского замка. (На месте того турецкого бивуака ныне расположено предместье Турок.)

«Вместе с турками подъехали к Умани дорошенковы старшины и стали делать уманцам предложения сдаться, обещая милость. Уманский полковник Яворский соблазнился таким обещанием и отправился в турецкий стан на поклон; его объявили невольником и заковали. Умань осталась без начальника. Турки требовали безусловной покорности.

По этому требованию явились в турецкий стан полковые чины, знатнейшие козаки и мещане. Турки всех объявили невольниками, а город, вместо пощады, стали истреблять. Но в Умани набралось людей немало, и были они хорошо вооружены, а город укреплен. Они стали защищаться. Тогда турки подвели под город шанцы от Грекова леса, насыпали валы и бойницы вровень с городскими, палили из пушек. И в то же время начали подводить подкопы. Взорвана была значительная часть замковой стены на левой стороне от дороги к Мене. Уманцы закладывали проломы возами, навозом, землею, но турки подземными ходами проникли в город. Уманцы отчаянно отбивались от них с заборов, с домовых кровель, кровь потоком полилась по улицам, турки без разбора умерщвляли всех. Остатки уманцев столпились около городских ворот, называемых Рашевскою брамою, и там защищались они до тех пор, пока турки всех их не побили, некоторые заползли в погреб; турки натащили туда соломы, зажгли и всех подушили дымом. Так погибла Умань, вся дотла с церквами и народом христианским. На седьмой день от прибытия туда турок»³³.

Світе тихий, краю милий,
Моя Україно!
За що тебе сплюндровано,
За що, мамо, гинеш?³⁰

Через год уманские развалины наблюдал Василий Леонтьевич Кочубей – как канцелярист Дорошенко он был направлен гетманом в Турцию по текущим делам. На обратном пути его челядник, выкрыв бумаги, сбежал.

«...Кочубей, боясь возвратиться в Чигирин с пустыми руками, прямо из Умани переехал к Самойловичу и здесь поднялся до звания генерального писаря»³³.

В 1676 году после долгих переговоров усилиями московской политики кнута и пряника Петр Дорошенко сдал полномочия правобережного гетмана своему левобережному коллеге Самойловичу и на правах почетной ссылки был переправлен в Россию. Мать и братья – Григорий и Андрей – остались на Украине. Жена долго противилась переезду, но в конце концов покорилась.

Поначалу Петр Дорофеевич просился в родной Чигирин, но после того как в результате 1-й и 2-й Чигиринских войн бывшие союзники-турки стерли город его детства (как и Умань!) с лица земли, проситься перестал. С 1679 по 1682 год был воеводой в Вятке. Остаток жизни провел под Москвой в подаренном царем селе Ярополче Волоколамского уезда. Умер 9 ноября 1689 года, на 72-ом году жизни.

Говорят, жена Пушкина, светская красавица Наталья Гончарова, – его потомок.

Сметает время даже имена
Великих дел; могилу ждет могила.
Весну сменяет новая весна,
Века бледнеют, все теряет силу³².

Абрис истории – третий

Долго приходила в себя Умань после кровавой турецкой бани 1674 года. Медленно, но заселялась, обустроивалась. Со своих развалин видела продолжение опустошительных турецких походов, наблюдала несчастное для народа – под турками – заключительное гетманство Юрия Хмельницкого, жила под управлением ими поставленного молдавского господаря Дуки.

Пережила гетманом Самойловичем предпринятое массовое переселение народа с правого на левый берег Днепра (известное как «великий згін»), «отправляла» своих жителей от ужасов жизни на поселения в Слободскую Украину.

«...великорусский священник Лукьянов, проходивши через Украину в то время, когда северную часть ее начал заселять полковник Палий, рассказывает, что когда он выступил из Паволочи... то в течение пяти дней пути до Немирова пришлось ему идти совершенною пустынею... ни человеческого жилья, ни человеческого лица, только дикие козы, волки, лоси, медведи скитались по краю... одичалые сады с яблонями, сливами, грушами, волоскими орехами»³⁴.

Король Ян Собесский, взявшийся за возврат украинских земель короне, пытался возродить правобережное козачество силами Искры (Корсунь), Абазина (Брацлав), Самуся (Богуслав) и первенствовавшего Палия (или Гурко), которому, отобрав у епископа, передал в управление Фастов.

«Универсалом наметил для жительства козаков земли в Украине около Корсуня, Чигирина, Лысенки и Умани, именно там, где прежде были полки: Чигиринский, Черкасский, Корсунский, Каневский, Белоцерковский и Уманский»³³.

(Правда, решением Палия с 1686 года Умани была отведена лишь роль сотенного города в составе Брацлавского полка.)

Народный любимец Палий стал фактическим хозяином края, его союз с Речью Посполитой сменился затяжной войной, желанием козачьего вождя перейти под руку царя. Москва в дела Польши, ставшей союзником, не вмешивалась, ограничиваясь скрытой помощью, контролируя ситуацию через гетмана Мазепу, который в 1693 году сообщил ревниво о злокозненных, связанных с Уманью намерениях полковника.

«...Палей хочет оставить Хвастов и поселиться в Умани; чтоб он, поселясь там, не призвал к себе татар на помощь против поляков; призывает татар, станет воевать и разорять поляков – опасно, чтоб и этой стороны не разорил, потому что захочет писаться гетманом и с этой стороны козаков переманивать; чтоб не был он другой Хмельницкий; надобно заблаговременно размыслить, как с ним поступить? Лучше малую искру загасить, чем большой огонь тушить...»³⁹.

Контроль и сдерживание, с подачи гетмана, окончились сибирской ссылкой фастовского полковника с 1705 по 1708 год и последовавшим почитанием и мифологизацией его народом.

«А коли цар Петро зламав свою обцянку віддати Україну Палієві за те, що може перемогти Мазепу, Палій пішов "на острови" і там живе й досі – відмоложується з кожним новим Місяцем: "Як місяць народжується, так і він молодіє; а як місяць старіє, то і він старіє"»⁴⁰.

К началу восемнадцатого века Россия начала переключать штурвал политики экспансии, постепенно отказываясь (на почти столетие) от южного и юго-западного направлений, отработывая направление западное. В польских делах возобладал классический принцип *«divide et impera»* («разделяй и властвуй») в виде поддержки российского ставленника Августа Саксонского в споре за корону с прозападным Станиславом Лещинским.

После Полтавской битвы (1709 год), разрушения гетманской резиденции в Батурине и Запорожской Сечи гетманом избрали стародубского полковника Скоропадского. Тот, тяготясь по причине преклонных лет высокой должности, постоянно просил разрешения перебраться на ставшее доступным Правобережье, о чем в Петербург в феврале 1710 года (спустя месяц после смерти Палия) сообщал киевский воевода Голицын.

«Слышал я, гетман хочет просить у государя, или просил, чтоб ему дали Умань; быть может, он писал, что Умань местечко малое, но это место большое и соседнее с степью, в городе с уездом будет людей тысяч пять или шесть; по моему мнению, ему Умани давать не следует, пусть живет со всеми своими делами у нас в середине, а не в порубежных местах. Умань на границе степи, нагайскими татарами, кочующими по сю сторону Днестра, и запорожцам пристанище, беспрестанно татары из Очакова приезжают туда покупать скотину, а уманцы к ним в Очаков ездят, возят лубья, доски угодья...»²⁵.

Бесславный Прутский поход (в 1711 году), с трудом добытый под Яссами мир с Турцией лишили Россию южных завоеваний, закрепили ее отказ от вмешательства в польские дела.

«...в ноябре месяце того же года Киевскому губернатору князю Дмитрию Голицыну донесли, что кошевой атаман Константин Гордиенко назначил от себя в город Умань полковником некоего Поповича, которому был дан из Сичи пернач...»²⁵.

Но это был, видимо, лишь эпизод. Потомки старой шляхты, чтобы восстановить утраченные предками, как они полагали, бесспорные права на землю, потянулись на Украину, где бедное и бессильное население встречало их с чувством страха и ненависти. Его, как и прежде, колонизаторы приманивали и закрепляли на земле длительными сроками «слобод», по истечению которых становившиеся бесправными хлопы подвергались нещадной эксплуатации.

Правобережье в то время являло собой совокупность нескольких самодержжных магнатских государств, где первенствовали Потоцкие, Чарторыжские, далее – Ржевуские, Яблоновские. Простая шляхта либо устраивалась между этими гигантами, либо находила себе применение в разбитых на «ключи» магнатских владениях, в качестве «приятелей», «резидентов», «слуг», «державцев» (нечто вроде арендаторов) и прочих «интересантов».

Магнаты, рассматривавшие короля лишь как первого среди равных, выстраивали дворцы и замки, обзаводились челядью, собственным войском, так называемыми надворными полками. В пехоту набирались немцы, поляки, конница комплектовалась из местного населения – по одному человеку от каждого податного дома.

В 1726 году Умань перешла в собственность клана Потоцких. Ее владелец с 1732 года Феликс Станислав Потоцкий, имея 400 тысяч крепостных, 70 городов и местечек, несколько тысяч сел, наибольшую прибыль получал с Уманщины, которую, по магнатскому обыкновению, сдавал в аренду.

Украинское панство, дворянство стремительно ополячивалось, переходило в католичество; простой народ погружался на дно социальной пропасти. Украинский язык сделался «хлопською мовою» (пример – уманский губернатор Младанович запретил петь украинские исторические песни), православие – «хлопською вірою».

Прямым следствием польской колонизации украинского края с конца XVI века было не только утеснение народа, но и подавление православной веры.

В 1596 году усилиями фанатичного католика короля Сигизмунда III и подыгрывавших ему иезуитов с применением силы была «узаконена» так называемая Берестейская уния («союз»), искусственно соединившая православную (греческую) и римскую (католическую) церкви.

Организационным смыслом греко-католической («униатской») церкви стало полное ее подчинение Папе римскому, при сохранении православной обрядности. Польское правительство, признав только униатов официальным представителем православия, передало им все имущество православной церкви (в том числе Софийский собор) и объявило последней войну на уничтожение, подвергнув ее сторонников (в польской терминологии – «схизматиков») унижениям и преследованиям.

Основной, мощной и последовательной силой, защищавшей веру предков от разгрома и исчезновения, было украинское козачество, каждое повстанческое выступление которого в XVII веке ставило целью прежде всего уничтожение ненавистного униатства.

Подобную церковной, насильственную модификацию получили православные монахи-василиане. (Их первый монастырь, скрупулезно следовавший каноническим нормам основателя монашества Василия Великого (IV век), появился в княжестве Литовском в XVI веке.) В итоге василианские (или базилианские) монастыри приобрели черты католического ордена при сохранении православных обрядов и внешних особенностей православного монашества.

В Умани василианский монастырь был основан Потоцким в 1765 году, в следующем году при нем открыли василианскую школу – только ее выпускники могли стать членами монашеского ордена.

Временный отказ России от претензий на Правобережье, окончательный уход в 1699 году с его земель Турции и полная гегемония Речи Посполитой свели на нет некогда воспламенявшие древнюю землю козацкие восстания. Им на смену пришла партизанская борьба отрядов гайдамаков, возглавляемых «ватажками» и действовавших при полной поддержке местного, «хлопского»,

населения и кадровой подпитке от политически независимого Запорожья.

Впрочем, когда российские войска в 1734 году перешли Днепр поддерживать в очередной раз Августа III, сопутствующий походу царский приказ надворным козакам громить имения сторонников мятежного Лещинского стал мобилизационным планом для простого люда. Мощный поток пополнения превратил подпольное движение гайдамаков в охватившее всю Украину народное восстание.

Богатый бедному не брат. В соответствии с этим, по-марксистски универсальным, принципом общественных отношений войска северного соседа после беспринципного перехода украинского «заможного» люда на сторону короля Августа подавили первое гайдамацкое выступление.

Движение сопротивления вернулось к почти латентным формам, вспыхивая изредка искрами взаимной ненависти. В 1737 году гайдамаки напали на Умань; в 1738 году уманский губернатор обезоружил и повесил около сотни союзных гайдамакам запорожцев, в 1740 году – троих, в 1749 году – восьмерых.

Далее – инициатива в руках гайдамаков. В 1749 году они проникли в уманский замок и убили трех ксендзов; в 1750 году сожгли город. В 1761 году Потоцкий отстроил девять десятков лет лежавшую в развалинах крепость.

В 1768 году на съезде в городе Баре (ныне – Винницкая область) в ответ на решение сейма уравнивать в правах православных и униатов сложилась конфедерация польских магнатов, чьи антиправительственные выступления сопровождалась расправами над православным населением. Россия прислала войска в помощь Станиславу Понятовскому, последнему польскому королю (и одному из первых любовников Екатерины II); украинский народ ответил вторым взрывом восстания гайдамаков – так называемая Колиивщина (от слова «колья»).

«Начало восстанию положил Максим Зализняк, запорожец. Он оставил уже войсковое житье, находился на послушании в монастыре и готовился поступить в иноческий чин. Поругание православной веры, избыток людских беззаконий вызвали его в мир»⁴¹.

Недалеко от Чигирина, под стенами Мотронинского монастыря, в урочище Холодный Яр Зализняк заложил стан. Представил единомышленникам грамоту императрицы (подложную), призывавшую народ к восстанию, к истреблению мятежных ляхов.

Народ, возбуждаемый к тому же проповедями и призывами монахов, со всех сторон стекался к Зализняку. На рассылаемые воззвания поднялись, двинулись в освободительный поход тысячи – взяли Смелу, Лисянку, подошли к Умани.

Як та хмара, гайдамаки
Умань обступили
Опівночі; до схід сонця
Умань затопили...³⁰

В городе главным управителем (губернатором) был Рафаил Младанович, кассиром – Рогашевский. Высшие чины между собой не ладили, постоянно



Так во второй половине XIX века выглядел корпус Главного училища садоводства, переведенного указом Николая I в 1849 году из Одессы в Умань.



Так выглядит Уманский аграрный университет в начале XXI века.



Памятная медаль в честь пятидесятилетия Уманского училища земледелия и садоводства (аверс и реверс).



Дореволюционная Умань.
Николаевская улица, справа – отель «Европа».

Снимки взяты из книги С. В. Нечаева «Старая Умань», Умань, 1996.



Дореволюционная Умань.
Военный православный собор.
В советское время в нем был устроен
кинотеатр имени Черняховского.



Дореволюционная Умань.
Польский костел.



Дореволюционная Умань.
Здание городского театра. Ныне на его месте – Дом культуры.

Снимки взяты из книги С. В. Нечаева «Старая Умань», Умань, 1996.



Дореволюционная Умань.
Здание женской гимназии.
Ныне в нем – школа № 2.

Дореволюционная Умань.
Здание мужской гимназии.
В советские время – техникум
механизации.



Дореволюционная Умань.
Садовая улица.
В советское время – улица
Карла Маркса.

Снимки взяты из книги С. В. Нечаева «Старая Умань», Умань, 1996.

направляли доносы друг на друга владельцу города, киевскому воеводе Потоцкому.

Незадолго до подхода гайдамаков Потоцкий прислал разобраться с ситуацией некоего Цесельского, от которого городские управители узнали о доносах; не греша один на другого, заподозрили сотника надворного полка Ивана Гонту.

Иван Гонта, родом из соседнего с Уманью села Россошки, выходец из селян, был любимцем Потоцкого, получил от него во владение два села. По заданию воеводы занимался расселением слобод, часто выезжал к нему, чем и навлек на себя подозрения в доносительстве, за которым последовало требование от двух мздоимцев выплатить сто злотых за должность сотника.

В разгар выяснения отношений от Барской конфедерации пришло требование к киевскому воеводе выслать на подмогу всю милицию и козаков. Потоцкий распорядился иначе – велел Цесельскому всех козаков поставить на стражу в степи, над рекою Синюхою, составлявшей границу с Россией; руководителю конфедератов написал, что вместо козаков, которые не будут охотно биться с русскими, он приказал сформировать из шляхты конную и пешую милицию и отослать с трехмесячным жалованием в Бар.

Цесельский, Младанович и Рогашевский, чтобы не истощать казны, назначили чрезвычайный побор с козаков (это в условиях полыхавшего восстания!). Уманские козаки под началом сотников Дуски (старшего), Гонты и Яремы во исполнение приказа стали над Синюхою, где Гонта предложил Дуске перейти к восставшим; тот отказался, со словами: «Семь дней будете пановать, а семь лет будут вас вешать и четвертовать».

После неожиданной смерти Дуски Гонта занял его место, но тут же был вызван в Умань, куда дошли слухи об его изменнических намерениях. Сотник прискакал в город и был сейчас же окован, а на другой день его уже вели на площадь вешать. Выручила жена начальника, полковника Обуха, – по ее поручительству Гонту освободили и отправили на степные рубежи.

Отъехав от Умани, Гонта вернул назад приставленных к нему полковников, сам же с отрядом козаков отправился в Греков лес, к расположившимся там табором повстанцам. Под ставшей известной липой договорились с Зализняком о совместных боевых действиях, крепко выпили.

Ближе к ночи комендант крепости Ленарт доложил вновь ставшему старшим Младановичу (Цесельский бежал), что пьяные козаки ночуют в фольварке, и предложил их перебить. Перепуганный губернатор вместо нападения переслал гайдамакам подарки с просьбой о достойной капитуляции. Гонта и Зализняк подарки приняли, но переговоры отложили до утра.

Утром они подъехали к крепостным воротам во главе своего войска к переброшенному через ров мосту. Ленарт, зарядив четыре пушки, приготовился к залпу, но Младанович стрелять запретил; шляхта закрыла жерла стволов своими телами и отогнала артиллеристов. В результате поспешных переговоров о капитуляции Младанович договорился о сохранении жизни только шляхте и католикам, затем отправился вместе с ними в костел.

Дальнейшее историки называют Уманской резней. Повстанцы бросились в город, вырезали все еврейское население. Дошли до милиции, назначенной в Бар. Покончив с нею, пошли в костел и начали вытаскивать оттуда мужчин, женщин, детей.

«Разъяренная толпа бросилась убивать и мучить всех: их кололи копьями, резали ножами, рубили саблями и топорами, не разбирая ни пола, ни возраста... Перерезали в базилианском монастыре духовных и учеников находившейся там школы»⁴¹.

...Того лиха
Не було ніколи,
Що в Умані робилося.
Базіліан школу,
Де учились Гонти діти,
Сам Гонта руйнує³⁰.

«Кажется, в поэме "Гайдамаки" великий Шевченко применил поэтический вымысел, описывая убийство Гонтой своих двух детей от жены-униатки, обучавшихся в базилианской школе. В частности, оставшийся в живых губернатор (это по одним сведениям, по другим – он вместе с Рогашевским погиб), якобы упоминая в письме о своем также выжившем сыне – однокласснике детей Гонты, не подтверждает описанного поэтом события»⁴¹.

Восставшие провозгласили (по Н. И. Костомарову) восстановление гетманщины, избрали Зализняка гетманом, Гонту – полковником. (По С. М. Соловьеву Зализняка объявили воеводой киевским, Гонту – брацлавским.)

Царский генерал Решетников, узнав об уманских событиях, направил к городу отряд донских казаков под командованием полковника Гурьева, по кличке Кривой. Офицер обманом выманил вожаков восстания в ближнее село Городецкое, пригласил к участию в походе против барских конфедератов при условии роспуска козачьего войска. После обильного возлияния в честь предстоящей кампании друзья повязали – Зализняка отправили в ссылку в Томск, Гонту передали полякам, содравшим с него, живого, полосами, одна за другой, кожу.

В. О. Ключевский пишет: «Бунтари... вырезали Умань; фанатизм греческий и холопий, как выразился о восстании король Станислав, боролся огнем и мечом с фанатизмом католическим и шляхетским. Русский бунт погасили русские же войска».

Уместна и экспрессивно точная оценка взаимной, замешанной на крови, ненависти, данная А. Я. Ефименко: «Но при оценке этих ужасов – буде они подлежат оценке – мы не имеем права забывать, что крайние проявления человеческой злобы направлены были здесь темною массою против просвещенного класса, который воспользовался своим просвещением, чтобы придать утонченную форму такой чудовищной мысли, глубоко противной всем заветам христианской культуры: «Rustica gens optima flens, pessima ridens» («Сельский люд лучше, когда плачет, хуже, когда смеется»).

Парк моего детства – «Софиевка»

Вот уже более двух столетий сердцу моему любезный город детства сладкого Умань в облике своем имеет особой пленительности черту, давшую ему второе, параллельное основному, звучание под именем «парк “Софиевка”».

Восторженная тональность изложения – не эпизод провинциальной гиперболизации, не квасной патриотизм под «клюквой развесистой» урожденного уманчанина. Она – лишь эхо бесчисленных похвал, капля малая в море высоких эпитетов, сопровождающих оценки неординарного произведения садово-паркового искусства, в котором стиль исполнения, рукотворные красоты органично сочетаются с вековыми прелестями пейзажа.

Первая из них была зарегистрирована в 1804 году в журнале «Новости русской литературы» в форме стихотворения «допушкинского» слога от автора, укравшегося за псевдонимом Дама:

С чем можно Уманский сад прекрасный сравнить?
Натура, кажется, все силы истожила,
И в нем одном свои все красоты вместила –
Привлечь внимание и взор обворожить.

Этот прекрасный парк – продукт поздней страсти графа Станислава Потоцкого к графине Софии де Витт, свадебный подарок польского ротшильда греческой красавице, блистательно взлетевшей с глубин стамбульского дна на вершины светской жизни европейского бомонда.

Его необычное расположение в украинской глубинке определилось вынужденным уходом отвергнутого соотечественниками магната – после окончательного раздела в 1795 году Польши между Австрией, Пруссией и Россией – под руку матушки Екатерины, что позволило ему сохранить владения на Правобережье и, в год смерти императрицы, приступить к занявшему шесть лет парковому созиданию.

Этот изящный шедевр ландшафтного строительства состоялся благодаря вспышке природной одаренности у человека военной профессии, артиллерийского капитана Людвика Метцеля, увидевшего в остатках дубрав древнего Грекова леса, в крутых скалистых склонах урочища Каменка, в вялотекущей по дикой балке речушке основу будущего иррегулярного стиля парка.

Его архитектурный вкус оценил переизбыток выходящих на поверхность гранитов как исходный материал для построения аллегорических композиций, повторяющих сюжеты античной мифологии – Долины гигантов, Критского лабиринта, Елисейских полей, – для возведения циклопических размеров гротов; для обустройства парковой территории: выкладки тоннеля подземной реки Стикс, берегов принимающего ее Мертвого озера и последующего ступенчатого канала к водопаду; для устройства каскадов, причалов, изготовления скамей, ваз, постаментов.

Их реализовали трудом египетским – чрезвычайно тяжелым, опасным и дешевым – тысячи крепостных «хлопов» владельца Уманщины, вырубивших в скалистой поверхности ложе для Нижнего пруда (смыслового центра парка),

переместивших, поднявших выбитые и вырытые в сотни тонн весом глыбы на значительные расстояния и высоты, уложивших их в заданном художественном беспорядке.

Как предварительно выверенный часовой механизм, была запущена и безостановочно функционирует безупречная, с технической и эстетической точек зрения, гидротехническая система парка, суть которой в цепочке накопительных прудов верхнего уровня, возникших после разделения речного русла от истока плотинами; в использовании двадцатиметрового перепада высот для хитроумного перемещения водных потоков на нижний уровень; в феерическом водном празднике, когда после наполнения Амстердамского шлюза рассыпаются на мириады брызг столпы воды, синхронно вылетающие в небо из зева кольцами уложенного (на скале в центре Нижнего пруда) медного тела фонтана «Змея» и сбрасываемые на прудовые валуны Большим водопадом.

«Тут вашим глазам открывается чудотворение искусства и опыт системы гидравлической, суть совершеннейшие произведения в искусстве сего рода», – так путешествовавший в 1810 году по югу России князь Иван Михайлович Долгорукий (он же писатель и владимирский губернатор) в своем панегирике «Софиевке» изумлялся точности инженерных решений, их гармоничной увязке с рельефом, с архитектурой малых форм, со скульптурой, с главным объединительным элементом дендропарка – зелеными насаждениями, в которых местная древесная флора богато дополнена экзотическими растениями: *«Кто хочет видеть рай, в Софиевку поезжай!.. Там природа и искусство, соединив свои силы, произвели превосходнейшее творение... Ничто не может сравниться с тем, что здесь увидишь, все пленяет и приводит в восторг... Войдешь и не вышел бы вечно: все прекрасно, превосходно, божественно. Везде виден гений вкуса...».*

Девять лет красоты парка были естественным фоном моего начала жизни. Его чащи и редколесье, поляны, склоны, пруды – обыденной и привычной средой обитания. Нагромождения скал, по которым наше детское племя перемещалось с ловкостью горных козлов, служили местом развеселых гуляний, демонстрации мальчишеской удали.

Ясным заревом алея,
Уводила вдоль пруда
Эта узкая аллея
В сны и тени навсегда.
(А. Блок)

По его ухоженным дорожкам, гранитным ступеням, мимо смотровых колодцев подземной реки, надломленной Колонны печали, через разностильные мостики пролегал мой школьный маршрут, начавшийся в шестом классе и завершившийся выпускным вечером, прощальной прогулкой с одноклассниками по огибающей Нижний пруд аллее в далеком-далеком июне шестьдесят четвертого года.

Абрис истории – польская трагедия (акт первый)

После восстания 1830 года, несчастливом для дела возрождения польской государственности, Пруссия принудительным трудом плененных солдат повстанческой армии утвердила захват земель старинного покровителя-сюзерена постройкой крепостей в Гданьске и Грудзендзе.

Оскорбительный для национальной гордости факт каторжных работ на земле предков поверженные карбонарии, после освобождения из плена и переезда в 1834 году в Англию, превратили в памятный знак, в призыв к продолжению борьбы, дав созданной в Портсмуте громаде (общине) название «Грудзендз».

Другим стимулом из прошлого, своеобразным напоминанием изгнанникам (прежде всего выходцам из Правобережной Украины) о былой политической и военной силе Речи Посполитой стал город моего будущего детства, давший имя еще одной, учрежденной в 1836 году на острове Джерсей, громаде – «Умань».

Возможно, смысловая увязка державного дела с одним из центров польско-украинской жизни связана с ее идеализацией, принявшей в эмигрантских кругах эпидемическое проявление в так называемом «козакофильстве». Вольным толкованием исторических преданий и документов – особенно в поэтических произведениях той поры – засидевшиеся на берегах туманного Альбиона романтики создали образ украинского козака, преданного польским интересам, возбудили у соотечественников фантастические надежды, что козачество вернет Польше политическую самостоятельность.

...Как часто
Хотим вернуть мы то, что лишь недавно
С презрением отшвыривали прочь⁴⁷.

«От великого до смешного один шаг»⁴⁸. Ослабление Речи Посполитой, подавшее сигналы на рубеже столетий, с началом восемнадцатого века приняло характер равноускоренного падения, завершившегося в 1795 году полным исчезновением государства (на столетие с гаком – до его возродившей большевистской революции) с географической карты Европы.

Начало увяданию государственному организму дал конкурс за королевский титул, который на правах личной унии (совместительства) в 1697 году получил саксонский герцог (курфюрстр) Август II, ставленник Австрии и России, пересиливших французского претендента принца Конти.

Новый монарх, под обещание превращения польского трона в наследственный, по месту «основной работы» вошел в союз с Петром I в неудачно начавшейся Северной войне и в 1704 году, после оккупации Польши шведским экспедиционным корпусом, уступил престол человеку скандинавов, коренному поляку Станиславу Лещинскому.

Полтавская виктория русского оружия 1709 года вернула дрезденцу корону, добавила Петербургу влияния в Речи Посполитой, где царский посланник на принципах «Разделяй и властвуй!» стал играть роль третейского судьи в раздорах между властью и оппозицией.

Россия стремилась сохранить целостность Польши как полностью подконтрольной страны и резко отказалась от предложения ее передела, поступившего в 1710 году от первого прусского короля Фридриха I (ставшего таковым в 1701 году, после согласия австрийского императора на превращение герцогства в независимую монархию).

Пруссаки – это не пруссы (то ли славянского, то ли литовского племени), которых, вместе с другими обитателями прибалтийских земель, извели рыцари Тевтонского ордена, необдуманно приглашенные удельным польским князем в 1230 году на пограничную службу.

Лишь в 1410 году, под Грюнвальдом, русско-польские войска остановили германский «драх нах остен», а в 1462 году Польша силой оружия вернула западную («королевскую») Пруссию, оставив крестоносцам ее восточную («герцогскую») часть.

В 1525 году гроссмейстер ордена обратился в светского правителя – секуляризировал («приватизировал») его владения, принял учение Лютера и, как вассал Польши, провозгласил себя герцогом Прусским.

Объединение Пруссии с Брандербургом в 1618 году очертило государственные контуры агрессивных продолжателей дела псов-рыцарей по расширению жизненного пространства; далее последовали измена Пруссией Речи Посполитой в первой Северной войне и прекращение вассальной зависимости от нее в 1657 году.

Очередное намерение королевства Пруссия расширяться за счет слабеющей Польши, озвученное в 1721 году следующим Фридрихом, совпадало с желанием ее саксонского короля – в связи с неопределенностью династической перспективы для наследника – прирезать к курфюршеству часть территории подвластного королевства, но Петр I грабежа не допустил.

Исторической известности Августа II прибавили два сына – внебрачный (в генеалогической терминологии – бастард) и законный наследник. Первый – Морис Саксонский – с детства честолюбивый, ущемленный своей незаконнорожденностью, нашел себе вторую родину во Франции, всю жизнь сражался за ее интересы и умер прославленным маршалом в 1750 году.

Монументальная гробница знаменитого полководца, созданная гениальным Пигалем, представляет собой многофигурную аллегорическую композицию с фигуркой безудержно рыдающего амура – свидетельство того, что выдающийся военный теоретик был и великим практиком в любви.

Сводный брат и одноклассник принца-изгоя (оба родились в 1696 году), силой российских штыков и австрийского давления, под именем Августа III унаследовал королевский титул умершего в 1733 году отца, потратив на это два года в соперничестве с его злейшим врагом – престарелым Станиславом Лещинским, ставшим ко времени своей второй монархической попытки тестем «короля-солнца» Людовика XIV.

Большую часть продлившегося тридцать лет правления король-заочник провел в родном Дрездене, куда министр финансов (подскарбий) переправлял, по мере возможности, доходы казны на пропитание двора.

Речь Посполитая окончательно потеряла всякое значение и уважение в Европе, превратилась по сути в подручника России, чьи войска вступали

в страну и квартировали в ней, как в своей земле. Система государственного управления фактически обрушилась – господствовало полное право сильного. *«Польша, – пишет Н. М. Костомаров, – была на краю падения, когда Август, в 1763 году, скончался».*

С пресечением саксонской линии в истории Польши на престол вступил ее последний король – Станислав-Август Понятовский, племянник всесильных братьев Чарторыйских, которых, вместе с их родственниками Ржевусскими и Радзивиллами, поляки именовали «фамилией». Впрочем, единодушие сейма в выборе монарха обеспечило, как свидетельствует К. Валишевский, мнение и червонцы недавно взявшей власть Екатерины II: *«Безусловно проглядывает дерзость и даже некоторый цинизм в рескрипте, данным ею в 1763 году своему послу в Варшаве, в том, в котором, приказывая ему поддержать кандидатуру Понятовского, она говорит, что "он во время своего пребывания в Петербурге оказал своей родине больше услуг, чем кто-либо из министров республики"».*

Известную, отмеченную историком пикантность отданному распоряжению придает то обстоятельство, что прибывший в 1755 году в Петербург в составе английской дипломатической миссии молодой Понятовский был замечен и обласкан будущей царицей, после чего занял почетное третье место в списке ее ранних любовников (вслед за Захаром Чернышевым и Сергеем Салтыковым – гипотетическим отцом Павла I).

Связь оборвалась с рождением в 1758 году дочери, всего год прожившей царевны Анны, и отъездом на родину ее предполагаемого родителя. Былые отношения напомнили о себе в 1764 году взбудоражившими Польшу слухами о браке русской царицы с *«избранником польского народа»* и слиянии, вследствие этого, двух держав; наивную и неуместную для внешней политики молву официальный Петербург долго гасил публичными поисками невесты-польки для холостого короля.

К слову. После переворота июля 1762 года, сделавшего Екатерину II вдовствующей императрицей, в придворных кругах – до коронации 1763 года – широко обсуждался проект, по которому начинающей правительнице России предлагалось обвенчаться с проложившим ей путь к трону Григорием Орловым и привенчать (узаконить) их младенца-сына (в миру – Алексея Бобринского, после смерти матери получившего графский титул для себя и своих потомков от молочного брата, императора Павла I).

Историческая фраза Н. И. Панина *«Императрица может поступать как ей угодно, но госпожа Орлова никогда не будет императрицей российской»* изменила бесшабашному гиганту-гвардейцу карьерную перспективу – оправившаяся от первого смущения самодержица заменила скучное натуре бойца семейное соуправление на более естественное исполнение (на десять лет!) обязанностей опорного мужчины, открыв им разностильный, весьма расходный для казны ряд фаворитов.

Его предшественнику, утонченно-изысканному Понятовскому, покровительница определила роль исполнителя своей державной воли в почти завоеванной стране, которую он *volens nolens* – возмущаясь и противясь – играл невнятно три десятка лет, завершив ее финальной сценой отречения от престола, а жизненный путь – в Петербурге.

Уже в прологе монарх оказался между Сциллой и Харибдой – между требованием императрицы уравнивать в правах православных с католиками и оскорбленным национальным самолюбием. На непоследовательное противодействие выборного монарха Петербург ответил приемами кнута (сорокатысячным войском вдоль границ Речи Посполитой) и пряника (сотней-другой тысяч бюджетных червонцев, обещаниями «кормящих» должностей усердным клеветам).

Сыграли также на нелюбви подданных к своему королю и его опекавшей «фамилии», на открытой оппозиционности к монаршей власти магнатской связки Ксаверия Браницкого (коронного гетмана) и Феликса Потоцкого (киевского воеводы), ради сохранения давних шляхетских вольностей (прежде всего «*право вето*» в сеймовых постановлениях), обеспечивших в 1767 году требуемое для Екатерины решение по диссидентскому делу.

«Все смешалось в доме Облонских»...⁸³ в следующем, 1768, году: поляки – католики, большие, чем папа, «протрезвели» от содеянного. Унаследованное от предков восприятие православия как «*собачьей веры*», а его приверженцев («*схизматиков*») как проклятых Богом еретиков прорвалось в массовой «контрреформации», в мятежной Барской конфедерации, в одного из лидеров которой перестроился и глава «*знаменитого рода владельцев Умани*» (определение Адама Мицкевича), Феликс Потоцкий.

Полагая, что победа Турции в объявленной ею в том же году – сразу после «Уманской резни» – войне России вернет родине силу и свободу, Потоцкий активно интриговал в пользу басурман, выдал им «на заклятие» соратника, учредителя конфедерации Иосифа Пулавского, агитировавшего в пользу Австрии. Война прославила русское оружие блистательными победами, открыла России доступ к Черному морю. Подавшая повод к войне Польша ничего не приобрела – только потеряла.

Пока русская эскадра, преодолев Атлантику и Средиземное море, жгла турецкие суда в Чесменской бухте летом 1770 года, «заклятые друзья» Польши, сговорясь, «под сурдинку» пощипали соседку – Пруссия заняла Вармийское епископство, Австрия добавила к своим владениям Списьскую землю и соляные копи Бохни и Велички.

В том же году в жизни Феликса Потоцкого («королька Руси» – определение современников) произошло знаковое событие. Его сын, восемнадцатилетний Станислав Щенсны (Феликс) Потоцкий, объезжая родительские земли, с миссией помощи больным чумой, познакомился с Гертрудой Коморовской, дочерью малоимущего, также старинного графского рода соседа.

Беременность привела к тайному, под нажимом отца девушки, венчанию влюбленных. Родители молодого Потоцкого категорически воспротивились мезальянсу, добились от сына письменного согласия на развод.

Дальше – больше. В начале 1771 года гайдуки магната выкрали юную жену из имения ее родителей в Новосилках, повезли через Львов в монастырь. По дороге пленница, завидев обоз чумаков, стала звать на помощь. Конвоиры, пытаясь приглушить крик подушкой, переусердствовали – Гертруда задохнулась, ее тело выбросили в речную прорубь.

Узнав о случившемся, Щенсны пытался покончить с собой; от смерти его спас камердинер, отобравший нож у юноши, когда тот уже полосовал себе шею.

Весной 1772 года генерал-майор Суворов взятием Кракова закрыл проблему барских конфедератов. Их последняя судорога – попытка выкрасть короля – стала благовидным предлогом для материализации давно витавшей в воздухе идеи раздела Польши.

Более других рвения в этом деле изъявил прусский король Фридрих II, уже пришедший в себя от фактического разгрома в Семилетней войне против Саксонии, от наблюдения русских казаков, гарцевавших по Берлину в 1760 году, от полной катастрофы которого спасли смерть Елизаветы в начале 1762 года и шестимесячное царствование его неумеренного поклонника Петра III.

Под прикрытием дипломатической завесы австрийской дипломатии «Старый Фриц» полупамятками-полуугрозами образования тройственной антироссийской коалиции с Высокой Портой подвел Россию к непростому, неоднозначно воспринятому ее лидерами решению вернуть под турецкое иго только отвоеванные у осман Молдавию и Валахию, в обмен на долю в отделяемых от Речи Посполитой территориях. (За подобную уступчивость, приведшую к чрезмерному усилению в первую очередь Пруссии, Григорий Орлов требовал казнить «переговорщика» Панина.)

Первый раздел Польши был закреплен особым договором (конвенцией) между державами-дольщиками в Петербурге летом 1772 года. Пруссия прирезала к своим владениям вожделенное Поморское воеводство (Западную Пруссию без Гданьска), заполнив им досадный разрыв между Восточной Пруссией и Брандербургом; сверх того добавила Вармию, Мальборкское и Холминское воеводства (без Торуна), часть Куявии и Великой Польши.

Австрия заняла всю Галицию, часть Краковского и Сандомирского воеводств, с городом Львовом (без Холмской земли); Львов переименовали в Лемберг. К России отошли часть Белоруссии – Верхнее Поднепровье, Подвинье и часть латвийских земель – Латгалия. Сейм 1773 года утвердил акт раздела – рядовым участникам голосования выплатили по двести-триста червонцев. «Акула» Браницкий, чей сын к этому времени стал мужем племянницы светлейшего князя Потемкина, получил Богуславское и Белоцерковское староства (парк «Александрия» в Белой Церкви – его рук дело).

1772 год стал фатальным и для семьи Потоцких. В конце зимы монахи-августинцы обнаружили вынесенный рекой Ратой труп Гертруды. Когда открылось имя затейщика грязного дела, граф Якуб Коморовский подал в суд на магната; тому, при неопровержимых уликах, грозила «баниция» – изгнание из Польши.

Рука Божия отмерила заслуженную кару Потоцким. Весной, не выдержав позора, скончалась Анна Потоцкая, мать молодого магната, с начала скандала находившегося в Швейцарии; полгода спустя душевные перегрузки разбили сердце главы семейства.

Вступив в права наследования (были еще три сестры), Щенсны первым делом закрыл судебное разбирательство – Коморовские в качестве отступного получили более сотни деревень и семьсот тысяч злотых; молодому вдовцу

остался медальон с миниатюрой единственной и неповторимой возлюбленной, с которым он, завершая жизненный путь, завещал себя похоронить.

Абрис истории – польская трагедия (акты второй и третий)

Во время одной из зимних прогулок перед сном, которые некоторое время наше семейство совершало коротким маршрутом к Верхнему пруду, мама – под уютный хруст снега – пересказала давнюю молву о том, как граф Потоцкий, потакая прихоти Софьи, устроил летним днем катание на санях по усыпанным солью аллеям парка.

По аналогии поверил в реальность исторического анекдота, после того как в студенческие годы вычитал у П. И. Мельникова-Печерского о точно такой экзотической выезде, устроенной в поместье Несвиж виленским воеводой Карлом Радзивиллом, магнатом, калибра уманских Потоцких (у современников – «пане коханку»).

В истории литовский князь «наследил» не эксцентричными забавами, не опустошительным мотовством при баснословных доходах, а делом самозванной дочери императрицы Елизаветы Петровны (доньне ошибочно именуемой «княжной Таракановой»), затеянным им после разгрома Барской конфедерации и раздела Польши в 1772 году под патронатом Версаля.

Планировалось, что вышколенная им – совместно с отцами иезуитами – юная особа по имени Алина (далее – княжна Елизавета, Волдомирская, Персидская, Азовская), обеспеченная подложными завещаниями Петра I, Екатерины I и «матери», дававшими ей преимущественное – перед Екатериной II – право на престол, взяв в свои руки верховную власть, вернет Польше утраченные земли и реальную независимость.

Вполне возможно, что решение этой же задачи было среди целей внешне бессистемного (по А. С. Пушкину – «бессмысленного») бунта Пугачева, который под именем «воскресшего» Петра III двигался к трону синхронно с агитационной кампанией предполагаемой Елизаветы II, не раз заявлявшей покровителям о тесных связях с яицким бунтарем (называясь, к примеру, его сводной сестрой).

«Враждебники России и Екатерины... устроив дела самозванца на востоке России, не замедлили поставить и самозванку, которая, по замыслу их, должна была одновременно с Пугачевым явиться среди русских войск, действовавших против турок, и возмутить их против императрицы Екатерины»⁵¹.

Пленных конфедератов царское правительство отправило в ссылку. «Большие партии пленных конфедератов направлялись в глубь России: в Казань, Оренбург, Пермь, Тобольск», – пишет знаток вопроса Вяч. Шишков. Их же затем рекрутировали в войска, усмирявшие бунтовщиков, что давало заинтересованным сторонам возможность прямых контактов («Казань была обременена большим числом возвращавшихся из Сибири конфедератов»).

А. С. Пушкин в «Истории Пугачева» подтверждает связи последнего с находившимися в Казани учредителями Барской конфедерации братьями

Пулавскими (а также младшего из них с хорошенькой женой старого губернатора Брандта – «...меньший с 1772 года находился в плену и жил в доме губернатора, которым был он принят, как родной»); упоминает об отравлении, кем-то из конфедератов, главнокомандующего А. И. Бибикова; в эпилоге сожалеет, что не сумел выявить истинных организаторов Пугачевского бунта: «Кто были эти смысленные сообщники, управлявшие действиями Самозванца?.. Это должно яствовать из процесса Пугачева, но, к сожалению, я его не читал, не смев распечатать без высочайшего на то соизволения»¹⁵⁸.

Авантюра самозванки завершилась после ее – как будто бы психологически обоснованного – обращения к командовавшему российской эскадрой в Средиземном море графу Алексею Орлову, постепенно уходившему в тень государственной жизни после отставки брата Григория с «должности» фаворита Екатерины, с предложением о союзе. Герой Чесменской битвы, желая восстановить кредит в Петербурге, отреагировал «по-мужски» – первым делом соблазнил несуровую красавицу, затем заманил ее на флагманский корабль и силой переправил с берегов Италии в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Там между допросами несчастная родила ему сына и скончалась от скоротечной чахотки 4 декабря 1775 года.

Известная картина даровитого живописца Флавицкого «Княжна Тараканова», представляющая зрителям, как воды наводнения сентября 1777 года, врываясь в камеру, губят узницу крепости, – лишь высокохудожественное отображение романтического вымысла.

Княжной Таракановой некоторое время именовалась дочь Елизаветы I и ее законного, но тайного, мужа, фельдмаршала, графа Римской и Российской империй Алексея Григорьевича Разумовского, бывшего, до морганатического брака императрицы, просто Олексой Розумом в селе Лемеша, что на Черниговщине (начало блистательной метаморфозе бывшего пастуха положил полковник Вишневецкий, который, оценив по достоинству дивный голос украинского «хлопца», переправил его в царскую певческую капеллу для развития таланта).

Дочь, унаследовавшая от отца ровный нрав и отсутствие честолюбия, беспрекословно согласилась с предложением Екатерины II – «дабы не сделаться орудием честолюбцев» – уйти в монастырь, где в 1810 году под именем иночицы Досифеи в возрасте 64 лет завершила свой земной путь. (П. И. Мельников-Печерский пишет также об ее родном брате, по фамилии Закревский, повторившем судьбу сестры.)

Карл Радзивилл, бросив свою питомицу в конце 1774 года, выпросил у Екатерины II прощение за доставленное беспокойство, а вместе с ним – ранее конфискованные имения, в которых провел остаток жизни (до 1790 года) в сеймовых съездах, в роскошных пирах и прочих увеселениях.

До конца держался другой вождь конфедератов, граф Иоахим Потоцкий, добившийся встречи с великим визирем и просивший у него под свое начало войско для освобождения Польши. Но Турция войну России проиграла, и после мирного договора 1774 года между ними говорить об участии Великой Порты в польских делах было бессмысленно.

К слову сказать, знатоком русско-турецких войн восемнадцатого века был военный историк, профессор Академии Генерального штаба Алексей Константинович Баиов, родившийся в Умани в 1871 году.

Древней посадки родовое древо Потоцких в рассматриваемое время имело много приметных в жизни Польши ветвлений, хотя текущие дела, сиюминутные и долгосрочные интересы нередко разводили представителей этого могучего и знатного клана во враждебные лагеря: в том числе «пророссийский» или «антироссийский».

Сын киевского воеводы Станислав Щенсный («Счастливым») Потоцкий, приняв после смерти отца в 1772 году в пользование необъятные владения семьи на Правобережной Украине, оставался неизменно лояльным официальному Петербургу, видя в этом гарантию прочности и нерушимости имущественного положения.



В 1774 году он женился на дочери графа Мнишек, представителе старого, чешских корней рода (в начале семнадцатого века Марина Мнишек по очереди с двумя Лжедмитриями «смущала» российскую историю).

Жена, Юзефина Амалия Мнишек – красивая блондинка с синими глазами, – была фрейлиной королевы; отличалась талантами в рисовании и стихосложении, играла на рояле; до замужества славилась интимной пылкостью, восхищавшей многих ее любовников. Привы-

чкам не изменяла – под конец жизни из одиннадцати детей, рожденных Юзефой, Потоцкий признал только троих – дочерей Пелагею и Людвигу, сына Ежи.



В 1775 году молодой граф передал кредиторам в счет погашения долгов отца семейное имение в Кристинополе (ныне – Червоноград Львовской области), оказавшееся, к тому же, на перешедших к Австрии землях, и перенес свою резиденцию на территорию Польши, в украинский городок Тульчин.

Со временем (в 1782 году) выстроил в нем дворец, заложил парк с оранжереями. Увлечшись сельским хозяйством, привлек к делу специалистов по селекции новых сортов пшеницы, ржи, овса, по улучшению пород крупного рогатого скота. Потоцкому обязан появлением на украинской земле пирамидальный тополь, саженцы которого он привез из свадебного путешествия в Италию.

В сравнении с другими представителями своего круга, Щенсный выделялся гуманным отношением к холопам – заменил им все повинности на денежные платежи (ввел так называемый генеральный чинш); требовал от уп-

равляющих его имений («ключевых экономов») уважительного отношения к сельскому люду; селян обязывал строить «хаты» и переселяться в них из землянок, регулярно обновлять дворовые посадки яблонь, груш, вишен и шелковиц, засаживать неуголья вербами и тополями.

«Без всяких подобных затей и выходов отличался гуманностью обращения с крестьянами и заботливостью об их благе пан, который впоследствии навлек на себя, более чем кто-нибудь, проклятия прогрессивной польской партии – то был Щенский-Потоцкий, владелец неизмеримых пространств в Украине.

...его села блистали белыми хатами посреди роскошных садов, окруженные избытком скирд хлеба, стогов сена, волов, овец, пчел и прочее» .

Впрочем, граф, имевший фантастические восемьдесят тысяч червонцев годового дохода, мог позволить себе эксперименты прямого и благостного управления частью своих подданных; там, где сбор налогов шел через посредников-арендаторов («посессоров»), крестьян обдирали как липку.

Причины и следствия «Уманской резни» 1768 года мало вразумили ясно-вельможное панство. Как и прежде, помещики без суда и следствия убивали своих крестьян, хотя закон уже запрещал подобное своеволие. По-прежнему яростно преследовались православные (особенно те, кто возвращался к вере предков из униатства).

«...при случае украинский хлоп, подпивши, осмеливался сказать ляху: "...а мы и не таких резали"; на это поляк отвечал ему: "...а мы и не таких вешали"»⁴¹ .

Еще были живы те, кто видел Железняка и Гонту (зять последнего, сельский священник, правил службы недалеко от Умани), помнили обитатели края массовые казни гайдамаков, виселицы вдоль «шляхов». «Доныне, – пишет Г. П. Данилевский, – девушки Лисянки и Умани держатся особого обычая – вплетают черные ленты, вместо алых, в уборы своих кос».

Копилась энергия народного недовольства, но не вырвалась мощным взрывом наружу – не было верного запала, канувшего в вечность запорожского козачества, не было уже и гетманщины – недолго, напоследок, «погетманствовал» Кирилл Разумовский; кроме того, помнили люди, как «мамо» Екатерина подавила выступление гайдамаков, уже оценили сведения о «прелестях» вводимого ею на Левобережье крепостного права.

К политической жизни Щенский-Потоцкий приобщился в 1773 году, когда был назначен воеводой уже не существующего, отошедшего по разделу к Австрии, Русского воеводства. Синекура, тем не менее, дала обязательное для магната место в сейме и возможность законодательно или правом «вето» противодействовать окружавшей короля партии Чарторыйских, стремившейся, помимо прочего, превратить турбулентный республиканский строй с выборным королем в абсолютную монархию, дисциплинирующую нацию.

Усердие оппозиционного политика – как противовес непоследовательному и не всегда послушному королю – оценила Екатерина II во время данной ему аудиенции в феврале 1787 года в Киеве. Тогда царица почти месяц жила в специально выстроенном деревянном дворце перед тем, как продолжить путе-

шествие по Днепру в Крым с остановкой в Каневе для встречи с австрийским императором Иосифом II. Там союзные монархи договорились о совместных действиях в предстоящей войне с Турцией (там же больше месяца ждал Екатерину польский король Понятовский, получивший лишь три часа свидания).

«Только Щенсный-Потоцкий, хотя и находился в оппозиции, был принят лучше. Государыня изумительно умела узнавать людей, подмечать их слабые стороны, оценивать их способности и умение быть ей полезными. Щенсный понравился Екатерине. Она сразу сообразила, что из этой личности... можно все сделать, если ее приласкать. Она не только обласкала Щенсного, но давала ему двусмысленных надежд. «На вас, не на кого другого, я уповаю спасение Польши», – говорила она. У Потоцкого закружилась голова от такого счастья, и он был долго вне себя от восторга»⁴¹.

Летом 1788 года Россия открыла боевые действия против Турции, уменьшив тем самым свое влияние на польские дела. В 1788 году в Польше начал работу так называемый Четырехлетний сейм, принявший в мае 1791 года конституцию в редакции королевской партии – отменялась выборность королей (кроме случая пресечения династии), аннулировался принцип обязательного единогласия в сейме (знаменитое «*liberum veto*»), запрещались конфедерации шляхты (означавшие, фактически, создание государства в государстве).

Магнаты, настаивавшие на сохранении старинных вольностей, сгруппировались. После частного свидания в Петербурге, в марте 1792 года, Щенсного-Потоцкого с Екатериной II и соглашения о военной поддержке в пограничном городке графских владений Тарговице, 18 мая того же года, была учреждена очередная, фатальная для судьбы Речи Посполитой, конфедерация шляхты.

«3-го июня конфедерация была перенесена в Умань, а 9-го июня в Тульчин, следуя таким образом за успехами русского войска»⁴¹.

На украинской земле царским войскам отчаянно и недолго сопротивлялись отряды под командованием Иосифа Понятовского, племянника короля, и Тадеуша Костюшко. После ввода Пруссией, вслед за Россией, своих войск в Польшу и падения Варшавы король, прежде присягнувший конституции, перешел на сторону конфедератов.

Самонадеянность и близорукость тарговицких «протестантов» не позволила этим аристократическим сливкам общества увидеть в роковом обращении к императрице перспективу очередного передела державной территории (в том числе коренных польских земель), которая материализовалась уже в 1793 году.

«Конфедерация находилась тогда в очень неполном составе. Щенсный-Потоцкий отправлялся в Петербург. Видя, что приходят беды, этот магнат, заварив кашу, поспешил убраться подобру-поздорову, чтобы не быть маршалом конфедерации тогда, когда уже придется расплачиваться за свое существование. Его супруга, с которой он собирался разводиться, прежде него отправилась в Петербург и была принята с почестями.

...У Щенского блистала еще надежда, что, быть может, его присутствие в Петербурге будет полезно для отечества»⁴¹.

Визит ничего отечеству не дал, и граф, получив гарантию неприкосновенности для своих украинских владений, отправился в европейское путешествие.

Открывшийся в апреле 1793 года в Гродно целевого назначения сейм за несколько месяцев работы утвердил второй раздел Польши: Украина отошла к России, часть Великой Польши, Торунь и Гданьск – к Пруссии (за растерзание родины послушные участники сейма получили подарки, председателю – маршалу сейма – досталось сто тысяч червонцев).

На защиту независимости родины выступил Тадеуш Костюшко, получивший чин генерала в войне североамериканских колоний за независимость. Начало боевых действий было удачным, восстание в Варшаве освободило столицу. Попавших в руки конфедератов повстанцы перевешали. Вместо отсутствовавших «коллорабационистов» на столбах подвесили их портреты – в том числе ставшего врагом нации Щенского-Потоцкого, чем он, в письме последнему фавориту императрицы Платону Зубову, страшно возмутился.

В мае 1794 года прусская армия в очередном стремлении не опоздать к переделу, вторгнувшись вслед за царскими войсками в Польшу, взяла Краков. В решающей битве под Мациевичами, 10 октября, Костюшко был ранен и в бессознательном состоянии попал в плен (далее на несколько лет – в казематы Петропавловки). В начале ноября войска Суворова, взяв штурмом пригород польской столицы Прагу, овладели многострадальной Варшавой.

В 1795 году державы-победительницы произвели третий, и окончательный, раздел Польши. Пруссия получила столицу страны и основную часть старопольских земель, Австрия – Краков и Люблин с прилегающей территорией, Россия – западноукраинские (без Львова) и западнелитовские земли, большую часть Литвы и Курляндию. Значительная часть литовских земель, входивших ранее в состав польского государства, отошла к Пруссии.

Абрис истории – София, восхождение

В феврале 1791 года главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал Григорий Александрович Потемкин после взятия русскими войсками Измаила срочно выехал в Петербург, чтобы убедить императрицу принять его план текущих военно-дипломатических акций по закреплению и развитию достигнутых завоеваний. Скорости перемещению стратегу-победителю добавляло опасение, что быстро возвысившийся очередной (и последний!) фаворит Платон Зубов – жадный до казенных денег, не по уму честолюбивый юноша – возьмет безраздельную власть над разумом разменявшей седьмой десяток лет императрицы.

Екатерина, следует сказать,
Хоть нравом и была непостоянна,
Любовников умела поднимать
Почти до императорского сана³².

В путешествии в северную столицу светлейшего князя сопровождала София Витт с супругом Юзеком. Прежде он, как подданный Польши, был комендантом крепости в Каменец-Подольском, но в 1789 году по протекции красавицы жены, уже как генерал русской армии, перешел на службу к устройителю Новороссийского края, заняв пост коменданта только заложенного Херсона и, как муж своей жены, достойное место в свите покровителя.

Потемкин максимально компенсировал службисту моральные потери и снисходительность к двусмысленности супружеского положения – выхлопотал ему в Вене желанный диплом графа, который он получил в Петербурге (вместе с повышением в звании до генерал-лейтенанта).

Есть рассказ о том, как в дни подготовки к атаке турецкой твердыни, когда среди русского генералитета не было единодушия в необходимости штурма, София Витт предложила Потемкину прочесть линию на его руке и сказала, что Измаил падет через три недели. Потемкин в ответ рассмеялся и, словно эта мысль только пришла ему в голову, объявил, что у него есть надежный способ достичь победы: вызвать Суворова.

Граф Российской (затем – князь Таврический) и светлейший князь Римской империи, недюжинная личность, третий по счету фаворит (1774–1776 года) и более полутора десятка лет соправитель Екатерины II (возможно, ее венчанный муж – портрет их дочери Елизаветы Темкиной кисти В. Л. Боровиковского хранится в Третьяковке) славился неутомимостью и фантастической изобретательностью в любви. Его романы с племянницами смущали даже вольнолюбивых французов, помнивших Версаль Людовика XV.

Громадного роста, со знаменитой каштановой шевелюрой, с поврежденным – в бильярдной драке с Алексеем Орловым – левым глазом, для женщин он был, что Аполлон. Роскошные, изящные, ухоженные, голубых кровей «менады» украшали бивуачную жизнь «российского султана» в его военных резиденциях в Бендерах и Яссах, обставленных с азиатской роскошью. Одной из них, княгине Екатерине Долгорукой, главнокомандующий, отправив предварительно на боевые позиции мужа, под видом торжественного обеда устроил празднование именин, о чем та случайно узнала за десертом, когда дамам была подана чаша с бриллиантами для выбора понравившихся им камешков.

«Другому предмету своей страсти – особенно непостоянной и капризной женщине, – знаменитой мадам де Витт, впоследствии княгине Потоцкой, “прекрасной фанариотке”, отвечавшей на вопрос о здоровье: “Мои прекрасные глаза болят”, он выказал свое обожание еще более расточительным способом. Чтобы подарить ей драгоценную шаль, он устроил праздник, на который пригласил двести дам и разыграл при этом беспроигрышную лотерею, где каждый выигрыш состоял из шалей одинаковой ценности», – так язвительный Казимир Валишевский описывает возвышение новой метрессы, сменившей отставленную Долгорукую.

В Петербурге Потемкин снял для Софии большой дворец и 18 марта 1791 года на обеде у принца Нассау Зиген представил обществу свой «делика-

тес». Женщины рассматривали ее «с раздражением и любопытством, мужчины с вождением и восхищением»⁵⁴ (так записал один из гостей). Через несколько дней Екатерина, подготовленная светлейшим, милостиво приняла его петицию, выказала ей свою симпатию алмазными сережками и, по слухам, именем в Белоруссии.

Сам Потемкин, помимо многочисленных наград, вторично получил в подарок Таврический дворец. Прежде выстроенный в честь мирного присоединения Крыма к России, он был презентован Екатериной организатору успеха, а затем ею же выкуплен у него за полмиллиона рублей.

В этом дворце в стиле сказок «Тысячи и одной ночи» – в пике клике Зубовых! – фельдмаршал отметил победу над Турцией феерическим праздником: с великолепным зимним садом, с удивительными сменами декораций в театральных представлениях, со стихотворным хором «Гром победы, раздавайся! Веселися, храбрый росс!»⁵⁵, с изысканным и обильным пиром.



«На стол, помимо прочих блюд, были поданы: уха из аршинных стерлядей и кронштадских ершей; похлебка из рябцов с пармезаном и каштанами; говяжьих глаза в соусе, называемом "поутру проснувшись"; гусь в обуви; терины с крылами и пюре зеленым; семга глассированная; окуни с ветчиною; черепахи; чирята с оливками; вьюны с фрикандо; фазаны с фисташками; голубята с раками; сладкое мясо ягнячье; гателеты из устриц...»⁵⁶

Потемкина в столице удерживали затянувшиеся обсуждения польской проблемы с императрицей, которую он убеждал не поддаваться давлению Пруссии и Англии, раздраженных победой России над Турцией. Он противился разделу Польши как уступке Пруссии и склонялся к петровской политике сохранения Польши в качестве полунезависимого государства, выполнявшего роль буферной зоны.

Кроме того, зная о ненависти к нему престолонаследника, цесаревича Павла, светлейший думал о «запасном варианте» на случай смерти императрицы. Таковым для него – великого гетмана казацкого Черноморского и Екатеринославского войск – была, на первый взгляд экстравагантная, идея создать (для себя) независимое польское княжество, на основе его земель в Смеле⁵⁴.

Получив в июле 1791 года от Екатерины рескрипт, подтверждавший его неограниченные полномочия, светлейший вернулся в штаб-квартиру, порвал набело переписанный, поспешный и «мягкий», договор с Турцией, успел посетить Николаевскую судоверфь. На юге России в это время объявилась малярия; два стакана ледяной воды, выпитых Потемкиным на похоронах одного из высших офицеров, свалили его (похоже, у него развилась пневмония).

В конце августа светлейший, ощутив сильное недомогание, в первый раз соборовался, то же повторилось через месяц. Предчувствуя близкую кончину, князь велел перевезти себя в дорогой ему (как основателю) Николаев, но непо-

далеку от Ясс в первых числах октября 1791 года скончался в открытом поле, под звездным небом на руках любимой племянницы, графини Александры Браницкой.

Россия потеряла колоссальную личность – масштаба Петра Великого. Ушел человек, раздвинувший границы государства Российского, создавший флот на Черном море, покоривший Крым, победивший Турцию, основавший Севастополь и Одессу; с его уходом завершился золотой период царствования Екатерины II.

Похоронили Потемкина в Херсоне, в церкви св. Екатерины Велико-мученицы. В 1798 году Павел I приказал уничтожить могилу и разметать прах, но этот приказ не был исполнен. Это подтвердило первое вскрытие склепа в 1818 году, после которого архиепископ Иов Потемкин вывез золотую шкатулку с сердцем кузена на его родину, на Смоленщину.

Прах великого человека тревожили и оскверняли много раз – ныне он покоится на месте первого погребения.

Мятежные магнаты, Щенский-Потоцкий, Браницкий, Ржевуский, прибыли в расположение русских войск уже после смерти главнокомандующего, поэтому вопросы учреждения фронды против королевской партии, против урезавшей шляхетские права новой конституции пришлось обсуждать с умеренным канцлером Безбородко.

Однако для графа Потоцкого в эти последние месяцы 1791 года политические дела отошли на второй план. На устроенном им праздновании именин государыни он познакомился с Софией де Витт. Вспышка страстной любви богатейшего из магнатов к обворожительной, яркого ума женщине привела через десять лет к появлению на окраине города Умань пейзажного парка мирового уровня, увековечившего имя героини романа – «Софиевка».

Биография роковой соблазнительницы четко делится на две части – до и после ее вхождения в состав европейского бомонда.

Первая часть, отражающая нелегкое начало «трудового» пути звезды высшего света, изобилует интригующими и пикантными деталями. Рядом с ней соседствует мифологическая версия благородного происхождения «труженицы», родившаяся в дни начала ее движения к вершинам континентальной славы.

Вторая часть жизнеописания, открывшаяся триумфальным дефиле роковой Софии по европейским столицам, многогранно расписана в многочисленных прозаических и поэтических произведениях и существует – в части эпизодов – в жанре исторической «полуправды-полувымысла».

Часть первая. Лиха беда начало

Основным и достаточно полным источником начальной части биографии графини Потоцкой являются дневниковые записи польского посла в Турции Кароля Боскамп-Ляснопольского, отметившего факт знакомства с ней в начале мая 1777 года, когда мать привела юную куртизанку в дом дипломата.

Семнадцатилетняя гречанка произвела настолько сильное впечатление на отпрыска французских гугенотов, находившегося на королевской службе в должности полномочного министра, что он поселил ее в здании посольской миссии в стамбульском квартале Пера, нанял учителя французского языка и дал начала систематическому образованию.

За год сожителства автор воспоминаний узнал мельчайшие детали происхождения и детства «прекрасной битинки» (Битинией в старину называлась провинция, в которой располагался город Бурса – там в 1760 году в семье торговца скотом Константина Главани родилась дочь София).

Радость детства активной, непоседливой девочке омрачил кузен, совративший ее в возрасте одиннадцати лет. Грех дочери пришлось замаливать в Иерусалиме, куда семья в полном составе совершила паломничество, затем в связи с продолжавшимися местечковыми пересудами переехала в Стамбул. После смерти в 1775 году отца мать Мария вышла замуж за армянина, также вскоре умершего, в довершение всех бед сгорел дом.

Нужда вынудила Марию, по примеру набравшейся опыта своей младшей сестры Софии, заняться проституцией и сводничеством, со временем приобщив к древнему ремеслу Дуду (так называли Софию в семье).

Один из первых совместных выходов «на панель» чуть было не завершился катастрофой. Кузина султана, женщина нетрадиционной сексуальной ориентации, поселила понравившуюся ей девочку в своих покоях, откуда той удалось сбежать. Опасаясь мести, мать с дочерью бросили жилье к квартале Фанары и спрятались у сестры. (Фанары – квартал в Стамбуле с преимущественно греческим населением, поэтому К. Валишевский называет Софию прекрасной фанариоткой.)

Боскамп достойно завершил отношения с юной подругой. Отъезжая в Варшаву летом 1778 года, вельможа оставил ей квартиру и полторы тысячи пиастров на банковском счету в качестве приданого на случай замужества.

Казалось, что сказка завершилась в самом начале, но полученное в декабре 1778 года Софией письмо от экс-посла дало шанс на ее продолжение. Одиноким, пожилым, пораженный ипохондрией мужчина, у которого умерла жена, предложил возобновить сожителство на прежних условиях в Варшаве.

В начале 1779 года в сопровождении опекуна София отправилась в путь, проехала Болгарию, переболела корью в Бухаресте, но в пограничном городке Фокшаны возникли проблемы с паспортом. Путешественница подняла шумный скандал, переведя его в разряд межгосударственного утверждением о том, что она невеста польского посла. После вмешательства турецкого министра ей разрешили пересечь границу, добраться до Ясс. Там неукротимую красавицу ждал неприятный сюрприз – возмущенный несанкционированным использованием своего имени, Боскамп прислал ей письмо с требованием вернуться в Стамбул.

Употребив весь арсенал дамских средств, София «прорвалась» в Каменец-Подольский, где ее уже поджидал комендант крепости генерал

Ян Витт, с очередным «отказным» письмом из Варшавы от предусмотрительного старого волокиты.

В эти жуткие дни ожидания экстрадиции в Стамбул в очаровательную гречанку, что называется по уши, влюбился сын коменданта, тридцатидевятилетний майор Юзек Витт, и в июле 1779 года пара тайно обвенчалась в селе Зеленьковцы.

Часть вторая. Лови момент

С появлением Софии в Каменец-Подольском рождается и начинается вторая, возвышенная, история происхождения inferнальной красавицы, относящая ее родовую линию к побочной ветви византийских императоров.

Старый Витт был взбешен мезальянсом, но перед силой очарования невестки капитулировал. Более того, семья генерала стала солидарно «продвигать» аристократический вариант родословной своего нового члена.

В 1781 году молодые супруги появились в столице, где экзотическая красота Софии произвела фурор, два месяца она была настоящей сенсацией и объектом всеобщего интереса. Как жену офицера войска Речи Посполитой ее принял (и, кажется, очень интимно общался) король, поэт Станислав Трембецкий сочинил стихотворение «Госпоже Витт, проезжающей с мужем через Варшаву на воды Спа».

По дороге на бальнеологический курорт чета Витт заехала в Берлин, где старый вояка Фридрих II выдал госте по-германски проникновенный комплимент. На бельгийском курорте высокую оценку внешности и природному уму Софии дал австрийский император Иосиф II, который – в одном из писем своей сестре Марии-Антуанетте – рекомендовал принять очаровательную мадам Витт.

В Париже триумф продолжился – экстраординарной Софи восхищались граф Прованский (позднее – король Людовик XVIII), граф д'Артуа (еще позднее – король Карл X); во французской столице в ноябре 1781 года она родила первенца Яна. Событие это настолько обрадовало короля Станислава Понятовского, что он прибыл в Каменец-Подольский поздравить коменданта с внуком и повесить его в звании до генерал-лейтенанта.

В 1782 году супруги через Вену (в ней задержались на три недели), Словакию, Моравию, Галицию вернулись домой. Поэзию продлившегося год карнавала сменила унылая проза захолустных будней.

В 1784 году София родила второго, недолго прожившего сына. В следующем году умер старый Витт – на открывшуюся генеральскую должность король назначил Витта младшего.

Для пассионарной гречанки, вкушившей сладость восторженных приемов в европейских салонах, новое общественное звание «госпожа генеральша» интересовало лишь как ступенька на пути к стабильной светской жизни, с полным набором ее удовольствий.

В поисках возможностей, как она писала, «вырваться из проклятого плена» София познакомилась с эмансипированной и разведенной

Марианной Мнишек, с которой в июле 1787 года организовали для трех десятков «шляхетных» туристов экстравагантное путешествие по маршруту Херсон – Стамбул.

Когда парусник «Екатерина Великая» под российским флагом вошел в Босфор, между дамами – по причине преимущественно внимания кавалеров к полубогине турне – успела пробежать кошка. Враждебность стала открытой в турецкой столице, где София, не беря во внимание наблюдательных соотечественников, вступила в активные сексуальные отношения с молодым и многодетным французским послом Шуазелем.

Земляки в письмах на родину с удовольствием пересказали детали походов мадам де Витт, поведав о ее намерении дать официальную «отставку» генералу. Поэтому по возвращении в Варшаву «по суху» (путешествие прервала начавшаяся русско-турецкая война) Софию ждал холодный прием. Сам король – предполагаемый отец ее первенца! – при встрече что-то невнятно процедил сквозь зубы и демонстративно отвернулся.

В состоянии депрессии, придавленный камнепадом слухов о неверности жены, ревновал и страдал каменецкий комендант, пытался подать в отставку. Узнав о приезде жены, он примчался в столицу и отговорил ее от намерения жить отдельно во Львове, обещав быть более деликатным.

Неожиданный афронт на западном фронте вынудил целеустремленную Софию сменить направление главного удара. Граф Шарль де Линь, находившийся на службе у России, погостив в мае 1788 года в доме коменданта, галантно пригласил хозяйку дома составить компанию в обследовании укреплений недалеко Хотинской крепости, осаждавшейся русскими и австрийскими войсками. Ощущения от совместного выхода в разведку описал очень игриво: «Откровенно говоря, я испытывал большое искушение разведать ее слабые и удобные для атаки стороны, чем недостатки крепостных укреплений».

На передовых позициях под турецкими пулями и ядрами София познакомилась с командующим, генералом Николаем Салтыковым, и уже через него, чуть позже – в ставке русских войск под Очаковым – с хозяином юга России, всемогущим Потемкиным. Последовавшие с начала 1789 года частые отлучки генерала Витта в лагерь русских войск вызвали раздражение в Варшаве, обвинения в пособничестве оккупантам Польши. Ему припомнили подозрительные торговые манипуляции с гарнизонным имуществом и провиантом, истерическое поведение во время отсутствия жены. Комендант оправданиями только ожесточил оппонентов; его попытка, как было принято, уступить за деньги свою должность не удалась.

В конце осени 1789 года, без предварительного согласия польских военных органов, без предоставления отчета о доверенных ему материальных и денежных средствах Юзек Витт, сменив гражданство, выехал к новому месту службы, в ставку светлейшего князя Потемкина под Очаковым. Вслед за ним прибыла София.

Абрис истории – София и Потоцкий

Сохранившийся портрет молодой Софии неизвестного автора – даже в размытых тонах книжной репродукции – демонстрирует отнюдь не писаную красавицу, не абсолютный и ослепительный идеал красоты, но женщину несомненно выдающейся привлекательности:

Ей было лет, пожалуй, двадцать семь:
Преклонный возраст для ее народа!
Но есть краса, которую совсем
Не искажают годы и природа³².



Хрупкая фигура, миловидное лицо, напоминающее лица итальянок с картин Карла Брюллова, отличается от них разве только формой носа – прямого, тонкого, слегка удлиненного. Густые черные волосы, ясная округлость лба; плотная, густящаяся у переносицы дуга бровей; широко распахнутые веки и ресницы; зеркало души: темные большие и выразительные, окруженные тенью глаза с отделенным от зрачка белком – признак ума оригинального и активного; рот чувственно-нежного очертания, с «пухленькими» приоткрытыми губами; мягкий, аккуратный подбородок; крепкая и стройная шея.

Формат картины не дает возможности продолжить оценку фигуры, ее сделал в своих дневниковых записях Боскамп, первый патрон юной гречанки, сравнивший свою одалиску со знаменитой древнегреческой куртизанкой Фриной (изображенной на картине Г. И. Семирадского «Фрина на празднике Посейдона» в Русском музее), отметивший, что ноги и бедра Софии достойны резца Праксителя, а огорчившую его слабость грудных мышц объяснил влиянием теплого климата и особенностями образа жизни восточных женщин.

Однако не выгодной внешностью покоряла магнетическая женщина, а придающим ей прелесть невидимым светом обаяния, природной живостью ума, душевной силой, даром быстрых решений. Об этом также пишет польский министр: *«Ее характеризуют точность оценок, сообразительность, значительно превышающие средний уровень... Ее проникновение в суть вещей и внимание проявляются в выражении лица, жестах, словах и мыслях. Она так тщательно изучает человека, с которым имеет дело, что почти каждый раз может предвидеть его слова и угадать намерения»*⁵⁸.

Чувствительному Щенсному-Потоцкому, прожившему восемнадцать лет с женой-нимфоманкой, современниками во внебрачных связях не замеченному, безумная страсть к сексапильной Софии переменяла жизнь. После двух месяцев бурного романа на молдавской земле, лишенный сеймом в конце января 1792 года всех чинов и званий, оставив в Вене законную жену с десятью

детьми (большой частью – от разных отцов), граф Потоцкий вместе с супругами де Витт перебрался в Херсон, откуда, скоро решив ряд важных хозяйственных дел, в начале марта убыл в Петербург.

«Нюансы личной жизни не мешали мужской части образовавшегося любовного треугольника заниматься взаимовыгодной коммерцией. По доверенности Потоцкого его агент в апреле 1792 года открыл торговый дом в Николаеве и далее действовал по инструкции хозяина: "Подробнейшим образом узнавать о продаже всяких продуктов украинских: пшеницы, гороха, аниса, водки, сала и доносить в Умань о цене их и о том, какие продукты можно будет покупать взамен наших"»⁵⁹.

Далее в инструкции говорилось, что по договору с де Виттом отправляются из Умани в Очаков 15 000 корцев пшеницы из расчета по 10 злотых за корец. (Один корец равен четырем пудам.)

Первый визит в Петербург, предопределивший политическую судьбу и историческое лицо польского магната, завершился мажорной тональностью надеждой на успех фронды – так казалось после координационного совещания у императрицы, на котором были определены сроки учреждения конфедерации и сопутствовавшего ей вводу русских войск в Польшу.

Во второй приезд в северную столицу, в марте 1793 года, маршал Тарговицкой конфедерации Потоцкий – морально уничтоженный, превратившийся в символ национального позора – невнятно и безуспешно пытался как-то повлиять на решение трех держав вторично разделить Речь Посполитую.

Впрочем, более державных дел графа занимало упорядочение личной жизни, прежде всего официализация отношений с Софией, которые приобрели стабильность и перспективу после переезда любимой женщины – более походившего на согласованное похищение – в июне 1792 года в Тульчин, в разгар проходивших там преждевременных увеселений по случаю успеха затеянной смуты.

Срочно им вызванная из Вены в Петербург законная супруга проявила завидную сдержанность, дипломатическую покорность в непростых переговорах с мужем и публичную лояльность в оценках его политических проблем, но согласия на развод не дала. Согласилась только – в связи с намерением графа удалиться в добровольное изгнание – принять на себя по договору управление общей недвижимостью, высылать ежегодно ему 50 000 дукатов, обеспечить воспитание детей (число которых до одиннадцати увеличила недавно родившаяся дочь от очередного «друга»).

Чуть позже на эту же тему фактотум Потоцкого беседовал с Юзеком де Виттом, на некоторое время поселившимся с сыном в столице, но коменданта Херсона, уже смирившегося с уходом жены, не устроила сумма отступного.

В июле 1793 года, махнув рукой на агонизирующую конфедерацию, ее неудачливый лидер отправился морем из Петербурга в Гамбург. Вскоре к нему приехала София с общим первенцем Константином, родившимся в апреле (второй сын, Николай, появился на свет уже в эмиграции).

Беспечное времяпрепровождение на балтийском побережье сменилось для сожителей тревожной неопределенностью, когда пришло известие о вспыхнувшем в Польше весной 1794 года восстании против ее раздела, о казнях в Вар-

шаве активистов конфедерации (в том числе первого биографа Софии – Кароля Боскамп-Лясопольского), наконец, о заочном смертном приговоре Щенному-Потоцкому и его символическом исполнении.



Уязвленный до глубины души магнат решил навсегда отказаться от родины – обратился к императрице с просьбой признать его российским подданным, принять на военную службу, разрешить поселиться в своих украинских владениях. Получив согласие, он летом 1795 года вернулся в Петербург, откуда в звании генерал-аншефа русской армии отправился в Тульчин, где его ждала законная супруга.

Проведя два года в столице в качестве статс-дамы Екатерины II, Юзефина, узнав о возвращении мужа, срочно выехала во временно подпавшее под ее опеку родовое имение, чтобы достойно – как совладелица – встретить хозяина. При встрече она вторично отказалась дать мужу развод, но согласилась навсегда покинуть Тульчин и поселиться в Петербурге.

София свою часть проблемы решила успешно. В Львове (тогда Лемберге) ей удалось открыть, на основе австрийского законодательства, бракоразводный процесс, убедив суд в том, что в далеком 1778 году майор из Каменец-Подольского силой взял ее в жены. Адвокат ответчика достойных контраргументов не представил, и в феврале 1796 года освободившаяся от брачных пут истица въехала в Умань, где ее встретил Потоцкий и малолетние дети.

Проблему раздела имущества и взаиморасчетов София решила при посредничестве бывшего конфедерата Злотницкого, также натурализовавшегося в России, получившего звание генерал-майора. В местечке Ягубец, неподалеку от Умани, разведенные супруги сошлись на полумиллионе золотых компенсации, которую Потоцкий, с учетом интересов их сына Яна, обязался выплатить «отставленному» коменданту. Сверх того София передала сыну подаренное ей Екатериной имение в Белоруссии.

Успешное посредничество Злотницкого побудило Потоцкого просить его, за солидный гонорар, убедить несгибаемую Юзефину согласиться на развод. Примиритель съездил безуспешно в Петербург, по его возвращении граф отказался оплатить отрицательный результат, а возмущившийся соотечественник, в ответ, – рассчитаться за аренду Ягубца, со временем присвоив его. (Кстати, поляки Ягубец называли Обозовкой.)

Жизнь в конкубинате с неразведенным Потоцким, продлившаяся еще два года, делала двусмысленным положение Софии и ее детей-бастардов, тем более что законные дети (и наследники!) графа, подрастая, оставляли мать в российской столице и перебирались в поместье родителей в Тульчине.

Вариантом решения проблемы расселения единокровных родственников стала идея приобрести землю в ставшем российским Крыму, обустроить на ней

имение, разбить парк (подобный парку «Аркадия», рукотворные красоты которого восхитили Софию во время посещения в 1795 году поместья Елены Радзивилл под Варшавой, по дороге в львовский суд).

Замысел этот реализован не был – перспективу прекрасного парка Щенный увидел на крутых склонах урочища Каменка, усеянных гигантскими валунами, в медленно журчащей на дне долины речушке, остатках древних дубрав. Уже в 1796 году осевший в Умани капитан польской армии бельгиец Метцель (прежде – командир созданного магнатом в 1786 году артиллерийского полка) приступил к планированию и реализации грандиозного проекта.

Абрис истории – семья Потоцких, финал

После окончательного раздела Речи Посполитой в 1795 году уклад жизни на отошедших к России украинских землях, во владениях отвергнутых родиной магнатов Браницкого и Потоцкого внешне не изменился. Суд и школа пользовались польским языком как официальным языком края, поветовые чины избирались высшим шляхетством. Считается, что никогда ополячение Правобережной Украины не шло так успешно, как после ее присоединения к России.

«С известной точки зрения, нам живется лучше, чем во времена Речи Посполитой; мы в значительной степени сохранили то, что нам дала родина; нам не приходится теперь бояться Уманской резни», – так оценивал это время Каэтан Козьмян.

Центром владений Потоцкого по-прежнему оставался Тульчин, с его роскошным дворцом. Идея выстроить второй дворец в заложенном в Умани парке осталась только в замысле. Уманщина давала магнату основную часть доходов, известно, что в 1792 году они составили более трех миллионов злотых. Почти половину денежных поступлений обеспечивала торговля спиртным, затем – поступления от сбора оброков, продажа продукции магнатских латифундий, в том числе фуражирские поставки русской армии, экспортная торговля через черноморские порты.

Питейный промысел был поставлен на поток. Для большей его эффективности Потоцкий ввел специальное административное объединение девяти-тринадцати сел в так называемые «схеды», которые централизованно обеспечивались водкой, вишнежкой, пивом с последующим их распределением по сельским «корчмам». В Умани находились самые крупные винокурня и пивоварня (так, в октябре 1790 года продажа пива в личной уманской корчме Потоцкого дала более трех тысяч злотых прибыли).

После печальной памяти «Уманской резни» 1768 года город долгое время был малонаселенным, на что указывает краевед Лаврентий Похилевич: *«После колишвицины Умань много упал. Число домов и жителей в нем значительно уменьшилось. В 1797 году, когда он наименован уездным городом, в нем было: мужеска пола куцов христиан 6 и евреев 57, а мещан: христиан 130 и евреев 1324».* К справке историка можно добавить, что в городе в эти годы располагался

конезавод на 345 лошадей, а переработку зерновых культур обеспечивали 120 мельниц Уманщины⁵⁹.

Осенью 1796 года под руководством Метцеля и нанятого садовника, немца Оливы, началось обустройство уманского парка: взрывными работами углубляли гранитное дно Нижнего пруда, каменотесы выбивали в естественных скалах гроты Львиный, Локетек, Дианы; велись посадки многочисленных местных и экзотических пород деревьев и кустарников. На строительных работах ежедневно трудилось около восьми сотен человек из имений Потоцкого; труд их, кстати, оплачивался.

В 1797 году в создаваемом парке были похоронены дети Софии и Щенского – Константин, Николай, новорожденная Елена, умершие почти одновременно, возможно, от какого-то эпидемического заболевания. Место их захоронения, у надломленной Колонны печали, прикрыто гранитным камнем, напоминающим спящего льва, чуть ниже журчат три маленьких водопада («Три слезы») – символ неутешного материнского горя.



Трудно определить, когда и при каких обстоятельствах устроился взаимовыгодный альянс Софии и Ежи (Юрия) Потоцкого, жившего с матерью, Юзефиной Амалией Потоцкой, в Петербурге, начавшем с помощью отца карьеру при дворе перспективным чином камер-юнкера. К концу 1797 года симбиоз этот, кажется, уже имел предысторию, что подтверждает содержание письма, поступившего в это время в Тульчин. В нем старший сын графа, обремененный карточными долгами (они временами превышали миллион злотых!), просит будущую мачеху защитить его от гнева отца и – самое важное! – радуется ее известием о том, что ему удалось уговорить мать дать согласие на развод.

Дело скоро сладилось. Вслед за подписанием соглашения о передаче Юзефине – как материальной компенсации – Дашевского имения («ключа») консисторский суд в Каменец-Подольском в начале весны 1798 года вынес решение о прекращении брачных отношений, продлившихся двадцать три года и перемежавшихся «плодотворными» адюльтерами.

В апреле того же года исполненный католическим ксендзом и православным священником в Тульчинском костеле обряд венчания превратил Софию Главани в графиню Софию Константиновну Потоцкую, а родившемуся в конце года сыну Александру дал права законного наследника (как и вскоре родившимся дочерям – Софии и Ольге).

«Юзефина Амалия недолго пережила триумф соперницы; через несколько месяцев скончалась в результате неудачно исполненной операции аборта (это под пятьдесят-то лет!).

В том же году в Петербурге почил в бозе последний польский король Станислав Август Понятовский, живший в российской столице с 1796 года, после смерти Екатерины II»⁵⁸.

Смерть матери, минимально удерживавшей сына от загулов, дала Ежи Потоцкому безграничную волю. После очередного карточного скандала его, по приказу императора Павла I, военный конвой перевез из Петербурга в Тульчин, под надзор отца. Тот, приняв блудного сына, оплатил «долги чести», подарил имение в Могилеве (над Днестром) и городок Немиров, выкупленный у кузена Викентия Потоцкого.

В 1799 и 1800 годах супруги Потоцкие, путешествуя по Европе, посетили Италию, под солнечным небом которой их ограбила банда известного венецианского разбойника Караколли. Родившийся в 1800 году сын Мечислав был зачат во время этого путешествия.

К маю 1802 года завершилось строительство центральной части уманского парка, и в день именин Софии в присутствии множества гостей состоялось – как подарок – его торжественное открытие: с хороводом одетых няядами девушек, прославлявших хозяйку, хозяйина и чудотворца Метцеля, с грандиозным фейерверком. В том же году в Умани начал действовать возведенный издержками графа Потоцкого костел.

Сложно определить причину (если она была), толкнувшую Софию на особо циничную, по сути, измену мужу (человеку, обожавшему ее, давшему ей высокое общественное и имущественное положение, навеки прославившему ее подаренным парком) с его сыном, бездумным развратником, прошедшим «огонь и воду» в петербургском «квартале радости», что у Казанского собора.

Возможно, тайна кроется в так называемых «дьявольских конфетах», предназначенных для усиления мужской потенции, которыми злоупотреблял ее муж и которые, как полагали медики, стали причиной рокового нагноения в почках. Возможно, прагматичная София, предвидя скорые проблемы раздела имущества, накрепко привязывала к себе (не исключая, как говорили, и варианта замужества) первого по значимости наследника.

Известны последствия. Открывшаяся в 1804 году неверность жены стала для мягкого и уступчивого Станислава Щенсного непоправимым ударом, физически и психически сломившим его, приведшим ранним мартом 1805 года к кончине в возрасте пятидесяти двух лет. Вскоре после его погребения София родила последнего своего ребенка, сына Болеслава, отцом которого современники признавали Ежи Потоцкого.

Смерть мужа поставила Софию в катастрофическое положение. По действовавшим законам гражданского права (так называемого Литовского статута) она не могла претендовать на наследование недвижимости покойного, имея право, как опекун общих детей, лишь на некоторую часть движимого имущества.

До окончательного урегулирования возникших внутриродовых проблем в управление отцовскими именами вступил Ежи Потоцкий, использовавший «выпавшую карту» в полном соответствии со своими порочными наклонностями.

Главной боли Потоцкой добавила Каролина де Витт, подавшая в 1805 году иск в винницкий суд о признании незаконности ее брака, как заключенного тогда, когда София и Юзек де Витт еще не были формально разведены. Попытка молодой женщины избавиться от ненавистного супруга приемами шантажа обошлась Софии в сто тысяч рублей.

Дети покойного мужа от предыдущего брака – в первую очередь Станислав, Ярослав, Влодзимедж (Владимир) – солидарно выступили против мачехи, добиваясь в Петербурге принятия окончательного решения о лишении ее прав наследования. В ответ энергичная и целеустремленная София в декабре 1805 года вместе с детьми отправилась в столицу добиваться специального императорского указа на равные с другими наследниками права в оспариваемом имуществе.

В январе 1806 года в доме Строгановых она познакомилась с Николаем Николаевичем Новосильцевым – сенатором, президентом Петербургской Академии наук, ближайшим сподвижником Александра II, который стал не только ее покорным почитателем, но и защитником интересов в Сенате, рассматривавшем спор наследников, а также перед царем:

«А propos, император передал мне через Четвертинскую, что Станислав написал ему много глупостей и что он получит от него тот ответ, который заслуживает. Я рада, что император поручил ей передать это мне, значит он не догадывается о нашей связи.

...Думай обо мне хоть немножко во время нашей разлуки»⁵⁸.

Помимо интимной открытости, все еще пылкая 46-летняя София была полезна 44-летнему любовнику в преодолении его денежных затруднений: «...прошу тебя, заклинаю, не откажи мне в милости принять шесть тысяч дукатов на дорожные расходы...».



В дни, когда по державным делам Николай Николаевич покидал Петербург, зрелой красотой Потоцкой восхищался и наслаждался британский посол, лорд Александр Гамильтон Дуглас – законный наследник шотландского престола, ценитель и коллекционер изящного.

Осенью 1807 года в Петербурге София Потоцкая подписала соглашение с Ежи Потоцким, по которому она выкупала у него разоренные и отягощенные долгами имения, гарантировала ему пожизненный доход в пятнадцать тысяч дукатов и становилась владелицей всех его имущественных прав и долгов. В конце года вернулась на Украину уже как управительница неразделенного имущества.

Она уверенно прибрала к рукам управление имуществом Потоцких, проявляя хозяйскую хватку и распорядительность; в январе 1808 года (и далее – ежегодно) побывала на контрактах в Киеве. Оттуда пригласила Новосильцева посетить Тульчин, «Софиевку», без стеснения сообщив, что у нее долго гостил английский посол.

Летом встретилась с сенатором в Одессе, в компании с градоначальником герцогом («дюком») де Ришелье осмотрели новый город, затем переехали в Умань – полюбоваться «Софиевкой».

В мае того же года заболевший Ежи Потоцкий отправился на лечение во Францию. В «письмах издалека» уверял Софию в горячей любви, просил но-

вых и новых денежных переводов на погашение карточных долгов. Ответные письма наполнены деталями хозяйственных проблем (в одном из них писала о намерении продать Умань) и лаской – то ли любовной, то ли материнской. В октябре 1809 года на курорте в Пиринях 39-летний Ежи Потоцкий умер, оставив после себя денежные обязательства и завещание.

Незадолго до его смерти Сенат вынес решение о разделе имущества магната: под управлением Софии, как опекуна, остались Умань (отошла к сыну Александру), Тульчин (достался Мечиславу), назначенные дочерям денежные средства. Духовная Ежи добавила новой силы единоутробным Потоцким в борьбе с мачехой за передел семейного имущества – теперь с учетом долей в наследстве брата. Спор этот, то вспыхивая, то затухая, стал неотъемлемой частью отношений внутри богатейшего польского клана и для Софии завершился только с ее смертью.

Весной 1811 года страшный пожар выжег Тульчин, захватил Немиров. В ликвидации его последствий София проявила большую энергию и доброту: лично контролировала новую застройку, обеспечивала поставки строительных материалов, распределяла продукты питания, помогала деньгами; селяне стали именовать ее матушкой.

Практически нет информации о жизни Софии в период между 1811 и 1820 годами. Известно, что во время французской интервенции она находилась в столице, что после поражения Наполеона члены правительства учрежденного им Варшавского герцогства пытались через нее наладить связи с официальным Петербургом.

Известно также, что в июле 1817 года свой первый визит во дворец Потоцких нанес Павел Дмитриевич Киселев, начальник штаба второй армии, дислоцированной неподалеку от Тульчина. Вскоре молодой генерал посватался к старшей дочери хозяйки – Софии; после материнского согласия последовала помолвка, однако венчание отодвинулось на несколько лет.

В 1820 году в Тульчине разгорелся грандиозный скандал, фактически расколовший семью и вынудивший Софию вместе с дочкой Ольгой навсегда оставить город, – трагедия шекспировской глубины и размаха, почти сюжет «Короля Лира».

Мечислав, посчитав, что пришло время взять в свои руки управление отошедшей к нему недвижимостью, поднял бунт против вдовствующей матери, изгнав ее с домочадцами из Тульчинского имения.

Возмущенная София распространила манифест, в котором сообщила, что отцом неуравновешенного сына является главарь бандитов, изнасиловавший ее во время итальянского путешествия, что он, по этой причине, не может быть в числе наследников.

Сын в контрманифесте объявил мать известной всей Европе блудницей и указал, что ему, как сыну, отец отделил долю в имуществе. София сгоряча пожаловалась Александру I, тот было вознамерился сослать скандалиста в Тобольск, но противостоящие стороны вовремя погасили конфликт.

После семейного переворота София некоторое время прожила в Немирове, у сына Болеслава, затем перебралась в Умань, откуда – уже больная –

вместе с дочкой Ольгой отправилась в Петербург, на очередной тур имущественных споров с пасынками, добиваться спасительного банковского кредита.

В столице состояние Софии ухудшилось, что побудило ее составить завещание, в котором она прежде всего учла интересы сына Александра, служившего штаб-ротмистром конного полка, и дочерей; исполнителем своей последней воли назначила петербургского губернатора Милорадовича.

В мае 1822 года Потоцкая, вконец измученная болями, решила, как ей давно советовали, сменить климат – выехала на юг Европы; доехала только до Берлина, где окончательно слегла и отдала Богу душу 24 ноября 1822 года.

Газета «Варшавская» писала в 1895 году: «Еще недавно в Умани жил некий Гурский, шляхтич, девяностолетний нищенствующий старик; он был свидетелем торжественных похорон графини и рассказывал, что на протяжении десяти верст вдоль дороги, по которой двигалась процессия, были расставлены бочки с горящей смолой; ночью за гробом шли пятьдесят священников...»

Тело Софии Потоцкой положили в подземелье церкви, выстроенной около парка «Софиевка», где оно покоилось до 1838 года, когда ее дочь, Ольга Нарышкина (с 1824 года жена генерала Льва Александровича Нарышкина), унаследовавшая после матери местечко Тальное, перенесла ее прах в крипту местной Троицкой церкви. В 1846 году храм перестроили из камня; после 1917 года, как это было принято в послереволюционной стране, он был переоборудован под хозяйские цели, но гробниц в подземелье этого строения никто не трогал.

«Там и до настоящего времени покоится прах той, которую во второй половине XVIII столетия пять наибольших королевских дворов Европы признали самой красивой женщиной эпохи Просвещения», – так утверждает Ежи Лоек, автор изданной в 1982 году книги «София Потоцкая. История прекрасной битинки».

Абрис истории – счастливый парк

Парк «Софиевка», появившийся на свет как галантный подарок женщине выдающихся достоинств, с первых дней существования имеет счастливую судьбу: обласкан мастерами слова, удостоен внимания известных личностей, всегда – независимо от состояния общественных отношений и государственного устройства – красив и ухожен.

Таким – элегантным, изысканным – он начал свою жизнь при хозяевах-устроителях, получил бурное развитие под управлением российского военного ведомства, прибавил ботанического разнообразия как опытная база учебного заведения, обрел возможность совершенствоваться в статусе, ныне продолжающемся, государственного заповедника.

Парк при Потоцких

Первоначальный замысел Станислава Щенсного-Потоцкого создать не только самый красивый, но и самый большой парк Европы был реализован лишь в первой части: на ограниченном пространстве долины реки Каменки, примыкающих склонов, участков леса появилось драгоценное творение пейзажных ювелиров, о котором сразу заговорили.

Первый путеводитель «Софиевка, топографическое описание стихами» составил патриарх польской поэзии Станислав Трембецкий, по приглашению Потоцких поселившийся в Тульчине, после торжественного открытия парка в 1802 году, на котором он присутствовал. Перевод этого поэтического панегирика на французский язык выполнил граф Огюст де Лагард де Шамбона, задержавшийся в Тульчине летом 1811 года во время путешествия по югу России. Молодого и пылкого писателя на литературный труд подвигнули не только прелести парка, но и не иссякающая к пятидесяти годам чувственная притягательность его хозяйки.

Роскошное, иллюстрированное гравюрами шотландского художника Вильяма Аллана издание было представлено в 1815 году участникам Венского конгресса, на котором решалась судьба Европы после эпохи Наполеона, в том числе в очередной раз перекраивались польские земли. Первыми подписчиками книги стали российский император и его супруга, другие европейские монархи и представители политической элиты. Рекламная акция континентального уровня удалась – Европа узнала об одном из лучших своих парков.

Оценить точность подачи материала в литературном произведении Александр I смог в 1820 году, во время однодневного, по дороге в Елисаветград, посещения Умани. К его приезду на берегу Нижнего пруда (там, где ныне находится павильон Флоры) был сооружен временный, обитый снаружи корой деревянный павильон. Об этом в изданном в 1824 году «Описании» свидетельствует Сильвестр Гроза, учившийся с 1806 по 1812 год в базилианском училище и живший впоследствии неподалеку от Умани.

В 1827 году владения Потоцких осматривал восемнадцатилетний Юлиуш Словацкий. Декоративные достоинства дворца в Тульчине вызвали у будущего классика польской поэзии мрачные размышления: *«...над ним тяготееет проклятие за измену отчизне, – и невольню вспоминаешь слова народной песни, проклинавшей Потоцкого...»*. В Умани желчность суждений сменил восторг – «Софиевка» очаровала поэта:

Иль – за серебряною пеленою
Ливня – как изображение Фетиды,
Той, что, всегда оставаясь сухою,
Вечно в Зофьювке стоит под водою.

Владелец Уманского имения Александр Потоцкий, полковник русской армии, успевший послужить на Кавказе, в 1825 году вышел в отставку. Далее большей частью жил за границей, в Умани бывал редко (хотя парк при отсутствующем хозяине поддерживался в идеальном состоянии). Александра угнетало презрение польской шляхты, видевшей в нем прежде всего сына



Парк «Софиевка», 1963 год. Тогда эта часть парка называлась «Терраса роз» (ныне розы не выращиваются). В доме между оранжереями, в квартире с балконом (и два окна справа от него) жила наша семья. Летом я подвешивал к балкону канат, позволявший мне, минуя отцовский надзор, убегать рассветами на рыбалку. Кстати, после открытия парка дом почти столетия служил парадным входом в «Софиевку».



Парк «Софиевка», 1963 год. Площадка «Бельведер». Название это пошло то ли от французского слова «бельведер» (то есть место, откуда можно наблюдать красивый вид), то ли потому, что на этой площадке после открытия парка долгое время стояла статуя Аполлона Бельведерского.

Как свидетельствует директор парка Д. С. Кривулько (1952–1967 гг.), после войны от многих статуй остались лишь отдельные мраморные обломки. В 1952 году они были собраны и переданы Киевским экспериментально-производственным реставрационным мастерским. Там часть скульптур была реставрирована: Еврипид, Аполлон Флорентийский, а также Орфей, которого определили, как статую Аполлона с лирой (*она – на снимке*). Статую Аполлона Бельведерского также реставрировали, сделали из нее копию из оргстекла, но ни оригинал, ни копия в парк не попали.

До 1847 года на площадке «Бельведер» стояла деревянная беседка, но после визита в Умань (1847 г.) Николая I ее заменили ажурной металлической решеткой, сохранившейся до наших дней.



Парк «Софиевка», 1963 год. Большую глыбу, выступающую из воды, вот уже более века называют Камнем смерти. Такое наименование стало следствием легенды о сотнях крепостных, погибших при падении устанавливаемой скалы. Хотя по замыслу Людвиг Метцеля эта глыба была установлена в пруду как символ острова Лесбос, на котором жила древнегреческая поэтесса Сафо. С ее романтической гибелью связано наименование скального массива, что слева от Камня смерти – Левкадская скала. Нижняя часть этой скалы напоминает профиль человеческого лица (то ли Метцеля, то ли Потоцкого). На вершине скалы вырублена площадка «Бельведер».



Расположенный чуть выше Левкадской скалы участок называется Кавказской горкой. При основании парка здесь на гранитном постаменте стояла статуя Амура. Ее, при Александре Потоцком, перенесли в другое место, установив взамен беломраморную статую Тадеуша Костюшко, которую в 1847 году по распоряжению Николая I сняли и отправили в Гомель. В 1850 году на мраморном пьедестале была установлена статуя (она – на дореволюционном снимке), изображавшая в бронзе сидящую в кресле царицу Александру Федоровну (скульптор В. О. Шервуд). После революции изваяние царицы было переправлено в Эрмитаж. В 1939 году на Кавказской горке установили памятник Ленину, который был разрушен фашистами в начале войны. В 1964 году пустовавший постамент занял мраморный бюст Тараса Шевченко (постамент по своим размерам оказался не подходящим для бюста, и в 1965 году был изготовлен новый гранитный пьедестал, но бюст Шевченко тогда не установили).

Снимок взят из книги С. В. Нечаева «Старая Умань», Умань, 1996.



Парк «Софиевка», 1963 год. Аллея вдоль Первого пруда. В 1800 году на этой аллее, в месте ее крутого изгиба, на высоком пьедестале была установлена (найденная при раскопках в Херсонесе) статуя, изображающая стоящего в полный рост мужчину, со свитком в левой руке. На первых порах считали, что это – византийский полководец Велисарий, и лишь в 1895 году было доказано, что статуя представляет древнегреческого драматурга Еврипида.

В наши нежные с братом лета мы более всего боялись семейных прогулок мимо этой громадной (под два с половиной метра!) статуи, ибо хмурое чело «дедушки Еврипида», как пояснял отец, свидетельствовало о его недовольстве нашим поведением.



Парк «Софиевка», 1963 год. Большой водопад – во всей своей красе и силе. Бегать по скалам под грохот падающей воды – было нашей любимой мальчишеской забавой.



Парк «Софиевка», 1963 год. Классическая панорама парка, его «золотой стандарт». Вдали – фонтан «Змея» и павильон Флоры, слева – Площадь собраний. Последнее название появилось, видимо, в то время, когда Софиевка находилась в ведении Управления военных поселений. Тогда, в теплые погожие дни здесь играл духовой оркестр, и городская знать приходила сюда послушать музыку, потанцевать.

В центре площади находится бассейн Рыбки, посредине которого возвышается огромная гранитная ваза, летом украшаемая цветами. За бассейном – статуя Париса.



Парк «Софиевка», 1963 год. Амстердамский шлюз. Через него вода из Второго пруда, по подземной речке Стикс (длиной 209 метров) течет в Мертвое озеро и далее, по трубам – к Семиструйному фонтану, по каскадному каналу – к Большому водопаду. В пору моего детства около Амстердамского шлюза не было ни развеселых аттракционов, ни бойкой торговли, а были величавое спокойствие и умеренная тишина.



Остров Любви долгое время назывался островом Анти-Цирцеи. Если нимфа Цирцея, как свидетельствует Гомер, превращала людей, попавших на ее остров, в чудовищ и зверей, то на острове Анти-Цирцеи, как полагали устроители парка, происходит все наоборот. Остров был насыпан вручную, связь с ним поддерживалась паромным и лодочными путями до 1852 года, когда был сооружен пешеходный мост.

Первоначально на острове было выложено гранитное основание для громадной пирамиды, в которой предполагалось хранить останки Станислава Щенсного-Потоцкого. В 1844 году на острове был построен каменный павильон, который в 1847 году по указанию Николая I был снесен. На его месте в 1850 году построили новый, поныне существующий павильон в стиле эпохи Возрождения (по проекту А. И. Штакеншнейдера). Его принято называть Розовым павильоном, по цвету первоначальной окраски.



Так выглядел Семиструйный фонтан и его окружающий пейзаж в 1963 году.

Ныне нет туевых деревьев, нет розария на Партерном амфитеатре, нет его разрезающей, сверху вниз, аллеи и гранитных ступеней на ней.

Пейзаж с колонной Печали, под которой похоронены дети Потоцких. Мимо этого памятника, в годы детства сладкого, пролегал мой школьный маршрут.



Дом, в котором жила наша семья в конце пятидесятих годов, стал трехэтажным. Изменился и Партерный амфитеатр, в то время называвшийся Террасой роз.



Благоустроена прежде неухоженная окраина парка, в районе Грековой балки. У парка появился новый, третий, вход.



Парк «Софиевка» – в новом столетии (2006–2007 гг.)

изменника. Свои патриотические чувства молодой граф реализовал установкой беломраморных скульптур героям освободительной борьбы Тадеушу Костюшко (на Кавказской горке), наполеоновскому генералу Иосифу Понятовскому (на Елисейских полях).

Его сестра, София Киселева, чей брак с царским любимцем распался после смерти в 1824 году их младенца-сына, была настроена более радикально. Она решительно поддержала «словом и делом» освободительное восстание, вспыхнувшее в Варшаве в ноябре 1830 года. По ее настоянию Александр Потоцкий в 1831 году, уже «под занавес» вооруженного выступления, прибыл в Польшу, где сформировал на свои деньги полк, которому, однако, не довелось сделать ни единого выстрела.

После подавления восстания указом от 22 марта 1831 года Николай I объявил о конфискации имений «мятежников» в Западном крае; согласно последовавшему распоряжению министра финансов, имение Александра Потоцкого подлежало секвестру, то есть до особого распоряжения прекращалось право хозяина пользоваться своими владениями. Генерал Иван Осипович Витт уговаривал молочного брата воспользоваться объявленной царем амнистией покорившимся повстанцам и вернуться на родину, но тот предпочел эмигрировать в Вену.

Лишь в октябре 1832 года император повелел считать имение графа Александра Потоцкого конфискованным, после чего оно перешло в ведение Киевской казенной палаты, которая назначила своего нового управляющего – капитана Маркевича.

Парк при военном управлении

Подчинение казенному ведомству оказалось временным, затянувшимся на четыре года. Чиновники долго не могли составить смету парковых расходов, поэтому для поддержания «Софиевки» *«в прежнем изящном виде»* Николай I указал выделять ежегодно до двух тысяч рублей серебром из доходов уманского имения и достаточное количество работников.

За эти годы государственный управляющий решил проблему стабильного и качественного водоснабжения города: весной 1834 года был срезан косогор и проложена грунтовая дорога к парку; воду набирали из специальной будки, расположенной у Главной аллеи (в обновленном виде она существует и ныне).

В апреле 1836 года очередным указом Николай I повелел все конфискованные имения в Киевской и Подольской губерниях передать военному министру. Тот приказом подчинил их генералу Витту и определил Одессу местом расположения созданного управления.

В Умани военное ведомство создало Главную хозяйственную контору имений пяти округов, председателем которой был утвержден генерал-майор Фохт. В июне 1836 года уманское имение (в том числе «Софиевка») «под квитанцию» было принято доверенным лицом генерала – ротмистром Островерховым.

Во время официальных процедур переподчинения в составленной штабс-капитаном Шлихтером смете расходов и в проектных планах впервые появи-

лось новое наименование парка – «Царицын сад». Скорее всего, новым именем граф де Витт, в ущерб памяти о матери, «изъявлял неизменную готовность к услугам вашим покорнейшего слуги вашего» царствующей чете. Теперь оно стало официальным наименованием парка в делах военного министерства.

Военное управление дало Умани порядок и целенаправленное развитие; с этой точки зрения это был лучший период в истории города девятнадцатого века.

Лаврентий Похилевич писал: *«С этого времени город постепенно устраивался по принятому плану. В 1845 году утвержден герб для него, изображающий в верхней половине щита на золотом поле государственный герб, а с нижней, разделенной на две части, в одной козака с пикой, а в другой: пику, косу и серп под уланскою шапкою».*

На содержание «Царицына сада» военное ведомство выделило твердо установленную сумму – более пяти тысяч рублей в год, что позволило в первую очередь укомплектовать постоянный штат парка: главный садовод с окладом 800 рублей в год, его старший и младший помощники, смотритель парка (администратор – он назначался из офицерского состава), мастеровые, постоянная прислуга. Кроме основных работников, весной и осенью из уманского имения на месяц выделялись работники с подводами на уборку и благоустройство парка. В открытой в селе Бабанка кантональной школе для юношей двадцать учащихся специализировались на садоводстве – они регулярно выходили в парк на практические занятия, помогая ухаживать за ним.

За четыре года в парке были выполнены сложные работы по ремонту гидротехнической системы, оранжерей, высадке деревьев; были устроены террасы Муз и Бельвью, смонтированы ворота к большому шлюзу, вымощено шоссе от Нижнего пруда до въездных ворот, устроен шлюз на Нижнем пруду.

В 1841 году на благоустройство парка были выделены дополнительные средства сверх сметы. Это позволило выстроить, на манер китайской, беседку, выложить камнем плотину у Второго пруда, со шлюзом в ней для спуска воды, поставить ворота при въезде в парк со стороны Грекова леса, огородить Зверинец; выстроить перед оранжереей террасу из дикого камня, а также проложить по ней гранитные ступени и устроить при въезде в парк со стороны города водолечебницу.

В те годы родился синоним названию парка – «Чудо Украины». Его использовал Т. Темери в своем «Путеводителе по Софиевке», изданном в 1846 году.

В сентябре 1847 года «Софиевку» посетил Николай I (до этого он дважды бывал в парке – в 1828 и 1830 годах). Он дал указание снести готические ворота у въезда в сад из города и разобрать павильон на острове Второго пруда, построив вместо него новый, в византийском стиле, а также повелел снять и отправить князю Паскевичу в Гомель статуи Костюшко и Понятовского.

Распоряжения царя выполнили. В 1850 году на Кавказской горке была установлена статуя работы В. А. Шервуда, изображавшая сидящую в кресле императрицу Александру Федоровну. В 1852 году по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера были сооружены новые входные башни в парк, павильон на острове Анти-Цирцеи («острове Любви»).

«Царицын сад» тогда служил местом прогулок городской знати. Летними вечерами он иллюминировался, играл военный духовой оркестр, гуляния заканчивались поздними вечерами.

В 1852 году каменный Николаевский собор, построенный в 1810 году на месте древней Николаевской церкви, на торговой площади был достроен боковыми приделами. При соборной церкви в небольшом каменном домике помещалось Уманское духовное правление, его президентом являлся настоятель собора, он же был и смотрителем духовного уездно-приходского училища, основанного в 1818 году.

В том же году в Умань были переселены жители села Полянецкого, занятое ими предместье получило такое же название. Новопоселенцы перенесли в город свою Рождество-Богородичскую церковь.

В 1853 году для училища был выстроен каменный дом – напротив деревянного Михайловского собора, что на Заречье. В 1857 году военно-поселенческим начальством была выстроена каменная Свято-Троицкая церковь с колокольней.

Военное управление городом и парком, давшее им количественный и качественный рост, закончилось в 1859 году: после указа Александра II от 30 марта о передаче парка, в качестве учебной базы, Главному училищу садоводства, располагавшемуся в Одессе.

Парк при Главном училище садоводства

В начале сентября 1859 года училище переехало в Умань. «Царицын сад» получил официальное название «Уманский сад Главного училища садоводства», для него было утверждено отдельное штатное расписание. Александр II, прибыв в Умань 24 сентября, посетил сад Главного училища и остался совершенно доволен увиденным, а вечером того же дня покинул город.

Оценку состояния городской жизни на 1863 год дал Лаврентий Похилевич: *«В настоящее время с закрытием военных поселений, Умань нисходит на степень обыкновенного уездного города. В городе с предместьями, кроме Полянецкого, ныне считается домов до 25 каменных и более 1000 деревянных. Жителей обоого пола: православных 4503, римских католиков 772, лютеран 10, раскольников 10, евреев 6684. Сверх того в городе постоянно квартирует до 100 военных. Торговые обороты Умани довольно значительны, хотя годовых ярмарок не бывает. Товары закупаются в Киеве, Бердичеве и Одессе, куда капиталисты отправляют значительные партии пшеницы и других продуктов, скупаемых в окрестных имениях. Лавок в городе более 200, из коих половина каменные. Есть заводы: кожевенный, два свечных, табачная фабрика, две аптеки, два трактира и столько же гостиниц, 154 питейных дома, продающих до 12000 ведер хлебного вина. Военный госпиталь, в котором пользуются также больные не военного звания, находится в трехэтажном каменном здании, упраздненного в 1832 году базилянского монастыря. В нем также провиантские магазины. Кроме военно-градской полиции, помещающейся в одном доме с городской ратушей или думою и уездных присутственных мест, в городе находятся почти всегда несколько*

штабов или управлений воинских частей. Годовой доход города простирается до 5000 рублей».

Главное училище садоводства, несмотря на скудость средств, поддерживало свою учебную базу в надлежащем состоянии до 1868 года, когда оно было реорганизовано в «училище земледелия и садоводства». К этому времени потребность в специалистах по декоративному садоводству резко уменьшилось, а с изменением после 1878 года учебной программы «Софиевка» для училища превратилась в обузу. Упадок парка усилили ряд очень холодных зим и наводнение 1870 года.

Заметный след в истории «Софиевки» этого периода оставил выпускник Петербургского университета Василий Васильевич Пашкевич, преподававший в училище и заведовавший парком с 1885 по 1892 год. Под его руководством в «Софиевке» был заложен арборетум, известный в дальнейшем как Английский парк, где было собрано великое множество диковинных деревьев и кустарников.

Парк «Софиевка» ощутил на себе потрясения начала двадцатого века. В парке проходили нелегальные митинги с распространением листовок; в 1910 году «садоводы» казнили в Зверинце провокатора из своей среды.

После большевистской революции 1917 года Уманское училище продолжало работать как среднее сельскохозяйственное заведение, а в 1921 году оно было преобразовано в Уманскую высшую сельскохозяйственную школу-техникум. В эти годы техникуму средства на содержание «Сада имени III Интернационала» (так «Софиевка» именовалась с 1923 года) не выделялись. В примерном состоянии его поддерживали студенты и преподаватели на общественных началах, оберегая также от частых порубок (в сентябре 1924 года на Дубинке во время дежурства в парке погиб студент Дмитрий Шевченко).

Запущенность парка потребовала кардинальных решений, и постановлением Совнаркома УССР в 1929 году парк «Софиевка» был объявлен заповедником.

Парк как заповедник

К сожалению, смена подчиненности парку долгое время ничего не давала. Последовала бюрократическая перепасовка – Управление по строительству домов отдыха, Наркомпрос, Наркомзем, Киевский областной комитет по делам искусств, снова Наркомзем, где он числился до 1941 года.

Война нанесла «Софиевке» страшный урон – были разрушены архитектурные и гидротехнические сооружения, погибла коллекция растений. После освобождения Умани весной 1944 года дендрозаповедник возобновил работу, в 1945 году он был передан в Управление по делам архитектуры Совета народных комиссаров УССР и получил официальное название «Уманский государственный заповедник "Софиевка"», в 1955 году парк был переведен в ведение Академии наук УССР, в подчинение ее Ботаническому саду.

К этому времени парк прочно вошел в мою детскую жизнь, став ее составной частью – до окончания школы, когда навсегда покинул город. Никогда не видел парк небурным, неухоженным – им управляют, его облагораживают

прекрасные специалисты паркового дела, настоящие патриоты «украинского чуда».

Живи и дальше расцветай, любимая «Софиевка»!

Волнение былого

По мере ухода лет слабеет осязаемость давнего прошлого – детства в городе, «*тихом, как сон*»⁸²: забываются лица, перемешиваются обстоятельства, теряются детали – «*дух мелочей, прелестных и воздушных*»¹⁵⁹. И одновременно растет желание многословным слогом обожаемого мной русского языка закрепить на бумаге «*все, что память сберечь мне старается*»³⁷, для своих потомков – пока есть время!

Так в каждом деле. Завтра, завтра, завтра, –
А дни ползут, и вот уж в книге жизни
Читаем мы последний слог.

(У. Шекспир)

Вместо послесловия

Нарочито неспешным ходом мысли и карандаша по бумаге пишу эти строки, оттягивая неизбежный момент завершения прекрасного действия сочинительства и подготовки к переизданию моей книги, новыми текстами и фото-иллюстрациями дополненной. «*Миг еще – и нет волшебной сказки, и душа опять полна возможным*»¹⁹⁹.

Пять лет творческой работы, изнурительной и непростой, минули для меня как один день. Писал не техникой – душой. Писал до рассвета и после заката, в выходные дни и в свободные от деловых забот минуты. Писал до полного физического изнеможения, до невероятной мозговой усталости, выкристаллизовывая, раз за разом, из кипы вымаранной на черновики бумаги итоговый вариант каждого предложения.

«*Нет на свете мук сильнее муки слова...*»²⁰⁰ Нервных клеток на искательство словесного лада положил немало, но и авторское самолюбие удовлетворял не раз и в полной мере. Радовался несказанно, когда, как мне казалось, находил гармоническое сопряжение сюжетного замысла с формой и стилем его литературного воплощения и добивался от каждой писанной фразы мне желанных емкости мысли, ритма и благозвучия.

Слова умеют плакать и смеяться,
Приказывать, молить и заклинать,
И, словно сердце, кровью обливаться,
И равнодушно холодом дышать²⁰¹.

Снимки портретов членов семьи Потоцких взяты из книги Ежи Лоека «Прекрасная битинка».

Движение к заданной писательской цели не было равномерно-поступательным, были в нем приливы и отливы, были моменты-часы стремительного вдохновения, когда писалось на легком и быстром дыхании, были дни-недели творческого застоя, когда тускнело воображение и не находились нужные слова.

На темп и полнокровие процесса написания книги влияли психофизическое состояние и душевный настрой, его стимулировали уют и покой моего загородного дома, дух и буква в нем находящейся библиотеки. В тиши кабинета, под потолок упакованных книг, тексты мои получали особую теплоту и искренность. Перебирая четки лет, выписал в них (точнее – из сердца источил) самые задушевные разделы своих воспоминаний: о милой маме, ее чистом и светлом образе; о чуде первой любви к девчонке с синего бархата глазами; о верном друге студенческой юности, безвременно из жизни ушедшем; о любви запоздалой, в жизни моей просиявшей...

Возраст, поздний старт литературного труда заложили в мое изложение значительную минорность, придали ему эмоциональность в оценках событий, стремительность в проявлении чувств и не раз становились причиной отвлеченных размышлений на общечеловеческие темы.

Случалось, оторвавшись от бумаг, всматривался через окно в переменчивый облик своего сада – то цветущего, то плодоносящего, то опадающего, то замирающего, но во время вешнее возрождающегося – и мудрствовал подолгу о человеческой жизни, лишенной природной цикличности и обновления, о жестокости непознанного и загадочного времени, пресекающего своей быстротечностью земное бытие каждого из нас. Мудрствовал о значимости созидательного интеллектуального труда, утвердившего меня в самоуважении, подарившего мне замечательные для возраста седины ощущения личной независимости, востребованности, активной жизненной позиции, давшего мне возможность оценить свое прошлое и настоящее в философическом духе Канта: *«Единственное средство быть довольным своей судьбой – заполнить ее деятельностью. Впрочем, полное удовлетворение невозможно, и в этом тоже есть глубокий смысл»*.

О будущем, о новой книге не говорю – время покажет. А пока – с грустью и сожалением подвожу черту под своим первым опытом литературной работы.

Милая жизнь! Протеканье времен,
медленное угасанье сада.
Вот уж ничем я не обременен.
Сказано слово, дописана сага²⁰².

Киев – Новоселки, июнь 2008 г.

**Перечень
цитируемых авторов, произведений, источников
(упрощенный)**

1. А. К. Толстой, «Ты помнишь ли, Мария...».
2. Марина Цветаева, Бабушке.
3. С. Я. Надсон, Мать.
4. Иннокентий Анненский, «Сила господняя с нами...».
5. Иннокентий Анненский, Кошмары.
6. Н. А. Некрасов, Саша.
7. В. И. Даль, Толковый словарь великорусского языка, слово «мать».
8. А. А. Блок, Незнакомка.
9. Максимилиан Волошин, венок сонетов «Corona astralis».
10. А. А. Фет, «В душе, измученной годами...».
11. Книга Екклесиаста.
12. С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, М., 1959.
13. А. А. Блок, Седое утро.
14. Леонид Дербенев, слова песни «Куда уходит детство...».
15. Н. А. Маркевич, «Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиян», Киев, 1860.
16. Лаврентий Похилевич, Сказания о населенных местностях Киевской губернии, Киев, 1864.
17. Русская народная песня «Чайка».
18. Украинская народная песня «Ой дівчина, шумить гай...».
19. А. А. Блок, В ресторане.
20. М. Ю. Лермонтов, Бородино.
21. Василий Татищев, История Российская, М., 2003.
22. А. А. Блок, «О доблестях, о подвигах, о славе...».
23. Уильям Шекспир, Гамлет. Принц Датский.
24. А. С. Пушкин, Демон.
25. Д. И. Яворницкий, История запорожских козаков, Киев, 1990.
26. Всемирная история, том IV, М., 1955.
27. В. Я. Брюсов, Баллада воспоминаний.
28. Николай Стефанович, «Мы прятались...».
29. Сергей Городецкий, «В лунном свете...».
30. Т. Г. Шевченко, Кобзарь.
31. В. Смолій, В. Степанков, Богдан Хмельницький, Київ, 2003.
32. Джордж Байрон, Дон-Жуан.
33. Н. И. Костомаров, Руина, М.: «Чарли», 1995.
34. А. Я. Ефименко, История украинского народа, Киев, 1990.
35. Шота Руставели, Витязь в тигровой шкуре.
36. Константин Бальмонт, На рубеже.
37. А. А. Блок, стихотворение из цикла «Через двенадцать лет».
38. Борис Корнилов, Одиночество.
39. Н. И. Костомаров, «Мазепа», М.: «Чарли», 1995.
40. Валерій Войтович, «Українська міфологія», Київ, 2002.
41. Н. И. Костомаров, «Старый спор», М.: «Чарли», 1995.

42. Константин Бальмонт, Ранним утром.
43. С. Я. Маршак, В начале жизни.
44. В. Я. Брюсов, из цикла «Элегии».
45. А. А. Блок, «Все это было, было...».
46. Александр Иванов, Пародии.
47. Уильям Шекспир, Антоний и Клеопатра.
48. Фраза Наполеона.
49. Цитата из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».
50. А. С. Пушкин, поэма «Полтава».
51. П. И. Мельников (Андрей Печерский), Княжна Тараканова и принцесса Волдомирская.
52. Игорь Сельвинский, «Запах... Вдыхаю невольно...».
53. Евгений Тарасов, Старый дом.
54. Саймон Монтефиоре, Потемкин, М., 2003.
55. Г. Р. Державин, «Гром победы, раздавайся...».
56. Олег Михайлов, Державин, серия «ЖЗЛ», М., 1977.
57. Иннокентий Анненский, Дети.
58. Ежи Лоек, Історія прекрасної бітинки, Київ, 2005.
59. В. А. Маркин, Магнатские поместья Правобережной Украины второй половины XVIII века, КГУ, 1961.
60. А. С. Пушкин, Борис Годунов.
61. Леонид Резник, слова песни «Три счастливых дня...».
62. И. А. Бунин, «Ранний, чуть видный рассвет...».
63. Выражение из церковно-славянского текста Библии.
64. Арсений Тарковский, «Свиданий наших каждое мгновенье...».
65. Шандор Петефи, Любимая.
66. Марина Цветаева, Чародей.
67. А. С. Грибоедов, Горе от ума.
68. А. Майков, Параша.
69. А. С. Пушкин, «В начале жизни школу помню я...».
70. Павел Антокольский «Ингерманландия...».
71. Шарль Бодлер, Кошка.
72. А. С. Пушкин, Евгений Онегин.
73. С. А. Софронов, «Это было давно...».
74. Д. Диуров, слова песни «Пройди по тихим школьным этажам...».
75. С. Я. Надсон, «Умерла моя Муза...».
76. Лев Гумилев, Древняя Русь и Великая Степь, М., 1993.
77. В. Я. Брюсов, «В дни отрочества...».
78. И. С. Косенко, Г. Е. Храбан, В. Ф. Гарбуз, Дендрологический парк «Софиевка», Киев, 1990.
79. Вадим Шефнер, «Старый дом...».
80. Генрих Гейне, «Юность кончена...».
81. А. Низовский, слова песни «Приметы каждой осени просты...».
82. Р. Джилкинсон, слова песни «Город детства».
83. Поль Элюар, «В глубине ее тела...».
84. С. Я. Маршак, «Все то, чего коснется человек...».
85. Б. Ш. Окуджава, слова песни «Ночь белая».
86. В. С. Высоцкий, слова песни «Ой, что было вчера...».

87. Константин Бальмонт, «Я – изысканность русской медлительной речи...».
88. Н. А. Некрасов, Современники.
89. Нина Альтовская, Минутка.
90. Майя Борисова, Ленинград.
91. Алексей Фатьянов, слова песни «Наш город».
92. Феликс Чуев, «Я люблю Ленинград...».
93. В. В. Маяковский, Ленин.
94. Степан Руданський, «Повій вітре на Україну...».
95. Уильям Шекспир, Юлий Цезарь.
96. Гийом Аполлинер, «Моя молодость брошена в ров...».
97. Борис Корнилов, Качка в Каспийском море.
98. А. А. Блок, «Ты помнишь? В нашей бухте сонной...».
99. Н. А. Заболоцкий, «Меркнут знаки Зодиака...», перефразировка.
100. П. А. Вяземский, К В. А. Жуковскому.
101. Н. А. Синдаловский, Петербург, СПб, 2003.
102. А. А. Блок, «Повеселясь на буйном пире...».
103. В. В. Маяковский, «Послушайте!..».
104. А. С. Пушкин, Арион.
105. Павел Коган, слова песни «Бригантина».
106. В. Я. Брюсов, Тени прошлого.
107. И. А. Бунин, «Счастливых, радостных, смущенных...».
108. Д. Сухарев, слова песни «Альма-матер».
109. Б. Ш. Окуджава, слова песни «Чем дальше живем мы...».
110. А. С. Пушкин, Руслан и Людмила.
111. Юрий Сабанцев, «Известия» от 25.05.2004.
112. Андрей Вознесенский, «О, упоенье оккупанта...».
113. Юрий Визбор, слова песни «Сереге».
114. Н. А. Некрасов, Тишина.
115. А. С. Пушкин, Песнь о вещем Олеге.
116. В. И. Даль, Толковый словарь великорусского языка, слово «мудрость».
117. А. С. Пушкин, «Блажен, кто посетил сей мир...».
118. Песнь о нибелунгах.
119. Н. А. Некрасов, Детство.
120. Анна Ахматова, «Древний город словно вымер...».
121. В. Я. Брюсов, из цикла «Часы дней».
122. А. С. Пушкин, «Служенье муз...».
123. А. С. Пушкин, «Безумных лет угасшее веселье...».
124. Андрей Вознесенский, «Тишины хочу...».
125. Генри Лонгфелло, Песнь о Гайавате.
126. Слово о полку Игореве, пер. Н. А. Заболоцкого.
127. Александр Коваленко, «Случалось ли вам...».
128. Максим Соколов, «Известия».
129. Иннокентий Анненский, «Среди миров...».
130. Гийом Аполлинер, Прощальные стихи.
131. М. Ю. Лермонтов, Тучи.
132. А. С. Пушкин, «Была пора...».
133. Ф. И. Тютчев, «На древе человеческого высоком...».
134. И. А. Бунин, «Синие обои полиняли...».

135. Анна Ахматова, «Он награжден каким-то вечным детством...».
136. Н. А. Некрасов, Извозчик.
137. С. Я. Маршак, Дураки.
138. А. С. Пушкин, Воспоминания в Царском Селе.
139. Андрей Вознесенский, «Даже если как исключенье...».
140. А. А. Блок, «Повеселясь на буйном пире...».
141. А. Н. Апухтин, «Ночи безумные...».
142. Марина Цветаева, «Как правая и левая рука...».
143. К. Н. Батюшков, «О, память сердца...».
144. Анна Ахматова, «Когда погребают эпоху...».
145. Цитата из книги Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле».
146. Андрей Вознесенский, «Нам как аппендицит...».
147. Максим Соколов, «Известия» от 22.02.2003.
148. Н. А. Некрасов, Песня преступников.
149. Н. А. Некрасов, «В столице шум...».
150. Уильям Шекспир, Король Лир.
151. Сергей Городецкий, «Что же ты, Русь нерадивая...».
152. Аветик Исаакян, Сонет к форме.
153. Н. А. Некрасов, «С детства никем не запуган...».
154. Н. А. Некрасов, Железная дорога.
155. Михаил Жванецкий, эстрадная миниатюра.
156. В. С. Елистратов, Словарь русского арго, М., 2000.
157. А. С. Пушкин, История Пугачева.
158. Михаил Кузмин, «Дух мелочей...».
159. А. И. Куприн, Яма.
160. Выражение, приписываемое английскому писателю Джонсону (1709–1784).
161. Евангелическое выражение – о человеке, резко меняющем свои убеждения.
162. Выражение из церковно-славянского текста Евангелия.
163. Слова героя фильма «Белое солнце пустыни».
164. Выражение героя произведения Максима Горького.
165. Русская народная песня «Помню, я еще молодухой была...».
166. М. Н. Загоскин, либретто к опере «Аскольдова могила».
167. Проф. А. М. Михайлов, участник разработки Программы КПСС.
168. Л. А. Мей, «Пробки взлетевшей...».
169. Ф. И. Тютчев, «Кончен пир...».
170. Фраза Фаины Раневской.
171. В. В. Маяковский, «Товарищу Нетте...».
172. Песня из кинофильма «Хроники уголовного розыска».
173. Роберт Рождественский, «Читал я от заката до рассвета...».
174. Д. Кедрин, «Все мне мерещится...».
175. Игорь Тальков. «Чистые пруды».
176. Анна Ахматова, «Как белый камень...».
177. Ник. Лавров, «Он не мог быть без той...».
178. Ник. Доризо, «Ты надела праздничное платье...».
179. А. Кочетков, Баллада о прокуренном вагоне.
180. Леонид Андреев, Жизни человека.

181. Семен Гудзенко, «Будь проклят сорок первый год...».
182. Юрий Визбор, «А начиналось дело вот как...».
183. Оноре де Бальзак, «Комедианты неведомо для себя».
184. Е. Винокуров, «В полях за Вислой сонной...».
185. Роза Ченборисова, «Люди идут по свету...».
186. А. Блок, Клеопатра.
187. Слова песни «Уродцы», авторство приписывается И. Бродскому.
188. С. Я. Маршак, «Лукавое время...».
189. Роберт Рождественский, Память.
190. Мих. Куклин, Ленинградская музыка.
191. Ольга Берггольц, Ленинградцу.
192. А. Городницкий, «А прежнего города нет...».
193. Мих. Светлов, Гренада.
194. Мих. Анчаров, «Между пальцами года...».
195. Борис Пастернак, «Во всем мне хочется дойти...».
196. Иосиф Уткин, «Мы любим дом...».
197. Е. Евтушенко. «Идут белые снега...».
198. Булат Окуджава, «Среди стерни и незабудок...».
199. А. Фет, «Миг еще...».
200. С. М. Надсон, «Нет на свете мук сильнее муки слова...».
201. Я. Козловский, «Слова умеют плакать и смеяться...».
202. Давид Самойлов, «Милая жизнь!..».
203. У. Шекспир, Антоний и Клеопатра.

Содержание

От автора	3
О книге и её авторе	4
Цикл «МИРАЖИ ДЕТСТВА»	
Мама	7
Годы изначальные	12
Возвращение к истокам	13
Паника	15
Первый заплыв	18
Война – ерунда, главное – маневры	21
Первая затяжка	22
Схватка в лесу	23
Неудача как стимул	24
Дальний поход	26
Велосипед	27
Хлестаков	28
Первая симпатия	29
Мудрость учителя	31
И вновь хочется вернуться	32
Детство – не могу не сравнить!	35
Первые беды	37
Не в деньгах счастье	39
О вреде сладкого	42
Кличка	46
Отчаянное сальто	48
Настоящий учитель	52
Детские картинки	57
О силе в воспитании	63
Моя звездочка	66
Мой идол	69
Моя Муза	72
Неудачный финт	78
Футбол моего детства	83
Мои спортивные университеты	84
Страсти футбольные	88
Moralite	94
Школьная любовь	95
Отец	103
Отцовские воспоминания	104
Страшная месть	107
Страх и трусость	109
Прощай, школа!	110
	405

Цикл «ЛЕНИНГРАД, ЛЭТИ, ШЕСТИДЕСЯТЫЕ»	
Любовь моя — Ленинград	115
Лиха беда начало	116
Квартира на улице Достоевского	120
Неудачная операция	124
Пессимист Лузин	125
Оптимист Попов	126
Профессор Пиковский	131
Доцент Дубинин	133
Ленинград — не Петербург	134
Планета «Целина»	136
Картошка по-студенчески	143
Чтобы помнили!	151
Сухой закон и сексопатология	152
Как мы иностранцев не приняли	153
Как друг мне службу облегчил	155
Наша песня	158
Географические особенности защиты диссертаций	161
Общежитие на Муринском	163
Как Боб Юсим бургеров осадил	164
Как Боб Гохштейн интернациональный долг исполнял	166
Любовь и качество	167
О, карнавал!	169
Веселые годы, счастливые дни	174
Путешествие из Москвы в Ленинград	178
Ты — в сердце, ЛЭТИ!	182
Мне грустно...	188
Цикл «ЖИЗНИ ДОСТОЙНЫЕ ГОДЫ»	
Как я в армии служил	201
Дебют	201
Майор Нёма и его хозяйство	202
Ворошиловский стрелок	208
Романтическая история	208
Микромайор Драбкин	209
Первый концерт	210
Второй концерт	211
Киев, пусконаладочное управление, участок номер шесть	213
Хорошее начало полдела откачало	217
Рачитель и Поэт	220
Ларина как символ эпохи	224
«О подвигах, о доблести, о славе...»	227
Лошадь-алкоголик	227
Помощь высших сил	235
Две стыковки	235
База «Родники»	237

Фам фаталь	242
Мой друг Пономарев	245
Владимир Иванович Кононов	249
Чудотворец Грибанов	252
Прощай, молодость!	255
Хороша страна Болгария	257
Торговый представитель Дьяков	257
О выгоде знания иностранного языка	263
О правилах хорошего поведения	264
Вениамин Александров	267
Ревизор	273
Последний год	275
Народный целитель	277
Подарок судьбы	281
Мои друзья – мое богатство	284
Дружище Арчибальд	296
Мишкины истории	299
Таня	300
Не могу молчать!	307
Пять лет спустя	
О моем Отечестве – России	319
О моей Родине – Украине	322
Цикл «АБРИСЫ ИСТОРИИ»	
Город моего детства – Умань	333
Абрис истории – пролог	333
Абрис истории – первый	335
Абрис истории – второй	341
Абрис истории – третий	349
Парк моего детства – «Софиевка»	359
Абрис истории – польская трагедия (акт первый)	361
Абрис истории – польская трагедия (акты второй и третий)	366
Абрис истории – София, восхождение	371
Часть первая. Лиха беда начало	374
Часть вторая. Лови момент	376
Абрис истории – София и Потоцкий	378
Абрис истории – семья Потоцких, финал	381
Абрис истории – счастливый парк	386
Парк при Потоцких	387
Парк при военном управлении	394
Парк при Главном училище садоводства	396
Парк как заповедник	397
Волнение былого	398
Вместо послесловия	398
Перечень цитируемых авторов, произведений, источников	400
	407

Головцов Александр Леонтьевич

Праздник жизни – молодости годы
(сочинение на заданную тему)

Литературный редактор: *Е. Ю. Орбец*

Технический редактор: *Т. А. Парфеева*

Компьютерная верстка: *Н. М. Сараева*

Оформление обложки: *С. А. Головцов*

Издательство Петербургского института
ядерной физики им. Б. П. Константинова РАН

Издательская лицензия ЛР № 020735

Отпечатано в типографии ПИЯФ РАН
188300, Гатчина Ленинградской обл., Орлова роща
Зак. 449, тир. 200, уч.-изд. л. 26; 11.12.2006 г.
Формат 60x84 1/16, печать офсетная